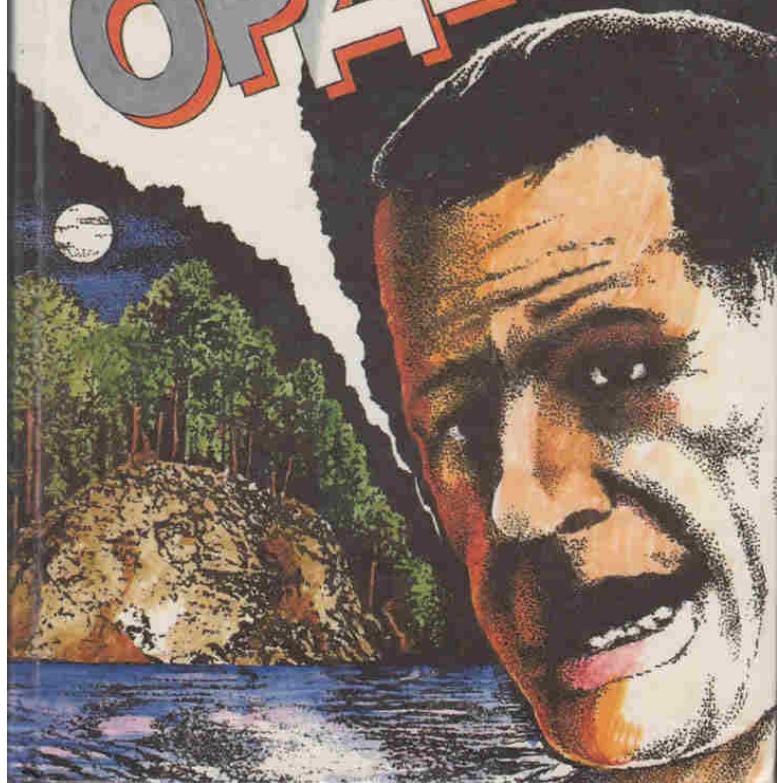

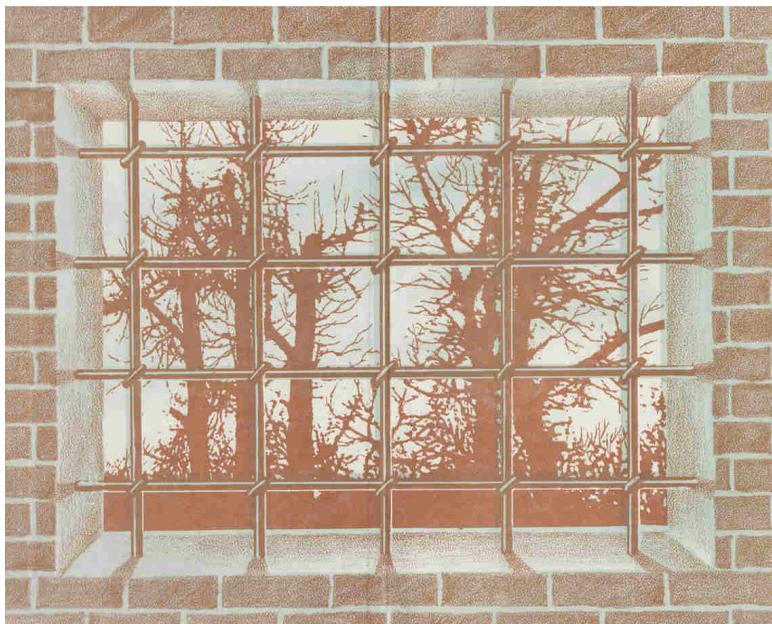
ВИТАЛИЙ
ЕРЕМИН

ВОРОВСКОЙ ОРДЕН

Виталий Ерёмин

Воровской орден

Москва
«Известия»,
1995

ББК 84(2Рос=Рус)6
Е73

Художник И. СУСЛОВ

Ерёмин В.А.
Е73 Воровской орден – М.: Известия, 1995, – 335 с. – ил.
ISBN 5-206-00464-2

В этой книге собраны захватывающие истории о наиболее колоритных преступниках нашего времени. Супербандит Мадув и суперманьяк Головкин, изощрённые насильники и убийцы, особо опасные рецидивистки и «воры в законе» рождены не фантазией автора, а, увы, существующей реальностью.

Заключительный раздел книги посвящён интригующему весь мир «снежному человеку», истории специальной экспедиции, организованной журналистами и учёными.

4702010201-003 3-95
074(02)95

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 5-206-00464-2

© В. Ерёмин, 1995

© Оформление. Издательство
«Известия», 1995

РАЗРЯДЫ
УБИЙЦ

ЖЕНЩИНА И СТАЯ

ОН РЕШИЛ БИТЬ ПЕРВЫМ

На берегу реки были двое. Мужчина средних лет (Чичков) и молодая женщина (Андреева). Про таких говорят: некрасивая, но хорошенькая. Они только что приехали па «Жигулях». И едва пригубили шампанское, как из леса вышли трое мужчин. Багров, Ходяков и Веселов.

Мужчина опытный, Чичков пошёл навстречу этим троице. Они были навеселе. И им, как и следовало ожидать, понадобились спички. Пока прикуривали, пригляделись к машине: почти новая. Пощупали глазами Андрееву, и у них, наверное, потекли слюнки. Пошли как бы своей дорогой, но было ясно — они вернутся!

— Давай уедем,— предложила Андреева.

Надо было послушать женщину. В конце концов, они были знакомы давно. У неё были случаи убедиться, что Чичков не из робкого десятка. И он мог не опасаться, что, проявив благоразумие, упадёт в её глазах. Но такое поведение, как его ни оправдывай, было бы, по его мнению, всё-таки бегством.

Надо, видимо, учесть, что в машине у Чичкова был спрятан газовый пистолет, в кармане была портативная американская дубинка с вылетающим на пружине металлическим наконечником. Ну что ещё нужно, чтобы защититься?

— Не волнуйся, справлюсь,— сказал Андреевой Чичков, решив в случае чего бить первым.

А теперь я представляю читателю действующих лиц.

Андреева — 27 лет, инженер кооператива. Незамужняя.

Чичков — 36 лет, инженер совместного предприятия. Состоит во втором браке. Имеет годовалого ребёнка.

Багров — 29 лет. Шофёр-экспедитор грузового мотороллера. Отец двух дочерей. Судим за совершение аварии.

Веселов (друг детства Багрова) — 28 лет. Заместитель директора малого предприятия. Женат. Имеет дочь.

Ходяков — 39 лет. Столяр кооператива. Женат. Имеет двоих детей. Ещё несовершеннолетним был судим за изнасилование. Отбыл шесть лет.

Почти все (и преступник, и потерпевшие), как видим представители нарождающегося бизнеса. Никуда не деться: эта тенденция нарастает. Вот и в астраханской областной прокуратуре подметили: одних только убийств, совершаемых кооператорами, выросло за десять месяцев прошлого года на 33 процента, хотя общее число убийств сократилось на 15 процентов.

Ну и пусть эти кооперативы глушат друг друга, так им и надо, нам-то до них какое дело? Так считают сегодня многие. Точка зрения, мягко говоря, не очень человеческая. И неверная по существу. Чем больше угрозиск загружен такого рода преступлениями, тем меньше у него остаётся времени для того, чтобы защищать жизнь, здоровье и имущество людей, далёких от бизнеса. Да и откуда, как не из кармана своих граждан, государство берёт деньги на ведение розыска, содержание преступников под следствием, ведение следствия, а затем и судебного разбирательства? Каждое преступление делает государство (а следовательно, всех нас) на сколько-то беднее.

...Пройдя шагов пятьдесят, они повернули назад. Багров и Ходяков шли прямо на Чичкова, а Веселов, самый здоровый, заходил сзади.

Как показывают материалы следствия, именно он, вроде бы солидный человек, подобрался и, пока Чичков отбивался дубинкой от Багрова, пырнул его сзади складным ножом.

Потом они в свалке задрали Чичкову на голову свитер и стали пинать. Багров сел ему на грудь, сдавил локтем горло. «Только не убивайте!» — прохрипел Чичков. «Ну уж х...», — выругался Багров и нанёс пять ударов ножом. Бил с такой силой, что лезвие сломалось.

В ужасе Андреева заскочила в машину и надавила на клаксон. Но вокруг не было ни души.

А в машину уже врывался Ходяков.

— Ради бога, ничего не делайте со мной! — зарыдала Андреева.

— Ну это ты брось,— процедил Ходяков.

Андреева как могла отбивалась от него.

Через несколько минут Веселов сел за руль. Багров весь почему-то мокрый, плюхнулся на заднее сиденье рядом с Ходяковым. А Чичкова уже нигде не было.

На другой день сотрудники уголовного розыска ощупали на берегу каждый сантиметр земли. Прощупали сетями всю прибрежную заводь. На мелководье лежала утонувшая корова. Её перевернули. Под ней всё ощупали баграми. Вели поиски с вертолѐта. Всё без толку. Тело Чичкова как сквозь землю провалилось.

Оно будет найдено неделю спустя. Способ сокрытия потрясѐт самых закалённых розыскников и войдѐт, наверное, во все учебники криминалистики. Тело Чичкова было запихано в раздувшееся чрево затонувшей коровы.

Он не сделал своим убийцам ничего дурного. Не сказал им ни одного плохого слова. Он только поступил так, как у нас призывают поступать — не трусить, не пятиться перед мерзавцами, а если есть возможность, наносить упреждающий удар. Он всё сделал правильно. Почему же так плохо кончил?

Такой же вопрос мы задавали друг другу после убийства Игоря Талькова. А ведь певец применил куда более надёжное средство — газовый пистолет. Можно привести ещё немало случаев, когда эти штуковины только усугубили положение защищающейся стороны и послужили удобным поводом для убийства.

Спецсредства помогают, когда нападает один, максимум двое. Когда же их больше... Ну уложили вы одного или двоих. А третий выбил у вас из рук баллончик с газом или газовый пистолет. А первые очухались. Снова их трое! Вот и конец. Но теперь уже не только вам, но и тем, кто находился под вашей защитой.

ОНА СТАЛА ИХ ДОБЫЧЕЙ

— Куда вы меня везѐте? — рыдала Андреева.

— Тихо! — цыкнул Веселов.

Неожиданно на дороге появился трактор. Андреева сделала глубокий вдох. Она готовилась закричать. Но

Ходяков схватил её сзади за волосы, намотал их на кулак.

Здесь я сделаю попытку понять, зачем эти трое решили напасть на Чичкова. Версия первая: они решили завладеть машиной, разобрать её на запчасти и выгодно продать. Версия вторая: они решили завладеть не только машиной, но и миловидной женщиной. У Ходякова, как мы знаем, был на этот счёт кое-какой опыт. Однажды насильник — всегда насильник. Нужен только удобный случай и хоть какая-то надежда на безнаказанность. Судя по дальнейшим его действиям, Веселов тоже смотрел на Андрееву как на добычу.

Но Багров почувствовал, что имеет на неё больше прав. Именно он нанёс Чичкову смертельные удары. А значит, он и должен был, по его разумению, решать, что делать с единственной свидетельницей, которая могла подвести его под расстрел.

Подъехали к реке. Багров и Веселов смыли с рук кровь. Допили шампанское. Залезли в багажник, нашли там ещё две бутылки. Выпили.

— Ты мне сразу понравилась,— сказал Андреевой Багров.— Хочешь, завтра пойдём в ресторан? А хочешь, я на тебе женюсь?

Поразительно, но эти слова не были пьяным кривлянием.

«Она должна нас успокоить»,— сказал Ходяков. Веселов молчал, но всем видом показывал, что он на стороне Ходякова. Багров должен был сделать выбор между «любовью с первого взгляда» и своими представлениями о мужской дружбе. Распивается же бутылка (прямо из горла) целой компанией мужиков. Почему нельзя примерно так же «употребить» одну женщину?

Багров подумал, вздохнул и сказал Андреевой: «В таком случае тебе придётся успокоить нас всех».

Андреева понимала, что единственная надежда выжить — тянуть время, искать к стае подонков какой-то подход и ни в коем случае не злиться.

Гадко, мерзко, но другого выхода у неё не было. Она их «успокоила». После этого Веселов предложил Багрову выйти из машины. Сопровождение было бурным. Андреева поняла: решается, жить ей или не жить. Веселов явно требовал её смерти. «Моё слово — нет!»— сказал Багров.

Только что он жаловался на импотенцию и требовал,

чтобы она «успокоила» его в противоестественной форме. И она делала это, догадываясь, что именно он, Багров, убил Чичкова. Как не сообразить, если Веселов прямо сказал, что у него лоб в зелёнке. Но стоило убице и насильнику заявить, что ей, свидетельнице, надо сохранить жизнь, как она стала видеть в нём спасителя.

Багров вывел из леса грузовой мотороллер. «Я с тобой!» — вцепилась в него Андреева. Багров открыл будку: «Ладно. Залезай!» Андреева понимала: самый простой способ избавиться от неё — утопить мотороллер вместе с ней. Но ехать в «Жигулях» с теми, кто требовал её смерти, она тоже не могла. Она не знала, что делать. «Не трясись. Никогда не трясись за свою жизнь! Она ничего не стоит»,— воспитывал её Багров. Андреева залезла в будку.

На окраине Астрахани ей велели пересесть в машину. В пути Ходяков и Веселов пришли к выводу, что совершают большую ошибку, оставляя ей жизнь. Но прежде Андреева должна была снова доставить им мужские радости.

Они снова делали с ней всё, что хотели. Всё, что подсказывала им их скотская фантазия.

СТАЯ

...Потом Багров дал Андреевой 50 рублей на такси, назначил свидание и укатил на своём мотороллере. А Ходяков и Веселов повезли её в город. Ехали по самым тёмным и безлюдным улицам. Сидя на переднем сиденье, Андреева услышала, как Ходяков сзади рвёт какую-то ткань. «Сейчас будет душить»,— подумала она. Втянула голову в плечи, прижала подбородок к груди. Она не ошиблась. Ходяков набросил на шею удавку. Андреева билась, сдавленно умоляла пожалеть её. «Тише, тише!» — успокаивал её Веселов.

По словам жены, учительницы по профессии, Веселов любил читать статьи о преступлениях и часто возмущался: «Откуда в людях такая жестокость?!» Дочь пальцем не трогал. Не повышал голоса на ребят, когда работал в ПТУ мастером производственного обучения. Если верить этим отзывам, именно он должен был предотвратить нападение на Андрееву. А он нанёс удар первым, насиловал женщину, а затем настойчиво требовал избавиться от неё.

«Трезвенником его не назовёшь,— вслух размышляла потом жена Веселова.— Но и до чёртиков никогда не напивался. Парень крепкий, но никогда не хулиганил. Двуличный? Но за семь лет совместной жизни можно было бы понять...» Жена терялась в догадках: как муж мог активно участвовать в грязном, жестоком преступлении?

Я взял и спросил Веселова об этом прямо. Всё-таки уже полгода под следствием. Было время понять себя. «Давайте подождём суда»,— спокойно сказал Веселов.

Он подобрался сзади и ударил ножом, потому что так было проще лишить Чичкова способности к сопротивлению.

Его удар не был смертельным, ему не грозил расстрел, но он считал просто неразумным оставлять свидетельнице жизнь.

Багров предлагал утопить машину. Веселов не согласился: «Если нас найдут, придётся платить большой иск».

Он не стал скандалить с Багровым. Пообещал отпустить Андрееву, но, как только тот уехал, решил сделать по-своему. Вот и её он ни разу не ударил, ни разу не повысил голоса. И сейчас, повторяю, очень спокойно советовал ей вести себя потише, не сопротивляться Ходякову.

Следствие так и не разгадало, с какой целью они поехали за город. Разные строились версии. За шампиньонами? Но почему на троих был всего один нож? За коноплём? Но в это время года (в начале мая) конопля ещё не поспевает. За рыбой? Но почему не было снастей? Ладно, пусть поехали для того, чтобы распить бутылочку и подышать весенним воздухом. Но откуда такие разбойные страсти?

Прежде чем ответить на этот вопрос, нужно сказать, что их объединяло. Общее место работы, совместные выпивки, общие проблемы (например, где достать запчасти для своих машин) и крахи и автомашин с последующей их разукomплектовкой.

Их объединяло также то, что они были в школе неформальными лидерами, чей авторитет обычно держится на мате, кулаке и умении держаться стайей. Они годами привыкли внушать сверстникам страх и принимать этот страх за уважение. Годами привыкли чувствовать себя выше других. И привыкли.

Взрослая жизнь потребовала совсем других качеств. Л у них не было ни прочных знаний, которые позволили бы им продолжить образование, ни трудолюбия, которое вырабатывается в учебном труде. Бывшая школьная шпана, они стали шпаной взрослой. Но с теми же претензиями, тем же самомнением, с той же психологией. Каждый в отдельности вроде человек, вместе — звериная стая.

...Хрупкая женщина отчаянно боролась за свою жизнь. И ткань не выдержала — порвалась. «Значит, не судьба», — тяжело дыша, сказал Ходяков. Андреева снова стала умолять их сжалиться. Назвала свой домашний телефон и обещала «молчать как рыба».

Подъехали к таксофону, позвонили, проверили номер, убедились, что она не обманула, пригрозили, что, если заявит, достанут её из-под земли, и отпустили. Неслыханно, но это так. Убийца и соучастники убийства пощадили единственного свидетеля.

Почему?

Сострадание отпадает, ибо требует выхода за пределы эгоизма, страха за свою жизнь. Поверили на слово? Тоже несерьёзно. Такие люди не верят даже друг другу.

Багров не хотел убивать, потому что надеялся ещё не раз пользоваться телом Андреевой, рассчитывая на её благодарность.

Ходяков, если вспомнить его биографию, был горазд понаильничать. А вот убить...

И тем более не хотел брать на себя «мокрое дело» Веселов. Нажать на другого, обделав чужими руками — это он был горазд. Сам — не решился.

Они просто выдохлись. Исчерпали ресурсы зверства.

Сейчас они, конечно, волосы на себе рвут: зачем поверили, что она будет молчать? Они ещё не понимают, что сохранив Андреевой жизнь, себе же сохранили шанс избежать расстрела.

У них, конечно, свой ход мысли: если бы не Андреева, их бы не нашли. Ну что ж, мне уже приходилось писать, что неотвратимость возмездия — явление почти мистическое. Даже в тех случаях, когда следы преступления обнаруживаются как бы случайно, в этом есть своя неслучайность.

Спустя несколько дней на то страшное место пришли

дети, нашли сломанное лезвие ножа, ключи, часы одного из преступников, свитер убитого. И обнаружили то, что безуспешно искала милиция, труп Чичкова.

ВЫРОЖДЕНИЕ

Мы сидим с Андреевой у неё дома. Я понимаю, что каждый мой вопрос причиняет ей боль. Её отец стоит за дверью. Я слышу его дыхание. Те трое давно под замком. Но страх не проходит ни у Андреевой, ни у её родителей, хотя, казалось бы, они отбоялись на всю оставшуюся жизнь в ту ночь, когда она пришла домой, истерзанная до последней степени. В самые страшные минуты Андреева знала, что обязательно пойдёт и заявит. «Только бы остаться живой»,— твердила она про себя, запоминая приметы убийц и всё, что они вытворяли.

Она помогла найти убийц. Она поможет доказать их вину на суде. В течение минимум десяти лет они не будут представлять опасности для общества. Как же общество рассчитается с ней за эту помощь?

Криминолог начала века Д. Дриль писал: «Если общество не сумело предотвратить преступления, то на нём лежит обязанность вознаградить невинно потерпевшего. Такое вознаграждение было бы не только актом справедливости по отношению к последнему, но и лучшей мерой предупреждения, потому что тяжесть преступления чувствовалась бы тогда не индивидуально только его жертвой, а коллективно и солидарно всеми гражданами, которые поэтому живо были бы заинтересованы предупреждать преступления и главную их причину — вырождение народа!»

Не будет Андреевой никакого вознаграждения за всё, что она вынесла. Ни материального, ни даже морального. Будет как бы продолжение тех терзаний, которые она претерпела. Сколько сил потребует одно только судебное разбирательство с (как и во время дачи показаний) изложением происшедшего в мельчайших подробностях. Уже сейчас, когда казалось бы, должна соблюдаться тайна следствия, десятки людей знают, что с ней случилось, и... смеются чуть ли не в глаза. Если б только мужчины... Женщины — тоже.

Если действия насильников не вызывают у людей отвращения, то что же это за люди?! Если таких людей

среди нас множество, что же мы за народ? Не могу понять, почему изнасилование считается у нас только преступлением против личности. Это ещё и преступление против нации! Против чужой, против своей — всё едино. Против своей даже ужаснее. Когда совершается покушение на достоинство женщины другой нации — это оскорбление той нации. Когда же вот так уничтожается достоинство женщин своей нации — это признак вырождения.

«Иду теперь по городу,— говорила мне Андреева,— смотрю на лица мужчин и вижу: вот этот может сделать то же самое. И этот. И этот... Был бы только удобный случай. Иногда я думаю: а что же будет дальше, если жизнь станет ещё тяжелее, а власть ещё слабее? От этих стай не будет спасения ни на улицах, ни в квартирах».

«К ОРУЖИЮ, ГРАЖДАНЕ!»

А теперь давайте предположим. Если бы Чичков мог защищаться не дубинкой, а пистолетом. Или если бы у Андреевой в дамской сумочке лежал маленький браунинг. Или если бы те трое знали, что огнестрельное оружие у нас может иметь при себе каждый, и потому они вполне могут схлопотать пулю в лоб.

С большой долей вероятности можно предположить, что при любом из этих условий жизнь Чичкова не оборвалась бы в утробе разложившейся коровы, а Андреева не подверглась бы насилию и покушению на убийство.

Никуда нам, видно, от этого не деться. Рано или поздно придётся это признать: «стайных мужчин» может держать в рамках нормального человеческого поведения только страх.

Знаю, что на это скажут: нашему народу нельзя продавать пистолеты — друг друга перестреляем. А зачем продавать всем? Как и в других странах: только тем, кто не злоупотребит предоставленным правом. Да и не нужно, чтобы оружие имел каждый. Нужно, чтобы каждый знал, что у другого вполне может быть оружие.

По этому вопросу у нас вообще путаница в мыслях. Почему-то никто не призывает запретить свободную продажу кухонных ножей. А ведь именно их применение ежегодно уносит в могилу тысячи людей. На втором

месте по частоте применения такое орудие, как топор. Что же? И топоры запретить? На третьем — арматурины и штакетины. Отменить заборы?

Убийства, совершённые нарезным оружием (но и то — незарегистрированным!), примерно на четвёртом месте.

Вспомним: ещё не так давно едва ли не в каждом городе можно было свободно купить не то что берданку или двухстволку, но даже малокалиберную винтовку. И никакого массового кровопролития не происходило. А сколько оружия было у населения после второй мировой войны! Но и в те годы мы друг друга почему-то не перестреляли.

Едва ли не самое распространённое преступление сегодняшнего дня — вооружённое вторжение в жилища граждан с последующим ограблением, изнасилованием или убийством. За редким исключением у владельцев квартиры или дома нет времени для того, чтобы позвонить в милицию. Они могли бы постоять за себя сами, имея разрешение на хранение оружия без права выноса за пределы жилища. Нельзя!

Для того чтобы защищаться, люди вынуждены обращаться за помощью к продавцам оружия — тем же преступникам, а купив оружие и нарушив тем самым 218-ю статью, сами становятся преступниками.

Это нравственная аксиома: если государство не в состоянии защитить своих граждан от посягательств преступников, оно обязано разрешить гражданам надёжную индивидуальную самозащиту. Обязано! Если же это обязательство не выполняется, то государство объективно способствует преступному беспределу.

Да, народ заплатит, может быть, немалую цену за то, чтобы научиться цивилизованно владеть оружием. Но это будет плата за то, чтобы никто не мог безнаказанно нахамить, ударить, изнасиловать, убить. Это будет плата за ту защищённость личности, которую наша милиция сегодня уже не гарантирует и ещё меньше сможет гарантировать завтра. Это будет плата за ту культуру поведения, которой иными средствами (проверено!) нам никогда, наверное, не добиться и которая нам нужна, как воздух, если мы не хотим ещё больше деградировать как нация.

— Ни в коем случае!

Так восклицали сотрудники МВД, когда я заводил разговор на эту в высшей степени спорную тему. Работая над материалом, я снова спросил их. Полковники и генералы задумывались, вздыхали, не пытаясь даже скрыть, как тяжело менять им точку зрения. Ответы были разными, смысл — один: нужно разрабатывать разрешительный закон.

1992 г.

МУЖЕУБИЙСТВО

«Ни один человек, будь он самый счастливый, самый могущественный, не может быть уверен, что его труп не окажется завтра на скамьях Парижского морга среди тех, кто стал жертвой преступления...»

Альфред Гюйо

ЧЕЛОВЕК НЕ ИСЧЕЗАЕТ БЕССЛЕДНО

За последние пятнадцать лет больше семнадцати тысяч наших граждан ушли из дома и не вернулись. Теперь я знаю: либо их плохо искали, либо не было возможностей искать лучше; убитый не может исчезнуть бесследно, как бы хитро ни избавлялись от его тела.

В предпоследний день командировки мне позвонили из местного угрозыска: «Вам повезло. Редкий случай. Место тайного захоронения указал экстрасенс. Поедете с нами?»

Человек пропал в июне. Розыск не дал никаких результатов. Не успокоилась, не смирилась только сестра. А экстрасенс, скорее всего, просто хороший, опытный психолог. Подробно расспросив женщину, он вычислил, что её брата убил по пьянке сват. И закопал неподалёку от дома. Ну, зачем далеко везти труп, когда рядом лесок?

Ещё мне рассказывали в угрозыске: отвезут убийцы труп в непроходимые болота, бросят там, уверенные, что никто никогда не найдёт, потому как все боятся туда ходить. Но по какой-то непостижимой закономерности находится какой-нибудь чудак, который, движимый непостижимой силой, лезет в болота и наткнется на то, что было когда-то человеком.

Вот и в нашем случае так. Бульдозерист мог сделать ещё одно движение, и останки скрылись бы под горами строительного мусора. Но что-то остановило бульдозериста. Он отключил машину и ушёл на обед. А пока он ходил на свалку пришёл рыболов копать червей. И увидел человеческий череп...

Установить личность было трудно. Несколько недель трупом питались птицы, грызуны, бродячие собаки. Все останки уместились в ведре. Никаких следов верхней одежды. Прежде чем вывезти сюда убитого, его раздели. А в том, что человек был убит, сомнений не было. На черепе остался след от страшного удара тупым предметом Единственное, что оставляло возможность установить личность – зубной аппарат. Нужно было внимательно прочитать сотни медицинских карточек, оставшихся после людей, пропавших без вести.

Но грош цена операм (оперуполномоченные уголовного розыска сами себя так называют), если у них не срабатывает интуиция. Из четырёхсот мужчин числившихся в розыске они выбрали одного. Это был Михаил Воропаев, местная знаменитость, мастер спорта по боксу Сверка с Медицинской карточкой стоматолога показала, что это может быть он.

Жена Воропаева Ольга указала в заявлении, что муж уехал 5 апреля в Орёл. Несколько проводников опознали Воропаева по фотографии. А его орловский дружок заявил, что разговаривал с ним 8 апреля по телефону. Михаил звонил из Москвы.

В Москве около пятисот переговорных пунктов. Спасибо телефонисткам. Им тоже пришлось немало порыться Корешок не нашёлся, но это не значило, что не было звонка. Разговор мог идти и из телефона-автомата.

«У мужа,– заявила Ольга,– была крупная сумма денег. Он собирался купить в Орле, где жили его родители, дом и автомашину». Если об этом знали другие, Михаила могли убить на пути в Орёл, а труп привезти в Чебоксары. Это маловероятно, но встречались и такие ходы. Начали проверяя ближайшее окружение Воропаева и убедились, что оно заслуживает серьёзного изучения.

«У мужа была также валюта, – сообщила жена, – 550 долларов США». Оперы соединили это признание со своими впечатлениями о квартире Воропаева, забитом ящиками и коробками с разного рода дефицитными вещами.

Похоже, покойный занимался спекуляцией и фарцовкой. Значит, водил сомнительные знакомства...

Во время осмотра квартиры Воропаева была найдена видеокассета, на которой был снят его поединок на ринге. Вот и полагайся на человеческую память, предъявляя людям фотографии! Посмотрев видеоролик, проводники так же единодушно, как и прежде, заявили: нет, такого не видели!

Жалко было потерянного времени. Зато теперь уже почти не было сомнений: Воропаев убит в Чебоксарах.

«ОНИ ЗАСЛУЖИВАЮТ ТАКИХ МЕТОДОВ»

Это в детективах сыщик работает только красиво и не иначе. Даже тогда, когда увлекается ложной версией. Если описать работу опера по каждому убийству от и до, никто читать не станет. Ведь большинство преступлений совершаются простыми преступниками, без особого криминального блеска. И раскрываются простыми операми прежде всего благодаря быстрому, порой лихорадочному накоплению и терпеливой, изнуряющей проработке оперативной информации, и прежде всего – о потерпевшем, его семье, близких и родственниках, друзьях и знакомых. По понятным причинам об этом обычно не пишут, но это так.

Алексей Семёнов. Его вклад в раскрытие этого преступления заключается в ведении так называемого оперативного дела, доступ к которому обычно не имеет ни прокуратура, ни суд.

Рафат Фаткуллин. Был назначен вести это дело как хладнокровный, цепкий аналитик оперативной информации.

Мне тоже, естественно, не разрешили полистать оперативное дело. Кое о чём оба опера мне просто рассказали. Ну, например. Когда человек собирается уезжать, то об этом говорит его поведение. Но все, кто встречался с Воропаевым в эти дни, в один голос утверждали, что он вёл себя как человек, который никуда не собирается уезжать.

Или ещё. Жена утверждает, что жили хорошо, дружно. А сама не так давно просила у друзей газовый баллончик, собиралась применить его против мужа.

А сам муж побывал в юридической консультации, интересовался, сможет ли жена претендовать на половину имущества, если он уедет из Чебоксар, так и не зарегистрировав их брак?

Какую-то часть такой информации собрать нетрудно, какую-то – сложно. А вот применить для розыска и разоблачения преступника – почти всегда искусство. Преступник живёт в страхе, в состоянии внутренней сумятицы, когда опер делает искусные информационные выпады, впадает в панику. Иной раз такому выпадку предшествует психологическая подготовка. Вариантов – несть числа. Ну вот, хотя бы такой, единственный в своём роде, безусловно, сомнительный, применённый из-за полного отсутствия улики. Задерживают по подозрению в убийстве двух братьев. Оба отказываются давать показания. Тогда их помещают в одну камеру и начинают вызывать только одного. Вызовут, но не допрашивают. Подержат час-другой и обратно в камеру. «О чём спрашивали?» – говорит другой брат. «Ни о чём». – «Как ни о чём?» – «Так». На другой день процедура была повторена и дала ожидаемый результат. Между братьями произошла ссора, возникло стойкое взаимное недоверие. И когда на допрос вызвали того, кого до сих пор не трогали, он запырлся недолго.

В благородном порыве разоблачительства наш брат журналист, кажется, увлёкся разгребанием грязи, которой, конечно же, хватает в оперативной работе. Одолевали и меня сомнения: не есть ли иные приёмы – отрывка сталинизма? Но вот читаю у А. Ф. Кошко, бывшего начальника Московской сыскальной полиции и заведовавшего всем уголовным розыском Российской империи, человека интеллигентного, совестливого: «Конечно, с этической стороны некоторые из применявшихся мною способов покажутся качества сомнительного, но в оправдание общепринятой практики напомню, что борьба с преступниками может быть успешной лишь при условии употребления в ней оружия, если не равного, то всё же соответствующего «противнику». Да и вообще, можно ли серьёзно говорить о применении требований строгой этики к тем, кто, глубоко похоронив в себе элементарнейшие понятия морали, возвёл в культ зло со всеми его гнуснейшими проявлениями?»

В ЭТУ НОЧЬ НЕ СПАЛИ ВСЕ

Ольге предложили расписать каждые два часа того дня, когда, по её словам, муж уехал в Москву. Когда она сделала это, Фаткуллин сказал, что действует по методике одного известного психолога, который считает, что если человек имеет какое-то отношение к убийству, то при описании того, что он делал во время убийства (он же должен выдумывать, врать!), некоторые буквы приобретут помимо его воли другое начертание.

Опер пробежал глазами показания Ольги. Взгляд его остановился на описании того, что происходило в 9 часов вечера. «В это время я обычно укладываю сына спать...» – прочёл вслух Фаткуллин. «Хорошее выбрали время!» – многозначительно добавил он. Ольга реагировала внешне спокойно. Что-то сказала четырёхлетнему сыну, поправила ему штанишки.

Фаткуллин предъявил Ольге протокол задержания. Чего стоило уговорить следователя прокуратуры Кашину поставить подпись. «Мы должны будем в течение трёх суток добиться признания, – говорила Кашина. – Для этого у нас должно быть хотя бы десять процентов. Но ведь у нас нет и процента! Одни подозрения, косвенные указания на возможную причастность и ни одной прямой улики! Вы знаете, что нас ждёт, если нам придётся выпустить её?» Все трое рисковали званиями, должностями, карьерой. Но все трое расследовали уже не первое убийство. И Кашина знала: если Фаткуллин с Семёновым идут на такой риск, значит, на что-то рассчитывают.

Ольге объявили, что она задерживается по статье 122-й, как лицо, подозреваемое в совершении преступления.

В изоляторе временного содержания милиционер срезал с её платья длинные тесёмки: «Не положено». «Сам пришивать будешь»,— сказала Ольга. «Неужели мы ошиблись?» – мелькнуло у Фаткуллина. На следующее утро пришла Кашина. «Я не спала ночь. Кажется, мы закрыли невиновную». «Впереди ещё двое суток»,— сказал Фаткуллин.

Он тоже не спал в ту ночь. Шёл 93-й день розыска. Если Ольга не признается, её придётся выпустить. И тогда она предупредит того (или тех), кто убил. Сама она не могла. В этом почти не было сомнений. И тогда —

возни ещё не на одну неделю. А начальство жмёт. Убитый — не просто известный спортсмен, член родного общества «Динамо».

Единственное, что обнадеживало,— информация из изолятора. Ольга Прохорова тоже не спала. За ней внимательно наблюдали. А что делать прикажете, если нет ничего: ни крови убитого в его квартире, ни орудия убийства, ни одежды, ни людей, которые бы хоть что-то видели или слышали?!

Где-то я читал, что убийца испытывает потребность с кем-то поделиться, сбросить с души камень...

— Мы засекали Ольгу на чём-то похожем,— сказал Фаткуллин. — Она стала искать контакт с людьми, с которыми никогда близко не сходилась. Но вела разговор так, будто это были лучшие друзья. Жаловалась на своё положение, просила советов. Это были неизбежные приступы нарастающей слабости. И это никак не вязалось с её поведением у нас в кабинетах. Тут она держала себя в руках.

Потрясающая сцена. Оpozнание останков. Ольга бросает взгляд на ведро и спокойно говорит: «Я думаю, это он». И поглаживает сидящего на коленях сына.

ДВА РАЗРЯДА УБИЙЦ

Согласно определению криминолога Э. Ферри, преднамеренный убийца являет собой продукт наследственного вырождения и страдает ненормальностью, выражающейся нечувствительностью к собственным страданиям и крайней притуплённостью или даже отсутствием инстинкта самосохранения, а также нечувствительностью по отношению к страданиям жертвы. Преднамеренный убийца обнаруживает холодную жестокость при совершении преступления и апатическое равнодушие после его совершения; не знает раскаяния, с циничным хладнокровием описывает детали убийства, говорит о возможности рецидива и обнаруживает полное равнодушие к приговору... Атрофия нравственного чувства у преднамеренного убийцы не исключает возможности наличия у него религиозных верований, а также чувства любви и привязанности к семье, любовнице, другу. Из эгоистических инстинктов, свойственных преднамеренному убийце, наиболее характерными являются самолюбие и

жажда наслаждения, а также мстительность за малейшую обиду. Ему свойственна также неспособность предвидения последствий, учёта соотношения между тяжестью преступления и полученным результатом, а также дефектная нервная система, выражающаяся в отсутствии внутреннего отвращения к убийству, слабость сопротивления преступным импульсам.

Случайный убийца, напротив, горько раскаивается в совершенном преступлении, выражает заботу о родственниках убитого, стараясь исправить причинённое им зло, мало беспокоится о своей судьбе...

Ну, а теперь пусть читатель сам решает, к какому разряду принадлежат те, кто убил Воропаева.

«ОН СЧИТАЛ МЕНЯ ВЕЩЬЮ»

Передайте привет Фаткуллину и Семёнову,— сказала Ольга, когда наш разговор в изоляторе закончился.

Она произнесла эти слова без сарказма и подтекста. Скорее с симпатией и болью. И её глаза наполнились слезами.

Они помогли мне,— объяснила она.— Они умеют понять человека: что с ним творится? Почему он это сделал? Ну да теперь вы всё знаете.

Ольгу увели в камеру. А я пришёл в гостиницу, включил диктофон и начал переносить её ответы на бумагу.

Ольга Прохорова: «Я теперь понимаю, для того, чтобы убить человека, его надо очень сильно возненавидеть. Я объясню, с чего эта ненависть началась. Он был против рождения ребёнка. Уговаривал, требовал: давай сделаем выкидыш, я всё организую. А мне не хотелось убивать ребёнка. Но я согласилась. Мне сделали пять или шесть уколов. Меня рвало. Мне казалось, я умираю. Уколы ничего не дали. И всю беременность я проходила со слезами. Думала, ребёнок дураком родится. А Михаил то и дело попрекал, что он меня не девочкой взял. Что и ребёнок не от него. Я ему говорила, что у меня есть принцип. Если я живу с человеком, я никогда не буду искать себе любовника. Если этот человек станет мне окончательно противен, я скажу ему это прямо в глаза. Муж не верил. Он готов был ревновать меня к столбу. Как-то я, дура,

показала ему одного парня, с которым раньше встречалась. Потом узнаю: он встретил его и зверски избил.

Когда ребёнок родился, он сказал, что был прав: никакого сходства. Я записала сына на свою фамилию. Через несколько месяцев он, правда, убедился, что сын весь в него, и переписал его на себя. Но я столько наслышалась в свой адрес! Причём совершенно незаслуженно. Что за странная у тебя любовь, говорила я ему. Ты меня обзываешь последними словами. Я и сука, я и проститутка. Я и... А потом ложись с тобой, милуйся. Зачем мне нужна такая любовь — без уважения? Будь довольна, говорит, что я тебя только словами бью. Смотри, начну ...здить, сразу ласковая станешь. Врежу так, что на стенке трафарет останется. И правда, раз так врезал — сам испугался. Думал, убил.

После скандалов заглаживал свою вину — дарил дорогие подарки. Но проходило время, и начинал за эти подарки здорово спрашивать. Неблагодарной называл.

Ему нужна была не жена, а домработница, которую можно использовать как жену. Поэтому он не разрешал мне вернуться в кассу Аэрофлота, где я работала раньше. Он говорил, что вытащил меня из грязи. Будто я ходила раздетая, а он дал мне всё: уютную квартирку, модные тряпки. Он был очень высокого мнения о себе. Спортсмен он был, никто не спорит, способный. Может быть, даже талантливый. Но зачем же себя возвышать, а других смешивать с грязью?

Он постоянно приписывал мне какие-то недостатки. Например, любовь к тряпкам. Но какая женщина не хочет красиво одеваться? А сам что с этими тряпками вытворял? Нравится вещь? Бери деньги у матери! Приедет из поездки за границу, привезёт, например, плащ и продаёт теще. А она отдаёт мне. И это считалось в порядке вещей.

Он постоянно говорил, что наступает эра капитализма. И мы должны жить, как нормальные люди. Вот он для нас и старается. Потому он и в боксе пошёл вниз — у него на уме было одно: сделать как можно больше денег, купить свой дом, импортную машину. Наша квартира стала похожа на склад дефицитных товаров. Это только считалось, что я не работаю. На самом деле я тоже работала. Ходила, куда он велел, привозила товар домой, заказывала контейнеры,

отправляла в Орёл, где он всё перепродавал. Вот он действительно нигде не работал. Только числился контролёром в следственном изоляторе.

Мотался то в Орёл, то в Москву. Я боялась ночевать одна с ребёнком, уходила к матери. Он звонил, сам не отвечал. Он бесился. Можно подумать, что жил в гостиницах монахом. Я ему говорила: когда мне гулять? У меня ребёнок, собака, заочная учёба! Он не верил. И продолжал унижать меня. Я не выдержала и прямо сказала ему, что живу с ним только ради ребёнка. Его затрясло. Он так схватил меня за плечи — я думала, у меня позвоночник треснет. «Забери свои слова назад! — орал он.— Если ты уйдёшь, я тебя прибую. Ты никогда и никому не будешь принадлежать!» Он ничего не хотел понять. Он по-прежнему считал меня вещью».

Понимаю, какие чувства обуревают сейчас близких Михаила. Человек и так лишился самого дорогого — жизни. Можно ли позволять той, которая в этом повинна, лишать его ещё и доброго имени?! Отвечу так. Наше сочувствие к пострадавшему не должно мешать нам добраться до понимания того, как возникла идея убийства. Исследуя поведение преступников, мы не доберёмся до истины, если не исследуем поведение жертвы. Ибо анализ поведения жертв показывает, что многие из них сами подталкивали своих убийц к страшному решению.

Ольга, разумеется, заинтересована в том, чтобы выставить Михаила человеком, который превратил её жизнь в сплошное унижение. Чем больше она нажимает на этот мотив, тем глуше будет звучать мотив корысти, заслуживающий куда более сурового наказания. Но и мы, и суд обязаны исследовать оба эти мотива и сделать свой вывод: какой же был преобладающим?

...Она работала в кассе Аэрофлота. Это доходное место. Но у него был другой уровень, на несколько порядков выше. Иначе она бы сразу же ушла от него — как только он потребовал убить плод.

Проведя с ним несколько дней и ночей, она уже не могла вернуться к прежнему уровню жизни. Она уже привыкла тратить в день примерно столько же, сколько прежде зарабатывала за месяц.

Есть у нас такой сорт молодых женщин. Им не нравится,

что их считают вещью. Но те, кто их купил своим уровнем жизни, знают, что, как бы они ни брыкались, всё равно никуда не денутся. Дельцы и в семейной жизни — дельцы.

«ОН ШЕЛ К ЭТОМУ САМ»

О Воропаеве у меня с операми и следователями был отдельный разговор. Начали с моральных качеств. «Воропаев вышел в люди благодаря тренеру Тарасову. Но потом изменил ему, перебежал к майору Львову. Тот вывел его на профессиональный ринг, но как тренер не мог дать того, что давал Тарасов. Бои с другим профи Воропаев проиграл. Ушёл из спорта, хотя мог бы ещё в свои тридцать лет, как говорится, порадовать болельщиков. Жизнь измен не прощает».

Ещё о тех же качествах. «Бывая за границей, прежде всего смотрел на цены продуктов и блюд. Брал только самые дешёвые. Ехал обратно с полными чемоданами. А потом продавал импортный дефицит своим же ребятам-спортсменам. Продавал и Ольге, тут она не врёт. Специально проверяли.

Перестав ездить на соревнования за рубеж, с головой ушёл в спекуляцию. Доставал различные электротовары и продавал их (в том числе за валюту) полякам из совместного предприятия.

Были очень серьёзные основания для того, чтобы заподозрить участие Воропаева даже в рэкете. Кое-кто из его ближайших дружков мог, как минимум, догадываться о том, что с ним произошло. Но — никто не помог угрозыску».

«Он сам шёл к тому, что случилось. Уж лучше бы сел за спекуляцию», — сказали мне о Воропаеве.

Сам? Вполне может быть. Он без того возвышался над окружающими, превосходя их силой, известностью деньгами, вызывая зависть, раздражение и злость. Но — бывают такие люди: им мало того, что всего много. Он не мог не чувствовать как к нему относятся близкие, но — до чего же это по-нашенски! — продолжал возвышать себя и унижать их. И постепенно вызвал то, что, видно, в самом деле помогает убить, — отвращение и ненависть.

«ВОТ КТО МОЖЕТ»

Рабочий элеватора Олег Мартынов. Двоюродный брат Ольги, племянник её матери. Человек, о котором они однажды подумали: «Вот кто может!» Почему именно он? Ну прежде всего потому, что свой человек, родственник. Ещё? Не знаю. Так и не понял. «Мне даже ударить человека было трудно,— говорил Олег.— В части, где я служил, была крутая дедовщина, но я никого пальцем не тронул».

Если человеку трудно решиться на убийство, но он всё же совершает, значит... Значит, он заставляет себя. Значит, идея убийства так его захватывает, что он не может от неё отказаться. В особенности, если кто-то постоянно возвращает его к этой мысли.

Скорее всего, так и было. Только я не думаю, что с одним Олегом. Идея убийства точно так же захватила и Ольгу, и её мать. Вспомним, как мучился с самим собой Раскольников до того, как положил за пазуху топор и пошёл к старухе-процентщице. Здесь идея убийства овладела тремя. И, как минимум, двое подхлестывали одного, когда его решимость ослабевала.

Вспомним, сколько молодых людей погибло у нас из-за каких-то импортных джинсов. Потом началась эра убийства из-за видео. Смертельное желание завладеть вещью, сулящей удовольствие, ставшей мерилom жизненного благополучия, неспособность бороться с этим соблазном — где ещё это так распространено, как у нас?

В данном случае кто-то хотел купить мотоцикл, кому-то были нужны видеокассеты, кто-то позарился на всё, чем владел Воропаев.

После очередного скандала Михаил объявил, что на этот раз его решение уехать в Орёл окончательное, и отобрал у Ольги ключи от квартиры.

Под каким-то предлогом (может быть, предлагая примирение) его зовут в дом тёщи. Там уже сидят Олег и его дружок — газосварщик Ярослав Иванцов. Пили — никто не поперхнулся. Ели — никто не подавился. Словно не впервой отправлять человека на тот свет.

Потом Ольга вышла с ребёнком в другую комнату. Если при нём — вдруг кому скажет, что сделали с его отцом.

НАЧАЛО РАСПЛАТЫ

«Человек до признания и после — это как бы разные люди. И внешне, и внутренне. Маска сброшена. Перелом совершен. И покаяние в убийстве пишется легко, будто о посещении кино. Разве что торопливо и с явным облегчением. Даже волчаре-рецидивисту тяжело таскать такой «грех», — говорил мне Рафат.

«После этого я уже не могла без света. Ловила каждый шорох. Мне казалось, что он где-то рядом, только я его не вижу. И он обязательно мне отомстит, как только я засну. От этих галлюцинаций можно было сойти с ума. Я в самом деле рано или поздно не выдержала бы и чем-то выдала бы себя», — говорила Ольга.

«Я сразу начал понимать, что сломал себе жизнь. Предчувствовал, что когда-нибудь всё откроется. Поведение стало уже не то. Уже не живёшь, а существуешь, ждёшь, когда за тобой придут. Стал нервный и задумчивый. Мне моя девчонка говорит: «Раскройся, поделись, что у тебя стряслось, тебе же лучше будет». Я пообещал ей рассказать лет через пять. Однажды напился и хотел врезаться на мотоцикле в какую-нибудь стену», — говорил Олег Мартынов.

«Я говорил Олегу, что их идея — это тюрьма. А с меня хватит одного срока. Было по малолетке. Но там — воровство. Я бы и сейчас украл, если что стоящее. Но засыпаться на мокрухе — это не для меня. Жена хорошая, ребёнок маленький. Мне это ни к чему. Но когда Олег его ударил сзади, мне стало страшно. Я никогда Олега таким не видел. Мне казалось, что, если я не стану помогать, — он и меня... И я сделал вид, что душу», — говорил Ярослав Иванцов.

Поговорив со всеми соучастниками, я пришёл к неожиданно выводу. Все (за исключением старшей Прохоровой) симпатичные ребята. Мне рассказали, что сестра Воропаева попросила показать ей убийц брата. А они как раз рыдали в коридоре прокуратуры: один прощался с родными и женой, другой — со своей девушкой. «Мне жалко их!» — вырвалось у сестры.

И всё же я внимательно всматривался во всех четверых: нет ли каких отклонений? Нормальные люди не отнимают жизнь у ближнего. Если следовать этой логике, то какое-то помешательство вполне имело место.

Не психическое, так нравственное. Но вовсе не обязательно это должно бросаться в глаза.

Страшны не лица. Страшно явление. Душегуб постоянно чувствует, что его боятся, привыкает к этому и в ситуации, требующей подтверждения такой «репутации», может снова убить. Либо — в колонии, либо — по отбытии срока.

По официальным данным, около 19 тысяч неразоблачённых убийц живут среди нас. Они уже преступили человеческую норму — отвращение к убийству. И теперь им уже гораздо легче преступить вновь...

ИХ ТРУДНОСТИ

Это никуда не годится. У нас сидят и гуляют на свободе десятки тысяч совершивших убийство, соучастников убийств, а мы не имеем ни одной исповеди, ни одного подробного описания того, что они испытывали, когда скрывали труп убитого. А ведь это такая морока!

Они перенесли тело Михаила в ванную и тут лее поехали к нему на квартиру. Кому-то тяжело было оставаться. Кому-то очень хотелось развалиться на диване и смотреть видео. А может быть, всем было тяжело и всем хотелось видиков, принадлежащих теперь не убитому, а им.

Ольга разделила между ними поровну, как и договаривались, три тысячи пятсот рублей. Наверное, только в эту минуту Олег и Ярослав по-настоящему ощутили дикое несоответствие между уничтоженной человеческой жизнью и полученной платой. Не исключено, что их даже потянуло на самокритичные философские размышления о человеческой ничтожности.

Убить, насколько я понял из их случая, тяжело. Для этого надо как следует взболтать в себе что-то такое, чего нет ни в одном звере. Но ещё тяжелее — возня с трупом.

Моральную подготовку к этому делу Олег прошёл в армии. Другого солдата убило током. И ему, как молодому, велели разогнуть пострадавшему ноги. С тех пор Олег знал, что холодное тело можно сложить как угодно, нужно только размять суставы.

Тело легко вошло в коробку из-под стиральной машины. Говорят, Прохорова требовала: «Сожгите!» Ах,

дилетанты! Даже если бы они рассчитали нервные силы и устроили бы сожжение, тут тоже могли бы возникнуть проблемы.

В угрозыске меня посвятили: для того, чтобы сжечь человеческое тело, нужно 24 кубометра дров. И соответственное количество времени, чтобы эти дрова сгорели. Но даже если сгорают кости, от них всё равно остаются мельчайшие частицы.

Обычно не удаётся скрыть кровь на месте преступления. Им — каким-то чудом удалось. Им повезло, что никто не видел, как Михаил вошёл в дом тёщи. Им повезло, что никто не видел, как они приехали той ночью в квартиру Михаила. Против них не было ни одной улики, ни одного свидетеля. Но они были обречены на разоблачение. И остро это предчувствовали.

НЕИЗБЕЖНАЯ ГРЫЗНЯ

«Я не знаю, что у них произошло, когда я вышла в другую комнату, чтобы уложить ребёнка спать,— говорила мне Ольга.— Да, я жаловалась Олегу на то, как со мной обращается Михаил. Да, я говорила ему, что не знаю, как от него избавиться. Но я не была организатором убийства. Естественно, их двое. Им надо как-то выкрутиться. И они будут всё валить на меня».

То, что они сделали, совпало с тем, чего хотела ты? — спросил я.

— Да! Но как они докажут, что это я их подговорила?..

— Она мне жизнь сломала,— сказал об Ольге Олег.— Я её ненавижу. (Он не уточнил, за что именно. То ли за то, что уговорила, то ли за то, что призналась.) Если мне сохранят жизнь, рано или поздно она ответит за это.

— Твой дружок Иванцов тоже считает, что ты ему жизнь сломала,— сказал я.

— Он сам себе сломал,— жёстко сказал Олег.

Никто не принуждал Ольгу делать признание. Никто не принуждал Олега указывать, где лежит топор. Никто не принуждал Ярослава показывать, где лежат вещи убитого.

Ольга призналась и заплакала. Олег написал признание и заплакал. Плакал и Ярослав. Не выдержал каждый. Теперь каждый видит причину в других. До чего же это старо и скучно!

– До преступления все вместе. После преступления все врозь...

– Всегда так было. Всегда так будет,— сказала Ольга.

ЧЕМ БЫЛ ДЛЯ МАТЕРИ РЕБЕНОК?

На допросы Ольга приходила только с ребёнком. По её собственным словам, он ей помогал. Когда ей задавали трудные вопросы, она отвлекалась на сына, тянула время, обдумывала ответы. Оперов на такой мякине не проведёшь. Когда Ольга отвлекалась, они понимали, что поставили её в очередной тупик.

Когда её мать тоже во всём призналась, её оставили на свободе. Из-за ребёнка. Потом приехала сестра Воропаева и сказала, что заберёт мальчика к себе. Старшая Прохорова была взята под стражу. А младшая, то есть Ольга, отказалась сотрудничать со следователем до тех пор, пока ребёнок не будет возвращён в Чебоксары. «Пусть отдают его — до моего возвращения — в детский дом. Если она не отдаст сына, так и напишите, когда я выйду — убью её!»

Это был, может быть, единственный момент, когда Ольга сорвалась, вышла из образа. На другой день я снова осторожно подвёл её к этой теме. И она сказала: «Квартира Воропаева мне не нужна. В ней будет жить мой сын. Все вещи тоже будут принадлежать только ему».

– Вещи будут там, где будет сын... Не потому ли на твой взгляд, лучше — детский дом?

Ольга молчала. И мне пришлось спросить:

– Ты очень боишься потерять мальчика?

– Да, в нём будет воспитывать ненависть ко мне.

– А ты? Какое отношение к отцу воспитала бы ты, если бы преступление осталось нераскрытым? Как отвечала бы на вопросы сына: где мой папа? куда он девался?

Ольга озадаченно молчала. Похоже, она не ставила перед собой таких вопросов. И здесь я понял, что её отношение к ребёнку является ключом к её психологии. Человек, замысливший такое злодеяние, не мог не понимать, что, может быть, придётся ответить своей жизнью или, как минимум, значительным её отрезком. Что ребёнок будет не просто страдать, но будет морально изуродован той правдой, которая рано или

поздно неизбежно откроется. Если же человек (в данном случае родная мать) шёл на это, значит, он использовал ребёнка как средство для достижения своих целей, а значит, совершил преступление не только против ненавистного сожителя, но и против любимого ребёнка.

1991 г.

ОХОТА НА ДЕТЕЙ

ПОЧЕМУ ОН БЫЛ НЕУЛОВИМ

Те, кто его искал, чтобы обезвредить, по сей день должны мучиться мыслью: как же так случилось, что они не могли найти его хоть годом раньше, хоть месяцем?!

Могли. Если бы после первого его покушения милиция немедленно обратилась к населению и сказала (во всех газетах, по радио, по всем каналам телевидения) прямо, что случилось страшное. Незнакомый в зелёной штормовке пытался задушить паренька из первого отряда пионерского лагеря. А это означает, что вызрел очередной сексуальный садист, которого можно вычислить только благодаря сигналам тех, кто мог видеть его в окрестностях Москвы. Звоните, граждане, по такому-то телефону. А сейчас вот вам для ориентировки словесный портрет, составленный со слов потерпевшего.

Леса Подмосковья – не джунгли Амазонки. Конечно же, его видели. Он просто не мог не обратить на себя внимание. Слишком подозрительно отворачивал лицо. Не держал в руках ни корзины, ни ведра, ни удочки, ни рюкзака. Не грибник, не рыболов, не турист, не местный житель, не чей-то гость. Кто же?

Его видели у пионерских лагерей, возле лужаек, где мальчишки играли в футбол, возле речки, где купалась ребятня. Чаще всего он высматривал свою добычу в бинокль. Но нередко терял над собой контроль, подходил совсем близко, и тогда подростки (если бы знали, что разыскивается маньяк) могли исхитриться, позвать на помощь взрослых и задержать подозрительного типа.

Потом, когда в лесу начнут находить расчленённые тела мальчиков, розыскникам станет ясно, что садист

знаком с анатомией. Но не обязательно по профессии медик. Может быть, и специалист по животным. И просто поразительно, что конезавод № 1, где работал Головкин, в общем-то так и не попал в поле зрения сыщиков.

А если бы попал, то они услышали бы о Головкине немало интересного. Живёт один, как бирюк, женщинами не интересуется.

При обследовании и осеменении лошадей слишком долго задерживает руку в прямой кишке животного, при этом глаза у него становятся мутными. К нему обращаются, а он будто не слышит. Ощупывая половые органы кобылы, что-то напевает. Некоторым женщинам бывало стыдно за его возбуждённый вид.

17-летний Иванов, которого Головкин заманил в своё жилище, оборудованное прямо на территории конезавода, и, напоив спиртом, пытался склонить к гомосексуальной связи, тоже мог навести розыскников на след маньяка, но... куда обращаться?

В общем, так. Если бы со слов первого потерпевшего был составлен фоторобот. Если бы этот фоторобот был опубликован во всех газетах и попал на глаза Иванову, а Иванов знал, куда можно позвонить без опасения, что его имя будет предано огласке, Головкин, без сомнения, был бы задержан, его жилище подвергнуто осмотру, и стало бы ясно, к чему так тщательно готовится зоотехник, какой чудовишной страстью одержим. И если бы, добавлю, в структуре МВД была постоянно действующая группа, специализирующаяся исключительно на такого рода преступлениях, ставших в наши дни сущим наказанием господним, знающая, в частности, все методы вовлечения в розыск обыкновенных граждан, то не было бы искромсанных в куски одиннадцати мальчиков.

Головкин сделал две осечки. Но на этих двух осечках его не поймали. Лишь спустя восемь лет после первых промахов он допустил третий, и страшный счёт наконец оборвался.

СОЗРЕВАНИЕ САДИСТА

В уголовном деле находятся две фотографии Головкина. Первая сделана в 1976 году, когда ему было 17 лет. В этом возрасте его угнетали несколько

недостатков: впалая грудь, прыщи на лице и теле, непроизвольное мочеиспускание. А также опасение, что окружающие ощутят исходящий от него запах спермы. Во время мастурбации он мысленно представлял, что совершает половой акт с одноклассниками и при этом мучает их, жаря голыми на сковороде, сжигая на костре. Во время обследования он признается психиатрам, что в более раннем возрасте также «представлял себя в роли фашистов, которые мучили пионеров-героев».

В 13 лет он поймал кошку, повесил, затем отрезал ей голову и впервые ощутил, что у него «наступила разрядка, ушло напряжение, возникло душевное облегчение». После этого появились «мечты об эксгумации трупа и его расчленении».

Во время садистских грёз постепенно сформировался «идеальный» образ жертвы. Худенький мальчик, среднего роста, не старше 16 лет. В общем, такой, который не окажет серьёзного сопротивления.

Со временем захотелось перейти от грёз к действиям. Начались поиски объектов для нападения. Походы вокруг пионерских лагерей были почти ежедневными, «до ощущения усталости».

Наблюдения подсказали ему, что удобнее всего совершить нападение на тех подростков, которые выходят за пределы лагеря, чтобы покурить. И стал караулить возле лазов в заборе.

Как садист и сексуальный маньяк он созрел к 17 годам. Но, судя по первой попытке нападения на мальчика, ему не хватало злобности. В нём оставалось что-то человеческое. Какая-то нерешительность, последние крохи жалости к жертве. Сам он, вероятно, ещё долго избавлялся бы от этой помехи. Но ему помогли. Когда он уже учился в Сельхозакадемии, на него напала группа подростков. Ему выбили передние зубы, повредили хрящи носа. Он не находил себе места, пытаясь найти хулиганов. Они стояли у него перед глазами. И он представлял, как расправляется с ними, вешая на деревьях, отрезая головы, вырезая внутренности, снимая кожу.

Он избегал смотреться в зеркало. Знал, как стремительно и резко меняется и чернеет его лицо. Иногда он был страшен даже самому себе.

Вторую фотографию Головкина отделяют от первой

всего восемь лет. Но какая между ними страшная разница! На второй Головкин снят через несколько месяцев после первого покушения, накануне второго, во всех отношениях удачного. Показать бы крупным планом Головкина сейчас, когда дьявол завершает работу над его обликом...

95 ТОМОВ УЖАСА

Воистину нет предела стремлению человека к совершенствованию. В том числе и в садизме.

После двух убийств Головкин ощутил «жажду новых ощущений». А в лесу, где за каждым деревом мог скрываться грибник, не было чувства полной свободы. Кроме того, мучительно требовался комфорт и полный набор инструментов для истязаний. Он также рассчитывал, что уже достаточно поднаторел для того, чтобы осуществлять убийство сразу нескольких мальчиков. А самое главное — ему хотелось, чтобы его удовольствия длились часами.

Головкин купил «жигули», получил под гараж место на территории конезавода, вырыл в гараже подвал, забетонировал пол, обложил стены бетонными плитами, провёл свет, в стенах закрепил кольца, купил детскую оцинкованную ванну... Готовя живодёрню, «испытывал предвкушение радости», уверенный, что «теперь-то будет делать всё, что хочет...»

Теперь, когда у него появилась машина, он мог перенацелиться на совсем другую категорию мальчиков. На тех, кто сбежал из дому, кого не сразу хватятся родители, кого могут даже не искать. Он подъезжал к железнодорожной платформе и часами терпеливо ждал, когда с поезда сойдёт какой-нибудь пацан и выйдет на дорогу с поднятой рукой. К таким, «голосующим», и подкатывал наш дьявол во плоти. Предлагал не только подвезти, но и что-нибудь украсть. Или помочь ему в гараже.

Мальчишки редко бегут от родителей или болтаются где-нибудь в одиночку. Стали сбываться мечты маньяка. Сначала ему удалось заманить в машину двоих. А потом даже троих.

Теперь он мог выбирать, к кому испытывает наибольшую симпатию. Бывало, что «чувство симпатии

буквально захлёстывало». Это было то, что можно назвать его любовью. «Чем больше жертва нравилась мне, тем больше хотелось манипулировать с ней, больше резать, вырезать»,— признается он на следствии.

Теперь его удовольствия длились иногда с вечера до утра. Самых «любимых» он оставлял напоследок, истязал и убивал медленно, заставляя смотреть, что он вытворяет с другими мальчиками, и даже заставляя участвовать в пытках и процедуре убийства.

Особое наслаждение доставляло ему не только испытание подростков на терпение боли, но и то, что они клятвенно обещали выполнить любое его поручение, даже привести кого-нибудь вместо себя, только бы он отпустил их живыми. Что ни говори, в подвале было лучше, чем в лесу. Теперь он испытывал не только половое, но и моральное удовлетворение.

«После каждого убийства у меня было такое приятное чувство, будто я сделал что-то хорошее, как бы выполнил свой долг»,— скажет он психиатрам.

И всё же, добавит он, у него никогда не было полного удовлетворения. (Например, ему не понравилось на вкус человеческое мясо.) Акт насилия был идеальным только тогда, когда он прокручивал его в своём воображении.

Вывезя частями и закопав очередного мальчика, он часами созерцал оставленную на память какую-нибудь его вещь. «Это успокаивало», когда ему хотелось получить удовольствие от очередной жертвы, но не было такой возможности. Самым любимым сувениром был для него череп, сделанный из головы одного мальчика, которым он «совершенно насытился».

Отлично понимаю, как уже негодует иной читатель на автора: к чему эти подробности?!

Дело Головкина занимает 95 томов. Обвинительное заключение зачитывалось два дня! Вот и судите сами, какая толика всей правды перед вами, читатель.

Отец одного из мальчиков сам нашёл сына в лесу, с перерезанным горлом, с выпотрошенными внутренностям. Если, не дай Бог, прочтёте сообщение об очередном маньяке, вспомните этого отца представьте, что он испытал, найдя сына, поставьте себя на его место, ощутите хотя бы миллионную частицу его ужаса, боли, отчаяния.

ПОСЛЕДНИЙ ТРЮК?

В СИЗО у Головкина изъяли записку, которую он написал, но не успел передать по назначению. Почти изящный почерк. Ни одной помарки.

«Здравствуй, дорогая мамулечка! Вот и вылезла наружу самая страшная моя тайна. Всё это началось у меня давно, ещё в школе. Тогда это были только мечтания, а потом, по мере появления возможностей, появилось и желание использовать эти возможности. Я понимаю, да и раньше понимал, сколько горя могу принести тебе и всем родным, но ничего не мог с собой поделаться. Мне стыдно. Я чувствую себя, как инопланетянин. Можешь представить себе, как трудно мне находиться в одном обществе с людьми, у которых такие же дети, каких я убивал...»

У Головкина был один шанс избежать вышки — вызвать сомнения у судьи и заседателей. Авось назначит повторную экспертизу. Авось психиатры признают-таки невменяемым. А тут в каждой строчке — обратное подтверждение. Не только сознавал, что творит, но даже осуждал себя. Осуждал и... не мог остановиться. С одной стороны, судья, читая эту записку, не может не сделать вывод, что в обвиняемом есть что-то человеческое. А с другой стороны, есть в нём и нечто такое, чему он не мог противиться, что было выше его желания сохранить в себе человеческое.

Такая линия поведения просматривается с момента его ареста. «Спустя несколько дней после задержания,— говорил он психиатрам,— страх перед возмездием сменился чувством облегчения: наконец-то всё кончилось и больше никогда не повторится».

На вопрос, почему не заводил семью, он ответил в том же ключе: «Боялся, что сделаю с собственным сыном то же самое, что и с теми мальчиками».

А потом после трёх судебных заседаний совершил попытку самоубийства. Точнее, имитацию самоубийства, если учесть незначительность повреждений, которые он нанёс самому себе.

Если так, то и записка — тоже трюк, преследующий простую цель — настроить судью и заседателей на то, чтобы они видели в нём не чудовище, а человека.

(Печальнее всего то, что это действительно так. Зверем его не назовёшь. Ни одно хищное животное даже отдалённо не сравнится с ним в изувержении и жестокости.)

Но — смотря какого человека!

Головкин понимал, в кого превращает его мерзкая страсть, но не сделал попытки обратиться за помощью к медицине. Он мог целых два года удерживать себя от нападений, зная, что его ищут.

Считается, что такие изверги вырастают в семьях, где взаимоотношения родителей и воспитание детей построены на систематическом унижении и насилии. Психиатры проанализировали и эту вероятность. И пришли к выводу: да, унижение было, было и насилии. Но не физическое. И вовсе не в кричащих формах. В пределах нормы.

Не исключаю, что решающий толчок к садизму Головкин получил, когда сам подвергся сильному избиению хулиганами. Показательный пример того, как за жестокость, проявленную одними, расплачиваются ни в чём не повинные. Расплачивались мальчики.

Но вспомним: он начал мечтать о сексуальном садизме и манипуляциях с трупами почти ребёнком. Разве такие фантазии — норма? Откуда это у него?

И это всё же болезнь? Или остаётся предположить, что так, видимо, устроено человечество. Есть гении, непревзойдённые таланты, чьи достоинства часто не поддаются объяснению. И есть потрясающие негодяи, превосходящие все нормы зла, от чьих деяний стынет кровь. Первые вбирают в себя всё лучшее, что вырабатывает человечество. Вторые — всё самое порочное и мерзкое. И вероятнее всего, от нас самих (от нашего состояния умов и душ) зависит, кого больше породит наше время: гениев или людоедов.

ПРОСТИТЕ, МАЛЬЧИКИ...

Меня мучают сегодня два вопроса. Почему мальчиков не страшил облик Головкина, почему они верили его обманам и, как слепые котята, лезли в его петлю? И почему не оказали ни малейшего сопротивления даже тогда, когда были вдвоём или даже троём?

Если мы, взрослые, своей совокупной жестокостью порождаем феноменов зла, мы просто не имеем права выпускать наших детей в жизнь, не научив их защищаться от насилия. Это умение куда важнее, чем умение читать и писать. Потому что цена неумения — жизнь.

Сначала нужно обучать недоверию к любому незнакомому взрослому, который может что-то предложить или просить, куда-то звать.

Потом — умению выдерживать психологический напор насильника.

А затем — и физическим приёмам самозащиты. Курс для младших классов. Курс для средних классов. Курс для старшеклассников.

И пусть первым таким уроком будет этот материал.

Если маньяк угрожает ножом, то это вовсе не значит, что он применит его. Тем более там, где схватил свою жертву. Ведь не просто так он тащит или ведёт за собой в укромное место. На месте нападения он ножа не применит. Это просто не укладывается в программу его поведения. Он самонацелен на совсем другую процедуру насилия! Не случайно первая жертва ускользнула от Головкина. Подросток просто не побоялся оказать сопротивление.

Маньяк подсознательно боится физического отпора. И потому пытается подавить жертву психологически. Головкин использовал прозвище, присвоенное ему (с подачи некоторых газет) людской молвой. И говорил растерянным мальчикам: «Я — Фишер». А потом показывал череп...

Понимаю: детская психика — хрупкая, ломкая. Значит, нужно укреплять. По крайней мере предупреждать детей, с каким напором, с какими угрозами они могут столкнуться.

Самое главное — не дать насильнику связать руки. Головкин путём угроз умудрялся связать руки двоим, а потом и троим мальчикам. Когда принялся за одного, двое подростков могли напасть на него. В подвале-живодёрне одних ножей было более десятка и топоров — несколько штук... Было чем защититься.

Мне скажут: не много ли ты хочешь от детей? Нет. Во всяком случае, ничуть не больше того самообладания и мужества, которые они проявили.

Головкин: «Я сказал подвешенному на крюке Е., что сейчас буду выжигать паяльной лампой у него на груди нецензурное слово. Во время выжигания Е. не кричал, только шипел от боли...»

«Я сказал этим троим, что вместе с ними на моём счету будет одиннадцать мальчиков... Я установил очерёдность, сообщив детям, кто за кем будет умирать... Ш. я расчленил на глазах у Е. При этом показывал

внутренние органы и давал анатомические пояснения. Мальчик всё это пережил спокойно, без истерики, только иногда отворачивался...»

Если бы это самообладание было потрачено не на терпение, а на сопротивление. Если бы мы научили этому — сопротивляться мерзавцам, бороться за свою жизнь.

Прощайте, мальчики. Мы все так виноваты перед вами...

1994 г.

РАСКОРЯКА

10 октября 1983 года инженер-конструктор Алина Азовская (имя и фамилия этой женщины изменены) поделилась с мужем потрясающей новостью. Её коллега по НПО «Энергия» (конструкторское бюро С. Королёва в подмосковном Калининграде) Олег Панченко сказал, что может помочь ей получить вне всякой очереди квартиру.

Алина жила с мужем и 5-летней дочерью у свёкра и свекрови. Отношения были прекрасные, но теснота отравляла лучшие минуты жизни. Возраст приближался к тридцати, хотелось своего угла.

В профкоме Алина могла получить жильё (комнату) не раньше чем через 8–10 лет. А Панченко предлагал на выбор: бери любую квартиру, однокомнатную, двухкомнатную, трёхкомнатную. Голова шла кругом.

Всё складывалось фантастически удачно. Но кое-что настораживало. Панченко запрашивал за каждую комнату всего 400 рублей. Точнее, деньги должен был получить человек, который устраивал получение квартиры. Сам Панченко был ещё скромнее: сказал, что ему хватит бутылки коньяка. И почему-то ставил условие, чтобы Алина не делилась секретом ни с одной живой душой. Даже с мужем.

Это было странно ещё и потому, что раньше подобное предложение Панченко сделал сестре Алины, которая работала с ним в одном отделе. Сестру смутили небольшие деньги. «Как бы не пришлось доплачивать натурой», — сказала она Панченко. «Ну, что ты, — ответил он — человек, который всё устраивает, уже покойной, ему этого не надо».

Сестра отказалась, но спустя время свела Алину

с Панченко. Они шептались в её присутствии. Но когда сестра пыталась включиться в разговор, Панченко неожиданно сделал вид, что не понимает, о чём вообще идёт речь.

10 октября Алина сказала мужу, что всё решится завтра. Она снимет со сберкнижки весь свой вклад — 1055 рублей. Возьмёт в долг и добавит к этой сумме ещё 145 рублей. Чтобы было всего 1200 рублей. Как раз на трёхкомнатную. По договору с Панченко, она должна поехать с ним после 16.00 к «тому человеку» и передать ему не только деньги, но также паспорта и профкомовские документы на предоставление жилья.

Муж сказал, что не мешало бы и ему принять участие во всей этой аванюре. Мало ли что... Алина отвечала: тогда сразу станет ясно, что она не сохранила секрет. Решили, что нет ничего страшного. Всё-таки Панченко — заслуживающий доверия человек. Инженер-конструктор первой категории. Работает в одной комнате с сестрой. Ну как он может их надуть, зная, что в случае чего куда не денется?

Около 16.00 Алина написала заявление о предоставлении ей отгула. Но после телефонного разговора с Панченко позвонила мужу и сказала, что встреча переносится на более позднее время и, вероятнее всего, вернётся она домой не раньше 22.00.

Её должен был насторожить не только перенос встречи на то время, когда уже становится темно, но и многое другое. Когда они шли по улицам, Панченко сказал, что им надо держаться отдельно, чтобы никто из встречных не видел их вместе. Потом Панченко зашёл домой и зачем-то переоделся в рабочую одежду. Потом они приехали на вокзал, где Панченко без особого актёрского блеска разыграл якобы назначенную встречу с одним из участников сделки, который якобы сказал, что нужный человек находится сейчас на станции Мамонтовская, в доме отдыха Верховного Совета РСФСР. Там он или не там — это было неизвестно. А то, что ехать на ночь глядя в Подмоскowie не так уж обязательно, — это было как дважды два. Но Алина уже не могла остановиться. Слишком боялась, что сделка расстроится. Настолько этого боялась, что даже не подумала, что, если не проявить осмотрительность, можно не приобрести ничего и потерять всё.

Я пишу не детективную историю, где по законам

жанра полагается раскрыть, кто убийца, в самом конце. Моя задача другая. Показать, как люди становятся жертвами во многом по собственной вине. Как они, говоря ещё жёстче, своими руками роют себе могилу.

Когда приехали в дом отдыха в Мамонтовке, выяснилось, что «нужного человека» на месте нет, надо подождать. Ну и ждали бы в вестибюле или рядом с домом отдыха. Нет, Панченко предложил прогуляться по окрестностям. Уже было около 9 вечера. Темень. Какая может быть прогулка?

Развлекая разговором, Панченко уводит Алину на другой, совершенно безлюдный берег реки Уча. Потом вынимает из кармана верёвку, на глазах у Алины делает скользящую петлю и разглагольствует о применении верёвки в качестве «элемента биосвязи». Поразительно, но и здесь Алина буквально лезет в пасть к дьяволу. Словно загнипнотизированная, позволяет Панченко набросить ей петлю на шею! И спохватывается только тогда, когда он пытается связать ей руки.

Что больше всего поражает в этой истории? Прежде всего невероятная, переходящая все границы наглость Панченко. Он вёл себя так, будто был заморожен от разоблачения. Он сделал, кажется, всё для того, чтобы возбудить против себя самые сильные подозрения. Но создаётся впечатление, что чем наглее он это делал, тем больше ему верила Алина. Он как бы ввёл ей инъекцию против недоверия, пообещав то, что намного превосходило самые смелые её мечты.

Но она совершила ошибку и потом, когда Панченко объявил, что он сексуальный маньяк и начал подтверждать это своими действиями. Алина сказала, что обо всём расскажет мужу,— вместо того, чтобы сказать, что муж знает, с кем она ушла, что факт их переговоров подтвердит сестра, что кроме него, Панченко, некого будет подозревать!

Но можно предположить, что его уже ничего не могло остановить. Никакие мольбы, никакие угрозы. Как он потом признается, за минувшие десять лет он минимум 39 раз душил женщин и детей, грабя их и принуждая их к противоестественной связи. Но те его жертвы не знали, кто он и где работает. И потому тех жертв он мог отпустить, не особенно боясь разоблачения. Алина в этом смысле была обречена.

Не снимая петли, он волоком оттащил её тело к берегу Учи, сбросил в воду, и тело медленно поплыло

лицом вверх. А он, лихорадочно сжигая паспорта и документы, опорожня бутылку коньяка, едва ли предполагал, что это последняя его жертва.

Панченко разоблачили не сразу, но довольно быстро. Он не долго запирался. А потом несколько недель зональный прокурор-криминалист Н. П. Осипов возил его и понятых по разным подмосковным станциям, где Панченко безошибочно показывал, как выглядела жертва, во что была одета и какие действия он совершал. Потом садился за стол и сопровождал каждое своё признание подробной схемой. Как потом признают судебные психиатры, Панченко был во всех отношениях нормальным человеком. Единственный недостаток — «остаточные явления органического поражения мозга (скорее всего, последствия перенесённых в детстве инфекционных заболеваний), проявляющиеся в склонности к сексуальным извращениям».

Патология проявлялась постепенно. Начал (ещё в детстве) с онанизма. Потом стал прижиматься к женщинам в транспорте. Потом... Первая жена не захотела потакать его сексуальным фантазиям и ушла. А он стал бродить возле платформ железнодорожных станций и по прилегающим лесным массивам «с целью развратных действий».

Обычно он задавал женщине какой-нибудь вопрос и, пока она отвечала, успевал приблизиться почти вплотную. Если был гололёд, галантно поддерживал под локоть. Иногда изображал падение и, когда женщина приближалась, неожиданно вскакивал.

Ещё незатейливей обманывал детей. Бежала навстречу плачущая 10-летняя девочка. «Ты чего плачешь?» — «Папа уехал в Москву, а меня оставил с бабушкой», — «Не беда. Пойдём, я тебе покажу, где папа прячется в лесу».

Он боялся чем-то вооружаться. Вдруг схватят милиционеры и учинят обыск. Только иногда, после того, как накануне получал серьёзный отпор, брал с собой молоток. И бил им молча, без угроз. Но не настолько сильно, чтобы убить или даже отключить. А чаще всего просто хватал за шею, сдавливал и, угрожая убить, если жертва будет сопротивляться, тащил в сторону от платформы или лесной дорожки.

По его собственному признанию, если жертва в течение

минуты не покорялась, а ожесточённо сопротивлялась, царапала ему лицо и отбивалась руками и ногами, несмотря на то, что он мог бить в лицо и по телу кулаками, давить пальцами глаза, он этой борьбы не выдерживал и убегал, потому что чувствовал резкую слабость в руках и ногах.

Самое ожесточённое сопротивление оказывали ему женщины от 25 до 45 лет. Вероятно, это были те, кто уже отбоялся мужиков или никогда не испытывал перед ними особенного трепета, для кого мысль о том, что их изнасилуют, была, очевидно, гораздо страшнее мысли о том, что насильник может их убить. Сказывалась и физическая способность к сопротивлению. 10-летняя девочка, 11-летний мальчик или женщина — ветеран Великой Отечественной войны были перед Панченко, конечно же, беспомощны.

Исследователи отмечают большую осторожность, с которой маньяки ведут свою охоту. Панченко и в этом смысле выпадет из ряда себе подобных. У него была особая примета — густая борода и усы. Но он только изредка подстригал свою растительность и никогда не сбрасывал совсем. Он мог совершать по несколько нападений в одном месте. Если ему удавалось снять с жертвы какие-то драгоценности, он не старался от них избавиться.

При желании его давным-давно могла бы разоблачить вторая жена. Она отлично знала, что он извращенец. Она заставляла его подглядывающим за обнажённой падчерицей. Вероятно, она догадывалась, что Панченко изнасиловал прямо дома 14-летнюю племянницу жены. Он слишком часто являлся домой поздно ночью с поцарапанной физиономией, объясняя свои повреждения тем, что он якобы с кем-то подрался или разнимал дерущихся.

Он то и дело «находил» рядом с домом вещи, которые отбирал у своих жертв: зонты, кольца, часы, кулоны. Он «находил» драгоценности даже на дне моря, делая вид, что нашёл их во время ныряния. Эти чудеса были так часты и так однообразны, что даже ребёнок заподозрил бы неладное. Но, видно, нечаянные находки были для жены важнее, чем стремление понять, какую вторую жизнь ведёт её супруг.

Это для коллег, для Алины Азовской и её сестры Панченко был конструктором первой категории, выпускником престижного высшего технического

училища имени Баумана. Человеком неспособным на преступление. Но близкие-то Панченко люди догадывались, что он из себя представляет. Падчерица прямо говорила матери, что «отчим — натуральный маньяк». Да и сама жена могла бы обратить внимание, с чего бы это муж, идя, по его словам, на шабашку, кладёт в карман верёвку.

Прокурора Н. П. Осипова интересовало, в какой степени Панченко был свободен или несвободен от своей отвратительной страсти, мог ли он хоть в малой степени сдерживать себя. Предположим, его неудержимо тянуло по-звериному набрасываться на женщин. Но что побудило напасть на мальчика?

— Половое возбуждение,— отвечал Панченко.— Если бы в этот момент шла женщина или девушка, я напал бы на них. Но их не было, появился мальчик, и я не мог удержаться.

Патологию, которая его одолевала, можно назвать сексуальным бешенством. В какой-то степени врождённым, в какой-то степени развившимся во время «упражнений» в насильственных действиях. Вероятно, он не был оформившимся, законченным маньяком. Иначе скрупулёзно просчитывал бы все свои действия и вероятность грозящих последствий. Этой скрупулёзности что-то мешало. Мешали приступы сексуального бешенства.

Но «половое возбуждение» не мешало ему проявлять вполне трезвый корыстный аппетит. С многих своих жертв он начинал снимать украшения во время полового насилия. А если нечего было снять, брал что придётся: бутылку водки, пачку сигарет, банку консервов, солёный огурец.

Вспомним, где работал Панченко. И обратим внимание на амплитуду высокого и низкого в этом человеке: космос и сексуальное насилие, космос и убийство из-за 1200 рублей, космос и солёный огурец.

Эта потрясающая раскоряка и заставила вынуть дело из архивной пыли. В те, десятилетней давности времена пресса не напечатала о Панченко ни слова. И это понятно. Трудно было бы обойти молчанием, где учился, где работал, над чем работал. Иной читатель, не дай Бог, подумал бы, что в этих (и других, повыше) сферах таких, как Панченко, немало. Не обязательно

таких же насильников. Не обязательно таких же убийц. Но таких же способных к раскоряке. И таких же вне всяких подозрений.

Но теперь-то мы знаем. Можно насиловать не какую-то женщину, а целую страну. Можно не убить своими руками ни одного человека. И свести, стравить в смертельной схватке тысячи людей. Можно занимать головокружительно высокий пост и соблазняться чем-то схожим по масштабу на солёный огурец.

Не знаю, что стало с Панченко. Суд приговорил его к расстрелу. Но, кто знает, может, власти снизошли. Не стал я выяснять. Неинтересно. И не так уж важно. Валено то, что все мы сейчас во власти акробатов по части раскоряки. Все мы — безропотные потерпевшие. Когда только поймём это? И не будет ли поздно?

1994 г.

Воровской орден

Писать о «ворах в законе» (в дальнейшем, для краткости, буду называть их «ВЗ») трудно. Воровское сообщество — вполне легальная организация, но ей свойственна полнейшая информационная непроницаемость.

В местах лишения свободы довольно легко встретиться с «ВЗ», но почти невозможно рассчитывать на откровенный разговор. Вам прямо говорят, что вы можете что-то напутать, и это будет стоить жизни. И вашему собеседнику, и вам.

Ещё труднее установить контакт с «ВЗ» на воле. Как правило, они живут без прописки, часто меняют города. Можно, конечно, обратиться за помощью в уголовный розыск, там дадут координаты. Но как потом объяснять свою информированность?

Вот почему я обрадовался, когда получил письмо от прошляка, бывшего «вора в законе». Да какое письмо!

ПИСЬМО ПРОШЛЯКА

«В 1958 году я вышел со штрафняка «Чум», что на Воркуте, и с большим трудом зацепился за честную жизнь. Может быть, в моей писанине будет что-то не то, но мне уже 61 год, врать так и не научился. Когда положение вынуждало, я всегда предупреждал, что мне не выгодно говорить правду, и молчал. Вот и в этом письме постараюсь без вранья. Дальше будет всё серьёзно, а сейчас пошучу. Друзья говорят, что если бы какой-нибудь порученец вошёл в баню, где я мылся бы рядом с генералом, то подошёл бы ко мне. Внушительный вид — всё, что осталось у меня. Хотя, кто его знает, может, и я стал бы генералом, если бы не смерть родителей. Но я стал «вором в законе»...

Родился в 1927 году. Отца, мать и сестру-двойняшку не помню. Семью репрессировали, все погибли. Воспитывался в детском доме и воровать начал ребёнком.

Помню, семилетним ночевал в ящике на трамвайной остановке возле тюрьмы. Однажды вылез оттуда и начал собирать окурки. Сверху крикнули. Я увидел зарешеченное окно и небритую физиономию. Человек попросил закурить и опустил «коня». Я поделился окурками, а он — тюремным пайком. Его звали дядя Коля. Я долго грел его, а он — меня. Потом он ушёл на этап и я снова остался один. Но теперь я знал, какие люди могут мне помочь. Раньше, когда я просил хлеба, звоня в квартиру, мне отвечали: «Пусть тебе Сталин подаст». Сталин и в самом деле мне подал. Первый срок я получил в 12-летнем возрасте. Хороший закон придумал великий вождь.

Прошу поиметь в виду. Я и подобные мне огольцы были ворами поневоле. Нам просто не в кого было быть преступниками. Поэтому и законы, по которым мы жили, были, по крайней мере с нашей точки зрения, справедливыми. Украсть — укради, на то ты и вор, но отнять, ограбить, нахулиганить, и тем более — убить — не имеешь права. Укради, потому что по-другому тебе не выжить.

Вором мог назваться только оголец, то есть беспризорный, голый, у которого не было ничего: ни дома, ни родителей, ни еды. Воров, у которых всё было, мы презирали, называли их домашняками. О них говорили: «Не украдёт — его мама накормит».

Были ещё блаторилы — взрослые парни, которые собирали вокруг себя домашняков и недопонимающих огольцов, обыгрывали их в карты, всячески использовали, тем и жили. Это они, объявив себя ворами в законе, придумали коронацию. Как только они это сделали, воры из числа беспризорников стали называть себя «честными ворами». Звучит смешно, но мы не хотели, чтобы нас смешивали с блаторилами. Кодекс поведения (в любых ситуациях найди самое честное, самое справедливое решение), который у нас сложился, мы потому и назвали «законом», что его нужно было выполнять неукоснительно. Но сами себя ворами в законе не называли. Это слово пошло от ментов. Это они спрашивали на допросах: «Что, законник?», когда мы отказывались колоться, стучать или давать показания в роли потерпевшего. Почему, например, по воровскому закону настоящий вор не мог иметь сбережения или какую-нибудь собственность? Потому что его самого

могли ограбить, и он вынужден был бы стараться вернуть своё барахло, давать против кого-то показания, сажать такого же вора.

Мышление у нас было такое. Если ты для нашего общего живёшь, то будешь авторитет иметь. А если увидим, что только о своей кишке беспокоишься... «Налей мне погуще!» или «А ну, отдай пайку!»,— этого за нами не было. А если кто-то срывался, то сам себя резал, закалывал. Никаких «гладиаторов» или «бойцов» никто не нанимал, не посылал. Потому что настоящий вор был обязан стать палачом для самого себя.

Это неправда, что закон запрещал вору жениться. Он просто не мог, часто меняя города, имена. Пойдут дети, за них ведь отвечать надо, поднимать на ноги. Или говорят, что вор мог создать семью только с воровкой. Это тоже не так. Просто считалось, что воровка может вторгнуться в мента и выполнять все его поручения, может от него забеременеть, и тогда она совсем на крючке.

Я не оправдываю воровские правила. Было в них и немало зверского, кто спорит? Я только хочу чтобы на нас, волей коммунистов ставших беспризорниками после гражданской и второй мировой войн, не вешали всех собак. И не хочу, чтобы нас смешивали с теми «ворами в законе», которые сегодня разъезжают на мерседесах и даже покупают своё звание Мы «честные воры», как раньше ничего не имели, так и сейчас прозябаем в нищете, потому что не можем отступить от своего закона, хоть и давно уже завязавшие, прошляки.

Но я продолжу рассказ о своей жизни. Я прошёл мясорубку, которую устроили нам коммунисты. Началось это в бухте Ванино, где было 24 зоны! После войны туда, на так называемое поле Куликово, в день приходило два эшелона с братвой. И у каждого спрашивали. «Масть?» Менты придумали массовую резню и уже сами не знали, как её остановить. Кому работать на стройках коммунизма? Ведь перережут друг друга без остатка.

А началось всё в первые месяцы войны. Всем зэкам власть предложила выбор: или смыть свою вину кровью на фронте, или голодная смерть в лагерях. По нашему закону нельзя было брать в руки оружие даже

для грабежа. По закону нельзя было идти на сотрудничество с властью. Но на фронте можно было получить ранение и таким образом не только очиститься, но и даже уцелеть. А вы знаете, как в те годы кормили в лагерях. Я никого не обвиняю и никого не оправдываю. Я просто хочу сказать, что мужество требовалось и тем, кто шёл на фронт, и тем, кто доходил в лагерях.

Но давайте вспомним, как власть поступила с военщиной — теми, кто пошёл воевать. В составе штрафбатов их посылали в самое пекло. Но кое-кому и там удавалось уцелеть, а значит, не смывал вину кровью. Тогда начались самострелы. А тех, кто так и не получил ранения, после войны отправляли досиживать сроки.

Но это были уже другие люди. С другими понятиями. Война — это тоже работа, и они уже не могли в лагерях без работы. Но эгоистическое начало брало своё. Стремились либо к хорошо оплачиваемой, либо к руководящей работе. А это значит — сотрудничество с ментами. Вот с чем не могли смириться «честные воры». Они прозвали военщину «польскими ворами». Все они воевали в основном в армии Рокоссовского, прошли через территорию Польши и решили держаться отдельно. Тогда менты сделали ставку на «Короля» — одного из «польских воров». Ему и его людям разрешили иметь при себе длинные ножи и сказали, что не будут вмешиваться, если он обратит в свою масть всех «честных воров». «Король» придумал ритуал. Те, кто переходил на его сторону, должны были на общем построении поцеловать его нож. Кто отказывался, того тут же приканчивали.

«Королю» нашли последователей почти во всех северных и дальневосточных зонах. И началась резня. «Честные воры» поднимали на свою сторону работяг и устраивали контрперевороты.

Одного магаданского кума (оперуполномоченного) в Москве спросили: «Воры есть?» — Он ответил: «Есть». — «Чтоб не было! Ясно?» Кум был из фронтовиков, собрал нас, рассказал об этом разговоре. Закончил так: «Не знаю, как вам, а мне кровища надоела».

Потом это называли «сучьей войной». Что война — это точно. Из одной зоны в другую делали подкопы. Подбрасывали в пищу отраву. Если «польским ворами» нужно было зарезать какого-нибудь «честного вора»,

они платили куму деньги и он организовывал этапирование того человека по спецнаряду (якобы как нужного специалиста) в их зону.

Ну и чего добились? Назовёшься на пересылке мужиком — могли к сукам бросить. Вот и назывались обыкновенные уголовники «честными ворами» восполняли потери.

Сколько было уничтожено людей?! Тысячи? Десятки тысяч? Этого уже, наверное, не узнать. Ну и чего добились? Сократили преступность? Нет, преступность продолжала расти. Только преступники становились всё более жестокими. Раньше соблюдались хоть какие-то правила, нормы. После этой войны в зонах началась эпоха дикого беспредела, который распространился и на воле.

Теперь я называюсь прошляком. «Вор в законе» в прошлом. Только прошу иметь в виду. Прошляки — тоже двух видов. Одни просто выдохлись и не упустят случая поживиться за чужой счёт: жульническая кровь играет в них до самой смерти. Другие завязали и отошли от воровской жизни принципиально, потому что разочаровались в ней, возненавидели её. Эти — как раз те, чьё детство погублено властью.

Почему разочаровался? «Воры в законе» — это люди, которые сами не свободны от своего закона, они не принадлежат сами себе, а я люблю свободу и независимость. Они считают себя выше других арестантов и это чувство своего превосходства играет с ними злую шутку. Справедливости уже нет, от неё остаётся одна видимость, демагогия. Человек не может быть справедлив по отношению к тем, кого считает ниже себя «Воры в законе» либо создают себе власть, либо присваивают, отбирают её. Они — мастера власти, которая с годами стала неограниченной. Они готовы на любые пакости, только бы удержать эту власть и свои привилегии. (Это вам ничего не напоминает?) Раньше во времена диктатуры и, как мы говорим, тоталитаризма с этим ещё можно было смириться. Но сегодня Вот увидите, чем больше будет свободы и демократии в стране, тем большей личной независимости потребуется каждому, кто отбывает срок. Если менты в колониях не начнут какую-нибудь очередную кровавую игру, мужики-работяги сами сбросят с себя диктатуру воров

Ну и самое главное. Власть с первых своих дней

сама выращивала преступность. Потом объявляла ей беспощадную войну. Воюя, продолжала выращивать. И этому не было конца. Только сейчас появилась надежда, что вся эта механика будет понята и прекращена. Дай-то Бог! Но адреса моего всё-таки прошу никому не давать. Надеюсь на благородство.

Ч. В.»

1992 г.

СХОДКА ПОД ОХРАНОЙ ПРАПОРЩИКА

Астраханский следственный изолятор. Кабинет начальника Виктора Власа. Говорим о «ВЗ». Влас охотно посвящает меня в особенности своего окаянного ремесла. Входит заместитель и что-то шепчет Власу на ухо...

Спускаемся на первый этаж, входим в бокс. На топчане лежит окровавленный заключённый. Тюремный врач сухо перечисляет: «Перелом основания черепа, кровоизлияние в мозг, закрытый перелом пяти рёбер...»

Власу докладывают: «Осуждённый З. доставлен из колонии, где считался «вором в законе», «хозяином зоны». Ночью перелез через забор и проник в помещение камерного типа. Сигнализация непонятным образом была отключена. Кто-то открыл З. дверь в камеру, где содержится наиболее отрицательная часть осуждённых. Здесь З. было предъявлено обвинение в том, что он самозванец. Затем началось зверское избиение».

«Он очень плох»,— говорит врач.

«Вот так всегда,— отзывается Влас,— Умрёт — эки скажут — менты грохнули. Выживет — менты внедрили под видом «вора в законе» своего человека. Если он действительно «вор», то на тех, кто его побил, придут ксивы с приговорами, придётся их спасать. Если выяснится, что самозванец {по-блатному «сухарь»}, надо будет спасать его.

На другой день, после оперативного расследования, выяснилось, что З. проник в ПКТ, заплатив одному из прапорщиков сколько-то рублей. И что это уже не первый случай. Ещё через неделю узналось, что другой

прапорщик пронёс в ПКТ самогон. А однажды завёл и пятерых в дугу пьяных «авторитетов».

«Сходнячок под охраной прапора — недурно! — мрачно усмехается Влас. — А может, эти прапоры — и не предатели вовсе, а их люди? Своих людей они уже засылают даже в училища МВД. Почему не заслать в надзиратели?»

Возвращаемся в кабинет, и Влас продолжает свой рассказ.

«Когда Васе Бузулуцкому, который сидит с 60-х годов (ему несколько раз добавляли срок в колонии), оставалось до освобождения несколько месяцев, он сказал: «А что я буду делать на свободе?»

Этот Вася и ему подобные — так называемые тюремные «воры в законе» проводят в заключении чуть ли не всю сознательную жизнь. Нужно ли удивляться, что они чувствуют себя там хозяевами?

«Вор» может объявить целую камеру (иногда целую колонию) блядской, и никто, в том числе мы, сотрудники, не может снять этого «креста». Мы будем не спать ночи, подниматься по тревоге, оправдываться перед комиссиями, выматываться. И когда к нам придёт очередной «вор» и скажет, что он будет «держателем порядка», мы очень серьёзно задумаемся над этим предложением.

«Держать порядок» — это прежде всего разбирать многочисленные конфликты между заключёнными, не доводить отношения до ссор, не доводить ссоры до ножей.

Скажите, кому это нужно, чтобы на зонах были драки, ограбления ларька? Или вдруг медсестру изнасилуют. А «вор в законе» этого не допустит. Даже самозванец. «ВЗ» выступали резко против захватов заложников. Результат налицо — меньше стало захватов.

Нам сообщают: к вам идёт этапом «вор» такой-то, на свободе не был лет пятнадцать–двадцать. Ага! Значит, очень даже вероятно, что к его приезду в зоне будут готовить симпатичного юношу. Его подкармливают, угощают чифирем, наркотиками, оказывают поддержку и покровительство или заманивают в карточную игру и подстраивают проигрыш. «Вор» приезжает и говорит юноше: «Я тебе твой долг прощаю, но давай... никто ничего не узнаёт...»

Когда в колонию этапом приходит «ВЗ», все знают, что положение изменится. Это первая обязанность вора — наладить подогрев ШИЗО и ПКТ. Вор никогда не приходит пустой. Он приходит заряженный: с сигаретами, деньгами.

Для того чтобы проложить дорогу в ШИЗО, вор подкупает минимум одну смену ментов. По этой дороге потом идёт всё: водка, брага, наркотики.

Тот, кто везёт «ворам» деньги, автоматически входит в их круг. Поэтому он заинтересован в благополучном провозе. Если мы найдём деньги, никакие его оправдания не будут учтены. В лучшем случае его будут бить смертным боем. В худшем — кранты. Опять для нас неприятности! Прокурор скажет: не учли, не определили, действовали непрофессионально!

Знаешь, сколько купюр можно засунуть в стержень авторучки? А в зубную пасту? А сколько можно проглотить, предварительно упаковав в полиэтилен? Способов тайного перевоза — сотни. Чаще всего они содержат либо приговор (кого-то требуют убить, кого-то изнасиловать), либо призыв к действиям против администрации. Пройдёт такая ксива незамеченной — жди беды!

Своей рукой «вор» никогда не пишет ксиву и не подписывает. Он диктует одному из своих. В тексте указывается, от кого ксива, но попробуй докажи, что это он писал!

С оригинала тут же делаются копии и рассылаются во все концы. За семнадцать лет работы я видел тысячи копий и ни одного оригинала! Так прячут!

Копии везут, как правило, уголовные романтики, фраера, они знают, что если довезут, войдут в воровское окружение, повысят свой статус, как бы сделают карьеру. Они знают также, что если мы их запалим, отберём ксиву, у них один выход из положения — привязаться к какому-нибудь свидетелю из числа эков, чтобы потом он подтвердил факт недобровольного изъятия. Иначе... Сейчас не режут. Сейчас ломают руки, ноги, позвоночник.

Надёжнее всего ксиву спрятать опять-таки в желудке. Упаковать в полиэтилен, привязать нитку к зубу и проглотить. Если этап большой, попробуй тщательно осмотреть каждого! И без того нервная обстановка

кем-то из эков преднамеренно обостряется. Надзиратели устают, начинают психовать, внимание падает.

Гонец провозит ксиву, сдаёт, главный в зоне расписывается в получении, собирает круг и начинает читать вслух. Даже если там говорится о том, что расправиться нужно с ним, он уже не может спрятать или уничтожить ксиву. За этим следят. Потому что развелось невероятное количество самозванцев, выдающих себя за «воров в законе».

«Вор в законе» только идёт в колонию этапом, а там уже знают и рассылают ксивы, просят подтвердить его полномочия. Кто бы из сотрудников МВД в колонию ни приехал, кого бы прокурор по надзору или оперуполномоченный ни вызвал на беседу, вора́м к вечеру уже известно, о чём шёл разговор. Они знают, кто из эков чем занимается: кто делает выкидные ножи, кто зубные коронки, кто чеканит, кто вырезает шахматы и нарды. Сколько переправил через вольнонаёмных или надзирателей на волю, сколько заработал, сколько недодал в общак...»

1992 г.

ВОРОВСКИЕ КСИВЫ

«Всего светлого вора́м, томящимся в застенках,— от воров, находящихся в данное время на свободе. От Вазгена, Мордо, Осипа Калининского, Феликса, Сан Саныча, Тимура Татарина, Гии Тбилисского, Песико Сухумского, Валеры Бакинського, Эмигранта, Корзубого, Важи-Дурака (Калининского) и многих других наших братьев.

Сейчас в России идут большие перемены, в лучшую или плохую сторону. Нас, воров, и всю преступную массу стараются сделать причиной неудач в управлении страной, издают указы об усилении борьбы с нами.

В отдельных местах имеют случаи выяснения отношений между лицами разных национальностей, что недопустимо в наших условиях.

В последнее время участились случаи захватов заложников и неоправданные жертвы — лишний повод для законодателей усилить оружие против нас. В настоящее время нигде захват заложников не прошёл удачно, не нужен нам лишний повод, чтобы

выставлять наш преступный мир жестоким. Давайте будем жить по законам нашего святого и благоразумного кодекса.

Всем вам благ и здоровья, и да хранит вас Всевышний от всех невзгод. Не падайте духом. Мы с вами и за вас...»

«Воры, а также все добропорядочные арестанты! Все, для кого воровское свято, кто перенёс все тяготы и невзгоды. К вам обращаются воры Шура-Захар и Вася Бузулуцкий, а также вся братва московских централов и хотим пожелать нашим братьям воровской удачи и здоровья.

Просим взять во внимание: на сегодня положение не везде благополучно, особо в Центральной России. Сволочи, которые прикрываются святым именем вора, стараются завести нас в заблуждение. Не будем долго ходить за примерами. Вы уже слышаны о них. Камерные воры Вахид Бакинский, Банзай Паша какой-то Жора Тамбовский – все они около чьих-то лампасов трутся. Все вы слышали и за Славу Гагринского. Эта сволочь в своё время мародёрничала в Балашове. Учил на одной газете чай варить, а кто не мог этого сделать, того ломал.

Азиз Алиев, Яшка Мамедов, Бака Арицунян, Игорь Арутюнян избили и умертвили Жору Тамбовского.

Братва, наша личная просьба: живите дружно. Старайтесь все вопросы жизненные разрешать, больше обращайтесь за разъяснениями. Надо делать всё для благополучия людей..

Наша главная цель — аннулировать тех, кто ставит шлагбаум ворами, и не допускать унижений, страданий людских. Порядочные арестанты, связывайте между собой более глубокие чувства, чем зло, ненависть и желчь.

Кто прикрывается святым именем вора, а никогда вором не был и не будет, на многих уже приговор готов и малявки будут разосланы. Если вами будет прочитана малявка, то при встрече с ними поступайте так, как полагается — как с гадом.

Сколько воров пошло на крест, но от убеждении не отказалось. Так давайте продолжим традиции этой жизни...»

1992 г.

«ВОРЫ В ЗАКОНЕ — КОЛОССАЛЬНАЯ СИЛА»

Из рассказа Евгения Н. — человека, близкого к «ворам»

Настоящих «воров в законе» немногим более 150 человек. Примерно половина сидит. Половина — на свободе. 150 — это не 500, как сообщает МВД. Но и это колоссальная сила.

В некоторых районах страны в «ВЗ» (особенно в Средней Азии, на Кавказе) нуждаются не только преступники. У человека украли машину. Он знает, что на милицию надежды нет, и обращается к вору.

Между прочим, в фильме «Палач» показаны действительные события. Была журналистка, которую обесчестили «хором». Она решила, что если пойдёт в милицию, то кроме огласки ничего не добьётся. И она обратилась к «ворам в законе».

Или, к примеру, в городе Кемерово изнасиловали дочку шахтёра. Потерпевшие обратились не в милицию, а к ворам. Принимается решение: найти и наказать. И, будьте уверены, найдут и накажут. Причём не за деньги — для поднятия своего воровского авторитета.

Или, допустим, возник конфликт между группировками. Чтобы не было резни и побоища, если у них достаточно ума, они пойдут к вору, который их рассудит, кто прав и кто виноват. У враждующих сторон всегда есть потребность в третьей силе. Но эта сила должна обладать высоким званием, большими полномочиями и всеобщим признанием.

Если враждующие стороны не придут к вору, то к ним придут его люди и скажут: «Вот вы, Вася и Петя, явитесь тогда-то в такое-то место и там обо всём поговорим». Если не придут, то мне их очень жаль.

В криминальной хронике пишут про неопознанные, изуродованные трупы. Это вполне могли быть люди, которые не слушались, решили показать, что они сильнее вора.

«ВЗ» никогда не пойдёт на мокруху. Ни при каких обстоятельствах! Приговор приведут в исполнение его парни.

Судя по малявкам, которые ходят сейчас по колониям, на высшем воровском уровне принято решение возвращаться к истокам, возрождать воровские законы в их первоизданном виде. Что сегодня творится на свободе! От беспредела преступников страдают лучшие люди уголовного мира. Он освободился, идёт, а его раздевают. Куда это годится?

Не так давно в Нижний Новгород был командирован «Дипломат». Боролся с гопниками. Говорят, стало спокойнее. Одних он убеждал, других наказывал. Он сделал то, чего не могла добиться вся милиция — разве это не сила?

Как бы он поступил, если бы шпана не подчинилась? Достаточно одного звонка, и в Нижний выехала бы бригада московских или эстонских «бойцов», и сразу бы стало тихо.

Требования воровского закона тем и импонируют кое-кому, что они предельны. Людям важно ощущать над собой твёрдую власть. Может быть, это и лжепорядок. Но он есть и воспринимается многими безо всякого «лже». Вы послушайте малолеток: и мальчиков, и девочек. Они же слушают про блатную жизнь, раскрыв рты. Да, «ВЗ» — антигерои. Но преступная молодёжь воспринимает их безо всяких «анти».

Находясь на свободе, настоящий вор думает не о себе, а о тех, кто сейчас в зоне. Значительная часть его добычи, примерно 40 процентов, идёт туда. Там, где я сидел, в Коми, было то, чего нет на свободе: любые продукты, любые сигареты, любые наркотики, даже женщины. Ночью рабочая зона не охраняется. Утром, когда появляется конвой и приходят зэки, баба уже там. Но ведь это всё нужно организовать. На это дело летят тысячи.

Региональные воровские съезды проводятся не реже раза в год. Это правило. На съездах принимаются новые законы или поправки. Без законов жить нельзя. Если кто-то из воров нарушил закон и не явился на вызов, съезд направляет к нему комиссию. Бывают внеочередные съезды. Поводом часто служат похороны какого-нибудь вора. Допустим, умер Вася, который за что-то отвечал. За район или за целый город. Пока хоронили Васю, решали, кто будет дальше вместо него.

У «воров» нет централизованного управления и единоличной власти. Это можно объяснить громадными

размерами страны, огромным количеством колоний и тюрем, а также стремлением воровских лидеров разных регионов (российского, среднеазиатского, закавказского, сибирского и т. д.) к сохранению своей независимости.

Примерно раз в два года — чаще всего в летнее время — где-нибудь на юге проводится всесоюзный съезд выдающихся «воров».

Те, кто занимаются «ВЗ», заранее знают, в каком городе состоится съезд, но не мешают. Ну собрались товарищи по профессии, собратья по несчастью, если считать таковым пребывание за решёткой. По какому закону можно это запретить? Да и зачем загонять врага в глубокое подполье? Так ведь можно перекрыть себе же доступ к информации. «Зачем?» — многозначительно улыбаются оперативники, намекая на то, что у них хватает информаторов среди самых авторитетных «ВЗ».

На съездах чаще всего проводятся дискуссии о том как жить дальше. Обсуждается, так сказать, текущий политический момент. Ораторы ведут себя солидно, говорят примерно таким же языком, каким написаны ксивы.

Ну и, разумеется, все с нетерпением и затаённым страхом ждут последнего и едва ли не самого главного пункта повестки дня — решения организационных вопросов. Чьё-то положение повышается. Но, как правило, за счёт понижения положения другого «ВЗ». Чей-то грех перед орденом и «законом» надо доказать. Не докажешь — ответишь головой. Раньше приговоры приводились в исполнение прямо на съезде, при всеобщем присутствии. Палачей, как правило, не требовалось. Приговорённый резал или стрелял себя сам. Сегодня, говорят, санкции стали мягче.

1992 г.

«ОНИ СТАНОВЯТСЯ БАНКИРАМИ!»

Из рассказа Андрея М. — рецидивиста, ненавидящего «ВЗ»

Раньше «ВЗ» бражничали. Считали шиком спустить наворованное. Вор знал, что его вот-вот возьмут и что ему — по «закону» — нельзя долго гулять на воле.

Поэтому он создавал себе репутацию рубахи-парня, зная, что это окупится в тюрьме.

Сейчас «ВЗ» ворочают огромными суммами, которыми ни с кем не делятся или только делают вид, что отстёгивают в общую кассу. Я знаю одного такого. Он сидит, а у него на воле 120 тысяч закатаны. Я знаю такого человека!

Раньше «ВЗ» чаще всего крали не деньги, а товар. Чтобы превратить какие-нибудь тряпки в деньги, надо было их по дешёвке сплавлять барыгам. Сегодня у «ВЗ» огромные суммы чистогана, которые они немедленно отмывают.

Новые «ВЗ» выходят на такой оперативный простор, который старым «ВЗ» и не снился. Из простых уроков они становятся бизнесменами, теневыми хозяевами экономики. А поскольку в них заложено самое чёрное, самое сволочное, то и наше предпринимательство будет самым чёрным и сволочным, поскольку «ВЗ» замарают всех.

Это в Штатах — принёс деньги в банк — тебя спросят, откуда они. Налоговый инспектор сразу за задницу возьмёт. А у нас?

Сейчас можно держать дутый кооператив, показывать фиктивные прибыли, платить налоги с этих прибылей и таким манером отмывать сотни тысяч. Пример? Пожалуйста. Я зарегистрировал кооператив по изготовлению бижутерии. Закупил по дешёвке швейное оборудование, отразил в документах фиктивные поставки сырья, нанял фиктивный штат. Каждый месяц плачу налог, допустим, с 60 000 рублей. Если спросят, откуда деньги, скажу, что на 60 000 рублей произвёл и продал продукции. Никто ведь не контролирует, делаю ли я эту бижутерию или нет. Государство это не волнует. Государство волнуется, уплатил ли я налог.

Итак, на деньги, за вычетом налога, я уже имею документы, что они чистые. В течение года отдал государству 252 тысячи, а 4680 отмыл. Смело могу покупать какую-нибудь недвижимость и наращивать свой капитал.

Теперь объясню, откуда у меня 60 тысяч. В зоне моего влияния, предположим, два цеха, фарцовщики, валютчики... Кто только сегодня не крутит варганку!.. Цеховик обязан мне каждый месяц уплатить 20 процентов дохода. И все другие тоже платят. Три года

я эксплуатировал такой-то район, собрал приличную сумму. Передаю другому «ВЗ». А сам занимаюсь отмыванием денег.

Вам ничего не говорит слово «Угол»? Это район Большого театра, гостиницы «Москва», площади Ногина. Вечерами и ночью там продаётся всё: американские сигареты, водка, шампанское, анаша, мак, опиум. И всё охраняется милицией, от сержанта до капитана.

Рядом с гостиницей «Космос» есть ресторан «Колос», где бандерши предлагают девочек на ночь. Из 250 рублей за каждую бандерша что-то оставляет себе, что-то идёт на взятки, чтобы их не гоняла милиция. Частенько наезжают ребята, которые хотели бы снять девочек за так. Для защиты постоянно стоят одна-две машины ПМГ.

А цветочные и кооперативные ларьки. А торговцы овощами, фруктами, напёрсточники. Чеченская «бригада» собирает с каждой «точки» по 50 рублей. Я видел момент получения денег (с тех, кто не захотел платить) на Калининском проспекте. Среда бела дня их затоптали в асфальт.

Запомните: кто бы ни облагался данью, часть её по длинной цепи передаётся «ворам в законе», которые, в сущности, занимаются одним делом — отмыванием этих денег... Пример. Комиссионный магазин продаёт за день всего-навсего одну пару мужских туфель. А выручку сдаёт 50 тысяч. Что стоит выписать фиктивные квитанции? Гражданка Сидорова якобы сдала кожаную куртку, а гражданка Петрова якобы купила.

Несколько лет назад чеченцы имели в столице 80 тысяч в неделю. Все? Бог с вами! Каждые пятеро! А всего было около четырёхсот человек. Насколько я знаю, они уже открыли у себя коммерческий банк. Не удивлюсь, если они станут хозяевами в своей маленькой республике. Их люди могут быть теперь в каких угодно кабинетах.

Нет, сами «ВЗ» в политику вряд ли полезут. Они привыкли держаться в тени. Настоящий «ВЗ» одет простенько, скромненько. Пьёт водочку, а не дорогие коньяки. Интердевочками не балуется. Есть у него Дуся-продащица с уютненькой квартиркой, и он доволен. Деньги у него — только на текущие расходы, остальные вложены в дела. Деньги для настоящего «ВЗ» — не цель. Что цель? Наверное, влияние, власть.

Надеюсь, вы понимаете, что разные фокусы «ВЗ» и им подобных просто невозможно утаить. Они известны милиции. Если не известны, то её надо всю уволить и набрать новую. Но я повторяю: милиция располагает всей информацией и... не мешает. Как правило, не мешает.

1992 г.

ПОЧЕМУ ОНИ ПРАВЯТ В ЗОНАХ

Из рассказа Евгения

Объясняя, почему заключённые — вольно или невольно — видят в «ворах в законе» более справедливую власть.

Мужик неглупый, он понимает, что за право властвовать над ним борются две системы. Но власть воров более приемлема для мужика. Чаще, большее, несправедливее давит мужика не вор, а мент.

В Коми есть колонии, которые стоят в таёжных тупиках. Называются дальняки. Дурная у них слава. В администрации очень много нацменов. Ээки говорят: «Взяли колонию в аренду...» Кто же арендаторы? Проштрафившиеся, совершившие преступления. Известно, что начальник режима старший лейтенант Завьялов, например,— бывший майор. Работал во Владимирской тюрьме. Был начальником оперативной части. Имел прозвище «Садист». В Коми его отправили за убийство шестерых ээков. Шестерых!

Мне кажется, у этих людей довольно быстро появляется какой-то комплекс, чисто ментовский. Человек как бы автоматически превращается в негодяя. Мы за свои преступления платим годами жизни. Они же нарушают законы ежедневно. Это их образ жизни.

Мужик обрабатывает не «вора в законе», мужик обрабатывает администрацию. Но я сам был свидетелем того, как в нарядах фигурировали люди, никакого отношения не имеющие к работе ээков. Жёны офицеров, например, числились раскряжёвщиками, пильщиками, сучкорубами и получали зарплату. Я отбыл 11 лет. У меня был иск 1300 руб. А освободился я с иском в 1100 руб. Это выяснилось, когда я вышел за ворота. Как как? Ведь у меня ежемесячно высчитывали по 40–50 рублей! Даже если бы по червонцу в месяц, и то иск был бы погашен!

В бухгалтерии колонии сидят три бабы, которых так и хочется спросить: «Сколько же вы зарабатываете?» На них повешено столько золота, места живого нет.

Вероятно, это закономерность: влияние «воров в законе» усиливалось в те периоды, когда обострялась борьба за выживание. И, наоборот, падало, когда режим смягчал.

Жизнь в условиях острейших нехваток (и возникающих на этой почве конфликтов) немедленно востребует кого-то на роль арбитра и распределителя остатков благ. Хаос или диктатура «ВЗ»? Из двух зол выбирается последнее.

Чем тотальнее дефицит, тем больше масса заключённых видит в «ВЗ» своих благодетелей, способных с помощью связей с волей и подкупа персонала организовать доставку продуктов и курева. Не за «спасибо», конечно. Но цена услуг уже не имеет значения.

Все бунты против администрации приходится на периоды усиления репрессивного режима содержания. И, наоборот, все бунты работяг против «ВЗ» происходили в те редкие моменты, когда заключённым давалась возможность хорошо зарабатывать, улучшать за свой счёт рацион, чаще получать посылки и передачи. «ВЗ» чувствовали свою ненужность, начинали жадничать, усиливать поборы (было что брать!). Работяги, как правило, терпели недолго...

У меня дружок, грузинский «вор в законе», должен был выкупиться из зоны. Надо было только дать взятку 15 000. Заплатить врачу за активирование. Эта сумма была в сотенных купюрах. И вдруг — Павловский обмен. Но сестра тут же привезла деньги в других купюрах. Вы не представляете, какой был в зонах ажиотаж! Кому Павлов особенно плохо сделал, так это ээкам. Часть миллиардов, которые отсекли, отсекли в зонах. Но кое-кто и здесь руки погрел. По моим сведениям, в одном управлении Архангельской области менты сами предлагали свои услуги — обменять сторублёвые бумажки на 50-рублёвые.

И в северные колонии попала с юга эта зараза. Люди специально идут в училища МВД, становятся начальниками режимно-оперативной части, идут служить прапорщиками — с одной тайной целью — паразитировать на заключённых.

На посылки у нас строгий лимит. А выжить надо. Мне, как и другим энкам, родственники слали на адреса вольнонаёмных (разумеется, не за бесплатно!. Однажды получаю сигнал: «кум» изъять мою посылку. Потом вызывает. «Твоя?» «Моя», «Вот так. За каждую пачку сигарет — два рубля. За банку кофе — 15 рублей. Идёт?» Пришлось платить за собственную посылку!

Но это разве выкуп! Одному узбеку родственники привезли передачу весом в три центнера! И уплатили за то, чтобы он пронёс её в зону, десять тысяч рублей. Прапорщик, который получил свою долю, хвастал потом, что поедет к невесте на новой машине.

(Пора сделать важную оговорку. Когда я оставляю в речи моих собеседников слово «мент», я имею в виду не всех сотрудников МВД, а тех из них, кто забыл, что такое профессиональная честь. В разные периоды нашей истории их было то много, то меньше. Но они не переводились никогда. И до тех пор, пока они не будут изведены без остатка, преступность наша будет не сокращаться, а расти. Ибо, если преступники паразитируют на теле общества, то ментов кормит преступность. И потому они не заинтересованы, чтобы она сокращалась. — В. Е.).

Сколько чая прошло через лагерь по спекулятивным ценам?! Думаете, так просто его не разрешали? А когда разрешили, это же было горе для ментов, самое настоящее горе — у них из рук уплывали живые деньги. Море денег! Ведь пачка чая ценой 36 копеек шла в ШИЗО и ПКТ за десять рублей! Что чай! Есть колонии, в основном на юге, где покупается всё: передачи, посылки, свидания, условно-досрочное освобождение.

Менты по-своему несчастные люди. Не они уголовную среду переделывают. Среда их затягивает. Они перестают понимать, что такое низость. Они превращают низость в товар.

У основной массы заключённых всегда были два врага. Самодурствующий персонал и зарвавшиеся «ВЗ». Две (то смертельно враждующие, то достигающие компромисса) структуры власти. Одна — внешняя, чужая. Другая — внутренняя, своя. Но они, такие, вроде, разные, превращают пребывание в колонии в нечто гораздо худшее, чем пребывание в неволе. Житья и справедливости нет ни от тех, ни от других. Но творящих

беспредел «ВЗ» можно загнать в запретку, откуда они будут истошно орать часовым: «Не стреляй, начальник!» Беспредельную администрацию так не проучишь. Побывавшие в заключении диссиденты единодушны: «Блатной порядок может быть справедливым. Административный — никогда!»

1992 г.

ОТКУДА ОНИ ПОШЛИ?

Гипотеза автора

Откуда пошли «воры в законе»? Ни Достоевский в «Записках из мёртвого дома», ни Чехов в «Острове Сахалин», ни Гернет в «Истории царской тюрьмы» не написали о них ни слова.

Мы знаем только, что арестантская община делилась раньше как минимум на три слоя: «иваны» (так назывались профессиональные каторжники), отбывавшие не первый срок или пожизненное заключение, «мелкая шпана» (прихлебатели «иванов») и мумики — те, кого криминологи считают случайными преступниками. Отбыв срок, они никогда больше не преступали закон из-за одного только ужаса перед каторгой.

Была арестантская сходка. Она проводилась открыто, на ней избирались старосты. Один на тюремное население численностью не более 150 человек. (В исправительных заведениях того времени больше не бывало.) На эту должность избирался арестант, который одинаково устраивал и тюремную общину, и администрацию. «С хорошей глоткой и здоровым кулаком, чтобы живо можно было унять недовольных, чтобы не слышалась воркотня на пищу и тяжесть работ».

«Баранина стоила на каторге два рубля пуд». Сколько угодно можно было покупать чаю, сахара, табака. Какие-либо индивидуальные привилегии администрация запрещала. Зато разрешалось улучшение общего котла, если на руднике выполнялась назначенная норма работ.

Перечитывая старые книги, я не встретил ни одного упоминания о том, чтобы «иваны» отказались от работы, чтобы противопоставляли свой уголовный авторитет администрации. Не нашёл ни одного примера,

который бы указывал на какие-то особые привилегии ветеранов неволи. И всё же кое-какие детали дают основание считать, что воровская организация начала зарождаться в конце прошлого столетия. Но это не было самозарождением...

В воспоминаниях одного народника я прочёл: «Начальник одного из острогов капитан Лучезаров, называвший арестантов «ребятами» и «братцами», к всеобщему изумлению заявил: «Я получил наконец давно жданный приказ устроить тюрьму по возможности так, как это отвечает моим взглядам и убеждениям. И я устрою действительно образцовую тюрьму, а не какую-то гостиницу, какой она до сих пор была».

Вероятно, это — психологическая закономерность: самый добрый тюремный начальник рано или поздно делает вывод, что арестанты злоупотребляют его мягкостью. «В тюрьме будут введены строгости,— продолжал Лучезаров,— но вы не должны их пугаться. Те, кто будет послушен и кроток, ничего от меня худого не увидит. Но среди вас есть гордецы... строптивые... Вы должны пособить мне обуздать их».

Последняя фраза заключает в себе целую программу: расколоть единую арестантскую общину на тех, кто против администрации, и тех, кого она решает использовать для осуществления своих целей. К каким последствиям может привести этот шаг, реформаторы, вроде Лучезарова, вероятно, не подумали.

Ведь пособникам нужно платить. Как?! А очень просто. Лишить «гордецов» и «строптивцев» последних остатков материальных благ и передать высвободившиеся блага пособникам.

В чём же заключался «новый порядок» капитана Лучезарова? «За невнимание к звонку и свистку», «за неснятые шапки перед начальством» — розги, плети, суд, наручники. Строго указывалось, в каких случаях, полагалось говорить: «Здравия желаем!» или «Рады стараться!» Отныне надзиратели никому из арестантов не должны были говорить «вы», а всем без различия «ты»...

Сама профессия развивает в тюремном работнике неутолимую жажду беспрекословного подчинения. Ну, а арестант? Какова доминанта его характера? «...даже телесные наказания, — читаю я у того же народника,— не в такой степени принижают человека!

Что может сделать человек со связанными руками против грубого физического насилия? Но этот сравнительно маленький и смешной вопрос об обязательном снятии шапки — о, это совсем другое дело! Тут я не пассивно, а уже активно унижаюсь, из шкурного страха, я сам, собственной рукой делаю то, что мне в высшей степени неприятно делать...»

Итак, тюремщиков раздражали гордецы и строптивцы. И они не придумали ничего лучше, как основательно прижать всех. Вероятно, у них были на то свои основания, потому что гордецом (один реже, другой чаще) показывал себя едва ли не каждый.

Теперь недовольными были не единицы, а вся арестантская масса, которой потребовались другие лидеры. Староста с его психологией «нашим – вашим» тут уже не годился.

«Тропин (один из арестантов.— *В. Е.*) был софист по натуре, но софист совсем в другом роде, софист-мучитель, находивший величайшее наслаждение в возможности терзать чью-нибудь душу, мочалить чьи-либо нервы, наконец, кощунствовать и издеваться над признанной всеми святыней. Отчаянный болтунище, он по целым вечерам ораторствовал, например, на тему о том, что честность — вздор и одно лицемерие, что и все те, кто её проповедует, если не тупоумные дураки, вроде крестьян, то в глубине души первостатейные подлецы и негодяи... Прочитав когда-то какой-то роман из жизни иезуитов, Тропин пропагандировал теперь устройство такого мошеннического ордена, который покрыл бы своей сетью всю Россию и стал бы неодолимой силой».

Такие, как Тропин, значительно возвысились над окружающей массой. Ну, а дальше сказала своё слово человеческая природа. Они закрепили своё элитарное положение путём введения в свод неписаных арестантских законов таких правил и принципов, которые ставили бы их в полную независимость как от администрации, так и от «массы». Если раньше староста избирался всеобщим голосованием, то теперь теневой «хозяин зоны» стал избираться самой элитой.

Могут быть и другие объяснения.

Достоевский, например, довольно часто упоминает о «системе насильных работ», об отвращении к подневольному труду. Но в те времена тяжесть работ и

степень отвращения к ним были ещё очень далеки от своей высшей стадии. В остроге арестанты превращались в сапожников, башмачников, портных, столяров, слесарей, резчиков и даже золотильщиков.

Работа для себя снимала раздражение, которое вызывали «насиленные работы». К тому же острожники могли продать свой труд за деньги, получая заказы из города. «Весь смысл слова «арестант» означает человек без воли, а, тратя деньги, он поступает уже по своей воле», — писал Ф. М. Достоевский. И, словно предчувствуя «усиление строгостей», пророчествовал: «Опять-таки повторяю, что, если б арестанты лишены были всякой возможности иметь свои деньги, они или сходили бы с ума... или пустились бы в неслыханные злодеяния».

В остроге администрация почти не вмешивалась в жизнь арестантов. При этом не было никакого иерархического деления. Ни одна группа не навязывала острогу свою власть. «Против внутренних уставов и принятых обычаев острога никто не смел восставать, — пишет Достоевский, — все подчинялись. Приходили в острог такие, которые уже слишком зарвались. Но у нас их тотчас осаживали...»

Иногда в характеристиках арестантов мелькают черты будущих «воров в законе». «Он... любит самое отвращение, которое возбуждает в других... Точно, перескочив раз через заветную для него черту, он уже начинает любоваться на то, что нет для него больше ничего святого...»

«Человек есть существо, ко всему привыкающее», — философски заключает Достоевский, однако потом делает оговорку: «Арестант послушен и покорен до известной степени, но есть крайность, которую не надо переходить». Кому? Ну, конечно, тем, в чьей власти пребывают арестанты. Тем, кто и в те времена был не прочь сказать о себе: «Я здесь царь и Бог». Писатель дал прекрасные портрету острожников, ценою жизни не позволявших унижать их человеческое достоинство. И в этих словесных портретах можно узнать черты редких в наши дни «ВЗ», называемых «правильными».

«В остроге всё так исподлилось, что шпионство и доносы процветали...» — читаем мы дальше у Достоевского. Это не могло длиться бесконечно. Рано или поздно

должно было появиться наказание за то, что сегодня мы называем стукачеством, И кто-то должен был взять на себя роль вершителя наказаний.

Ну и последнее. Элита преступной среды не могла возникнуть без участия заключённых с психологией прислужников, слуг, рабов, «шестёрки» — этой особой человеческой породы, выращенной обществом, где человеческая личность никогда не знала настоящей свободы и достоинства.

Работники тюрем и колоний объясняют возникновение ордена стремлением одной части заключённых возвыситься над другой и паразитировать за её счёт. Персонал здесь как бы ни при чём. Вероятнее всего, процесс был двусторонним. С одной стороны, орден зарождался как выразитель интересов заключённых в борьбе с администрацией. С другой стороны, администрация поощряла создание ордена, так как нуждалась в том, чтобы внутри колоний, которых становилось в десятки раз больше, царил хоть какой-то порядок и шло бесперебойное использование дешёвой рабочей силы.

Русскому характеру присущи идеализм и максимализм. «ВЗ» стали олицетворением идеала «настоящего» преступника и выразителями той точки зрения арестантов, что власть продажна, закон чрезмерно суров и их арестантское общество должно быть устроено более справедливо. Во все времена арестанты противопоставляли своё общество тому, которое их отвергло. Но только «ВЗ» довели это противопоставление до высшего предела, выразившегося в создании организации профессиональных преступников.

Можно предположить, что именно тогда в штате мест заключения появились специальные сотрудники, призванные организовать систему доносов и нейтрализовать влияние «ВЗ». Колесо взаимной борьбы закрутилось.

1992 г.

«ГНУЛОВКА»

Из рассказа Андрея М.

«Воры в законе» существуют потому, что им разрешают существовать. Когда система захотела, она их задавила. Я видел это своими глазами в 50–60-х годах.

Тогда в зоны пришли фронтовики и просто порядочные люди. Я знаю, что вы называете их романтиками системы. В какой-то степени это действительно так. Многие ещё верили в пресловутую перековку. Но, по мне, они просто хотели честно выполнять свою работу и показать всему миру, что социализм может резко сократить преступность. В короткий срок они стали настоящими профессионалами, потому что умели подавить в себе ненависть к насильнику или убийце, умели отнестись к падшему человеку по справедливости. Именно это стремление к справедливости и привело их к мысли, что воровской орден должен быть уничтожен.

Система давила не только «ВЗ». Она давила и тех, кто с ними боролся. Мизерная, даже по тем временам, зарплата. Работа по 12 часов в сутки. Работа в выходные и праздничные дни. Многие «романтики системы» плюнули и ушли. А те, кто остался, подпадали под влияние старых тюремщиков бериевской школы, которые тоже ненавидели и презирали «ВЗ», но не гнушались получать от них подачки. Все в зонах зависели от производства. От простого надзирателя до начальника колонии. Будет план — будут премиальные. Премии придавали их адской работе хоть какой-то смысл. Колонии никого не исправляли. Удовлетворение могло быть только таким, материальным.

Но за эти премиальные нужно было платить. Идти на любые пакости, только бы выполнить план. Главной пакостью был сговор с «ворами в законе». Они заставляли мужиков выполнять план и помогали им в этом. План-то не всегда можно было выполнить. Мешали разные причины, не зависящие порой ни от заключённых, ни от администрации. «ВЗ» договаривались с вольнонаёмными нормировщиками. И те завышали расценки, объёмы выполненных работ. Такая варганка крутилась, вы даже представить себе не можете. Не случайно заключённым разрешалось иметь деньги. Они набивали ими подушки и матрацы. Кому-то это было очень выгодно, чтобы деньги в зоне были обесценены. Чтобы ими швырялись.

Лично я считаю, что воровской орден был создан нашими доблестными органами. Он им был так же нужен, как какой-нибудь колониальной метрополии — туземная администрация. Гигантская, многомиллионная масса заключённых, в основном политических. Если бы они, не приведи Господь, сплотились... Страшно представить!

Да и сегодня в каждой колонии ровно столько блатных, сколько позволяют менты.

«Романтики системы» презирали блатных и не вступали с ними ни в какой сговор. Не шли ни на какие компромиссы. Даже ради выполнения плана. И за это их стали убивать. В то время расстрел был отменён. Высшей мерой был срок — двадцать пять лет. Тому, кто начинал свой четвертак, воры приказывали привести в исполнение их приговор. Убийце добавляли уже отбытый срок и отправляли в другую зону, где он мог снова безнаказанно убивать. По сути дела, «романтики» ходили, как смертники. И потому именно они первыми поняли, что над «ворами в законе» нужен террор. Расстрел был восстановлен, а ворьё поставлено перед выбором: или письменно отказаться от своего воровского закона, или идти на 10–20 лет в казематы страшной Владимирской тюрьмы, называемой крытой.

Ворьё запаниковало. Крытая на такие сроки — почти верный гроб. И многие, почти все, дали тогда подписки. Орден был буквально раздавлен. А когда кто-то вдруг приходил в колонию и объявлял себя «ВЗ», администрация зачитывала его подписку — и никто уже этого «ВЗ» всерьёз не воспринимал.

В начале 70-х уцелевшие «ВЗ» собрались в Киеве и начали соображать: как же выжить самим и дать выжить своей воровской организации. С учётом того, что за некоторые преступления, в особенности за карманную кражу, стали давать большие сроки, была отменена норма, которая обязывала «ВЗ» не реже одного раза в три года садиться. В то время ещё больше ужесточались условия содержания в колониях. И киевский сходняк постановил: в целях выживания разрешить «ВЗ» по возможности, вообще не садиться. А поскольку для этого требовалось вступить в определённого рода контакты с работниками милиции, то жестокий запрет на эти контакты был снят. Ну а тем «ВЗ», которые всё же могли ненароком залететь в казённый дом, разрешалось давать подписку и сохранять при этом своё воровское звание.

Этот всесоюзный съезд «воров в законе» имел поистине историческое значение. «ВЗ» разрешили себе быть другими. Не такими фанатиками, какими они были прежде. Не такими бескомпромиссными и принципиальными. А стало быть, от них можно было ждать теперь ещё больших гадостей.

Ещё малолеткой я много говорил со старыми прошляками. Кое-кто разрешал с собой говорить, предварительно присмотревшись, как я живу на зоне. Дядя Коля, отсидевший без выхода 22 года, часто повторял: «Не надо унижать потерпевшего, не надо его убивать». «Не умеешь чисто украсть — иди подметай улицу».

Старые воры мокруху отвергали напрочь. Бандит, убийца никогда не мог стать «ВЗ». Только профессионалы высокого класса — карманники, мошенники. Строжайше соблюдалась узкая специализация. Карманник не мог стать убийцей, а домушник — насильником. Можно осуждать все эти принципы, но они диктовали, хоть какие-то нормы преступного поведения. И вот вместе с «ВЗ» старой закваски была уничтожена преемственность уголовной этики. «ВЗ» новой формации сделали для себя нормой беспредел и жестокость. Из-за этого беспредела орден стал неуправляемым. Сегодня, что на воле, что в колониях, каждая воровская группировка существует сама по себе и сама для себя. По-моему, пошла азартная игра в «воров в законе». Не случайно развелось столько самозванцев. Многие уголовные авторитеты поняли, что «ВЗ» — это, прежде всего, большая власть.

1992 г.

СЕКРЕТ ВОРОВСКОЙ ИДЕИ

Из рассказа Андрея М.

«ВЗ» непоколебимо убеждены в том, что честно живут только те, кому не представилось случая поживиться за чужой счёт, что у каждого человека есть на совести поступок, которого он должен стыдиться.

«Скажите, кто прожил для общества честно.

Один хоть из вас человек?» — поётся в блатной песне.

В отличие от других людей, «ВЗ» считают своей работой воровство и другие способы противоправного добывания денег. Вот почему едва ли не самый главный пункт воровского закона гласит: «ВЗ» строжайше запрещено работать, в особенности в местах лишения свободы.

Бывало, с этапом столько «воров» приходило (особенно с московским этапом), что на зоне не прокормиться. И через некоторое время от них оставалось

немного воров. Не просто есть воровской хлеб. Кто сам отходил от блатной жизни, кому давали по ушам кого-то кто-то узнал, что где-то он не был вором. Отсев шёл моментально. «Где бывал раньше?», «С кем там был?», «Кого ещё знаешь?». На этих вопросах засыпались многие. Да и как-то само собой не наглые, не дерзкие не лезли в воровской мир, хотя и имели по несколько судимостей, а если когда и пытались, то сами вскоре «отходили» или им давали по ушам. Ворам лишние рты не нужны.

Помню, на «Матросской тишине» (это я уже завалился второй раз) через туалет поступила мне записка: «Волдырь», ты же меня знаешь, вместе «тычили» (карманили), подтверди, что я имею право жрать воровской хлеб». (В тюрьме фраера обязаны от передач выделять долю ворами.) Я знал этого молодого, начинающего ещё по воле, знал, что он ещё ничем не успел запачкаться и ответил вору в ту камеру, что за него отвечаю. Так я его поддержал как вора. Ну а дальше всё зависело от него самого.

1992 г.

«СОВМЕСТНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ»

Из рассказа Андрея М.

Очередная война с преступностью началась в 60–70-х годах и сопровождалась беспримерным пропагандистским жульничеством. Тюрьмы были переименованы в изоляторы, колонии — в учреждения, надзиратели — в контролёров, заключённые — в осуждённых. Даже в закрытых изданиях МВД «воров в законе» стали называть «отрицательными».

В 70-х годах не единожды торжественно объявлялось что с воровским орденом покончено раз и навсегда. Это тоже было жульничанье. Именно в это время воровские традиции стали возрождаться с новой силой

Сроки стали мотать на полную катушку, гаечки закручивать по самые гланды. Всем без разбора. Сидеть стало страшно вредно для здоровья.

И новое поколение «ВЗ» сориентировалось — для того, чтобы не попадаться, надо грабить тех, кто не пойдёт заявлять. Прежде всего подпольных цеховиков. И здесь «ВЗ» очень красиво состыковались с ментами. На цеховиков их стали выводить определённого сорта

работники ОБХСС. Те тоже сообразили: какая им польза от того, что они посадили цеховика? Не лучше ли иметь среди уголовников своих людей, которые будут брать с теневиков дань и делиться с ними? Единственное условие, которое они ставили: «чтобы не было крови».

Уже писали о пресс-хатах — специальных пыточных камерах. Но давайте вспомним: пресс-хаты были созданы не против профессиональных уголовников, а против тех хозяйственников, которые старались делать свой бизнес более-менее честно и поэтому не боялись отказаться от уплаты дани. Вот их и потрошили, заодно нагоняя страх на других. Хозяйственники не признавались. Им иногда просто не в чем было признаваться. Следователь докладывал: «Не колется». Начальник управления звонил начальнику тюрьмы: «Мы тебе доставим жирного кота... Надо помочь следствию». Вербовали на роль прессовщиков разных фуфлыжников — главным образом проигравшихся в карты, не уплативших долг или нарушивших другие законы неволи.

Для начальника тюрьмы пресс-хата — лишние заботы. Её ж надо оборудовать. Обивать стены чем-нибудь, делать их звукопроницаемыми. Кому-то поручать (чаще всего подследственным женщинам) кровищу смывать. Крики, вонь. Не дай Бог, попадётся какой-нибудь сотрудник, немножко повёрнутый, начнёт писать рапорты. Пресс-хаты — это большой риск и большая ответственность. Поэтому они создавались обычно на уровне начальников областных управлений. И уж, поверьте, те знали, что это делается не только ради «чистосердечного признания». А поскольку команду «фас» давал «прессовщикам» уголовный авторитет, то вы понимаете, чем эти пресс-хаты были? Говоря сегодняшним языком,— совместными предприятиями ментов и «воров в законе».

1992 г.

ВОРОВСКИЕ ПИОНЕРЫ

Из рассказов заключённых

Вовлечение новичков в орден, «воровских пионеров», по выражению Солженицына, является обязанностью кадровых «ВЗ». Ведётся счёт подготовленных каждым к вступлению в воровскую «семью». Слово «семья» появилось в таком контексте не случайно. Многие родители,

убедившись, что их сын неисправим, либо ограничивают ему материальную помощь, либо вовсе отказываются от него. Таким образом, вступление в воровскую семью приобретает для многих молодых буквальное значение.

Всякого, кто претендует на звание «ВЗ», называют пацаном. Звучит ласково, а в подтексте: ты ещё зелёный, мало «плавал», мало испытал, так что не заносись, не возомни себя равным, знай своё место, беспрекословно выполняй все приказания и терпеливо жди своего часа.

«Пацан» не будет коронован (возведён в звание «ВЗ») до тех пор, пока не пройдёт всестороннюю проверку: в каких местах заключения бывал? с кем из заключённых водил дружбу? как относился к труду? не замаран ли участием в работе актива заключённых? не был ли стукачом? сколько сидел в штрафных изоляторах и помещениях камерного типа?

Персонал часто удивляет вызывающее поведение молодых заключённых и та бравада, с которой они принимают наказание штрафным изолятором. Это объясняется просто. «Пацан» набирает очки. Неволя есть неволя. Утаить что-либо почти невозможно. Даже когда нет ни одного свидетеля из числа заключённых, информация о том, как «пацан» вёл себя с «ментами», доходит до «ВЗ» и служит для него либо положительной, либо отрицательной рекомендацией. Там, где требуется обыкновенная мужская выдержка, кандидат в орден обязан закатить «ментам» истерику, продемонстрировать ненависть к ним. С особой ответственностью пацаны относятся к выполнению проверочных поручений. Чаще всего это тюремный рэкет (сбор взносов в воровскую кассу), требующий не только умения уговаривать мужиков, но и (если не понимают «по-доброму») нагнать на них страху. Но так хитро припугнуть, чтобы не объединились, не устроили бунта. Высокопоставленные «ВЗ» лишь в самых исключительных случаях снисходят до общения с мужиками. Все контакты ведутся через «пацанов» и молодых воров. Так называемое «ВОРОВСКОЕ БЛАГО», или сбор дани, вещь щекотливая, а порой и опасная, требует исполнителей, на которых можно при случае свалить всю ответственность.

Услуги «пацанов» оцениваются вдвойне, если им удастся подкупить надзирателей, передать подогрев (чай, сигареты, еда, наркотики) в штрафной изолятор

или помещение камерного типа. Именно там «ВЗ» проводят долгие обсуждения кандидатур новичков.

Но самое трудное испытание, которому подвергаются некоторые «пацаны»,— это исполнение приговора, вынесенного воровским съездом. Не так просто убить человека. Поэтому в былые времена, по свидетельству Варлама Шаламова, приговоры приводились в исполнение молодыми, но уже закалёнными «ВЗ», а «пацанам» давали только потыкать умирающего ножами.

По правилам приём в орден должен проходить на воровской лагерной сходке. Когда наиболее влиятельные «ВЗ» находятся в изоляторе и не могут провести сходку, вопрос «принять — не принять» решается путём письменного опроса. «Мы не против, если у него душа чистая»,— осторожно пишет один. «Рад, что в нашу семью прибавляется молодёжь»,— пишет другой. «Бог ему на встречу!» — пишет третий. Если «пацан» лично присутствует на приёме, его обязывают произнести воровскую присягу. «Я, «пацан» встаю на путь воровской жизни. Клянусь перед ворами, которые находятся в сходке, быть настоящим вором и не идти ни на какие аферы «ментов». Далее идёт обещание вести настоящий воровской образ жизни, то есть не работать. Ни на воле, ни в колонии. Нигде! В заключение новичок говорит, что он знает: за отступление от воровских законов кара одна — смерть.

Приём в орден обычно ведётся на уровне первичной воровской ячейки, где решения принимаются ворами незначительного калибра. Есть так называемая всесоюзная короновка, когда поручателями выступают вору всесоюзного значения.

Существует мнение, что никто из осуждённых впервые не может стать «ВЗ». Вероятно, так и было раньше. Но в настоящее время, когда множеству преступников, в особенности проживающим в Средней Азии и Закавказье, удаётся по многу лет избегать уголовной ответственности, некоторые из них получили звание «ВЗ», будучи ни разу не судимыми. Сами заключённые поговаривают о том, что в настоящее время воровское звание можно элементарно купить, вручив рекомендателям «ВЗ» большие взятки. Называются суммы с шестью нулями.

«Раньше, — делится воспоминаниями один из прошляков, — прибывших этапом встречали вопросом:

«Воры есть» а. слово «пацан» имело в то время совсем другое значение. «Пацанов е...ут», — говорили мы. «Малыш» или «сын» — только так называли молодых воров. Лично мне, шустрому и тёртому, тоже приходилось жрать (вместе гоношить еду, когда мужики «отстёгивают» вора от посылок) со старыми ворами, такими, как «Люсик» в Кизиллаге, Иваном Львовым в Краслаге, «Бульдозером» на Воркуте. Для них я был «сын», но на равных воровских правах. И никто меня в воры не принимал, сам как-то дошёл. Да и как можно принимать? Свидетельства, что ли, выдавать?»

1992 г.

ТЮРЕМНЫЕ ВОРЫ

Впечатления автора о Владимирской тюрьме

Здесь держат обычно самых крупных воров в законе. Греть их (оказывать материальную помощь) — святая обязанность каждого уголовного авторитета, в какой бы колонии он ни находился. Идёт этап во Владимирскую крытую — хоть сто рублей, но передать обязан. Какие-то денежки, слышал я, идут сюда и с воли. Но вот приезжаю и узнаю, что четверых воров в законе греют работающие арестанты из других корпусов. Теперь можно покупать по безналичному расчёту продуктов и курев на большую сумму, чем раньше.

Некоторые наши издания время от времени публикуют репортажи о встречах с ворами в законе. Журналистов сажают в чёрную «Волгу» или иномарку, завязывают глаза. Машина долго петляет по улицам — идёт проверка, нет ли слежки. Потом только журналиста привозят к вору в законе. Тот либо сидит спиной к собеседнику, либо не прячет лица и даже не скрывает, какие имеет доходы. Один недавно назвал 5 миллионов ежемесячно. И тут же, подобно другим, добавил, что не забывает про томящихся в темницах «братьях», отстёгивая им до 40 процентов. То есть 2 миллиона! Да если бы шёл такой подогрев, зачем везти денежки в желудке? Их проносили бы чемоданами. Здесь я не бросаю на сотрудников Владимирской тюрьмы никакой тени. Им бы сверху приказали. И они бы выполнили. Эти четверо воров в законе чёрную икру

ели бы ложками. Им бы девочек водили. Им бы отдельные камеры дали — при таком-то числе пустующих! Они бы друг к другу в гости ходили, совсем как в западных тюрьмах. Ну и, наконец, если бы один только этот мафиози отстёгивал два миллиона в месяц, они бы давным-давно были бы на свободе!

Если бы на воле собиралась такая общаковая касса, то зачем ворами и авторитетам нужно было бы наскребать свои колонийские общаки, восстанавливать против себя работяг? Ведь там сегодня, как и на воле, каждый рубль на счету.

Итак, либо эти встречи — байки для легковерных, либо те мафиози, что живут на виллах, не имеют с ворами, что парятся в крытых, ничего общего. И не могут иметь. Потому что это особая, малоизвестная категория преступников. Так называемые тюремные воры.

Ими занимается в крытой специальный оперуполномоченный (кум) в чине капитана. Узнав, что я интересуюсь этой публикой, он что-то сказал надзирателям. Через несколько минут они ввели в надзирательскую, где мы сидели, мужчину в спортивном костюме фирмы «Адидас». Личное дело этого мужчины мне уже показали. И я знал, что у него под костюмом — татуированный воровской паспорт, на спине — крест с распятой женщиной. На груди — пасть тигра.

Мужчина сел на свободный стул, вынул из кармана пачку сигарет «Бонд». Капитан закурил «Астру» и сказал мне: «Вот видите, что я курю и что курит он». «А ты не жадничай», — усмехнулся мужчина.

«Вот, пожалуйста, — заметно раздражаясь, продолжал капитан, — перед вами настоящий вор в законе по прозвищу Шурик-Устимовский. Можете взять у него интервью».

Капитана захлёстывали непонятно какие эмоции. И он начал мерить комнату шагами. А я рассматривал Шурика и молчал. Если бы я был арестант, я бы имел право поспрашивать его о тонкостях воровской жизни, а он не мог бы мне не ответить. Вдруг я стремящийся — хочу пополнить их ряды? Нельзя отталкивать! Но я знаю также, что давать интервью у них, воров в законе, пока не принято. Вдруг я что-то не так пойму. Не так истолкую. Не теми словами передам.

Вот почему я сидел и молча слушал, как Шурик и капитан обмениваются шутливыми колкостями. Капитан

нервничал. Шурик это видел и держал свой уровень, играл на контрасте. Язычок у него был явно поострее. Глаза снисходительно улыбались. Не берусь судить, кто из них двоих умнее. Наверное, каждый по-своему. Но Шурик меня поразил больше. Сидит-то без выхода с 1968-го года. Почти четверть века! А вот на тебе — никакой деградации.

Это и есть самое главное отличие тюремных воров — все они, попав впервые за решётку несовершеннолетними, раскрутились в колониях на дополнительные сроки и сидят без выхода практически всю сознательную жизнь. Бриллиант провёл в неволе больше тридцати лет. Где-то я прочёл, что один тюремный вор (фамилия не называлась) побил и этот рекорд — провёл двадцать лет в одиночной камере. Это, скорее всего, легенда. Ведь тогда пришлось бы самому камеру прибирать, посуду мыть, полы драить. А настоящий вор не имеет права работать ни в какой форме, ни под каким видом. Он мозги себе свихнёт, но придумает, как заставить ментов посадить его хоть с кем-нибудь, кто будет это делать за него... Настоящий тюремный вор не вдруг согласится сидеть вместе с другим таким же вором. А если их всё же посадят, они настроят против ментов всю тюрьму. Братва поддержит, голодовку объявит, от работы откажется, вены начнут резать. Заваруха кончится тем, что либо их рассадят, либо поместят к ним фраера или мужика.

В тяжкие времена, когда воров что-то заставляло работать (либо ментовская гнуловка, либо голодуха), в вагонах с лесом, приходивших на Большую землю с северных лесоповалов, часто находили то ступню, то кисть, то ногу, то руку. Особенно много саморубов было среди тюремных воров. Способность к членовредительству входит в число их обязательных качеств. Надо собраться, обсудить текущий момент, выработать общую линию. Где можно съехаться из разных колоний? Только в межлагерной больнице. Но чем крупнее тюремный вор, тем вероятней, что он не станет ничего с собой делать (для него это — пройденный этап). Он просто припугнёт врача, и тот найдёт у него какую-нибудь болезнь.

У тюремного вора можно найти массу пороков. В одном ему не откажешь — в смелости, мужестве, умении показать решительный характер, терпеть и голод

и холод (в пятидесятых годах в северных лагерях ломали просто — выбрасывали на мороз в одном нательном белье), проявить пренебрежение к собственной жизни. Шура-Захар, говорили мне сотрудники крытой, просидел в карцере (без выхода!) восемьдесят суток.

«Когда меня начали пинать и подвешивать на наручниках, я стал кусаться», — сказал Шурик-Устимовский. «Мы сами помогли многим стать ворами в законе». Это самокритичное признание я слышал не только во Владимирской крытой...

Испытания, которым подвергались тюремные воры (так называемая гнуловка), по международным нормам можно назвать пыточными. Тех, кто выдерживает пытки, называют обычно героями. Ну что ж, мы можем отвергать образ жизни и убеждения тюремных воров, но мы не вправе отказать им в том, что они являются героями в мире неволи.

Всякий тюремный вор находится в состоянии войны с ментами. А с другой стороны, он находится в состоянии войны с такими же ворами. Он боец, борец — назовите, как хотите. Даже если он не настоящий вор, а самозванец. Каждый день и каждую минуту он ставит на кон свою жизнь. В такие игры слабаки не играют.

Я далёк от любования этой публикой. Я хочу только одного. Чтобы они знали, что кто-то видит их не в одном чёрном цвете. И чтоб их вечные враги перестали видеть их через очки ненависти. Ненависть — постоянное состояние души и тех и других. Ну и что это даёт? Только ещё большую ненависть. Когда я смотрел на Шурика-Устимовского и капитана, я видел не тюремного вора и мента, а двух русских мужиков. Но они смотрели друг на друга иначе...

— Знаете, сколько голов откручено по его приговорам?! — восклицал капитан, прикуривая очередную сигарету. — Это он сейчас спокойный, почти интеллигент. Потому что через несколько месяцев — ему на свободу. А что он будет там вытворять?! Это даже представить страшно. Нет, не своими руками. Это ему не нужно. За 24 года отсидки он наработал такой авторитет! Он будет только отдавать распоряжения своим «шестёркам». Уже приезжали из московского оперативного розыскного бюро (бывший шестой отдел,

специализировавшийся на борьбе с организованной преступностью — В. Е.). Волнуются. Он ведь родом из Подмоскovie. К вам, в столицу, поедет!

Только теперь я понял, почему так нервничает капитан. Не хочется ему, чтобы Шурик-Устимовский освободился.

Чисто теоретически я могу с ним согласиться. Для того, чтобы выиграть войну с преступностью, генералов уголовного мира надо держать взаперти. Но, во-первых, на свободе вырастают другие генералы. А во-вторых, это в США директор тюрьмы, видя, что преступник не исправился, может продлить ему срок заключения. У нас такого закона нет.

Есть только один способ и дальше держать Шурика за решёткой — вызвать его на скандал, унижить в чём-нибудь присутствия, смертельно оскорбить. (Как вор в законе, он обязан будет ответить: то ли ответным словесным оскорблением, то ли рукоприкладством.) А ещё лучше столкнуть его с другим заключённым. Сделать так, чтобы Шурик ударил его, порезал, а может быть и убил. Для Шурика это, в общем-то, дело знакомое. Он потому и сидит без выхода 24 года. Однажды ударил молотком другого заключённого. Другой раз ударил прапорщика. Но ведь именно такие методы удержания в неволе и создают атмосферу смертельной ненависти между заключёнными и тюремщиками, равной которой нет, наверное, нигде в мире.

Я смотрел на Шурика и думал: как он не деградировал в результате многолетнего безделья, явно (от природы) человек активный, деятельный? Что помогло ему сохраниться? Вероятно, эта постоянная, ежедневная борьба с теми, кто пытался заставить его измениться. Эта борьба за осуществление (при любых неблагоприятных условиях) своей власти над другими заключёнными и есть работа тюремного вора в законе по кличке Шурик-Устимовский.

«Да выбрось ты свою паршивую «Астру», закури мои»,— предложил капитану Шурик. «Спасибо, я привык к своим»,— гордо отказался капитан.

«Ну, а если бы ты ему предложил?» — спросил я потом капитана. «Сигарету из рук мента вор в законе может взять. Это им теперь не возбраняется»,— объяснил капитан.

Работа у капитана необычная. Другой такой, хотя бы приблизительно похожей, не знаю. Одна её часть называется разложенческой. Что это такое, поясню на примерах. Идёт кум по колонии и при других заключённых как бы невзначай бросает вору в законе: «Что-то ты давно ко мне не заходишь...».

Работа намеренно грубая. Но на психику действует. Хоть на йоту, но авторитет понижает. А если вор не послал подальше, не пошёл за грубость в карцер, то вообще беда. И дело не в том, что куму поверили. (Если бы вор в самом деле на него работал, стал бы он так его подставлять!). Дело в том, что у каждого вора в законе есть в сообществе те, кто при удобном случае припомнит: вот, мол, как кум с тобой разговаривал, а ты только шуточкой ответил.

Разложить вора в законе — значит подорвать его авторитет, понизить преступный статус. С помощью только что приведённого приёма это трудно. Тем более, что последнее время, сказал капитан, воры в законе разрешили себе поступать в том или ином случае так, как они считают нужным. Могут и чайку с кумом попить. Они — законодатели в своей среде. Как решат, так и будет.

В последние годы стержнем разложенческой работы стало создание воров-самозванцев. «Они подсовывают нам своих людей. Обычно это уголовные фраера. Изъявляют желание работать на оперчасть. А сами докладывают ворами о том, что узнают от нас. Так и пошло: они внедряют к нам, мы внедряем к ним. Такие, как Шурик, будут из нас, сотрудников, верёвки вить, если я не создам им противовеса! — объяснил капитан. — Я просто вынужден делать своих воров в законе».

Самозванцем (сухарём) может быть и не вор в законе, а любой другой уголовный авторитет. Главное, чтобы он (по указанию кума) мог отменить забастовку или голодовку, убедил кого-то не уходить в побег, не дал убить кого-нибудь...

Пока сухарь действует, пока его не разоблачит какой-нибудь этапник, пока в ответ на запрос не придут авторитетные малявки (тюремные письма) с сообщением, что такого среди настоящих воров нет, сухарь успевает обрасти целым отрядом сторонников. На него придёт приговор. За ним пойдёт охота. Каждый,

считающий себя близким к ворам, обязан будет его убить. Но охота пойдёт и на тех, кто поддерживал сухаря. Никто с каждым по отдельности не будет разбираться. Не разглядел самозванца — отвечай! Чтобы выжить, выход один — держаться друг за друга. «Вот, пока они выясняют отношения, мы работаем и спим спокойно», — сказал капитан.

Пришедший этапом самозванец никогда не войдёт в зону, если ему успевают сообщить, что там держат верх настоящие воры. Но и вор в законе откажется входить в зону, где правит самозванец. То же самое происходит в крытой. Вор боится сидеть в камере, где верх держит самозванец и его ребята. А самозванец скорее башку себе расшибёт о бетонную стену, чем войдёт в камеру, где сидит настоящий вор.

Прежде чем вызвать Шурика-Устимовского, капитан привёл другого должгосрочника (прошляка, то есть бывшего вора в законе) и спросил его: «Ну-ка, скажи, кто в ком больше нуждается? Я — в вас или вы — во мне?» «Конечно, мы в вас», — оторопело пробормотал заключённый. Этот же вопрос капитан задал потом Шурику. Шурик огрел капитана выразительным взглядом и промолчал. «Ладно, давай закурим твой «Бонд», — удовлетворённо предложил капитан. «Знай наших!» — говорил его взгляд.

Пока они сладко затягивались, я думал о своём. Я думал о том, что борьба со злом имеет смысл только тогда, когда даёт осязаемые результаты. Но изводить воров в законе законными методами невозможно.

Вор в законе вынуждает тюремщиков делать то, чего он хочет, двумя способами. Либо он грозит остановить производство. (По его указанию заключённые не выйдут на работу.) Либо он грозит вскрыться — изрезать вены. Первое неприемлемо, потому что план — превыше всего. Второе неприемлемо, потому что, если вор в законе вскрыется, его сторонники разобьют в щепки двери камер, тюрьму разнесут.

«Чем же они ломают дубовые двери?» — спросил я. «Столами, на которых едят», — отвечали мне. «Но эти столы прикручены к полу железными пластинами!» — «Они эти пластины перепиливают». — «Чем?» — «Обыкновенными иголками!»

Да, да! Иголками можно перепилить одну половину пластины, а другая потом легко доламывается.

Итак, для того, чтобы извести тюремных воров в законе, надо сделать две вещи — исключить отказ заключённых от работы и не дать пронести в тюрьму ни одной иголки. Отменить обязательный труд — можно. Но как быть с иголками?

1992 г.

ТВОРЦЫ ЗЛА

Заочный спор Андрея М. и Евгения Н.

Андрей М.

Можно ли назвать их, даже самых умных, умными? Я уже говорил, что все «ВЗ» очень подозрительны. Неправая власть всегда подозрительна. Ну а подозрительность, как известно, это мудрость дураков. Настоящий ум подводит человека к потребности творить добро. В хитрости же всегда заложена какая-нибудь пакость по отношению к ближнему. Я нигде не читал, что лиса умная. Везде она хитрая, потому что делает пакости.

Можно ли признать за «ВЗ» хоть какой-то криминальный талант? За теперешними — нет, ибо они — я уже говорил — не профессионалы, а головорезы.

Евгений Н.

И сейчас есть профессионалы высочайшего класса. Один грузинский мошенник продал дачу своего однофамильца — министра внутренних дел республики. А то, что «воры в законе» сами, как правило, не совершают преступления, а только организуют их на огромной дистанции от непосредственных исполнителей — разве это не говорит, что они умные и по-своему очень способные люди?

У них в высшей степени преступное мышление. Если пользоваться шахматной терминологией, они считают на один-два хода дальше, чем менты. Их почти невозможно взять с поличным. И поэтому их сажают чаще всего по сфабрикованным делам. Шьют хулиганство, изнасилование, другие позорные для «ВЗ» преступления. Чтобы одновременно дискредитировать.

Андрей М.

Вся культура — это попытка привести людей к одному знаменателю добра. А воровской орденом старается

смыть с человека самую тонкую плёночку культуры, соскрести с души последние золотишки. У «ВЗ» — море денег, машина, шикарная квартира. Но он понимает, что это всё не его. Он не живёт человеческой жизнью, он играет в неё. Он не может испытывать морального удовлетворения от того, что он делает. Его постоянное состояние — страх. Встречаясь с нормальными людьми, он вынужден выдавать себя за того, кем он не является. Постоянно лгать, бояться, что его враньё не пройдёт. Он не может признаться, кто он, далее понравившейся ему женщине, если она, конечно, порядочная. Я часто задумывался, почему эта среда живёт на наркотиках. И сообразил. Это же самый короткий путь к положительным эмоциям. «Вору в законе» нужно забыться. В глубине души он сознаёт, что он — ничтожество.

У глазника Фёдорова я прочитал интересную мысль: деньги — это величайшее благо, деньги — это добро. Всё правильно. Он создал клинику для того, чтобы лечить людей, творить добро. Почему же «ВЗ» говорит, что деньги — дерьмо? Да потому что он идёт ради них на любую пакость и подлость. Вор всегда верит в удачу: если невезуха, значит, кто-то виноват: менты, друзья. А сам он якобы не виноват.

Неужели у них нет никаких положительных качеств? Ну почему же? Есть. В нормальной обстановке — когда им ничего не угрожает. А в экстремальной... Помните, у Шаламова? После амнистии погрузили освобождённых на пароход, а жрать не дали. Тогда блатные постановили — резать фраеров, варить в паровом котле и жрать. Как только возникает мощный карточный долг, за который нужно отвечать своей шкурой или очком, тут же ставкой становится жизнь. Причём обычно требуют жизнь близкого человека. Должник пробует торговаться. В ответ: «Нет, меня это не устраивает, вот на твою сестру давай играть».

Для «ВЗ» нет ничего слаще унижить, растоптать человека. Есть, как вы знаете, русский мат. Но есть и уголовный. Вроде те же самые слова, но в них вкладывается такая ненависть, такое человеконенавистничество! Самое настоящее растаптывание словами. Но не только чужой души — своей тоже. Старый «вор в законе» — это такое чудовище! Ничто ему не в радость. Божье наказание!

Вот вы пишете, что опущенные — в основном наши славянские мальчишки. У вас сердце болит, но вы ничего не можете сделать. А «ВЗ» могут, но не делают. Значит, не печёт их эта боль.

Для «ВЗ» это кайф — разрушить в человеке человека. Наслаждение такое, будто они что-то создали, а создали-то зло. Они — творцы зла.

Вы посмотрите, что они сделали с нашим языком! Прочтите словарь жаргонных слов (его умудрилась напечатать редакция журнала «Даугава»), и вы ахнете. Хорошая половина слов давно уже вошла в наш обиход. Деньги у нас бабки, сотня — столик, тысяча — штука. Молодёжь тусуется, как тусуются внутри зоны эки. Вольные люди обзывают друг друга козлами — самым страшным лагерным ругательством. Я удивляюсь, почему гулять с девушкой ещё не называется конвоировать (именно так говорят уголовники), а детей ещё не называют потрохами.

Они порождают всю эту, так называемую преступную субкультуру, уголовное отношение к женщине, и сотни тысяч обычных уголовников разносят её по всем уголкам страны. Источник заразы — они, «воры в законе», остальные только разносчики.

А кого только «ВЗ» не впутали в свои дела! За одного «ВЗ» приезжал в колонию ходатайствовать герой штурма рейхстага!

Да что там! Уголовщина проникла даже в семью Брежнева!

Пойдите в любой хороший кабац Москвы. Просто зайдите выпить чашечку кофе и посмотрите, кто там гуляет. Какие там харри. И какие статьи уголовного кодекса на них отпечатаны. А ведь 15–20 лет назад там ещё была совсем другая публика. Побывайте в каком-нибудь концертном зале. И там их можно увидеть! Сидят и делают вид, что услаждают себе слух, чтобы назавтра, в карточном кругу со своими, небрежно бросить: вот, мол, где был накануне.

И сдаётся мне, что если ничего не предпринять, завтра они будут сидеть не только там...

Евгений Н.

Да, они творят зло. С точки зрения общепринятой морали это так. А по воровской морали это не зло, а восстановление справедливости. Кого они обидают? В первую очередь тех, кто имеет нетрудовые доходы.

Пока не было кооперации и малых предприятий — данью облагались спекулянты, подпольные дельцы. Сейчас мы говорим, что это бизнес. Но раньше-то это было нехорошо. Воровскую идеологию оправдывают, если можно так сказать, несовершенство официальной, её лживость и лицемерие. Если бы она работала нормально, не было бы воровской. Вы правильно говорите, что орден возник в противовес чему-то.

Почему бы нам прямо не сказать, что у нас было два ордена, которые действовали параллельно, обогащая друг друга идеями, жестокостью, методами? Но «воры в законе» просто мелочь по сравнению со сталинскими «меченосцами». Воровской орден — это маленькая матрёшка. Но была и есть большая!

Андрей М.

Когда двое «воров в законе» попадают в одну камеру, один обязательно должен наступить другому на горло. Это в психике воров. Вот и нужно сделать так, чтобы они рвали друг другу глотки. Поставить перед каждым дилемму: либо ты навсегда отказываешься от преступной деятельности, либо — как только будешь в этом замечен — немедленно отправляешься под суд и — в крытую.

Да, тем самым уничтожается следствие, а не причина. Да, это незаконно. Да, это и невыгодно. Зоны сейчас перегружены, растёт недовольство тем, что условия содержания не приводятся в соответствие с мировыми стандартами. Чёрт знает, что может произойти без контроля изнутри. А контроль в руках «ВЗ» и их людей. Я понимаю также, что те, кто захочет поставить на уши страну, устроят разгул уголовщины.

И всё же я стою на своём. Воровской орден должен быть уничтожен. Или он ещё больше изуродует наших детей и внуков, уничтожит нашу культуру, нашу мораль.

1992 г.

РАЗЛОЖЕНИЕ

Из рассказов заключённых

«Сидеть нынче стало легче, но не с кем», — любят говорить старые «ВЗ». Столь пренебрежительный отзыв относится не только ко всей уголовной массе, но и к собратям по ордену.

Раньше, в романтический период своей истории, они любили изображать из себя аристократов духа. Внушали всем, что честное слово «ВЗ» — кремень. Старались бывать в театрах, даже в опере. Страсть как не любили хулиганов, смертельным боем били насильников. «Ну зачем ты, гад, насильничал? Неужели не мог обманом завлечь?» Вот такая была уродливая, смешная, но всё же культурность, игра в культуру.

Сегодняшний «ВЗ» играет избранную им роль циничного, на всё способного негодяя, испытывая удовольствие от того, что вызывает отвращение и страх.

Раньше враждующие «ВЗ» открыто вступали в единоборство. На счету тюремного вора № 1 Владимира Бабушкина («Бриллианта») два лагерных убийства. Сегодняшние «ВЗ» редко выходят один на один, поручая сведение счетов молодым шестёркам.

Из рассказа Евгения Н.

Допустим, кто-то оскорбил или ударил вора. Должен ли он сам защищать свою честь? Моментально вмешивается его окружение. Если же это произошло один на один, вор скажет, допустим: «Меня Вася Печкин ударил». Никто дальше ни в чём разбираться не будет. Тут же пойдут и похоронят Васю Печкина. Потому что на вора руку поднять может только вор.

Почему вор сам не защищает свою честь? Ну, представьте себе приём в царском дворце. Кто-то оскорбляет царя — словами или действием. Разве царь будет сдачи давать? Нет, сразу вмешается его свита. Так и здесь. Потому что вор — тот же царь в своём преступном царстве.

Из рассказов заключённых

«Раньше то или иное решение, судьбу того или иного «ВЗ» решали минимум 20–30 человек. Теперь это право могут присвоить себе и пять «воров». Неимоверно выросло число всякого рода самозванцев, выдающих себя за «ВЗ», а на самом деле не входивших даже в их окружение.

Многим «ВЗ» сегодня ничего не стоит подписать письменный отказ от своего преступного звания и избежать всякой ответственности.

Среди «ВЗ» всегда велась борьба за чистоту рядов. Сегодня подобные акции больше похожи на изощрённое подсиживание.

Копнёшь биографию любого «вора» — такая грязь, такие зигзаги. Столько кровящи на нём. Но через 15–20 лет, когда он наберёт полную силу, никто ему ничего не докажет. Всех свидетелей своих грехов он уже уничтожил. Не сам, конечно. Чужими руками.

До 50-х годов сохранялось правило, по которому настоящий «ВЗ» не должен был находиться на свободе дольше года, чтобы не вызывать подозрения в сотрудничестве с органами. Сегодня коронку проходят даже не нюхавшие запаха неволи.

И всё же внутри ордена непрерывно идёт борьба догматиков и реформаторов, «ВЗ» старой школы и нового поколения. Но это не столько борьба личностей, сколько борьба взглядов и идей.

Споры разгораются всякий раз, когда общество решает усилить борьбу с преступностью, сделать более суровыми условия содержания за решёткой, увеличить сроки наказания. Когда, иначе говоря, обостряется борьба за выживание, и «ВЗ», — при тех методах борьбы с ними, которые у нас приняты, — угрожает элементарное физическое уничтожение.

Прагматичные реформаторы, принадлежащие, как правило, к поколению молодых «ВЗ», всякий раз предлагали сделать тактическое отступление от основного постулата (не работать) и начать выполнять в колониях хотя бы административные и хозяйственные должности. Реформаторы ссылались в таких случаях на другой постулат «закона», который гласит: «закон» разрешает отступление путём обмана ментов. Догматики всегда стояли и стоят на своём: лучше смерть в голодных изоляторах, чем измена воровскому закону.

Успехи реформаторов бывают, как правило, временными. Чаще всего побеждают догматики.

Раньше было одно наказание за отступничество — смерть. В 60-х годах была придумана более изощрённая санкция. Провинившемуся, с учётом его прошлых заслуг, насильно делали татуировку — слово «педераст». Менее авторитетных изменников делали педерастами в буквальном смысле слова.

Верность ордену держится на постоянном страхе быть растоптанным и уничтоженным. Смертью карается не только выход из «семьи», но практически любое сколько-нибудь серьёзное отступление от кодекса воровского поведения. Обвиняя официальную юстицию в несправедливости, сами «ВЗ» вершат свой суд, не принимая во внимание никакие смягчающие обстоятельства. Вероятно, они убеждены, что только жестокость может удержать человека в рамках предписанного ему поведения.

Близкие дружки обвиняемого довольно часто становятся самыми ретивыми обвинителями, а в некоторых случаях и организаторами исполнения смертельного приговора. Они как бы стараются показать, что воровской закон для них гораздо выше, чем товарищество.

Такое поведение может объясняться тем, что «ВЗ» в сговоре друг с другом совершают мелкие нарушения своего закона, и поэтому при известном стечении обстоятельств стараются избавиться от свидетелей, дабы эти свидетели — при стечении обстоятельств в свою пользу — не избавились от них. В откровенном разговоре «ВЗ» прямо заявляют, что никогда до конца не доверяют друг другу.

Раньше воровские исполнители назывались романтично — «гладиаторами». Сегодня их называют проще — «бойцами». Один такой «боец» рассказывал: «Присылает вор «пацана» с приказом сломать одного парня из нашей камеры. Собраться и обсудить его воровскую жизнь. Найти за ним какой-нибудь косяк, то есть грех. А потом побить. Ему после этого в хороших и правильных уже не быть».

Панический страх предстать перед сходкой за нарушение какого-нибудь пункта воровского закона толкает «ВЗ» и «пацанов» на непостижимые поступки. Известен случай, когда проигравшийся расплатился за карточный долг родной несовершеннолетней сестрой.

Другой «боец» рассказывал: «Мне дали задание проколоть одного вора. Надо было сделать так, чтобы он проигрался. Рассчитаться ему было нечем. И я заехал ему в рыло. Я — «пацан», «боец». Поднять руку на вора мне никак нельзя. Но у меня было задание развенчать».

Начиная с 60-х годов возник куда более неприятный способ развенчивания. Берут и проводят членом

по губам. Наиболее самолюбивые «ВЗ» не выдерживают такого позора, накладывают на себя руки.

Таким же способом правильные «ВЗ» наказывают неправильных, совершивших насильственное мужеложство. Иногда наказание бывает очень болезненным. Как сказал один исполнитель, «операция проводится без вазелина, и даже не послунают». Известен случай: то ли «бойцы», то ли сами «ВЗ» выбили все зубы одному из приговорённых к развенчиванию. Без зубов бывший товарищ, как объект сексуального извращения, был безопаснее...»

Размышления автора

Выдыхалась ли когда-нибудь воровская вера? Посетили ли хоть одного «ВЗ», хотя бы на склоне лет, сомнения? Работники колоний возмущались: ну что за постановка вопроса! Не бывает раскаявшихся «ВЗ»!

И всё же я уверен: всякий неглупый «ВЗ», окидывая прошлое критическим взором, должен с горечью признать, что жизнь, как говорится, прошла мимо. Может, и встретилась приличная женщина, но «закон» запрещает жениться. Одни слёзы принёс он и той женщине, которую «закон» разрешает чтить, — матери.

Сделавший самую головокружительную карьеру «ВЗ» должен до старости лет молиться Богу, что уцелел, и уйти на покой — вязать. Но «менты» не поверят, а свои не разрешат.

В одной колонии, где гордятся хорошо поставленным развенчиванием «ВЗ», мне показали фотографию. На ней изображён «ВЗ», лежащий под нарами с поджатыми ногами и с явным выражением страха на лице.

Эта фотография — вещественное доказательство. Её копии рассылаются по колониям. Спустя две-три недели весь преступный мир знает, что такой-то уже не «ВЗ», коли проявил слабость — позволил загнать себя под нары.

Десятикратно судимый 57-летний Бабушкин по кличке «Бриллиант», прошедший сорок колоний и тюрем, прошедший в неволе по сути дела всю свою жизнь, был «ВЗ» всесоюзного значения, чем-то вроде маршала преступного мира.

Можно с большой вероятностью предположить, как кончил дни Владимир Бабушкин — «Бриллиант». Его привезли в колонию, специально созданную для

развенчивания «ВЗ». По заведённому дьявольскому порядку завели в клетку — локалку. Оттуда «Бриллиант» начал жадно рассматривать тех, кто проходил мимо. Не исключено, что хитроумная администрация давала пройтись тем заключённым, с которыми у «маршала» были давние, смертельные счёты.

По одной версии, услышанной мной от заключённых, «Бриллианта» повели в столовую, где пайку хлеба ему подал опущенный, и «Бриллиант» понял, что его хотят сломать голодом. Ведь сколько ни терпи, рано или поздно чертовски захочется жрать, а пайку будет подавать опущенный.

Не этот, так другой. Такая уж придумана система. А если проявит воровской характер «Бриллиант», не возьмёт пайку, то всё равно по зонам будет пущен слух, что не выдержал голодухи, взял!

По другой версии, «Бриллианта» после шмона повели мыться, и он признал в работниках бани бывших опущенных. А когда шёл по этажам тюрьмы, видел, как во всех коридорах, на расстоянии двадцати метров (чтобы видеть друг друга) стоят в чёрных робах, расставив ноги и заложив руки за спины, опять-таки бывшие опущенные, специально подобранные, не ниже метра восьмидесяти. И «Бриллиант» понял, что с ним может случиться дальше — как только он разденется... И сердце «маршала» не выдержало.

Ну а ребро было сломано не в меру ретивым опущенным, пытавшимся запустить сердце вновь с помощью массажа.

«Мы, нижеподписавшиеся, — говорится в акте о погребении, подшитом в лагерном деле «Бриллианта», начальник ИТК-6 (такой-то), начальник спецчасти (такой-то), начальник медчасти (такой-то), рабочий-могильщик (такой-то) составили настоящий акт о том, что 25 июня 1985 года произвели погребение з-к Бабушкина Владимира Петровича, год рождения 1928-й, номер личного дела 342260. Труп похоронен на кладбище г. Соликамска, положен головой на запад, на могиле установлен номерной столбик М-89...»

Окаянное ремесло

ШТРАФ ЗА УБИЙСТВО

Простой, казалось бы, вопрос: откуда взялось слово «уголовник»? Пусть хоть один «вор в законе» или прокурор объяснят. Уж им-то полагается знать.

В древние времена «головой» называли человеческий труп. Ну, а убийцу, соответственно, — «головником».

То было время самоуправства и самозащиты. Убийство считалось делом обыкновенным. Никакой полиции — милиции. Раскрываемость преступлений целиком зависела от энергии родственников потерпевшего. Только они — а не государство — имели право мстить «за смерть смертию».

Тюрем и смертной казни тогда ещё не придумали. «Ни права, ни крива не убивайте, — наставлял наследников Мономах, — и не повелевайте убить его. Не губите душ христианских».

Государство брало 80 гривен за убийство «княжего мужа», 40 гривен — за убийство простого свободного человека и 20 гривен — за убийство женщины.

Гривна равнялась фунту серебра — слитку продолговатой формы. Надо ли говорить, что в древности серебро было дороже, чем теперь.

Штрафы были важным источником государственного дохода. И власть, естественно, была заинтересована, чтобы казна пополнялась. Вот и выходило так, что любой и каждый мог стать «головником», водились бы денежки. Ну, а если их не было... Не знаю, как раньше, а в конце XI века за тяжкие преступления осуждали на повешение, если преступник не мог заплатить назначенную пеню.

Не будем осуждать предков. Лучше постараемся понять. Кто знает, может, именно штраф, удар по карману,

больше сдерживал душегубство, чем наказание по принципу «жизнь за жизнь».

Летописи пестрят словом «месть». Действительно, считалось верхом неприличия не мстить. Но если, скажем, ловили князя, повинного в смерти другого князя, его могли крепко побить, даже покалечить, но убить... никогда! Убить знатного убийцу можно было только в бою. Случались, правда, исключения. Но самосуд вершили руками наёмников-половцев, свои не пачкали.

Свершилось однажды неслыханное злодеяние. Подручные одних князей вырезали зеницы у другого князя, Василька. (Это наказание — ослепление — пришло к нам из более просвещённой Византии. У нас оно хорошо привилось и просуществовало до XV века). Древняя общественность негодовала. Родилась поговорка: «Зол бо человек противу бесу, и бес того не замыслит, еже человек замыслит». Так сами вожди подали народу пример жестокости и беспредела.

Но вернёмся к штрафам. И обратимся к самому распространённому, кажется, во все времена греху — срамословию. Закон XII века предписывал: «Аще кто назовёт на имя чюжу жену блядию», тот платит ей за «сором» штраф по определённой шкале, а заодно и церкви в лице митрополита — за нарушение христианского благочестия.

За оскорбление боярских жён и дочерей и женщин-простолоудинок полагались разные штрафы. Но ничто не останавливало древнее хулиганье: крыли почём зря, невзирая на лица.

Сейчас говорят: только свободное ношение оружия заставит хулиганов придерживать руки и языки. Тысячелетие назад ходили с топорами и мечами. Но если возникала потасовка, то дрались не только батоном, жердью, кулаком, но и тем же мечом, то ли плашмя, то ли рукоятью калечили друг друга.

Кто не мог постоять за себя, тому виновный платил 12 гривен. Если не платил, шёл с молотка весь его скарб вплоть до носильного белья, лишь бы обиженный был удовлетворён.

Потерпевшему позволялись действия, опасные для жизни нападавших, совершённые «в раздражении оскорблённой чести».

Личная обида, то есть вред физический, рассматривалась

законом преимущественно с точки зрения ущерба материального. Чем менее способным к труду оказывался потерпевший, тем больше была сумма штрафа. На преступления смотрели преимущественно как на хозяйственный вред.

Ещё распространённой, чем хулиганство, были семейные драки. Из-за «живота», то есть из-за имущества. Или из-за «задницы», то есть из-за наследства. Ну и, конечно, из-за обыкновенной неуживчивости. Но ни «Русская правда», ни церковный устав не предусматривали кару за побои, наносимые мужской стороной. Исключением были драчливые сыновья. Но и с ними пытались справиться своеобразно. Митрополиты всячески пропагандировали ранние браки. В расчёте: чем раньше женятся, тем быстрее переберутся. Женихи бывали младше пятнадцати лет, а невесты — младше одиннадцати. Это было также противоблудным средством.

Княжеская власть чаще всего признавала виновной в семейных конфликтах женщину. Муж не нёс за избивание жены никакого наказания, но расплачивался перед церковной властью, назначавшей до шести лет принудительного поста. Голодом исправляли драчливых мужей. Ну, а жена, побившая мужа, платила митрополиту 3 гривны. Как за кражу княжеского коня!

Церковь всячески оберегала семью от развала. Если же семья всё же распадалась, муж и жена платили митрополиту 12 гривен. Церковь умудрялась обирать даже невенчаных, неподконтрольных её уставу. Те платили 6 гривен. Это было что-то вроде мести за «тайнопоимание» — свадьбу без участия попа. «Женитьба» без венчания считалась «нечиста».

Самое суровое наказание назначалось тем, кто «умчит» (похитит) или «понасилит девуку». За боярскую дочь взыскивали целых 5 гривен золота, да епископу 5 гривен. За девуку из меньших бояр брали одну гривну (и епископу гривна). А если из «добрых людей» — свободных простолюдинов, то 5 гривен серебра.

Такая шкала объяснялась просто. Церковь боролась с открытым двоежёнством и даже четверожёнством, распространённым главным образом среди князей и бояр. Им и без того хватало для утех женского тела.

Однако мы забыли о воровстве. «Кто сядет на чужого

коня без спросу, три гривны за это»,— написал в «Русской правде» Ярослав.

Щадили только конокрадов. И то не без дальнего прицела. Конокрадов выдавали потерпевшим за щедрую премию. Конь в те времена был примерно таким же предметом роскоши, как сегодня «мерседес».

«Кого застанут ночью у клетки или на каком воровстве, могут убить, как собаку»,— разрешал Ярослав. Тут даже церковники не выступали против.

Штраф за воровство в случае несостоятельности вора заменился впоследствии повешением.

Только разбойник наказывался не штрафом, а «потоком и разграблением», конфискацией всего имущества преступника и продажей его самого в рабство за границу со всей семьёй.

Вспомним и самое распространённое в древности преступление, напоминающее сегодняшней рэкет. Слёз и жертв от него было — море. И на нравы народа оно наложило, без сомнения, самый большой отпечаток. Я имею в виду выколачивание дани одним славянским племенем из другого.

Точнее, народ тут был ни при чём, занималась этим дружина. Несколько десятков (сотен) добрых молодцев, воспитанных в том духе, будто добывание средств к существованию собственным трудом — удел раба и смерда. Едва ли они не понимали, что вытворяют. Иначе не назвалось бы обложение данью примучиванием.

Отбирали меха, мёд, воск, зимние запасы еды. (Не потому ли славяне не держали в доме ничего ценного: данники могли нагрязнить в любое время). Отбирали жён и детей, братьев и сестёр. Разве это не примучивание?

Дань не имела установленного размера. И бралась на глаз — сколько хватит у дружины рук и сил увезти с собой. Одно племя или род мог платить дань сразу нескольким дружинам других племён и родов. Даже чужеземные мучители татаро-монголы знали меру и меньше примучивали, чем свои. Алчность властной верхушки и в те времена не знала границ.

Но не знало границ и терпение народа. В летописях приводится только один случай отпора обобранных до нитки данников, когда древляне разорвали деревьями на две части князя Игоря.

Примучивание было неподсудным занятием. Не осуждается и народной памятью.

Историки считают, что в IX–X веках судебного поединка между обвинением и защитой наши предки ещё не знали. Стороны препирались, князь слушал. И выносил в качестве судьи свой приговор. Если стороны были равно недовольны его решением, князь не настаивал. Не мог отказать себе в удовольствии понаблюдать поединок. Чей меч был острее, чья рука сильнее, тот и оказывался правым.

К X веку судебный поединок уже сложился. И его участницей могла быть даже женщина. В те времена женщина, воспитывавшая детей в частое отсутствие отца, державшая на себе всё хозяйство, изобретательница земледелия, участница военных походов, стояла на общественной лестнице ненамного ниже мужчины. Это подтверждает и судебная практика.. Если муж пропивал женино добро, суд давал ей право на разлучение. Жена распоряжалась своим имуществом без согласия мужа, тогда как муж не имел на то права без согласия жены. Было немало злых жён, но народное правило гласило: «аще кому угодится добра жена, то за чужей не ходи». Закон защищал женщину от языческой тяги мужчин к многожёнству, в особенности от параллельного брака или прелюбодеяния с рабой. «Аще кто с рабою своею блуд сотворит — освободит рабу свою и постится лето едино». Допускалось даже убийство прелюбодея на месте преступления.

До «Русской правды» судили не по законам, а по юридическим обычаям. Та или иная мера наказания за то или иное преступление вырабатывалась, во-первых, с учётом того, чтобы потерпевшая сторона была полностью удовлетворена и, во-вторых, чтобы человек, прежде чем совершить преступление, вспомнил, какой будет расплата, и спросил себя: а сможет ли он рассчитаться?

Последующие законы чаще всего не отменяли юридические обычаи, а подтверждали их. В те времена не рассуждали о профилактике правонарушений. Закон как бы говорил преступнику: бей, воруи сколько хочешь, только плати исправно по таксе. Предки наши если и понимали ответственность за преступление, то только материальную, перед потерпевшим и перед, церковной властью или князем, олицетворяющим общество,

без участия нравственного мотива. Кто знает, может, именно такой подход больше соответствовал психологии народа.

Ярослав не решился отменить обычай кровной мести за убийство и установить вместо этого денежный штраф. Думал, вероятно, что новый закон не будет работать. Это сделали его сыновья. И не ошиблись.

Но — самое главное. Юридический обычай не знал смертной казни. И законодатели правильно поступили, что не стали вводить убийство от имени государства.

После принятия христианства широкую юрисдикцию (над всеми, кто принял православие) взяла на себя церковь. Ей было предоставлено право блюсти в обществе порядок семейный и нравственный, разбирать дела об умычке девиц, оскорблении женской чести словом и делом, пробуждать в недавнем язычнике нравственное отношение к человеческой личности. Но и церковь, как мы уже знаем, не разрушала то, на чём держалось раньше наказание согласно юридическому обычаю, — систему штрафов.

Но церковь не только карала, она воспитывала. Эту её роль великолепно обрисовал В. Ключевский: «Всякое преступление церковь считает грехом, но не всякий грех государство считает преступлением... Преступление есть деяние, которым одно лицо причиняет материальный вред или наносит нравственную обиду другому. Грех — не только деяние, но и мысль о деянии, которым грешник причиняет или может причинить материальный или нравственный вред не только своему ближнему, но и самому себе. Поэтому всякое преступление — грех, насколько оно портит волю преступника; но грех — преступление, насколько оно вредит другому или обижает его и расстраивает общежитие».

При Ярославе государство взялось карать преступника морально. Только на свой лад. Ничего нового, правда, не изобрели. Первой тюрьмой стала глубокая яма, заделанная сверху деревом. А первым узником стал брат князя Судислав, просидевший в яме 16 лет до смерти Ярослава да 5 лет после. Но, между прочим, то был не уголовный, а первый на Руси политический заключённый.

1993 г.

«Я ВСАЖУ В ТЕБЯ ВСЮ ОБОЙМУ»

Днём подполковник носит пистолет за поясом брюк. Ночью кладёт его под подушку. Прежде чем открыть дверь квартиры, спрашивает, кто звонит. Разъезжая по городу, посматривает в боковое зеркальце. Раньше подполковник не очень разбирался в импортных автомобилях. Но жизнь заставила. Стал после работы рассматривать коллекцию внука — обёртки жевательной резинки. И теперь хорошо знает, на каких моделях его «пасут».

Иномарки сменяют одна другую прямо под его окнами на втором этаже тюрьмы. Письменный стол подполковника стоит так, что слежка постоянно у него перед глазами. Он видит «смену караула», не видит только самих караульных. Все окна у автомашин — дымчатые.

Подполковник начинал с рядового надзирателя. Получил от тюремной братии кличку «Еврей». За то, что помнил каждую копейку, изъятую при водворении в камеру, а потом возвращал в виде коробки спичек или пачки махорки. Коллеги-надзиратели прозвали его за это «коммунистом».

Надзиратель закончил Высшую школу МВД. Но в партию его не пускали. И по служебной лестнице поднимали осторожно. Слишком щепетилен. Слишком самостоятелен в принятии решений. Слишком привык поступать так, как велит совесть и служебный долг. Но не всё начальство смотрело на него такими глазами. Иначе не стал бы бывший надзиратель полгода назад начальником следственного изолятора.

Спустя месяц пришёл он к своему (тоже недавно назначенному) шефу. «Дело терпит? Может, сначала пообедаем?» — спросил шеф. «Пожалуй, можно, — сказал подполковник. — Только боюсь, потом нам будет уже не до еды». «Ну, тогда выкладывай, с чем пришёл», — сказал шеф. «Мой зам по режиму — пидор, вступал в гомосвязи с молодыми эками в качестве бабы. Только что признался мне в этом».

Теперь я могу объяснить, почему не называю ни имени, ни фамилии подполковника. Тогда гомика вычислят в городе, морально страдают родственники. Отказаться от этого эпизода? Тогда характер подполковника был бы неполным. Ведь на гомика в погонах, пристроившегося к «голодной» клиентуре, сигналы были и раньше. Но никто не захотел проверить. Боялись обидеть

коллегу, бросить тень на учреждение, замарать честь мундира.

Эпизод интересен и тем, что у подполковника не было ни одного надёжного свидетеля. Были только сильные, подсказанные интуицией подозрения. Непросто расколоть бывалого зэка. Куда труднее расколоть шкодливого мента. И всё же ему удалось подвести зама к признанию.

А ещё через месяц привезли в изолятор самого главного местного «авторитета». Был задержан во время крутой разборки с группировкой другого города. При захвате были ранены два сотрудника угрозыска, один скончался от ран. «Я тоже ранен», — сказал «авторитет» и показал следы дробинки. Подполковник смеялся, глядя с головы до ног, бывшего «качка»: «Подранок — и тот летает. А тебе — сидеть!» «Авторитет» стал налаживать нелегальные связи с волей. Подполковник рвал эти связи. Тогда-то и появились под окном иномарки.

«Напрасно я не уделял внимания тюрьме», — сказал «авторитет». И стал уделять, не дожидаясь, когда его оттуда вытащат несколько адвокатов. Стал сулить надзирателям, получающим 40-тысячный оклад, своё жалованье — в два-три раза больше. А в случае, если надёжная связь с волей приведёт к его освобождению, — автомобиль.

Подполковник знает, кто из сотрудников изолятора работает на «авторитета», но не может пока прижать к ногтю. Результат будет только один. Прикончат того, кто его информирует. Но надо же что-то делать. Единственное, что пока придумал подполковник, — объявил сотрудникам, что будет вручать предателям на утреннем построении эмблемы связистов.

Во время прошлогодних командировок совсем по другим, некриминальным темам я интересовался, сидят ли в местных изоляторах самые большие «авторитеты». Мне в ответ только плечами пожимали. И я не удивлялся. Это не только наше явление. На Западе самые крупные мафиози тоже не знают вкуса тюремной полёбки.

Но что-то сдвинулось в последний год. Кажется, научились находить такие зацепки, которые не позволяют выкручиваться. Научились не только сажать, но и удерживать в тюрьме, несмотря на все попытки адвокатов освободить своих клиентов под залог. Но при этом стали выясняться поразительные вещи. Свидания с

«авторитетами» вдруг стали добиваться некоторые борцы с преступностью (и даже сотрудники Министерства безопасности), не имеющие никакого отношения к аресту. И потащились на свидания, будто сердобольные матери, с передачами. Ну что ж, и это не удивительно. На Западе мало какого крестного отца полиция не заприметила и не посадила на крючок, когда он был не самым влиятельным функционером мафии, а потом всячески способствовала его росту и возвышению, чтобы получать самую ценную информацию. Так, может, и у нас началось выращивание монстров?

Ничего подобного в том городе, где живёт и работает подполковник, надеюсь, пока нет. Но я обязан предупредить: сегодня — нет, завтра — может быть. Точнее, обязательно, неизбежно будет. И не только в этом городе, а везде и всюду.

Потому что раньше быть преступником было стыдно знаться с ними — ещё стыдней. А уж деньги от него брать — и подавно мерзко. Да и сколько дать он мог? Потому, быть может, и не очень знали. И почти совсем не брали. Но пришли иные времена: другие преступники, с другими деньгами, другое отношение к ним. Не такое брезгливое. Не такое бескомпромиссное. Раньше любой работник правоохраны ощущал моральное превосходство над жуликом. Сегодня крупный преступник оценивающе смотрит на опера (сыщика): за сколько же тебя можно купить? Если так не смотрит, считай, что он для него — мелкая сошка. Значит, нашёл подходы к вышестоящему начальству. Или надеется найти.

Чаше всего дело не только в деньгах, а в том, на чьей стороне ощущение своей силы. Один из замов подполковника, такой же крепкий для местной мафии орешек, уходя в отпуск, сдал на склад свою «пушку» и остался с баллончиком «черёмухи». Представьте, у тех, кто ведёт за ним охоту, кто держит его на мушке, целый арсенал, а у него — какая-то прыскалка. Но он и до отпуска, с пистолетом, не чувствовал себя уверенно. Не дай бог применить, не дай бог грохнуть ненароком, если вдруг надумают напасть, — прокуратура заклюёт.

Спасибо фильму «Криминальные истории». Теперь мы знаем, как надо управляться с мафией. Редко где капитан Торелла появляется в одиночку, только кучей, только вчетвером-впятером. Только до зубов вооружённые.

Не считают зазорным как следует встряхнуть бандюгу, за личико его взять, чтобы в глаза смотрел. Скольких группа Тореллы отправила на тот свет — не счесть, но — ни единого служебного расследования. Потому что там, в Америке, полицейский всегда прав. Иной, быть может, и не совсем прав, но правосудие считает необходимым поддержать его. В противном случае полицейский, без этой защиты, будет работать не только на общество, но и на себя, подавлять преступников не без разбору, а избирательно. Только тех, кто его не может подавить.

И ещё один урок преподносит нам Торелла. Не всегда он может (при его-то свободе действий!) засадить гангстера в тюрьму. И тогда действует в полном соответствии с известным принципом знаменитого Шерлока Холмса: «Если закон бессилен, мы должны пойти на риск». А кинематографисты не стесняются показать людям, каким образом это делается. Работа, что называется, на грани фола. Но — не для того ли существует повязка на глазах Фемиды: главное, чтобы не перевесило заключённое в преступнике неизмеримо большее зло.

Но вернёмся к подполковнику. Человек не нервный, выдержанный, он не стал бы таскать повсюду пистолет, будь на хвосте хоть десять иномарок. Но, по оперативной информации, «авторитет» приказал добыть домашние адреса и подполковника, и всех его сотрудников. Стали известны и другие распоряжения мафиози. Сомнений не оставалось: это не просто попытка взять на испуг. В опасности — жизнь близких, и прежде всего детей. Тут уж и десять пистолетов не помогут, хоть обвешайся ими с ног до головы. Тогда-то и понял подполковник, насколько он не защищён, и что никто ему не сможет помочь, кроме него самого. Велел привести «авторитета» в свой кабинет и сказал примерно следующее: «Ты вёл на воле свою игру, и я тебе не мешал. Я бы тебе с большим удовольствием мешал, если бы это было моё дело. Но моё дело в том, чтобы держать таких, как ты, за решёткой и оставить тебе как можно меньше шансов выскочить отсюда благодаря нелегальной связи с волей. Тебе это не нравится, ты пытаешься меня запугать. Не буду скрывать, мне страшно. Но не за себя, а за детей и внука. Но запугать меня тебе не удастся. На твоих глазах кладу пистолет в сейф и больше не ношу его при себе. Но запомни:

если с головы моих близких или близких моих сотрудников упадёт хоть волос, я возьму этот пистолет, зайду к тебе в камеру и всажу в тебя всю обойму».

«Авторитет» посмотрел в глаза подполковнику, понял что это не очередная примочка мента. Ему действительно не жить. А жить хочется. И у него свои дети.

В тот же день иномарки исчезли и больше не появлялись у стен тюрьмы.

Ну и что же, хэппи энд? Нет, не уверен, что на этом сшибка закончилась. Не такие люди мафиози, чтобы не пытаться одержать верх. Это во-первых. А во-вторых, не один этот подполковник (по моим сведениям) пришёл к мысли о допустимости самосуда. Не только он испытывает почти физиологическое отвращение к новым «хозяйвам жизни». Зудят руки и у тех, кому до смерти надоело ловить мелкую уголовную рыбёшку и видеть, как самая крупная уходит из сетей. Не поручусь, что и они, отчаявшись, не начнут воевать с преступностью без следователей и судей.

1993 г.

ЛОВЦЫ И БЕГЛЕЦЫ

Правосудию положено сажать преступника. Преступнику, естественно, бежать. Но бегут немногие. Самые крутые «авторитеты» почему-то вообще не бегут. Наверное, им и под замком живётся неплохо. А может, есть надежда купить досрочное освобождение.

Кто же бежит и почему?

Прежде всего — расконвоированные. Те, кто осуждён за не очень серьёзные преступления. Кому до конца срока остались считанные месяцы, кто работает на воле, а в зоне только спит. Кому поверили, что не убежит. Кому вроде нет никакого смысла тикать. Именно такие люди, меньше других приспособленные для жизни взаперти, считают каждый день и час и, когда муки тоски по свободе, казалось бы, позади, срываются. Эмоции берут верх над элементарным здравым смыслом

Бегут, затуманив мозги водкой или одеколоном. Бегут трезвые, как стёклышко, тщательно обдумав побег и даже согласовав с близкими. Жена увольняется с работы покупает билеты, собирает детей, ждёт в условленном месте на такси. И — всей семьёй — в какую-нибудь глухомань. Чаще всего туда, где жили раньше или где живёт родня. Где как раз и будут искать прежде

всего. Ловцы-тюремщики только руками разводят: до чего же глупые люди!

Второе место среди беглецов занимают долгосрочники. Убийцы, бандиты, насильники, осуждённые за участие в лагерных беспорядках. Те, кому досрочное освобождение не светит. Им терять нечего. Или разрушиться от онанизма и наркотиков в лагере, или пуля в спину — всё едино.

Третье место делят проигравшиеся в карты и большие ревнивцы. Одних приводит в отчаяние перспектива расплатиться своей невинностью. Другие наивно считают, что если поколотят неверную жену, то она будет хранить верность до конца срока.

Особое место занимают курьёзные побег, высвечивающие колорит славянского характера. Одному зэку что-то не понравилось в колонии. Он написал жалобу. Ответа нет. Пишет вторую. Снова нет ответа. Тогда зэк говорит администрации: «Если не отправите третью жалобу, убегу!» Над ним посмеялись. А наутро хватились, в самом деле утёк!

На другой день в областном управлении суета, а в приёмной начальника — мужичонка. «Не до тебя,— говорят ему,— у нас побег». «Так это вы меня ищете!»

Иногда шутки заканчиваются кровью. Заспорили однажды зэки, заряжены ли у солдат автоматы. «На спор: патронов у них нет!» — заявил один. И полез через ограждения. Часовой дал очередь, и тело спорщика повисло на колючей проволоке. Вечером начальник спрашивает зэков: «Так есть у эмвэдэ патроны или нет?» — «Есть, начальник, есть», — мрачно отозвались зэки.

По статистике, каждый третий побег — групповой. А 90 процентов беглецов, оказавшись на свободе, совершают новые преступления.

Сезон побегов начинается в марте. Бегут чаще всего в выходные или праздничные дни, когда в зоне меньше персонала. Излюбленное время беглецов, разумеется, ночь, когда часовые клюют носами.

Спросите любого тюремщика, что самое кошмарное в его жизни. Любой и каждый ответит, не задумываясь: побег! Вот почему самые главные фигуры в каждой зоне — режимники и оперы. У них голова болит в первую очередь.

Из нескольких сотен зэков надо выбрать склонных к побегу, наладить через свою агентуру поступление информации. Кто-то сушит сухари, ищет инструмент для

подкопа или перекусывания колючей проволоки, запасается деньгами, ищет вольную одежду. Верный признак; засобирался!

Накопительное дело на него! Вызвать под каким-нибудь предлогом, предложить раздеться и подробно описать приметы, татуировки. Заранее написать текст ориентировки — для тех ловцов, которые лично не знают беглеца. (Потом, после побега, писать уже некогда). Прознать адреса всех дружков на воле, всех подружек, всех родственников. Изучить все способности: кем может работать на воле? Не мешает узнать, с кем корешил, сидя в других зонах, и кто из корешей уже освободился. На кого из потерпевших или подельников имеет зуб: не исключено сведение счетов.

Склонному к побегу отводится в лагерном общежитии особое, хорошо просматриваемое при ночном обходе место. Вероятный беглец выходит на работу только в первую смену и раз в сутки, чаще всего перед отбоем или после подъёма, отмечается у администрации.

В каждой зоне гуляет байка о самом крутом побеге. Якобы зэк смастерил миниатюрный вертолёт, приспособив мотор от бензопилы, и перелетел через все ограждения (ошарашенные часовые даже про автоматы забыли), но недалеко — бензин кончился.

Но однажды перелёт в самом деле случился. Один отчаянный зэк приладил ролики к высоковольтной линии и перекатился на проводах, как на фуникулёре. Часовые, видя такой аттракцион, и впрямь забыли, что им положено стрелять.

Предотвращение побегов — целая наука. Помимо разных инструкций, существует что-то вроде маленькой хрестоматии с описанием всевозможных хитростей, сопровождаемым рисунками.

Вот беглец из лесной зоны выдолбил в бревне выемку, улёгся в неё и поплыл, прикрыв себя куском коры. Вот напялил на голову камеру от футбольного мяча, соединил шлангом с большим полотном, взял в руки груз и таким манером шёл по дну реки.

Самый распространённый способ побега — подкоп. Но как скрыть входное отверстие? Однажды придумали: прикрыли яму горящим костром.

Здоровенный зэк вынес маленького зэка (в мешке) в производственную зону. Во время возвращения в жилую зону маленький встал в колонну, а здоровяк остался на ночь в зоне производственной. Оттуда и дал дёру.

Порой побегу требуют не только смелости, но и незаурядных спортивных данных. Однажды беглец прыгнул в тюрьме с одной крыши на другую. Потом перепрыгнул забор и приземлился на асфальт, преодолев по воздуху больше пяти метров.

Для успеха других побегов требуются только деньги и продажность охранников. Последнее время режимники и оперы не знают, куда больше направлять свою бдительность. Из эзков, имеющих серьёзную денежную поддержку с воли, не бегут только те, кто просто не хочет бежать. Уж и новобранцев из бывших советских солнечных республик больше не берут в войска МВД. Но и, казалось бы, более надёжным ребятам-славянам тоже мало веры. Всё чаще часовые... сами предлагают эзкам бежать. Отличился даже командир одного батальона охраны. Перед отъездом в родную Беларусь продал эзкам-беглецам четыре гранаты.

Решив вопрос, каким способом бежать, беглец задумывается, а куда? Где спрятаться и переждать, когда энергия ловцов пойдёт на убыль? Кавказцам проще: «Уйдём к Дудаеву». Легче и тем, кого на воле ждут сообщники, деньги и оружие. Достаточно переехать границу едва ли не любой бывшей республики бывшего Союза и можно чувствовать себя спокойно. На кого же рассчитывать остальным? Ну, конечно же, на женщин. Мать, жена, подруга — эти не оставят без помощи, не выдадут.

Отец может выдать. И это бывает. Мужчина понимает: явка с повинной может избавить от суда за побег.

Вот почему ловцы пишут родителям: «Уважаемые... Просим вас убедить сына использовать реальную возможность безнаказанно вернуться в места лишения свободы...» Разъясняют, что в противном случае грозит дополнительный срок от года до пяти лет. А если побег повторный, то от пяти до восьми лет.

Не часто такое обращение даёт ожидаемый результат. Лично мне известен только один случай, когда отец привёл в милицию сына-беглеца. Ещё реже решение явиться с повинной самостоятельно принимает сам беглец. Один совсем ещё молодой 19-летний парень скрывался целых шесть месяцев и мог скрываться дальше, но своим умом дошёл, что всю жизнь не пропрячешься, рано или поздно всё равно поймают, так не лучше ли пойти и сдать. Чем раньше сядешь, тем раньше выйдешь.

«Больше суток у нас не гуляют»,— скажут вам в любом управлении МВД. И это не хвастовство. Это в самом деле так. Но чего стоит скорый поиск! Беглец висит на каждом тюремщике (в особенности на тех, кто его содержал под стражей), как неоплаченный карточный долг. Начальство готово все звёздочки снимать, в порошок стереть. Упустили! Марку потеряли! Устали? С ног валитесь? Спать хочется? Потом будете спать, когда поймаете! Есть хочется? Хотите регулярно питаться, не упускайте зэка! Зэк должен сидеть, а не разгуливать на свободе!

Самое страшное — если побег обнаружен с опозданием. Если беглец успел выехать за пределы области. Тут уж даже если все силы управления подняты на ноги, всё равно ничего не поможет. Сеть операции «Сирена» гарантированно ловит только в границах своей области.

Теперь вся надежда на коллег. В десятки городов и посёлков идут ориентировки. Но у коллег своих забот полон рот. Делать нечего. Надо ехать самим. И на месте проверять: может там оказаться беглец или не может. И если повезёт, брать самим. И ад охоты идёт по второму кругу, голодуха, безденежье, бессонные ночи.

Каждый побег — это большая затрата денег. Сумма многократно возрастает, если поиск растягивается на недели и месяцы. Логично было бы вместе с дополнительным сроком заставить беглеца оплачивать все расходы, понесённые государством на его поиск. Но такого закона нет. Говорят, в Кировской области на свои страх и риск какое-то время предъявляли материальный иск беглецам, и эта мера привела к заметному сокращению побегов. Но дальше эксперимента дело не пошло.

Ловцов тошнит от курева и крепкого чая. Но ещё больше тошнит при мысли о судьях.

Преступник, считают тюремщики, обязан сдерживать свои порывы, и, не дёргаясь, отбывать назначенный срок. Уклонение от отбытия наказания лишний раз подчёркивает, что преступник продолжает ставить себя над обществом и тем самым подтверждает свою несправимость. А ему добавляют за побег, как правило, не более двух лет. Разве это справедливо?

Вопиющее несоответствие между опасностью, заложенной во всяком беглеце, и назначаемым ему наказанием,

мягко говоря, злит ловцов. И им приходится иногда изобретать свои наказания.

Ловили однажды душегуба (убил таксиста и сжёг его труп) и невероятного пакостника (заставил мать лечь под своего партнёра по побегу). Несколько суток поиска ничего не дали. Но все выходы из города были надёжно перекрыты. И ловцы знали: эта двуногая тварь где-то рядом. И тут звонок из одной колонии: поймали, приезжайте, забирайте.

Приехали: в самом деле он! Сидит, развалился, и посмеивается. «Ладно, гад, ты у нас на нервах играешь, поиграем и мы», — решил подполковник. Звонит по телефону в управление и говорит: «Ошибка! Это не он». И беглецу: «А ну-ка, в машину! Поедем за город!» — «Зачем это?» — насторожился убийца. «Будем тебя брать», — ответил подполковник и достал пистолет. Всё понял душегуб и — в ноги: «Начальник, не надо». Наручники на него, в машину — и на окраину. Выкинули: «Беги». — «Начальник, я всё понял!» — залился слезами мерзавец. Тут даже начальник колонии, откуда он бежал, не выдержал: «Перестаньте!» Даже он не понял, что это всего лишь розыгрыш. «Ладно,— сказали беглецу, — благодари своего начальника. Если б не он...»

Жестоко? Безусловно. Но что в результате? Сидит теперь тихо, как мышь. Что ни говори, есть на свете люди, которые другого языка просто не понимают.

— На что больше похож поиск беглецов?

Самым лучшим был такой ответ:

— Это самая настоящая охота, но с большим чувством собственной вины.

— Но вот вы, такие усталые, злые, наконец нашли...

— Нередко беглецу, конечно, крепко достаётся. Но чаще всего бросаешься к телефону, поскорее доложить: поймали!

1993 г.

ОБЕЩАНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ МАТЕРИ УБИТОГО

Они были расстреляны восемь лет назад. Сергей Овчинников и Юрий Лисуненков, За ними тянулся длинный шлейф грабежей, насилий. Наконец, они совершили

убийство. Лисуненков не стал даже писать прошение о помиловании. Человек неглупый, он внимательно перечитал приговор и понял: высшая мера неизбежна.

Поздним вечером втроём (с ними была девка) они попросили незнакомого водителя «Жигулей» Владимира Г. отвезти их в Донское. Это больше десяти километров езды по горной дороге. Да и клиенты навеселе... Но Владимир Г. — перворазрядник по боксу — был уверен в себе. Откуда он мог знать, что Овчинников, севший справа, сжимал большой рыбацкий нож с зазубринами на лезвии.

Вскрытие потом показало, что первым же ударом была прожнута печень. Но Владимир Г. продолжал защищаться. Его выволокли из машины и стали бить ногами, камнями, колоть ножом. Потом бросили тело в багажник и повезли прятать в знакомую пещеру.

— Включите громче музыку! — потребовала девка.

Она первая услышала стоны владельца «Жигулей».

Но громкость не помогла.

— Вы что? Добить не можете? — взвизгнула девка.

Владимира Г. вытащили из багажника и ещё долго били, но никак не могли убить. Не исключено, что головорезы просто растягивали удовольствие. Девка уже билась в истерике. Тогда Овчинников, с трудом оторвав от земли валун, опустил его на голову Владимира Г.

Труп спрятали в пещере, в самом гиблом месте. Возвращались уверенные, что всё шито-крыто. Но у ГАИ было какое-то профилактическое мероприятие, проверяли каждую третью машину. Убийцы не остановились. Как можно — весь салон и багажник в крови. Дальше было, как в кино. Уходя от погони, перевернулись, отделались лёгкими ушибами и скрылись.

Спустя примерно неделю милиция устраивает рейд по симферопольским подпольным притонам и задерживает ту девку. Она проговаривается. Из её слов становится ясно, что ей что-то известно об убийстве Владимира Г.

Вести дело поручили 36-летнему следователю прокуратуры Юрию Мешкову. Машина со следами крови и отпечатками пальцев предполагаемых убийц была обнаружена. Труп найден. Фамилии убийц девка назвала. Осталось найти их. Но не тут-то было.

— Ни одно моё поручение оперуполномоченными не выполнялось, — говорил мне Мешков.— Например,

нужно было прочесать довольно большую территорию для того, чтобы найти нож с зубринами и следами крови Владимира Г. У меня были адреса квартир, где могли скрываться Овчинников и Лисуенков. Но как только я должен был вот-вот их взять, всякий раз выяснялось, что убийцы только что ушли.

– У тебя были какие-то догадки на этот счёт?

– Во-первых, из «Жигулей» пропал автомобильный магнитофон. И едва ли те, кто это сделал, были заинтересованы в том, чтобы я всё раскопал. Во-вторых, возьмём родителей убийц. Член военного трибунала, работник обкома партии... В-третьих, меня начали торопить: передавай дело на эту девку в суд. Пусть получит срок за соучастие. А я знал: как только её осудят, дело будет похоронено. В-четвёртых, я уже сказал: все мои поручения, связанные с розыском, не выполнялись, а убийцы вели себя так, будто им было известно, в каком направлении идёт расследование.

Время от времени мать Владимира Г. приходила к Мешкову в кабинет. Сидела, вся в чёрном, молчала. А Мешков, глядя на неё, санитарку поликлиники, видел растерзанное тело её сына, простого слесаря.

– Я знаю, вы очень хотите найти их, но у вас ничего не получится,— сказала однажды женщина.— Мне в милиции всё объяснили. Не тратьте силы. Я всё понимаю.

И добавила слова, которые, наверное, от кого-то слышала:

– Говорят, что в конце концов правда торжествует, но это неправда.

— Знаешь,— вспоминал Мешков,— когда я услышал эти слова, во мне всё перевернулось. Ведь эта женщина высказала недоверие, точнее, неверие не только в меня. Она сказала о том, что простые люди, чьи-то жертвы, уже не могут рассчитывать на справедливое возмездие. Это было для меня, как ножом по сердцу. И я в запале пообещал, что буду искать убийц сам по себе. А если не найду, уйду из прокуратуры.

Он привлёк к розыску ножа знакомых студентов, а также ребят из горноспасательной службы. И нож, на котором оказалось самое необходимое — следы пальцев Овчинникова, был в конце концов найден. Оставалось

разыскать владельца ножа и его сообщника. Но тут снова началось постоянное запаздывание.

– Однажды даже так было. Мне нужно ехать брать их, а меня вызывают в городскую прокуратуру и дают взбучку за то, что медленно идёт следствие! Я подключил к розыску тех (в прокуратуре и милиции), на кого мог положиться. И от них вскоре узнал, кто меня опережает.

И всё же мешать Мешкову становилось всё труднее. Документы он теперь хранил не в своём служебном сейфе, а в более надёжном месте. В свои планы посвящал, тут я повторюсь, только наиболее доверенных лиц. И преступники, почуяв, что Мешков, действуя сам по себе, становится непредсказуемо опасным, принимают самое лучшее решение — уехать из Симферополя и отсидеться в какой-нибудь глуши.

Только они не учли, что Мешков, не связанный больше необходимостью информировать уголовный розыск о каждом своём шаге, получил самое главное преимущество. Те, кто мог навести на след убийц, зная, что Мешков ведёт независимое расследование, не боялись быть с ним откровенными. Наконец, уже в цейтноте, к концу отведённого на следствие трёхмесячного срока, Мешков узнал адрес тётки Лисуненкова, проживающей в Ташкенте. Где-то там, и только там, предполагает он, могли скрыться преступники.

По инструкции, конвоировать подозреваемых в убийстве должны четыре человека. Здесь же нужно было искать и задерживать.

– Ничем помочь не можем. Обращайся в милицию, — сказали в следственном управлении Крымской области.

В милиции Мешкову пообещали дать «максимум одного» оперуполномоченного. Назову его Витей Ивановым, потому что не могу скрыть, что он, хотя и помог Мешкову, но в решающий момент чуть не подвёл.

Оставалось получить командировочное удостоверение и деньги. Не давали! По той простой причине, что не следовательское дело куда-то ехать, кого-то задерживать. Это дело оперуполномоченных. Мешков уже хотел ехать на свои деньги. Но тут его неожиданно поддержал прокурор области Николай Иванович Корнев:

– Выписывай командировку на столько дней,

насколько нужно. В случае успеха шли телеграмму. Встретим. Спешите. Срок истекает.

— Дайте хоть какое-нибудь оружие,— просил Мешков в милиции. Дали одному Вите Иванову.

— Не забудь взять двое наручников!— предупредил его Мешков.

Наручники для него, честно говоря, были куда важнее оружия.

Здесь пора сказать, что до учёбы на юридическом факультете Московского государственного университета Мешков проходил службу на границе и получил хорошую выучку. Слыл мастером рукопашного боя. Потом, уже в Симферополе, занимался дзюдо, джиу-джитсу и каратэ, получил коричневый пояс.

В общем-то, он мог бы ехать и один. Но где бы он в этом случае взял наручники? Проблема обратной доставки убийц в Симферополь — в сроки, ограниченные рамками следствия,— была для него куда важнее проблемы розыска и задержания. По крайней мере, он так тогда считал. 36 лет — это всё-таки такой возраст, когда накопленная опытность причудливо совмещается с почти мальчишеской самоуверенностью. Чего греха таить, Мешков был очень уверен в себе.

Чтобы правильно понять, почему в дальнейшем он действовал, мягко говоря, нестандартно, нужно сказать, что, как всякий серьёзно увлекающийся восточной школой единоборств, Мешков был глубоко погружён и в философскую специфику этой школы.

— Японцы мыслят по-другому, не так, как мы,— объяснял он мне.— Есть у них такое понятие — сатори. Ударение на первом слоге. Означает — озарение. Там, где мы, европейцы, идём к чему-то логическим путём, японцы идут путём сатори, в котором проявляется весь накопленный опыт, вся внутренняя сущность человека, в высшей степени обострённое эмоциональное восприятие каждой сложной ситуации. Ну, например, был у меня такой случай. Совершено убийство, причём с особой жестокостью. Просто изуверское. А следов убийцы — никаких. Вызываю мать убитого на место происшествия, в квартиру её сына. Прошу внимательно осмотреть все вещи: нет ли чужих. Смотрит. «Нет, всё наше». Ещё раз прошу. Снова: «Нет, всё наше». Меня уже мелкая дрожь бьёт. В частности, оттого, что вынуждаю страдать и без того убитого горем человека.

«И всё же ещё раз посмотрите!» И мать неожиданно указывает: «Вот эта куртка не сына». И тут только мне становится до конца ясно, почему я так упорствовал. Потому что убитый и убийца общались долго. В комнате было жарко. Убийца не мог не снять с себя всё, что можно было снять. А потом, зверски убив, не мог хладнокровно всё на себя надеть. Вот такое прочтение ситуации тоже входит в явление сатори.

Как только прилетели в Ташкент, Витя Иванов сказал, что надо обратиться за помощью в местную милицию.

— После того как мы скажем, что нам надо,— ответил ему Мешков,— можно будет брать обратный билет.

Вите дальше не надо было ничего разжёвывать. Но после этих слов он явно погрузился.

— Пойдём сразу к тётке Лисуненкова,— сказал Мешков.— Если они там, будем брать.

— Ты в своём уме?— возмутился Витя.— Нужна установка. Нужно заблокировать квартал. Нужно их выпастить. А так — лезть на пулю или нож... Чего ради?

— Тогда я пошёл один,— сказал Мешков.

Нужно отдать должное Вите Иванову. Он догнал Мешкова, и они пошли вдвоём.

— Где ваш племянник? — спрашивал Мешков женщину.

— Не знаю,— чуть не божилась она.

А по глазам было видно: знает!

— Где он?— повысил голос Мешков.

— Турткуль,— невольно вылетело у женщины...

— Пустыня. Мазанки. Верблюды. Едем сами по себе. Государства за спиной нет. Витя совсем скучный стал,— со смехом вспоминает Мешков.— Наконец мы в Турткуле. Вижу, идёт капитан милиции. Я его окликнул и жестом показал: подойти!

— А почему сам не подошёл?

— Так я ж тебе говорил про сатори. Чувствую: если я сам подойду, да буду всё объяснять, да взывать к его сознательности, он не отреагирует как надо. И вот вижу: у него голова, как башня у танка, медленно-медленно поворачивается. Навёл на меня глазки, ощупал, но подошёл. Витя ему под нос свои «корочки». А там — большими буквами — МВД СССР! Приходим в отдел. Вижу, сотрудники явно подшофе. Какое-то барахло разбирают.

Капитан их выгнал. Кладу перед ним фотографии Овчинникова и Лисуненкова. «Видел таких?» Качает головой: нет, не видел. А по глазам вижу: видел! Не мог не видеть. В тех краях каждый человек на виду. Тогда я ему говорю: «Если ты нам поможешь, то ты уже не капитан. Ты уже — майор! А если не поможешь, то я не ручаюсь, что ты не станешь старшим лейтенантом». Всё сразу понял капитан, дал машину и указал, куда надо ехать. В соседнюю ПМК — передвижную механизированную колонну.

Не буду тебя томить. Они, конечно, были там. Но тут вот что нужно учесть. Лисуненков — с его золотыми руками — починил списанный экскаватор. И этот экскаватор работал. Погрузка грунта в одну автомашину стоила 50 рублей. А машин приходило за день бог знает сколько. Во-первых, дикая производительность труда. Всё-таки вместо одного экскаватора работало два, а по документам — один. Во-вторых, начальство имело вместе с Лисуненковым и Овчинниковым ежедневный гарантированный куш. А подчинённые, прежде чем ответить на мои вопросы, поглядывали на начальство. «Не знаем. Нет у нас таких». А я опять нутром чую. Узнали по фотографиям! Здесь они!

Вижу на Доске почёта фотографию человека с хорошим лицом. Может быть, хоть этот не станет врать? Спрашиваю: кто это? «Главный механик». Я — Вите: срочно за ним! А сам отрываю в соседнюю комнату одного из тех, по кому явно было видно, что знает. И очень жёстко спрашиваю: где они?

Смотрю в окно на барак и вижу: идут! Идут мимо конторы, где я нахожусь. Выскакиваю из комнаты, подзываю парня помоложе и говорю: пойди и скажи вон тем, что их вызывают в отдел кадров. Больше — ни слова! Парень, кажется, всё понял. Одно плохо: не пошёл, а побежал.

А я мечусь по кабинету. Сплошные письменные столы. Никакого простора для захвата. И переставлять уже некогда. Они вот уже, рядом, топают по коридору. Тогда я сажусь за главный письменный стол, слегка разваливаюсь и начинаю изображать комсомольского босса тех лет. Сидины у меня тогда было совсем чуть-чуть. Подходил вполне. Говорю Овчинникову с Лисуненковым: я, ребята, из обкома комсомола с проверкой. Имею поручение поработать с несоюзной

молодёжь. А мне сказали, что вы и есть та самая молодёжь. Они: ха-ха-ха!

А я слышу: шаги по коридору и голос Вити. И дальше как бы со стороны вижу, что делаю. В ушах — лёгкий звон. В теле — какая-то особенная лёгкость. Одна рука у меня как бы сама по себе делает упор на письменный стол. И я лечу на этой руке к Овчинникову. Мне его, самого злобного, самого испорченного, надо было взять первым.

Есть в кунг-фу очень красивый приём. Называется «коготь орла». Двумя пальцами — за адамово яблоко. Другой рукой — за волосы.

— Покажи на мне, хочу почувствовать,— перебил я Мешкова. Юра показал. И я понял, что, примени он этот, приём всерьёз, с большей силой, этот очерк не был бы написан.

— Понимаешь,— продолжал Мешков.— у меня всё время стоял перед глазами Владимир Г. Это было какое-то наваждение. Понимаю, что работал осатанело, так нельзя. Но понимаю и другое: если бы работал иначе, вяло, никто бы мне ничего не сказал. Никого бы я не нашёл.

— Ладно,— сказал я ему,— я лично тебя понял. То было время, когда добиться правды и справедливости можно было только одним путём — нарушая инструкции и совершая какие-то неправомерные действия. Будем надеяться, что это поймут и читатели. Итак, ты взял его на приём «коготь орла». Ты заранее это решил или...

— Когда я летел на Овчинникова, я ещё не мог предвидеть, в какую сторону он отпрянет, как будет защищаться. Как же я мог заранее спланировать тот или иной приём? Нет, тут тоже действовало сатори.

Я летел на Овчинникова и кричал Вите Иванову: «Витя, второй — твой!» Витя из своего «Макарова» — в потолок. Страху нагнал. Лисуенков прижался к стене и заорал: «Сдаюсь!» Витя надел на него наручники. «Мне!» — кричу ему, сидя на Овчинникове. «Нету»,— говорит Витя. «Как нету?» — «Не взял». — «Как не взял?» — «Думал: тяжело будет таскаться с двумя наручниками». Конечно, ещё одна была причина. Просто он даже подумать не мог, что мы их будем брать вдвоём. Думал, что у местной милиции наручников хватит.

Тогда я — тому парню, который бегал убийц подзывать, говорю: «Ремень!» Он мигом снимает, штаны падают. Умора!..

Что было дальше? Начальник ПМК дал нам две грузовые машины. Он что угодно готов был сделать, только бы мы поскорее убрались и не узнали про второй экскаватор. И вот жмём по пустыне. Витя с Лисуненковым в передней машине. Я — следом, чтобы держать их в поле зрения. Приезжаем в Турткуль, сдаём свой живой груз в КПЗ. Утром приходим — они пьяные! Но это нам было только на руку, что они напились. Было бы куда хуже, если бы им пришлось в голову сбежать.

В Турткуле тот капитан дал мне вторые наручники. Одними я сцепил Овчинникова с Лисуненковым, а другими — к себе на левое запястье. Так в связке и передвигались до самого Ташкента. Перед посадкой в самолёт я велел этим типам опустить подлиннее рукава, чтобы не были видны наручники. Вижу, второй пилот по салону прохаживается. Подзываю его, протягиваю листок с текстом телеграммы. Прошу передать в Симферополь...

В Симферополе на лётном поле ждали прокурор области, начальник областного УВД. Когда все пассажиры вышли из самолёта, Мешков пристегнул к себе убийц, ступил на трап и не удержался. Поднял руки (блеснули наручники) и победно воскликнул: «Вот они!»

Признаюсь, я отказался от описания других захватывающих эпизодов, в которых артистическая сторона характера Мешкова — как на ладони. Не хочу, чтобы о нём создалось одностороннее впечатление. Например, Юрию не раз приходилось, после дотошного изучения уголовного дела, доказывать обвиняемому, что он не совершал тех преступлений, которые ему явно навешивали. Запуганный или подкупленный, обвиняемый отчаянно доказывал свою «вину», а Мешков, портя себе кровь, искал доказательства невиновности, пока наконец не находил и не вынуждал обвиняемого признаться в самоговоре. Надо ли Говорить, как это не нравилось «закройщикам» дутых дел?

Только не один Мешков был в Симферополе такой правдоборец. Другие, рангом повыше, заметили его способности и включили в группу по расследованию преступлений, совершаемых работниками правоохранительных органов. Вот где началось хождение по лезвию ножа.

– На мне было опробовано всё,— скупое сказал Мешков.

Пришлось вытягивать из него: что значит это «всё».

– Прежде всего — наружное наблюдение. Это только в фильмах шпики шнуры завязывают, в витрины смотрят. У нас работают иначе. Шпик идёт впереди. И слушает! И всё слышит, если я с кем-то иду и разговариваю. Редко приходилось ходить по прямой. То налево, то направо сворачивал. Вижу, шпик делает петлю и снова — впереди меня. Выбирал укромное место и обещал, что в следующий раз он выговорить не сможет, как ему нехорошо. И тут же звонил начальству шпики: уж если пасёте, посылайте толковых ребят.

Метод второй — провокации на драку. Чтобы в людном месте, при «свидетелях». И этот номер не проходил, потому что я принципиально непьющий.

– Школа восточных единоборств не велит?

Мешков усмехнулся.

– Помнишь, у Чехова: «Была жажда жизни, а ему казалось, что хочется выпить, и он выпил вина». Так вот: чем больше вокруг вели пьяную жизнь, тем большее отвращение это у меня вызывало. Можешь записать, что были и другие принципы. Никогда не матерись. Никогда не бить подследственных. Так что подловить меня на «хулиганке» было очень трудно.

– Дальше. Ещё какие методы?

– Ну, например, в кабинет входит шикарная дама и начинает медленно расстёгивать... Честно говоря, мне стало жарко. Но на первый случай она решила мне показать не то, что ты подумал и чего я испугался, а вот такую кипу сотенных...

Одного следователя в Ялте «спалили» девочкой. Поставили кровать перед замочной скважиной и сфотографировали, как он с ней развлекался. Я об этом узнал и держал ушки на макушке.

– Ещё.

– На испуг брали. Машина вылетает на тротуар и чуть не сбивает. Ну а когда увидели, что даже такое не берёт, начались открытые угрозы. Начальник Симферопольского райотдела милиции мне прямо сказал: «Мы тебя уничтожим».

– Чем же ты им так насолил?

– Было, например, дело сержанта Сюзева. Вместе с другими милиционерами насмерть запинал задержанного.

Другому выжег глаз нашатырным спиртом — плеснул в лицо, открыв в камере кормушку.

Улучил в применении «детектора лжи». Это — валенок, набитый песком. Можно отбить все внутренности и — никаких следов... Знал, кто облагает данью карманников, гарантируя безнаказанность, если они вдруг попадутся. Кто брал с наркоманов. Знал, кто занимается тайным вымогательством — за то, чтобы против кого-то не было возбуждено уголовное дело. Там суммы исчислялись десятками тысяч. Естественно, я был как гвоздь в сиденье. Но тут важно вот что отметить. Даже в тех случаях, когда мне удавалось доказать преступление должностного лица, это редко что-либо меняло. Помню, припёр к стенке одного офицера милиции, который создал целую преступную группу, занимавшуюся грабежами. Было на их счету и изнасилование. Один на один он во всём сознался. Арестовываю, отправляю его в ИБС — изолятор временного содержания. А на следующий день начальник следственного отдела выпускает его и отбирает у меня дело.

– Многие преступления, совершённые умными преступниками, оставались нераскрытыми, — продолжал Мешков, — Раскрывали и сажали в основном мелкую сошку. И навешивали на эту сошку серьёзные преступления. А те, непойманные, продолжали вытворять всё, что им могло заблагорассудиться.

Потом я узнал (уже не от самого Мешкова), что однажды надо было задержать оторвавшуюся от преследования машину, где находилась группа парней, совершивших зверское изнасилование. Мешков (у него 78 прыжков с парашютом) предлагал выбросить его впереди машины. Он мог бы, скажем, остановить какой-нибудь грузовик, поставить его поперёк дороги. Не разрешили. Так и ушли насильники. И можно только гадать, что они ещё натворили, оставшись безнаказанными.

Можно предположить, что происходил просто страшный процесс. Из правоохранительных органов уходили самые толковые и опытные. А преступный мир в это время пополнялся умными и, можно сказать, даже талантливыми негодями вроде Лисуенкова.

– Пример с той девицей, участницей убийства, которую хотели поскорее осудить, наверное, не единственный

способ спасения от разоблачения главных преступников?— спросил я.

— Сложилось даже что-то вроде поговорки, — отвечал Мешков.— Для того чтобы угробить уголовное дело, надо отобрать его у одного следователя и передать другому. Другой хуже знает все тонкости дела и характеры обвиняемых. Обвиняемые, как правило, начинают оговаривать первого следователя и менять показания.

— Из дела Овчинникова и Лисуnenкова следует, что сатори невозможно без обострённой ненависти следователя ко злу. По крайней мере, у тебя это прослеживается.

— Знаешь,— отвечал Мешков,— я разделил бы работников правоохранительных органов не на милиционеров и прокуроров, не на следователей и оперуполномоченных, а на тех, кому ненавистно любое зло, и на тех, кто готов пойти на сделку с любым злом. С малым или большим — это неважно. И ещё разделил бы по такому признаку. На тех, кто постоянно учитывает, что задержанный или обвиняемый может быть невиновен, и на тех, кто в каждом задержанном и обвиняемом видит только преступника. Отношение работника правоохраны к вопросу защиты прав и достоинства граждан указывает на уровень правосознания самого работника. Если этот уровень низкий, то какое он имеет право там работать?! Никакого! И ещё один признак, по которому можно было бы условно разделить всех работников. И в прокуратуре, и в милиции в идеале должны работать лишь те, кто способен служить только Закону. И прошу записать это слово с большой буквы. А у нас довольно часто служат начальству. И сама система работы так устроена, чтобы это служение стояло на первом месте.

Оставалось узнать, почему он работал за 140 рублей. И как работал!

— Я всем обязан нашему районному прокурору Владимиру Васильевичу Зубареву,— очень тепло сказал Мешков.— Да, мы, простые следователи, получали по 140 рублей, имели кучу долгов и сжигали себя на работе. Обычно следователи руками-ногами отбиваются от нового дела. А у нас был азарт. Мы всё умели. Если требовалось найти вещдоки на дне моря, брали акваланг и ныряли сами. И всё благодаря Зубареву.

Умел он создать атмосферу преданности делу и хорошего, здорового соперничества. У иного прокурора и кресло есть, и машина, и с начальством он ладит, а уважением своих же следователей не пользуется. И это очень здорово отражается на борьбе с преступностью. Мы Зубарева уважали! И не только за умение помочь, за неподкупность, за преданность делу. За тонкость. Он, например, сам выезжал на место совершения тяжкого преступления, в особенности если оно происходило ночью. Его спрашивали: «А где твои следователи?» «Мои следователи спят»,— отвечал Зубарев. Он нас берёт. Но в восемь утра мы были уже на ногах и на коленках ползали, искали окурочки. И не могли не то что сказать, а даже подумать о том, как нам осточертело работать за 140 рублей. Мы работали за уважение со стороны этого человека. Он ушёл из прокуратуры немного раньше меня. Стал председателем президиума Крымской областной коллегии адвокатов.

— А ты?

— А я ушёл в матросы на научно-исследовательское судно. Капитан смерил меня взглядом морского волка и послал в трюм чистить гальюн. Почему ушёл? Потому что стал бояться самого себя. Помнишь, что делает в одном итальянском фильме комиссар полиции? Осознав невозможность передать мафиози в руки правосудия, он вынимает «пушку» и приводит в исполнение собственный приговор. Вот и я, от бессилия и отчаяния, мог наделать глупостей. Но я ни о чём не жалею. Три года плавания едва ли не по всем морям — это прекрасная страница в моей жизни. И горели, и тонули, и в Бермудском треугольнике побывали. Какая на судне была зарплата? В первые же месяцы раздал все долги. Кстати, в Перу у меня был спарринг по каратэ с одним офицером полиции. Работали с дозированным контактом.

— Ну и как?

— Чистая победа,— довольный собой, но без самодовольства ответил Мешков. И я понял, что он неисправим, и толика мальчишества сохранится в нём до конца жизни.

— Сколько дел ты расследовал в месяц, когда работал в прокуратуре? — спросил я Мешкова.

— Минимум два.

Мы вместе прикинули. За эти восемь лет он не расследовал

сто девяносто два тяжких преступления. А ведь большинство, как правило, групповые. Скольких же бандитов, насильников и убийц он не посадил на скамью подсудимых за эти восемь лет? Кто скажет? Кто за это ответит?

1989 г.

ТЮРЕМЩИЦА

Люда Носачёва была достопримечательностью зоны. «Самая молодая особо опасная рецидивистка страны»,— сказал о ней начальник колонии. Умная. Хитрая. Дерзкая. И, кажется, конченная. Хотя бы потому, что наркоманка. Села за кражу. В колонии получила за драку второй срок. Потом ещё один — за участие в бунте. Но — не унывает. Вольнонаёмные таскают ей таблетки теофедрина. На них она выменивает посылочные деликатесы. Ну и, шепнули мне, в естественных потребностях не обижена. Первая красавица. Дерутся бабы из-за неё в кровь...

Я решил попытаться освободить Носачёву. И чем скорее, тем лучше. А то в самом деле схлопочет четвёртый срок! Персонал посматривал на меня, как на потерпевшего. Вот и журналиста облапошила эта Носачёва. Один раз наркоманка — всегда наркоманка, внушали мне. Она не продержится на свободе и месяца! Ну напишете вы ходатайство. У нас тут же запросят характеристику. Что прикажете делать? Это же отрицаловка — ярая нарушительница режима. Да, у неё масса достоинств. Но поведение-то говорит об абсолютной неисправимости! Никто из начальства не подпишет ей положительную характеристику.

«Неправда! — сказала Люда,— Огурцова — подпишет». Но Тамара Алексеевна Огурцова была в отпуске. Она позвонила мне через две недели. Её голос срывался от волнения: «Господи, как я рада! Это моя мечта — чтобы Люда освободилась».

«Но вы всего лишь начальница отряда. Одной вашей подписи будет недостаточно»,— сказал я. «Я уговорю руководство. Я уговорю!» — кричала Огурцова.

Связь с Березниками была неважной. Но Тамара Алексеевна звонила чуть ли не каждый вечер и подробно рассказывала, как ведёт себя Носачёва. Как меняется буквально на глазах. Что делает с человеком

надежда! «Ведь до сих пор ей казалось, что она никогда уже не выйдет отсюда!»

Пока очерк готовился к публикации, пока ходатайство ходило по высоким судебным инстанциям, пока инстанции запросили характеристику, прошло около двух месяцев. Этот срок Люде удалось прожить без замечаний. Огурцова зачитала мне характеристику. Текст был честный. Да, ещё недавно была такой-сякой, но... у администрации появилась надежда... «Она никогда не вернётся сюда. Никогда!» — повторяла Огурцова.

«Если вы так в этом уверены, что мешало вам заняться освобождением Носачёвой?» — спросил я. — «Я писала не раз, я настаивала. Но этим только нажила себе врагов». — «Но это же нелепость! Если вам поручено перевоспитание преступницы, вам должно даваться и право бороться за её освобождение. Если этого права нет, как можно вызывать стремление исправиться?»

— Это всё так, — отвечала Огурцова. — Но наша работа строится совсем на другом. Заключение считается вставшей на путь исправления только тогда, когда она послушна, покорна, готова смолчать в ответ на любую грубость, несправедливость, когда она готова выполнять все режимные требования, которые вызывают возмущение даже у нас, тюремщиков. Ну и, естественно, когда готова ответить на любой вопрос, дать информацию... Вы понимаете, о чём я? А Носачёва не способна ни на первое, ни на второе, ни тем более на третье. Вот почему она и считалась абсолютно неисправимой...

И всё же у меня оставались сомнения. Взять хотя бы махинации с теофедрином...

— Этим занимаются все, — объяснила Огурцова. — Теофедрин — то же, что на воле — доллары. Никто ведь не осуждает тех, кто всеми правдами-неправдами добывает себе «зелёные» и покупает то, чего нельзя купить за рубли. По какому же праву мы осуждаем за это заключённых? Они тоже люди... Им тоже хочется покушать вкусенького. И очень не хочется ходить в нашу колониjsкую столовку. У нас половина пищи идёт свиньям. Скотская пища никого ещё не сделала честнее или добрее. Но никому не приходит в голову изменить положение. Считается, что такая пища — необходимая часть кары. Нашли чем напугать! Чем моложе

и привлекательней женщина, тем сильнее ей хочется сохранить себя здесь. Поэтому я не осуждаю Люду. Я отношусь к этому совершенно спокойно. Это не имеет никакого отношения ни к её прошлому, ни к её будущему. Это не характеризует её ни с отрицательной, ни с положительной стороны. Это говорит только о способности выживать. Пусть законодатели разрешат заключённым готовить себе пищу, за свои заработанные деньги покупать себе любые продукты — и теофедрин перестаёт быть лагерной валютой.

Мне хотелось спросить Огурцову, не снабжает ли она сама Носачёву теофедрином? И не очень удивился, когда узнал потом, что прежде всего её подозревали именно в этом. И коллеги, и заключённые. Ну в самом деле, если она так равнодушна к Носачёвой... Через несколько месяцев я спросил об этом Люду. К тому времени она была уже на свободе, и я вправе был рассчитывать на её откровенность. «Я не могла просить её об этом,— сказала Люда,— Это было бы для меня унижением. А Тамара Алексеевна не могла предложить мне свою помощь, потому что после этого я перестала бы уважать её».

Второе сомнение было ещё деликатней. Коллеги Огурцовой под большим секретом поведали мне, что её беседы с Носачёвой в кабинете длятся часами, а Тамара Алексеевна который год живёт с дочерью без мужа. Очень милая женщина. Таким на улице предлагают знакомство, а она... Может, ей и не надо... Может, ей с Носачёвой хорошо?

Эти подозрения разделяли и заключённые. У них в голове не укладывалось, о чём можно так долго беседовать. Может быть, эти разговоры чем-то выгодны Носачёвой, но зачем они нужны Огурцовой?

— Я — тюремщица,— объяснила мне Тамара Алексеевна.— Но не только в общепринятом смысле. Так в народе называют не тех, кто работает в тюрьме, а кто там сидит. Да, я сижу здесь, в этом кабинете, с утра до вечера, а очень часто и по субботним дням. Нам неплохо платят, но за эти деньги мы тоже платим. Больше половины женщин, которые состоят в моём отряде, одиночки. Но и половина таких же, как я, воспитательниц, тоже одиночки. Развелись потому, что мужья требуют внимания к себе. А начальство требует присутствия в колонии по 10–12 часов. Чтобы

познакомиться с приличным мужчиной, надо где-то бывать. А для этого надо иметь свободное время. Знакомимся чаще всего только в отпуске. Но приличные мужчины, когда узнают, где мы работаем, смотрят на нас совсем другими глазами. Разве может нормальная женщина быть тюремщицей?! Их скорее привлечёт та тюремщица, которая сидела.

Тамара Алексеевна оказалась права. Спустя месяц после освобождения Люда Носачёва съездила в Болгарию (её пригласил один тамошний читатель «Недели») и тут же вышла замуж за соседа, который, конечно же, хорошо знал, где она провела семь лет до поездки за границу.

Однако вскоре она разочаровалась в муже и вернулась к родителям. Отчасти я догадываюсь, в чём причина. За годы, проведённые за решёткой, Люда слишком привыкла к вниманию, заботе, нежности, преданности. Слишком хорошо познала тюремную любовь. Сначала я мысленно ставил это слово в кавычки, но Огурцова мне отсоветовала.

— Отвращение к лесбийской любви — совершенно естественная реакция. Я это ощутила на себе, когда пришла сюда работать. Но тут же заметила, что это, может быть, самая большая несправедливость. Преступница лишена у нас всего: свободы, детей, мужчины, нормальной человеческой одежды и пищи. Единственное, что у неё невозможно отнять, — это любовь к другой женщине. Любовь вынужденную, вызванную не столько половой изоляцией, сколько желанием хоть в чём-то забыться. Запретить эту любовь — то же самое, что лишить женщину её способности быть женщиной. Но у нас решили отнять и это. Ничто не преследуется в женских колониях с таким азартом, энергией, изобретательностью. Эта борьба, конечно же, подаётся как проявление заботы. Они ведь, лесбиянки, на почве ревности идут на всё, внушали мне. И правда, чего только не случается на почве ревности. А начальство — расхлёбывай. Так о ком же забота?

Носачёва безнадежно испорчена лесбиянством, нашёптывали мне. «Неправда!» — отвергала Огурцова. И оказалась права. Если бы так, не вышла бы замуж. Да, развелась. Но кто не разводится? То есть и эта её якобы испорченность была преувеличением, направленным на то, чтобы помешать освобождению человека.

Ещё более злонамеренной была ложь о её якобы интимных отношениях с Огурцовой. Вся колония знала, кто из заключённых женщин действительно любит Люду. И всё же намекали на Огурцову... Были и другие подозрения. Получает, якобы, переводы и посылки из Ташкента, от родителей Носачёвой. Вот и за журналиста ухватилась. Если удастся затея с освобождением, вознаграждение получит. Положительную характеристику пробила — одна эта услуга чего стоит!

Ну и самое страшное подозрение. Из-за него Носачёва запросто могла снова кого-нибудь побить и получить ещё один срок. Ни один человек не мог бросить ей обвинение в том, что она постукивает в оперчасть. Но заключённые есть заключённые. Их жизнь на 99 процентов состоит из взаимных подозрений. Носачёву просто не могли не подозревать в том, что она использует своё влияние на начальницу в каких-то своих интересах. Это задевало всех. С одной начальница беседует полдня, другим не успевает сказать и слова.

Какие ни разные во всём мире тюрьмы, а ключи одинаковые. Замок от камеры — глубоко в толще металлической двери. Чтобы добраться, требуется длинный ключ. Однажды придумано, а действует века. Столько же, века, человечество бьётся над вопросом, как вдохнуть добро в грешную душу преступника. Перевоспитать взрослого человека — это не ключик подобрать, как у нас считалось десятки лет. Во всём мире давно пришли к выводу, что изменить преступника может только он сам. Надо только помочь. Вот Огурцова и помогала. Но она помогала и себе. «Ну что мне делать? — спрашивала она меня,— Я никому не могу сказать правду. Не скажу же я, что с арестанткой мне куда приятнее общаться, чем с иными коллегами. Я вижу в Носачёвой равного себе (как по достоинствам, так и по недостаткам) человека. Неужели это хуже, чем строить из себя совершенство и алчно требовать от арестантки то, что выше её сил, что противно её человеческому естеству, а потом возмущаться, что она не вытерпела, сорвалась, дала отпор?!»

Когда из Носачёвой действительно шла дурь, Огурцова просто... плакала. Это была естественная человеческая реакция, потому что она и правда любила Люду, хотя совсем не так, как трепали злые языки. Это было

как раз то, чем и можно было пронять Носачёву. Никакие наказания никаким карцером не могли сравниться с этими слезами.

Последний раз Тамара Алексеевна заплакала, когда вопрос о сокращении Носачёвой срока наказания был почти решён. Председатель Карагандинского областного суда Александр Дмитриевич Чернов поверил не документам уголовного дела, а доводам поручителя. Он понял, что обе лагерные судимости Носачёвой были необязательными. В обоих случаях имела место, так сказать, широта судейского бездушия. В деле каждой арестантки можно найти доводы на любой вкус. Как в пользу сокращения срока, так и в пользу оставления предыдущего приговора без изменения.

А заплакала Тамара Алексеевна оттого, что оперработник, зная, как хочется Люде выйти на свободу, предложил ей напоследок поговорить «по душам», а она вскипела и наговорила лишнего. На том и строился расчёт: спровоцировать на грубость, сорвать освобождение. Но и здесь Огурцова, ценой собственного унижения, отвела беду.

То, что Огурцова — белая ворона, это бросалось в глаза. То, что она не позволила себе и другим извратить свою душу, тоже было ясно. Но в стиле её работы (в особенности во всём, что касалось Носачёвой) был заложен также важный социальный смысл.

Милосердие должно умерять правосудие. Так звучит известный юридический постулат, по которому стараются жить все цивилизованные нации. Даже приговорённый к пожизненному заключению имеет шанс выйти по отбытии 15 лет. Гибкая система сокращения сроков находится в руках тюремщиков и тех, кто осуществляет на местном уровне попечительство над тюрьмой. (В США — около 500 общественных организаций, которые, не доверяя тюремщикам, контролируют выполнение ими своих функций, помогают заключённым становиться лучше, следят за тем, кого и когда пора выпустить на свободу). У них две власти. Власть держать в изоляции. И власть освободить досрочно. А следовательно, тюремная профессия имеет два социальных смысла: держать в изоляции, не давая вредить обществу, и возвращать в общество, доведя заключённого до состояния неспособности причинять вред.

При этих социально-нравственных параметрах работы у тюремщика нет особых проблем, как сохранить в себе человеческое.

Судьи — не фармацевты. В их руках весы Фемиды, а не сверхчуткие аптекарские весы. Они назначают формальное, более или менее приблизительное наказание. (Хотя и их судейский пыл должен умеряться их же собственным милосердием). Они не могут знать, в какой момент в преступнике созреет раскаяние, стремление стать другим человеком. Эти интимные душевные движения могут заметить только работники колонии. Если они ничего не замечают, значит, работают не на общество, а на себя. Если арестанты боятся им открыться... В шею надо гнать таких «воспитателей».

«Она вернётся!» Те, кто произносил эту фразу, даже не думали, что это им же в минус. «Она не вернётся!» — твёрдо возражала Огурцова. Ей это не простилося. Она вынуждена была уволиться из МВД и уехать из Березников. Таких, как Носачёва, у нас, наверное немало. Но никого из них Огурцова уже не спасёт...

Примерно в 80 колониях находится у нас 70 тысяч женщин. До амнистии 1988 года было раза в три больше. Очень многие из тех, к кому было проявлено милосердие, живут сегодня среди нас. Вот и пример Носачёвой показывает, что даже самые, казалось бы, испорченные неволей умеют сказать себе «хватит!». Надо только им помочь.

В той же колонии ко мне подошла молодая женщина и сказала, что она, не зная ни отца, ни материнской любви, готова уйти из преступного мира навсегда, если кто-нибудь поддержит её, пока она не кончит срок, кто поймёт, что она в сущности ещё не жила по-человечески, кто потерпит, пока она не привыкнет жить по совести, кто не столкнёт её обратно в этот ад.

Я написал об этой женщине всего пятнадцать строк. Она получила три тысячи писем. Из трёх тысяч мужчин она выбрала одного. Ему трудно с ней. Ей трудно с ним. Но вот уже скоро год, как они знают друг друга и не расстаются. Спрашивается, так надо ли было держать её за решёткой до самого «звонка»? Неужели нельзя было выпустить хотя бы на полгода раньше, если нашёлся надёжный поручитель?

1992 г.

ДОПРОС ПОД ГИПНОЗОМ

В одной дореволюционной книге я прочёл: «Преступница превосходит преступника в рафинированной жестокости. Ей недостаточно убить своего врага, она должна ещё насладиться его смертью». Соглашаясь, работники женских колоний добавляют: «Женщина, как правило, совершает убийство потому, что её слишком долго унижали, в состоянии сильного аффекта. Но её и здесь приравнивают к мужчине, навешивая обвинение в «умышленном убийстве».

Мне повезло, в отличие от других убийц, Света Семёнова охотно рассказала, что с ней произошло.

«Жила неподалёку от городка Гусь-Хрустальный. Мама работала на парниках, её часто не было дома. Отчим этим пользовался. Приходил пьяный и начинал приставать. Это началось, когда мне было всего девять лет. Заставлял раздеваться, тискал. Ну и, конечно, угрожал: «Скажешь матери, я тебя лезвию...» Представляете, когда вот так годами... Но я терпела. Только в восьмом классе начала пить. Многие в этом возрасте начинают, но у меня была своя причина. И пить я стала по-взрослому.

Парень у меня появился. Считался женихом. Так отчим ему начал внушать, что я — проститутка. Мы уже должны были распиться. Неделя до свадьбы оставалась. Тут-то всё и произошло. Напился «папа Саша», взял лезвие: «Дай или убью!» Он решил, что если через неделю свадьба, то я уже не девочка.

Он повалил меня, начал всё на мне рвать. Я его оттолкнула, он упал, но успел порезать мне грудь. Тут мама с работы пришла. Он начал её бить. Он бил её, как мужика, представляете?! Я — вся в крови, она — вся в крови... Я чувствовала, что сатанею. Схватила топорик и...

Ну а дальше... Я не помню, что было дальше. Об этом мне потом мама рассказала. Я разговаривала с «папой Сашей» как с живым. «Ты хотел меня попробовать? Больше не сможешь». Я его кастрировала. Потом взяла голову и пошла в милицию. Но когда меня спрашивали, кто это сделал, я говорила, что не я. А мама стала всё брать на себя. Следователь не знал, что делать. Потом кто-то подсказал, что надо пригласить гипнотизёра. Я, конечно, ничего не сознавала. Но мои показания были более правдоподобными, чем

показания мамы. А через два месяца пришла в себя и повторила то, что говорила под гипнозом.

Я отсидела восемь лет. Вернулась, как вы сами понимаете, совсем другим человеком. У меня нерв оголился, достаточно было слова, взгляда. Драться бросалась, когда мне в спину говорили: «Убийца». Друг у меня, Толя, за хулиганство сидел. Ну, нас стали звать «тюремщиками». Сами повод давали — пили часто и много. Однажды я бросилась на баб драться. Мне дали оборотку. Тут Толя влез, мужики подошли. Свалка получилась. Но судили естественно, только нас двоих. На суде Толя, представляете, упал на колени. Говорит: «Я люблю её, дайте нам одинаковый срок, иначе я потеряю её». Судья первоначально хотел дать ему три года, а мне — пять. Но сжалился, сделал так, как просил Толя».

А теперь слово Нине Аркадьевне Варанкиной, начальнику отряда, в котором отбывает срок Света Семёнова:

«Как вы понимаете, Семёнову нельзя назвать психически здоровым человеком. С трёхлетнего возраста жить с таким отчимом... Это не могло пройти бесследно. Убийство было совершено с патологической жестокостью. Потом восемь лет заключения. Света была в числе тех, от кого я могла ожидать каких угодно выходок. И вот происходит самое страшное. Получаем от её тётки телеграмму: мать умерла от рака!

Света идёт к начальнику колонии, падает перед ним на колени, рвёт на себе волосы: отпустите на похороны! Начальник читает телеграмму — она не заверена ни врачом, ни местной милицией. Я подтверждаю: читала письма, у матери действительно был рак в четвёртой стадии. Начальник заколебался. Но тут оперчасть всполошилась: как такую отпускать? Звоню в прокуратуру. Мне говорят: «Мы не против, если Семёнову будет кто-нибудь сопровождать».

Кому ехать? Конечно, мне. Мать — дело святое. Тем более что у Светы — ни брата, ни сестры. Сослуживцы говорят, ты сумасшедшая! Но мне важно, что муж скажет Он, между прочим, тоже в этой колони, работает. С утра до вечера здесь. А у нас двое детей. Сыну — всего четыре годика. Отпуск в таких случаях

дают на девять дней. Немалый срок! Но муж меня поддержал: мать — дело святое.

Пока я обзванивала инстанции, добивалась разрешения, прошло два дня. Чтобы успеть, нужно было лететь самолётом, а от Владимира до посёлка ехать только на такси. Какую сумму могла выделить колония? Слезы! Выручила Светкина бригада. Собрали пятьсот рублей. Надо ехать за билетами, а мне говорят: «Светка считает, что тётка плохо ухаживала за матерью, грозитя «разорвать её»... У меня внутри всё оборвалось. С неё станет! Но отступить было поздно.

Одела я её во всё своё и велела называть меня по имени-отчеству. Но у неё, видно, уже привычка. Пока ехали в аэропорт, она меня несколько раз назвала гражданкой начальницей. Таксист на нас в зеркальце поглядывает, ничего понять не может.

На самолёт мы опоздали. Бросились обменивать билет, а там очередь. Кто-то не так сказал — Света тут же завелась. Ну, думаю, ещё секунда и — засветит... Держу её за руку, а она вся дрожит. Тут и я стала подрагивать.

Приехали в посёлок Новый ночью. Родственники не спали. Заканчивали поминки. Мы, конечно, опоздали. Для Светы это был удар. Её уже всю колотит. Ей наливают. Она смотрит на меня. Я — на неё. Я — не пью. Она — не пьёт. Постелили нам вместе. И тут я почувствовала: вот что, оказывается, самое трудное — быть при ней в халатике, спать рядом. Она не спала. И я не спала.

Утром, на могиле, Света была просто в истерике. Тут я поняла, почему она убила отчима. И почему была так настроена против тётки. Но в то же время кое-что меня обнадежило. «Мамочка, — причитала Света, — я не сяду больше только ради тебя».

Кажется, мне удалось сделать главное. Помирить её с тёткой. Договорились, что та делает всё, чтобы сохранить для неё жильё матери. На наших проводах появилась водка. Я специально не села со Светой рядом. Но никто не предложил ей выпить. И она не попросила.

И тогда я решилась. Повезла её в колонию (это во Владимирской области), где сидел Толя. Показываю своё служебное удостоверение, прошу для них краткосрочное свидание. Мне говорят: она ему — никто, не положено. Не положено и — точка. Тут Света сама

вмешалась. Рассказала, кто она, откуда, зачем приезжала. Ну, думаю, теперь и подавно откажут, Да ещё сообщат в нашу колонию. Отклонение от маршрута к побегу приравнивается! Выговора не миновать. Ничего подобного! Выслушали и говорят: «Так и быть!»

Толя был, конечно, ошарашен. Не мог понять: то ли Света сбежала, то ли её раньше срока освободили. А она ему одно твердит: «Будешь пить — не буду с тобой жить!» Сидят, плачут...

Я уже успокоилась. Но перед вылетом из Владимира она заставила меня понервничать. «Хочу мороженое». И — скрылась в толпе. Десять минут нет, двадцать, полчаса... Сбежала-таки? Нет, появляется: «Мороженое взяла, смотрю — сосиски! Так давно не ела! Вы уж извините...»

НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ

Виктору Власу 37 лет. Сыну — 16, дочери — 15.

Начальник тюрьмы живёт в трёхкомнатной квартире типа «хрущоба» площадью 37 квадратных метров. Получил в 1983 году. До того «жил где попало». Домашнего телефона не имеет.

В минуты стресса прямо в кабинете выжимает 15 раз 16-килограммовую гирию, ходит по камерам, беседует с заключёнными и надзирателями «на отвлечённые темы».

«С тобой порядочные люди не здороваются», — замечает жена, когда им выдаётся пройтись пешком.

Ну что тут скажешь?

Хватает в городе его бывших клиентов.

Но если по совести, то Виктору Власу больше нравится, когда представители уголовного мира ведут себя иначе. Ну, например, сидят в машине напротив тюрьмы, а потом сопровождают, когда он куда-нибудь едет, давят на психику.

Нельзя ему расслабляться. «Вообще-то человеку полагается любить свою работу», — обронил я. Влас отреагировал мгновенно: «А я свою — ненавижу!»

Проще было спросить: тогда зачем работаешь? Но я решил понять сам.

Когда он принял Астраханский централ, там было 1.700 человек. Койки стояли в три яруса — всё равно не хватало мест. Арестанты спали по очереди.

В иные дни Влас получал до 150 заявлений. Чем только не угрожали. Объявить голодовку. Поднять

бунт. Вскрыть вены. Повеситься. Влас ходил по камерам, убеждал, уговаривал. Особых ЧП не произошло, но заявлений стало ещё больше.

После амнистии коек стало хватать. Но появились новые напасти. Неделю сидели без сахара. Неделю — без сигарет. Совсем перестали давать в тюрьму чай.

Снова пошёл по камерам, объяснял: «Даже в детсадах не хватает сахара!» Ему в ответ: «Это вы, коммунисты, довели страну до ручки!»

«Работаем, как на вулкане, — говорит Влас. — Обстановку надо чувствовать, хотя бы на неделю вперёд. Иначе...»

Однажды в соседней области ему показывали, как лихо печатают шаг эски, как ладно поют строевые песни. Начальника распирало от гордости, а Влас мрачнел. Чёрт побери, колония — не армия. И ать-два — не метод перевоспитания. Попросил показать ему штрафной изолятор и помрачнел ещё больше: около трёхсот наказанных! В той колонии, где он был тогда замом по режиму, изолятор чаще всего пустовал. «У вас не сегодня-завтра начнутся волнения», — сказал он, уезжая. Как в воду глядел!

Он хорошо понимал, что бунты заключённых довольно часто провоцируются персоналом. (Либо недопустимо грубым, продажным и несправедливым, либо не в меру рьяно исполняющим букву исправительного закона, всеми признаваемого нелепым, вредным и устаревшим). Первое, что сделал, приняв тюрьму, уволил нескольких надзирательниц только за то, что услышал от них непечатные выражения. Потом уволил нескольких надзирателей. Один пришёл на службу в нетрезвом виде, другой пронёс наркотик, ещё двое, видимо, поняли, что их тюремный бизнес плохо кончится, и сами подали заявления.

Это не положено, но он установил для новичков-надзирателей двухмесячный испытательный срок. Надо убедиться, чем дышат, не подсланы ли преступным миром. Надо увидеть, не трусоваты ли. (Даже опытные надзиратели боятся уголовных «авторитетов»). Зарплата первого года службы — всего триста рублей. «А когда человек нуждается, купить его проще. Значит, надо разъяснить человеку перспективу. Надо объяснить ему, что государство дало нам дубинки, «черёмуху», карцеры, но это не значит, что мы должны пользоваться этим направо и налево».

Много чему надо научить новичка, потому что в училищах МВД у нас готовят кого угодно, только не надзирателей. Примерно то же самое, если бы в армии обучали одних офицеров, но не солдат.

«Давай представим, что я новичок,— сказал я,— Проведи вводную беседу».

«Но одновременно мы посетим некоторые камеры», — принял предложение Влас.

ИСПОВЕДЬ СДЕРЖАННОГО ЧЕЛОВЕКА

«Народ у нас сидит в основном временный, — пояснил мой экскурсовод. — Подследственные ждут суда, осуждённые — отправки в колонию. Отсюда и отношение к материальным ценностям. Не успеваем доставать простыни. Их рвут на ленты, свивают из них верёвки, обматываются и выходят в прогулочный дворик в надежде рвануть. Канат свивают за два часа! Отвлёкся, недостаточно часто посматривал в глазок, и камера готова к побегу. Стены высотой девять метров — не преграда.

Вот пластина — часть металлической кровати. Ширина — около пяти сантиметров, толщина — около пяти. Длина — около полуметра. Выломать её, казалось бы, не в состоянии самый сильный человек. Выламывают подростки! Потом затачивают. С таким тесаком можно делать что угодно. Долбить стену. Нападать на надзирателя. Убивать друг друга.

В колониях люди смирились со своим положением, настроились на отбывание срока. В следственной тюрьме ещё сохраняется надежда выйти на волю. Человек сосредоточен на своём деле, думает, как бы выкрутиться. Здесь другая, более острая степень озлобления. А стало быть, более острые реакции.

Кто-то лишний раз чихнул. Кто-то ходит из угла в угол, мельтит перед глазами. Кто-то поёт, а кто-то плачет. Кто-то моется по несколько раз в день. А кто-то не моется неделями. Вообще-то лучше жить дома. Но преступники начинают это понимать только здесь, когда уже поздно. И у них сдают нервы.

Надзиратель должен знать все виды членовредительства, так называемых мастырок. Сколько их? Если описывать от руки, занимает две общие тетради.

Ты знаешь, что можно затолкать себе в брюхо штырь и при этом не задеть ни одного жизненно важного органа? Что можно защитить себе рот и глаза и при этом не чувствовать острой боли?

Знаю по работе в колонии одного рекордсмена. Проглотил, сточив острые концы, четырнадцать гвоздей-соток! Здесь один проглотил все домино. Я не поверил. Попросил попрыгать. Слышу, звякает! Их бы, мастырщиков, в Книгу рекордов Гиннеса.

Видишь, в каждой камере возле унитаза — дыра. Через неё идёт тюремная почта. Толщина стены — около полуметра. Но это не беда. Газета сворачивается трубочкой, в неё закладывается записка. Команда в унитаз — как в телефон: примите малявку. Значит — записку. И вот уже торчит из стены конец газеты. В малявке — просьба прислать курево, наркотик (если удаётся получить с воли). Или распоряжение. Межкамерное общение идёт круглые сутки. Только заделаем дыру — тут же начинают долбить другую. Призывы не содержать малолеток вместе с взрослыми и первосудимых с рецидивистами — в общем-то напрасны. Воздействие, как видишь, происходит и путём обмена малявками. Если уж на то пошло, эти столь разные категории заключённых просто нельзя содержать в одном здании. Но даже если они будут в разных...

Думаешь, это какой-то садистский каприз тюремщиков — устанавливать на окнах плотные жалюзи? Окно даёт возможность устанавливать связь с камерами из другого крыла тюрьмы. Изготавливается арбалет. К стреле привязывается нитка. В условленный момент из разных камер запускаются стрелы, одна с каким-то грузом, другая — на перехват.

Если нужно что-то получить с воли, просто запускается стрела, к ней привязывается капроновая нитка, на которой можно перетянуть в камеру и курево, и наркотики, и даже небольшие ёмкости со спиртным.

Пресекать подобные фантазии — наша служебная обязанность. Но наша человеческая обязанность — относиться к этим фантазиям с уважением. Тогда только не будет взаимной злобы зков и надзирателей.

Это на Западе надзиратели сидят перед телекамерами и наблюдают за тем, что происходит в камерах. У нас способ дедовский — через глазок. Но в глазок можно увидеть только то, что позволят заключённые. Когда

им нужно что-то скрыть, они то полотенцем закроют, то подушкой. Или двое-трое стоят у самой двери, изображают оживлённый разговор. А там, в глубине камеры, в это время могут с кем-то расправляться, кого-то насиловать.

Самые трудные камеры, конечно, те, где сидят малолетки. Планы захватов заложников, по нашим сведениям, разрабатываются чаще всего именно там. Канаты плетут там. Портачатся, то есть наносят себе татуировки, — там. (Хотя многие приходят испорченными на воле). Все чудовищные тюремные традиции — там. Ложку ли, хлеб ли уронил — поднять нельзя. Если надзиратель этого не знает или не сжалится над пацаном, тот не выдерживает с голодухи — поднимает и становится «чушкой», парией, отверженным. Ведь и матери к ним не так уж часто ходят. Живут без передач, без подогрева. Поневоле поднимешь! Вот они, измученные сокамерниками, и становятся самыми опасными для надзирателей.

Не бывает порядка без порядочности. Это первое, что должен усвоить молодой надзиратель. Второе: мы с заключёнными одним воздухом дышим. Даже одними болезнями бодем: сердечной недостаточностью, психическими расстройствами. Третье: каждый день службы — это заталкивание в бездны низости. Позволишь себя затолкать — пропал!

Самый ответственный пост, конечно, в том крыле, где сидят смертники. Даже я не имею права в одиночку открыть их камеры и войти к ним. Запоры там надёжные. Но ведь и смертникам терять нечего. Они все двадцать четыре часа в сутки думают, как бы им лоб зелёной не намазали. Чем чёрт не шутит, вдруг да что придумают?! Представляешь нервное напряжение надзирателя, особенно ночью!

Где угодно можно в ночную смену прикорнуть, только не в тюрьме. Именно в это время совершаются преступления. Именно в это время, когда меньше вероятности, что кто-то помешает, совершаются покушения на самоубийство. А надзиратель несёт за это персональную ответственность. Крики, стоны, истерический смех... На ночную смену, когда она утром расходится по домам, смотреть страшно. Такая на лицах вымотанность.

Для нервной разгрузки есть, правда, бильярдная, но ты посмотри, что там постоянно перед глазами, на стене.

Фотографии и фамилии склонных к нападению, побегу, самоубийству. Попробуй расслабься!

Вот и суди сам, можно ли любить эту собачью работу. В кабинете начальника финской тюрьмы обычно висят портреты его предшественников. Я смотрел на эти лица и думал: а чем кончают у нас на этой работе? Один умер от инфаркта. Другой спился. Третий уволен без пенсии. Кто знает, может, и меня ждёт что-нибудь в этом роде. Во всяком случае, как ни выкладывайся, портрет на стену не повесят».

В ОТРИЦАТЕЛЬНОМ БИОПОЛЕ

Мы привыкли считать, что в тюрьме хозяева — тюремщики. Сегодня это уже не правило. Какой-нибудь уголовный авторитет, если его не перевести в ту камеру, какую он укажет, такую бучу организует... Тюрьму трясёт!

Мы привыкли считать, что тюрьма изолирует преступников. Но и это сегодня не так. Днём связь с волей ещё кое-как пресекается. А ночью... Пришли-приехали друзья-подружки, посигналили фонариками, покричали, и началось!

Прогоняют — не уходят. «Мы ничего такого не совершаем». В самом деле, в каком кодексе записано, что такого рода контакт с тюрьмой — преступление? Но ведь в результате этих контактов тюрьма заряжается наркотой и спиртным, а значит, становится непредсказуемой. И потому сотрудники мешают, как могут. Одному недавно сломали в потасовке палец. Начали разбираться с тем, кто сломал. Оказалось, милиционер из Чечено-Ингушетии! Приехал подогреть дружков.

Тюрьма в центре города... Когда-нибудь будет изобретён прибор, который с большой точностью определит всю силу её отрицательного биополя. Может быть, тогда нам станет ясно, почему на том же Западе тюрьмы давно уже строят далеко за городом, опоясывая минными полями. Ближе 50 метров не подойдёшь, не подъедешь.

Говорим о решительной борьбе с преступностью. Но ведь эта борьба не заканчивается задержанием, следствием, судом. Она продолжается в тех же тюрьмах. И если уголовники чувствуют там себя так же нагло, как на свободе, если нет полной изоляции, значит, общество,

вроде бы побеждая, на самом деле терпит поражение.

Выход один, и пусть он никого не возмутит — нужно строить новые, современные тюрьмы. Так считают сегодня все настоящие профессионалы. Так считает и Влас.

Понадобятся крупные средства. Но не надо брать их у государства. Надо только — в течение примерно пяти лет — не передавать в госбюджет 80 процентов прибыли, которую дают наши места лишения свободы. «Мы сами себя могли бы поднять!»

Нужно прекратить, считает Влас, броуновское движение этапов. Хватит катать эзков из конца в конец страны. Пора понять: мы возим не только рабочую силу. Мы возим заразу. Вывозя преступников за пределы области, мы освобождаем область от ответственности за последующую ресоциализацию освободившегося заключённого. Каждая область и каждая республика должны нести полную ответственность за то, что на её территории созрел преступник и стало возможным преступление.

«Кто наплодил преступников, тот и должен их содержать, — считает Влас. — Ну, в самом деле, почему мы должны мучиться с кавказскими и среднеазиатскими «ворами в законе»? Они у нас оперативную обстановку накаляют, мы из-за них ночи не спим. Чего ради? Почему мы должны отдуваться? Каждый преступник должен отбывать наказание по месту жительства или, если он бомж, по месту совершения преступления — независимо от национальности.

Если мы перестанем катать заключённых по стране, мы поставим их перед необходимостью как-то уживаться на одном месте, как-то ладить с начальством. Влияние уголовных авторитетов резко упадёт. Мы лишим силы «офицерский корпус» преступного мира — неужели это трудно понять?»

ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ

«Расскажи ещё о вашей «кухне», — попросил я Власа. — Ну, например, о тех, кто считает себя в тюрьме хозяевами».

«Это, как правило, талантливые люди. Великолепные психологи, отличные организаторы. Это люди, которые

любят власть и создают её для себя сами. Это мастера власти. В некоторых руках она становится безграничной. «Вор» может приговорить к проклятию целую камеру (иногда целую колонию), и никто, в том числе и мы, сотрудники, не сможем отменить этот приговор. Мы будем не спать ночи, подниматься по тревоге, оправдываться перед комиссиями, выматываться. И когда к нам придёт очередной «вор» и скажет, что он будет «держат порядок», мы очень серьёзно подумаем над этим предложением.

«Держать порядок» — это прежде всего разбирать многочисленные конфликты между заключёнными, не доводить отношения до ссор, не доводить ссоры до ножей.

Когда Васе Бузулуцкому, который сидит с 60-х годов (ему несколько раз добавляли срок в колонии) оставалось до освобождения несколько месяцев, он сказал: «А что я буду делать на свободе?»

В самом деле, так называемые тюремные «воры в законе» проводят в заключении чуть ли не всю сознательную жизнь. Нужно ли удивляться, что они чувствуют себя там хозяевами?

Копнёшь биографию любого «вора» — такая грязь, такие зигзаги. Столько кровищи на нём. Но через 15–20 лет, когда он наберёт полную силу, никто ему ничего не докажет. Всех свидетелей своих грехов он уже уничтожил. Не сам, конечно. Чужими руками.

Не знаю, что мешает нам создать для «воров» специальные колонии, чтобы, кроме них, не было там других заключённых. Чтобы они обслуживали самих себя и не было у них повода жаловаться, что их кто-то «ломает». Уверен, в борьбе за то, кто кого выше, они сами лишали бы друг друга своего высшего преступного звания. Из каждых десяти «воров» остался бы один.

...Арестант особенно интересен, когда он входит в тюрьму и когда выходит из неё. Он может пронести либо деньги, либо ксиву, то есть послание «воров».

Деньги нужны для того, чтобы купить на воле подогрев: чай, таблетки, наркотики. Купить и пронести может чаще всего только надзиратель или другой сотрудник учреждения. Следовательно, изъав деньги, мы пресекаем подкуп.

Тот, кто везёт «ворам» деньги, автоматически входит в их круг. Поэтому он заинтересован в благополучном

провозе. Если мы найдём деньги, никакие его оправдания не будут учтены. В лучшем случае его будут бить смертным боем. В худшем — кранты. Опять для нас неприятности! Прокурор скажет: не учили, не предупредили, действовали непрофессионально!

Теперь о ксивах. Чаще всего они содержат либо приговор (кого-то требуют убить, кого-то изнасиловать), либо призыв к действиям против администрации. Пройдёт такая ксива незамеченной — жди беды!

Своей рукой «вор» никогда не пишет ксиву и не подписывает. Он диктует одному из своих приближённых. В тексте указывается, от кого ксива, но попробуй докажи, кто это писал!

С оригинала тут же делаются копии и рассылаются во все концы. За семнадцать лет работы я видел тысячи копий и — ни одного оригинала. Так прячут!

Копии везут, как правило, уголовные романтики, фрайера. Они знают, что если довезут — войдут в воровское окружение, повысят свой статус, как бы сделают карьеру. Но они знают также, что если мы их «запалим», отберём ксиву, у них один выход из положения — привязаться к какому-нибудь свидетелю из числа эзков, чтобы потом он подтвердил факт недобровольного изъятия. Иначе... Сейчас не режут. Сейчас ломают руки, ноги, позвоночник.

В этом месте нас прервали. Зазвонил внутренний телефон. Влас выслушал и сказал: «Ну вот, как говорится, не надо далеко ходить за примерами».

Мы спустились на первый этаж и зашли в бокс. На топчане лежал окровавленный заключённый. Тюремный врач сухо перечислил: «Перелом основания черепа, кровоизлияние в мозг, закрытый перелом пяти рёбер...»

Власу доложили: «Осуждённый З. Доставлен из колонии, где считался «вором в законе», хозяином зоны. Ночью перелез через забор и проник в помещение камерного типа. Сигнализация непонятным образом была отключена. Кто-то открыл З. дверь в камеру, где содержится наиболее отрицательная часть осуждённых. Здесь З. было предъявлено обвинение в том, что он самозванец. Затем началось зверское избиение».

«Он очень плох», — сказал врач.

«Вот так всегда, — сказал Влас, — Умрёт — эки скажут: менты грохнули. Выживет — менты внедрили под видом «вора в законе» своего человека. Если он действительно

«вор», то на тех, кто его побил, придут ксивы с приговорами, придётся их спасать. Если выяснится, что самозванец (по-блатному «сухарь»), — надо будет спасать его».

...На другой день после оперативного расследования выяснилось, что З, проник в ПКТ, заплатив одному из прапорщиков пятьдесят рублей. И что это уже не первый случай. (Ещё через неделю узналось, что другой прапорщик пронёс в ПКТ самогон). Однажды завёл аж пятерых в дугу пьяных «авторитетов»!

«Сходнячок под охраной прапора — недурно! — мрачно усмехнулся Влас.— А может, эти прапоры — и не предатели вовсе, а их люди. Своих людей они уже засылают даже в училища МВД. Почему не заслать в надзиратели?..

Мы сейчас будем долго выяснять, самозванец З. или на самом деле «вор». Мы только после множества преступлений предателей-прапоров узнали их истинное лицо! Где же наша служба безопасности? Когда она будет создана?»

1991 г.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ БЕЗ НАКАЗАНИЯ

Откровения бывшего сотрудника «девятки»

Человек, которому предоставлено слово, служил в Комитете государственной безопасности. Выполнял особые задания в Афганистане. После тяжёлого ранения был переведён в 9-е Управление КГБ. Охранял комплекс зданий Правительства СССР и «особую зону» — кабинет генсека. Был секретарём комсомольской организации подразделения и кандидатом в члены партии. Вроде грех бы жаловаться на судьбу. Но... «Мы не роботы,— говорит он мне. — Мы видели то, что было скрыто от миллионов людей. И не могли не задуматься, что происходит в государстве и кому мы служим». За несколько месяцев до путча ГКЧП мой собеседник положил на стол кандидатскую карточку и рапорт об увольнении. Такого ещё не было. Всё 9-е Управление было в шоке.

— Меня спросили: зачем мне это надо? Почему я ухожу? Я ответил, что мне нужно только одно — больше не видеть и не слышать то, что я видел и слышал. Меня не стали спрашивать, что конкретно я имею в виду. А если бы спросили, я бы не сказал. И вам не скажу. Могу только в общих словах: то, что говорилось на политбюро (а мне и это приходилось слышать), и то, что после говорилось народу, было не одно и то же.

Но главной причиной было, конечно, не это. Самые важные решения люди принимают обычно под влиянием каких-то мелочей. Эти мелочи становятся как бы последней каплей в чаше терпения. Так было и у меня.

В то время (начало 91-го года) закрылась дача Кольчугино. Предназначалась она для членов правительства. На тот случай, если их нужно было бы очень резко туда перевезти. Там работал вышколенный персонал. И там всё было новенькое, как в магазине: мебель, телевизоры, холодильники. Дача находилась на балансе «девятки». И поэтому «девятка» должна была распродать всё имущество. Конечно, как «бывшее в употреблении», по очень смешным ценам.

Но «девятка» — это сотни сотрудников. На всех не хватит. Ну так распределили бы среди нуждающихся. Нет, начальство норвило всё себе забрать. Видеть эту суету было противно. И мне как секретарю комсомольской организации было ясно: это инфекция. С этого начнётся разложение всех сотрудников. При Андропове такая «распродажа» была просто немыслима, невозможна в принципе. Потому что все понимали: сегодня ты себе что-то подобное позволил — завтра тебя либо под суд отдадут, либо выгонят взащей.

Я пошёл к секретарю парторганизации и сказал ему: надо собирать собрание. Тот вначале заколебался. Потом согласился. Но информация тут же прошла к нашему начальнику, и он не стал долго тянуть. Вызвал секретаршу. «Тебе нужен холодильник?» — «Нужен». — «Забирай!» Тут же привёз и тут же отдал. И остался в принципе чистым. Партсобрание сорвалось. Но мне как инициатору ничего не оставалось, как подать рапорт. Слишком хорошо я знал характер начальника, чтобы продолжать работать, будто ничего не произошло.

Я уволился, создал частное охранное бюро. Но отношений с бывшими коллегами не прервал. Вскоре узнаю от них, что такую же фирму создал мой бывший начальник. Тот, которому так не повезло с холодильником. Только набрал в эту фирму... своих подчинённых.

«Сколько же он вам платит?» — спрашиваю у них. «До трёх тысяч в месяц», — отвечают мне. И я видел, чувствовал: люди просто счастливы, что получают такую добавку к зарплате. Но я-то знал истинную цену нашей работе в коммерческих структурах. Мои сотрудники

получали в пять раз больше. И наивно было думать, что во столько же раз меньше получал мой бывший начальник. Потом я узнал: клиенты расплачивались с ним наличными в долларах.

Он имел очень хорошие деньги за то, что подчинённые не могли его ослушаться. Они делали то, что он им предлагал. После работы на государство они шли работать на него.

У нас принято ругать прошлое, особенно работу КГБ. Но я думаю, никто не будет спорить, что подавляющее большинство сотрудников работали только на государство. Может быть, какие-то большие шишки и могли себе что-то позволить. Но только в том случае, если заранее просчитывали, что об этом не станет известно Андропову.

Андропов узнал бы о фортелях моего бывшего начальника в считанные часы. Поэтому тот никогда в жизни не решился бы на такое использование своих сотрудников раньше. Если же пошёл на это теперь, значит, понял я, наступили другие времена. Времена, когда деньги можно делать на чём угодно. И прежде всего — на тех возможностях, которые предоставляют работа и должность.

Спустя какое-то время узнаю, что начальник мой бывший создал группу из журналистов, которые ходят в Кремль как на работу и имеют свободный доступ в святая святых — к кабинетам первых лиц государства. Трутся там, получают информацию из первых рук, что-то записывают, что-то снимают телекамерами. Наш народ их конечной продукции, разумеется, не видит. Всё идёт на Запад. Группа получает от западных заказчиков очень хорошие деньги в валюте, делится с тем, кто её создал, и с теми, кто, по договору с начальником, не запрещает им там отираться и предоставляет свою информацию.

Я назвал только три деяния своего бывшего начальника, (А о скольких я не знаю!). Но они предельно ясно показывают, что он собой представляет. Я это понимаю. Понимают и его сотрудники. Остаётся поставить другой, более важный вопрос: а понимают ли это те, кто держит его возле себя?

В истории КГБ и МБ есть очень интересные страницы. Одна из них наверняка — о моём начальнике. За три года он взлетел от подполковника до генерал-лейтенанта!

Это очень хорошо показывает, как его ценят. Остаётся задуматься: за что?

За последние годы КГБ лишился многих порядочных сотрудников. Одних вышибли, другие ушли сами. Я не скажу, что остались одни беспринципные, которым неважно, кому служить, кто готов оставаться там при любой власти, лишь бы хорошо платили. Но таких становится всё больше и больше. Потому что другие таким начальникам просто не нужны.

Я примерно знаю, что про меня скажут, если вы опубликуете нашу беседу. Мол, он был уволен. Вот и решил напелсти — в отместку. Для того, чтобы доказать, нужен не один свидетель. Пусть он представит других!

Других у меня нет. Они ещё не созрели, чтобы всё это подтвердить на суде. И они не готовы к тому, чтобы говорить с прессой. Тем более как я — под диктофон.

Решиться на это непросто. Сужу по себе: мне на это понадобилось несколько лет. И «Вести» предлагали снять меня со спины, и другие. Я отказался. А сам постоянно прокручивал в памяти то, что видел и слышал. И отвращение только усиливалось.

Но не только отвращение. Не только эмоции. Есть и кое-какие мысли, предположения, выводы, причём довольно неприятные и даже страшные.

В который раз объявляется решительная и беспощадная война с преступностью. Но никакой войны мы почему-то не видим. Никто не сообщает народу, что такие-то лидеры преступного мира надолго упрятаны за решётку, а такие-то группировки полностью разгромлены.

И это очень странно. Это потрясающе странно. Потому что не только милиции, но и Министерству безопасности известно всё: имена, фамилии, клички, адреса, телефоны, связи и все преступные деяния. Известно не понаслышке, и не только от оперативных работников, но и (что особенно важно) от агентуры, внедрённой в преступные сообщества.

И все эти мафиози, рэкетеры, бандиты и насильники отлично знают, что о них известно всё. У меня самого был не один такой разговор. Я говорил: «Чтобы вас пересагать, а если вы будете сопротивляться — перестрелять, достаточно нескольких часов. Согласны?» — «Да,— говорили мне,— в принципе это так, но... команды-то никто не даёт. А почему? Ведь просто так ничего

не бывает. Значит кому-то мы нужны. Причём очень нужны».

В каком же случае эта, простите, сволота может быть кому-то нужна? Да только в том, когда она кормит тех, кто обязан её извести. Есть, конечно, и другие объяснения, но это — главное.

Мафиозные структуры и меня пробовали купить. Предлагали за одну консультацию миллионы. Очень интересно им было узнать, как правильно расставить бандитов, чтобы подъехать к месту преступления, как дать исполнителям возможность безнаказанно скрыться. Я, естественно, отказался. А через некоторое время узнаю: преступление всё-таки совершено, причём всё учтено до мелочей, и для того, чтобы выйти на исполнителей, нет ни малейшей зацепки. Сразу ясно стало: консультировали настоящие профессионалы!

Но это очень редкий случай — чтобы за советами обращались в частные охранные или сыскные фирмы. Консультантов и без нас достаточно. Ведь из Комитета госбезопасности за последние годы ушли сотни сотрудников. И далеко не все из них нашли положительное, позитивное применение своим знаниям и опыту. Кто мог предложить им работу? Либо банковские и коммерческие, либо преступные структуры. Но коммерсанты и банкиры всех не примут. Это во-первых. А во-вторых, они сами контактируют с людьми из преступного бизнеса. И все, кто им служит, тоже не могут избежать этих контактов.

К тому же верхушка преступного мира платит щедрее, чем самые богатые банкиры. Потому что этой верхушке не охрана требуется, а кое-что поважнее. Им нужен свой информационный центр, куда стекались бы сведения о наиболее крупных коммерческих структурах. Им нужен аналитический центр, который перерабатывал бы эту информацию. Наверное, это не такой уж большой секрет — эти центры действуют давно. И не последнюю роль там играют мои бывшие коллеги.

О том, что они там работают, знают и в МБ. Но — не трогают. Не только потому, что трудно зацепиться, найти в их деятельности криминал. Просто люди соблюдают известное правило (ты цел, пока делишься), и соблюдают его от и до. Зачем же таких людей трогать? Не проще ли брать от них прибавку к зарплате? При нынешней инфляции никакие деньги не бывают лишними.

Всякая государственная силовая структура работает с настроением, когда видит, что о ней заботятся, делают её сильнее. Что же происходит у нас, особенно в последние годы? Создается впечатление, что Министерство безопасности разрушается целенаправленно и по нарастающей.

Возьмём историю с подразделением «Альфа». В августе 91-го года бойцы «Альфы» отказываются штурмовать Белый дом. Люди, пришедшие затем к власти, казалось бы, должны были испытывать благодарность. Вместо этого через полтора месяца «Альфу» распускают. Увольняются даже те сотрудники, которые в момент путча ГКЧП были в отпуске!

Почему это было сделано? Да потому, что кому-то наверху стало страшно, что эти люди, отказавшись выполнить приказ в одной ситуации, могут отказаться и в другой.

Казалось бы, государство было заинтересовано в том, чтобы сохранить этих людей и направить их на борьбу с преступностью. Но — нет. Никто их не трудоустроивал. Десятки профессионалов высочайшего класса ушли неизвестно куда.

В «Альфу» были набраны другие люди. Снова многомесячное обучение на специальном полигоне. Снова трата на обучение больших государственных средств. И вот подразделение достигло такого же уровня профессионализма, что и прежде.

Октябрь 93-го. От «Альфы» ждут решительных действий против тех, кто засел в Белом доме. Но «Альфа» не спешит. И вмешивается в события только тогда, когда поступает информация о том, что милиция получила негласный приказ: живыми никого не брать. «Альфа» приставляет к каждой группе защитников Белого дома своего офицера и делает всё, чтобы жертв не было. И — расплачивается за это.

Нет, на этот раз бойцов не распускают, не увольняют. Им под разными предлогами предлагают подать заявления. И они уходят, как их предшественники, неизвестно куда. Хотя иногда это становится понятно. Когда аккуратно подрывают чьи-то двери. Когда в какое-то помещение с какими-то целями молниеносно врывается небольшая группа. Почерк «Альфы» неповторим. Хотя вовсе не обязательно, что это действуют бывшие бойцы. Они могли — за хорошие деньги — просто поднатаскать других.

Ну и напоследок ещё четыре примера ослабления государственной службы безопасности. Помните указ о слиянии МБ с МВД? А знаете, что происходило в те дни на Лубянке и во всех управлениях КГБ? Лихорадочно сжигались компрометирующие материалы на сотрудников милиции. Их просто вынуждены были сжигать, чтобы не стали известны агенты, которые предоставили эти материалы.

Конституционный суд признал указ неправомерным. Указ был отменён. Но его инициаторы (хотели они того или нет) нанесли безопасности страны огромный ущерб.

Пойдём дальше. США передаётся схема прослушивания в новом здании американского посольства. Как знак того, что мы их никогда не будем прослушивать. Но это же смешно. Мы слушали и будем слушать, потому что это делали и будут делать они.

Народу это преподносится иначе: мол, система прослушивания была устаревшей. Как может быть устаревшей система, которую ищут и не могут найти?

Сразу после сдачи системы её разработчики подали рапорта об увольнении. И я могу их понять. То, над чем они ломали голову годами, было сдано в один момент. Это больше чем плевок. Это ещё один огромный ущерб.

Но это не всё. Американцы не дураки. Новое здание посольства они решили строить из кирпича, изготавливаемого в Финляндии. КГБ пришлось разрабатывать колоссальную по масштабу и затратам операцию, чтобы завести на кирпичном заводе свою агентуру, чтобы заложить аппаратуру в кирпичи, чтобы ни в чём не ошибиться.

Как только США был выдан секрет системы прослушивания, целое подразделение ЦРУ было переброшено в Финляндию. Вся агентура, работавшая на кирпичном заводе, стореда почти мгновенно.

КГБ занимался промышленно-техническим шпионажем. Это факт, от которого никуда не уйти. Но тем же самым занимаются все страны. А мы сворачиваем. Нам, видите ли, чужие секреты уже ни к чему. Разве тем самым не наносится ущерб государству?

Решено также сократить на 30 процентов деятельность военной разведки. То есть были уволены 30 процентов сотрудников, которые работали за рубежом под дипломатическим прикрытием. Насколько мне известно,

мало кто успел скрыться. Огромное количество сотрудников были сданы просто так, как была сдана система прослушивания.

Я вижу: то, что я говорю, производит на вас впечатление. Но имейте в виду: я сказал не обо всём. О чём-то нельзя говорить. А чего-то я сейчас просто не знаю. Не посвящён. Отстал от жизни.

Но мне кажется, того, что я сказал, вполне достаточно, чтобы сделать вывод: государству наносится огромный и во многом непоправимый вред. Но не это даже страшно. А то, что мы знаем, кто наносит этот вред. И ничего не можем сделать.

1994 г.

ВСЯ ГАНГСТЕРСКАЯ РАТЬ

ГАНГСТЕР (англ. gangster) в США — бандит, участник бандитской шайки. Гангстеры развивают хищническую «предпринимательскую деятельность» (нелегальный бизнес), пользуясь любыми средствами: грабежом, убийством, подкупом, запугиванием, шантажом, всякой уголовщиной, при поддержке подкупленных ими должностных лиц...

Из Словаря иностранных слов

СТО ТЫСЯЧ ЗА ИНФОРМАЦИЮ

В годы войны, когда Тула была окружена, фронт стал снабжаться оружейными заводами Ижевска. Сегодня этот город приобретает приблизительно то же значение. Сотни скупщиков оружия живут под разными прикрытиями в гостиницах, торчат с утра до вечера у проходных заводов, обхаживают рабочих: «Не хочешь за деньги? Давай бартер!» За шесть пистолетов предлагают девятую модель «Жигулей». Самые удачливые купили недавно крупнокалиберный пулемёт «Утёс». Эта штукавина легко прошивает пулями бэтээры и вертолёты.

На заводах меняют охрану, ужесточают систему контроля — всё без толку. Когда не удаётся стянуть оружие с конвейера, изготавливают его вручную.

В ОРБ (оперативно-розыскное бюро) не скрывают пессимизма: «Полностью остановить утечку можно только путём закрытия самих заводов».

Большая часть оружия переправляется на фронты межнациональных конфликтов. Другая часть заготавливается преступным миром. Для криминальной деятельности. Для разборок между собой. Для противодействия милиции. Но есть ещё одна цель. «Не исключено, — сказал один из местных гангстеров, — что при благоприятном течении событий мы возьмём кое-где власть». В ОРБ его высмеяли. Но гангстер хладнокровно закончил свою мысль: «Пусть мы продержимся недолго, часа два-три, но нам этого времени хватит».

В ОРБ больше не смеялись. Всё-таки какие они ни асы, их — несколько десятков, а гангстеров — сотни. (Если действительно накопят оружия, объединят силы и спланируют вылазку, будет жарко, очень жарко.)

Я не оговорился: их в Ижевске — сотни, включая тех, кто самозабвенно играет в гангстеров.

УГОЛОВНЫЙ ИНКУБАТОР

Кому заниматься молодыми преступниками, как не молодому сотруднику? 27-летний Игорь Галанов показывает мне досье, которое он ведёт последние три года. Именно тогда странным образом почти прекратились драки между враждующими подростковыми группировками. Кто-то из отцов города записал этот факт себе в заслугу. Кто-то решил, что пацанам просто надоело раскраивать друг другу головы. А Игорь, повторяю, завёл досье. Открывается оно большой фотографией. На ней — одна из группировок. Снимок сделан во время футбольного матча, когда больше сотни ребят сидели кучно, словно позировали фотографу. Им было тогда по 13—15 лет. Мордахи у всех совсем детские. Но до Игоря уже доходило, чем занимаются эти детки.

«Посмотрите на центровых (живущих в центре Ижевска.— В. Е.), — говорил своим парням предводитель группировки. — Как они прикинуты! Какие у них бабы!»

Предводитель бил по самым чувствительным местам. Ну в самом деле, что ещё нужно подростку, чтобы

почувствовать себя человеком? «Предел мечтаний» (кроссовки, кожаная куртка, деньги, девочки) даётся либо авансом, либо после отработки. Важна не последовательность. Важно то, что подросток легко, играючи получает то, чем его никогда не обеспечат родители.

Понимаю, читателю интересно, как же парни отрабатывают аванс. Существует довольно широкая специализация. Одни принимают активное участие в рэжете. Другие совершают квартирные кражи. Третьи угоняют машины.

Подросткам поручают самую грязную уголовную работу. И, надо сказать, среди них находятся такие, которых не надо уговаривать или заставлять. Воспитанные на беспределе окружающей жизни, они поражают жестокостью даже видавших виды наставников. Один, вымогая большие деньги, предложил пытку, до которой не додумались гитлеровцы. Вместо иголок загонял под ногти остро заточенные спички.

Уголовная юстиция Удмуртии сталкивается сегодня с серьёзным испытанием. Совершённые подростками преступления не так просто раскрываются (сказывается опыт взрослых организаторов) и с ещё большим трудом расследуются. Хорошо проинструктированные и воспитанные в духе ненависти к «ментам», подростки либо вообще отказываются давать показания, либо не называют тех, кто за ними стоит. По той простой причине, что не знают их. Между организаторами и исполнителями — слой посредников, которые непосредственного участия в преступлениях не принимают.

В чьей-то совсем не глупой голове созрела мысль, что нельзя допускать ни малейших контактов ребят с милицией. За что обычно задерживают пацанов? За драки в нетрезвом состоянии. Вот почему категорически запрещены выпивки (и всячески поощряется увлечение каратэ, боксом, борьбой) и массовые драки.

У подростков конспирация поставлена не хуже, чем у взрослых. Что украли — никогда на себя не наденут. Налажен обмен ворованными тряпками со сверстниками из Перми. В сборах участвуют только те пацаны, которые стоят на одной ступени преступной иерархии. Те, кто ниже или тем более выше, собираются отдельно. В искусстве маскировки идут даже дальше, чем требуют взрослые. Во многих шайках

принято носить короткие стрижки и не принято курить.

В дальнейшем, если наша жизнь и дальше будет хиреть, а недовольство населения усиливаться, в моду может войти политическая маскировка. Начало уже положено. Не так давно Ижевским ОРБ обезврежено огромное, около 500 подростков, формирование фашистского толка, которое занималось рэкетом, накоплением оружия и боеприпасов (включая противопехотные и противотанковые мины), налаживало связи с аналогичными формированиями в Санкт-Петербурге, готовилось («при благоприятных условиях») взять власть в Ижевске.

Но я не сказал о масштабе. В оперативном слежении ОРБ примерно 15 подростковых шайк. В каждой шайке около 130 активных функционеров. Активных! Но их называют салагами. Они вышибают двери в квартирах, «разуваяют» автомашины, пытаются попать под рэкет — всё равно салаги! Далеко им до «старших». До «авторитетов» ещё дальше. До «положенцев» (выполняющих роль «воров в законе») им никогда не подняться... А тех, кто ступенькой ниже (так называемых сопляков), вообще тьма. По словам Игоря Галанова, они просто не поддаются учёту. Из этого бездонного резервуара можно черпать без конца. Одни «спалились» на каком-то деле, их место тут же занимают другие. И никто их, повторяю, не уговаривает, не заставляет. Лезут сами — возьмите нас!

Вот где действительно организованная преступность! Вот где поистине тотальное проникновение преступного мира во все поры жизни. По оценке Игоря Галанова, после службы в армии только 10 процентов ребят возвращаются к преступной деятельности. Вроде бы немного. Но дело в том, что остальные 90 процентов (вроде бы остепенившиеся) остаются «своими ребятами». Они могут предоставлять любую нужную информацию, прятать у себя оружие, укрывать находящихся в розыске, а в нужный момент быть элементарно отмобилизованы. И никуда не денутся. Возьмут тот вид оружия, который им дадут, и выполнят то, что им скажут. Не все, но многие. Двух-трёхлетнее участие в преступлениях уличной шайки не проходит бесследно.

Уже сейчас проводятся тренировочные экстренные сборы. Где бы ни находился каждый из более чем

сотни парней, входящих в группировку, минимум за два часа они уже сосредоточены в определённом месте и готовы выполнить любые указания, которые поступают через диспетчеров — мальчишек, «сидящих на телефонах» в своих квартирах.

Используя вездесущих подростков, гангстеры ведут самую настоящую информационную разведку, накапливая всесторонние сведения о сыщиках, следователях, прокурорах, судьях. (Игорь Галанов, думаю, не удивится, если узнает, что на него тоже ведётся досье.) Информация используется как средство психологического давления, в какой-то степени понижая настроение, самочувствие и работоспособность сыщиков, привыкших рисковать своим здоровьем и жизнью, но не привыкших к угрозам в адрес своих жён и детей.

Руками подростков были подожжены семь опорных пунктов охраны правопорядка. А вскоре запылали квартиры сотрудников уголовного розыска, прокуратуры, ОРБ. Восемнадцать уголовных дел возбуждено в прошлом году по фактам поджога квартир! В одной заживо сгорел отец милиционера.

БАНДИТЫ ПОВЯЗЫВАЮТ ГАЛСТУКИ

Кто за всем этим стоит? Какие личности? Меня просили не называть их имена и клички. Сейчас они сидят в следственном изоляторе, находятся либо под следствием, либо ждут суда. И без того стоило немало труда упрятать их за решётку (нашли за ними не слишком серьёзные нарушения закона, ибо серьёзных они лично, как правило, не допускают). Так что им ничего не стоит с помощью ловких адвокатов использовать факт обнародования их имён в личных целях и избежать даже того незначительного наказания, которое им грозит.

Тогда я попросил рассказать о них, и вот что услышал. До недавнего времени преступным миром Ижевска руководил А. Ему за тридцать. Уголовный ранг — «авторитет». Почти трезвенник. Может весь вечер пить один бокал шампанского. Все его (и его дружок) подружи — с университетскими дипломами. Имеет большие способности к бизнесу. Трудно сказать, какой капитал в кооперативах и малых предприятиях

принадлежит лично Д., но весной поступила информация, что он пытался перевести в валюту около 90 миллионов рублей. В отличие от других боссов преступного мира, Л. не груб и не жесток с подчинёнными. Никого не унижает, ни на ком не ездит. Л. и его люди — завсегдатаи одних и тех же ресторанов. Другие места общения — загородные базы отдыха, сауны. Едва ли не у каждого — своя машина. Естественно, импортная.

Любой пацан в Ижевске может не знать главу местной администрации. Л. все знают в лицо. Ещё неизвестно, кто в большей степени хозяин в городе, чьё слово весомее. Конечно, сделаем огорворку — смотря в каких кругах. Думаю, круги Л. гораздо шире... У него — миллионы, которыми он распоряжается единолично. Он хоть и «культурный» босс, всё равно перед ним трепещут. В день моего отъезда из Ижевска Л. предстал перед судом прямо в здании следственного изолятора. Никто не хотел рисковать возить его по городу в тюремной машине.

Пока Л. находится под замком, преступным миром руководит другой босс — К. Только что отбывший 12-летний срок, недавно «коронованный», то есть возведённый в ранг «вора в законе». В его руках — ещё более безграничная власть. Что бы ни взбрело ему в голову, его указание будет выполнено. Но К. более склонен к традиционной уголовщине. Боссы такого типа не перспективны. Будущее — за такими, как Л. Он тоже, в сущности, бандит, гангстер, но, что называется, в белых перчатках. С ним не боятся, не брезгают вступать в сговор чиновники. Можно же сомневаться, что в ходе предстоящей приватизации Л. приберёт к рукам или какие-то магазины, или столовые, или предприятия бытового обслуживания, или гостиницы, или некоторые отрасли местной пищевой и лёгкой промышленности. Он наймёт лучших юристов и адвокатов и будет недосыпаем для ОРБ до тех пор, пока государство будет это разрешать своими безнадежно отстающими от жизни законами.

«Кожаные куртки становятся вчерашним днём, — говорили мне в ОРБ. — В моду у бандюг входит костюм-тройка...»

Кажется, мы крепко обманулись, называя рэкетирами тех, для кого вымогательство — лишь часть преступного ремесла. Если рэкетир не гнушается грабежом,

разбоем и убийством, его следует называть так, как он называется во всём мире — бандитом, гангстером. Мы увлеклись доморощенными терминами: лидер, авторитет, положенец, вор в законе, опять-таки не выражающими истинной сути их носителей. Это гангстеры. И чем раньше мы утвердим за ними этот термин и будем применять к ним статью о бандитизме, тем лучше.

«ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРОСТИТУТКИ»

В одном из городов Удмуртии потерпевший (его «кинули», когда он пытался продать личную машину) подходил к зданию суда. Его знал в лицо только адвокат. Сообщники подсудимых сидели в машине и ждали сигнала. Стоя у окна, адвокат кивком головы показал на потерпевшего. Через несколько секунд тот уже лежал в багажнике машины... Через сутки вернулся домой, но категорически отказался от участия в судебном разбирательстве.

С большим трудом ОРБ удалось установить участие одного «авторитета» в вымогательстве. Ещё большего труда стоило уговорить потерпевшего заявить о случившемся. В этом случае адвокат (не тот, совсем другой!) лично принимает участие в запугивании. «Мы тебе голову открутим!» — заявляет он потерпевшему.

Особенно опасно, когда адвокатами гангстеров становятся бывшие следователи и в особенности — бывшие сыщики-розыскники. Всё бы ничего, если бы они ловили коллег на нарушениях уголовно-процессуального закона. Они делают самое опасное — передают тайны розыска и следствия своим клиентам.

В Ижевском ОРБ есть достаточно точная информация, что одна адвокатесса сожительствует с гангстером, полностью оправдывая своё нарицательное имя. Во всём мире таких людей называют «юридическими проститутками».

Мы объявляли преступности одну войну за другой. Но так и не перешли от угроз к делу. Противная сторона, как видим, действует решительно, без широковещательных угроз и болтовни. И, как во всякой войне, делает ставку на перебежчиков, предателей.

С помощью таких адвокатов (разумеется, их не так уж много) гангстерская клиентура достигает своей главной цели. В суды поступают дела, которые при желании молёно расценивать как требующие доследования или вынесения гораздо более мягкого приговора чем того заслуживает подсудимый. Создаётся питательная почва для действий в интересах преступников нашего судейского корпуса.

Сотрудники ОРБ искусно плетут свои сети. Но адвокаты, выступающие не столько защитниками прав, сколько сообщниками своих клиентов, не менее искусно режут в этих сетях дыры. Ушли от уголовной ответственности покупатель крупнокалиберного пулемёта Ниже низшего предела получил «вор в законе» К нарушивший правила административного надзора. «Проблема не столько в том, как взять злодеев с поличным, — говорили мне в ОРБ, — сколько в том, как их изолировать от общества». Следователям приходится собирать документы чуть ли не с самого дня рождения. Не было ли родовой травмы? Не падал ли с горшка? Пока не подтвердят документами, что подследственный вменяем, лучше не допрашивать. Иначе адвокаты добудут совсем другие документы. Это, конечно трудности следователей. Но давайте поймём и ребят из ОРБ. Каково им валиться с ног от усталости, подставляться под ножи и пули, зная наперёд, что всё напрасно?!

ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР...

В уголовном розыске и ОРБ, среди людей, которые работают задыхаясь, чувствуешь себя бездельником. 100 часов переработки в месяц! (А оплате подлежат только 120 сверхурочных часов в год.) Их загнанность мешает брать материал даже в минуты отдыха. Трудно задавать вопросы, видя, что у твоего собеседника слипаются глаза. Но собеседник внимателен. Он проветривает прокурорский кабинет и заваривает крепкий чай. Надо ловить момент. Иначе зазвонит телефон, собеседник сунет за пояс ствол и на прощанье посоветует покопаться в нетронутый передвижной библиотеке.

Гангстеры тоже не читают книг, но хотя бы смотрят видео. А сыщики и в кино ходят только по заданию Они и в рукопашном бою, и в стрельбе тренируются

реже. И оружие у них не импортное. И машины с пулепробиваемыми стёклами. Но когда они (вместе со спецназом) идут на захват, у гангстеров подламываются колени. Обезумев от страха, они выносят на себе двери. Некурящие, непьющие, накачанные. Это кино надо видеть!

Каждая сторона играет в свою игру. Гангстеры любят деньги, власть и женщин. Сыщики любят ловить гангстеров и наказывать их за непростительные слабости. Скажем прямо, иногда в этой любви присутствует сугубо личный момент. Ну как должен сыщик относиться к гангстеру, обнаружив у него в бумажнике (на карманные расходы) восемь тысяч, если только что звонила жена и сказала, что ужина скорее всего не будет?

В последний день командировки я наблюдал захват одной бандгруппы. Ребята из ОРБ попросили «мальчиков» встать лицом к стене и как можно шире расставить ноги. «Через полчаса, — пояснили они мне, — бандюги с трудом сведут ноги. Большинство из них всё равно придётся отпустить. Пусть хоть это будет наказанием».

Их начинаешь понимать, когда посмотришь документы задержанных. Например, удостоверения инвалидов (у розовощёких битюгов) или — депутатов какого-нибудь местного Совета с последовательно возрастающими порядковыми номерами. Пачка денег и пачка документов. Ничего другого в карманах гангстера обычно нет. Оружие он берёт с собой только когда «идёт на дело». Но даже если ствол в кармане, то там же и хитрое заявление о добровольной сдаче.

С этим пока ничего не поделаешь. Многих из тех, кому положено сидеть, пока приходится выпускать. Но прежде каждого снимают видеокамерой, загоняют данные в компьютер. Обнадёживающая процедура. Не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра эти данные позволят раздать, как говорится, всем сёстрам по серьгам. Каким лихим пулемётчиком был знаменитый гангстер Аль Капоне во время первой мировой войны, но и его загнали в канализационную систему Чикаго...

1992 г.

ЧЕРНАЯ ЗВЕЗДА

ПЕРВЫЙ ДОПРОС — ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

У него корейские скулы и чеченский нос с горбинкой. Слегка раскосые тёмные глаза, властный рот, ямочка на подбородке, сильная шея. Причудливая смесь матери и отца.

Он высок, за метр восемьдесят, сухошав, строен. Пружинистая походка, спокойный, твёрдый, немигающий взгляд. Половину из своих 38 лет провёл в неволе. Но это совершенно не читается.

У неё большие глаза, высокий лоб, брови вразлёт, широкий рот, тонкие губы и огромные в треть лица дымчатые очки. Небольшого роста, изящная, с хорошей фигурой. На год старше его. И, пожалуй, образованнее. Всё же закончила университет, тогда как он — только среднюю школу. Для неё, уроженки русского Севера, он, выходец из Азии, оказался ошеломляющей экзотикой. Хотя, как мы увидим дальше, не только этим.

Он — известный бандит Сергей Мадуев по кличке Червонец.

Она — следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры Наталья Воронцова.

Впервые они увидели друг друга, когда его привели к ней на допрос. Мадуев тут же потребовал, чтобы его вернули в камеру. Побрился, надел эффектный белый костюм.

Когда-нибудь она расскажет, о чём думала, что чувствовала во время первого допроса Мадуева, ставшего их первым свиданием. А может, и он что-нибудь добавит. Если суд оставит ему жизнь. Это будут интересные мемуары.

Их роман едва не стоил жизни майору внутренней службы, когда тот бросился отбирать у Мадуева переданный Воронцовой наган. Конечная цена романа — инвалидность майора, отца четверых детей, и семилетний срок для неё, Натальи Воронцовой.

Мадуев, уверенный, что суд приговорит его к расстрелу, выиграл два года жизни. За это время он нашёл подход ещё к одному служителю Фемиды. В результате совсем недавно был задержан вне своей камеры. В руках — пистолет ТТ с глушителем и две обоймы. Фантастика!

Россия может гордиться. Всякими были её преступники. Но такого ещё не было.

Не исключено, что именно оттого и вспыхнуло чувство у Натальи Воронцовой. На неё, как на женщину, обратила внимание звезда преступного мира. Чёрная звезда.

ВОР ВНЕ ЗАКОНА

Тут не может быть двух мнений. Это, безусловно, суперпреступник. По сути все свои преступления он совершил, находясь в бегах, во всеоюзном розыске. Ухитрился не попасться в течение 13 месяцев. Бил все рекорды выживаемости, не отсиживаясь в какой-нибудь норе. В иные дни от его активности сыщики сбивались с ног: он совершал по два-три вооружённых налёта!

Положение беглеца-гастролёра не позволяло долго находиться в одном городе. После серии разбойных нападений он перелетал на другой конец страны, где его никто не знал и где он не знал никого. В считанные дни распускал свои шупальца, разведывая адреса самых богатых теневиков. Бил все рекорды получения информации.

Иногда, правда, давал маху. Нечаянно грабил тех, кто находился под защитой местных рзкетменов и даже «воров в законе». Когда тем удавалось найти Червонца и вызвать его на разборку, он резонно отвечал: «Откуда мне, залётному, знать, кто тут есть кто».

Если от него требовали вернуть награбленное, он дерзко говорил; «Я вор — вне закона», имея в виду неписанные законы уголовного мира. Разборки, случалось, кончались плохо. Но только не для Мадужева. В лёгкости, с которой он нажимал курок пистолета, ему не было равных.

Все авторитеты преступного мира сильны своим окружением. У Мадужева бывало не больше трёх сообщников. Но с ним считались. У него было одно преимущество перед любой группировкой. Там, где другие, выясняя отношения, для начала просто лаялись, он, не задумываясь, выхватывал «пушку» и стрелял.

Но он был страшен и без оружия. И даже будучи пойманным. В навороченной им куче преступлений и груде трупов разбирались тридцать следователей из разных городов России. И самые хладнокровные из них признавались, что ни на минуту не забывали, что

Червонец может улучшить момент и взять их в заложники.

Но он «супер» и по другим меркам. В отличие от других уголовников не соблюдал одно из главных правил преступного поведения. Не пылал ни натуральной, ни показной ненавистью к ментам. Напротив, умел устанавливать с сыщиками, следователями, работниками следственных изоляторов и колоний неформальные отношения. В нём начинали видеть не столько супербандита, сколько яркую преступную личность, с которой интересно общаться.

Неволя — это скопище человеческой грязи общества — живёт также по неписаному закону презрения к женщине. Женщины, у которых Мадув жил во время своих «гастролей», в один голос отмечают, что не слышали от него ни одного грубого слова и не помнят, чтобы он хоть раз пришёл к ним без цветов. Это было поразительно для всех, кто знал, каким было детство Мадуева.

ПЕРВАЯ КРАЖА

После того как отец забрал двоих детей и уехал из Казахстана в Чечню, Сергей с младшим братом и сестрой остался с беспутной матерью в бараке. Спали втроем на одной кровати. Пьяная мать могла среди ночи выставить детей за двери единственной комнаты. Такое случалось и зимой...

Первую кражу Сергей совершил у своей любимой учительницы, которая приглашала его к себе домой, чтобы накормить. Он просто не мог не спрятать за пазуху несколько пирожков — для сестры и брата.

В другой раз он украл ружьё. После того как один из хахалей матери влил ему, десятилетнему, в рот полстакана водки, Сергей выстрелил, но не попал. Хахаль успел удрать.

Всё время кормиться у учительницы было неловко. А у матери было одно средство к существованию — перепродажа анаши. Серёжа набивал «травкой» спичечный коробок и бежал подальше от дома — туда, где собирались наркоманы.

Потом мать совершила убийство и вообще исчезла из жизни детей. Спустя годы Сергей встретит её у сестры. «Кто этот парень?» — спросит о нём мать...

«ПОЛЮБИШЬ МЕНЯ — ПОГУБИШЬ СЕБЯ»

Такое детство оставило свои следы. Он не брал в рот ни капли спиртного, не употреблял наркотики. Но на всю жизнь сохранил ненависть к нищете и чувство мести к обидчикам. Не смог только найти путь к достатку через нормальное проявление ума, памяти, изобретательности, сноровки.

А ведь были для того все данные. С одним из следователей он на спор играл в шахматы. Только он, Мадуев, вслепую. И неизменно выигрывал. Другой следователь обнаружил в его тюремном библиотечном формуляре сочинения А. К. Толстого и убедился, насколько глубоко знает Мадуев этого писателя.

Примечательные сведения о Мадуеве следователи находили в показаниях свидетелей. То он катал детей своих сожительниц на такси, то вёз их по магазинам и велел выбирать, что душе угодно.

Были и другие показания. Того хахала, который отравил его водкой, Мадуев всё же нашёл. Заставил выпить залпом целую бутылку, отчего «потерпевший вскоре скончался». С главным инженером строительной организации, который не принял Мадуева на работу после того, как он отбыл восемь лет по первой судимости, тоже посчитался.

Иногда Мадуев расслаблялся и начинал рассказывать о преступлениях, следствию не известных. Потерпевшие не заявляли, потому что их доходы тоже были преступными. Не все его показания заносились в протокол. Ну, скажем, такие детали: кто и как расстаётся с деньгами и драгоценностями — представители какой нации. Что скрывать, это тоже исподволь располагало к Мадуеву. Кому не нравится герой кинокомедии Деточкин! А тут как бы живой борец с теневиками, с «нетрудовыми доходами».

Есть грязный порок. И есть как бы красивый. Есть отталкивающая криминальная посредственность. И есть криминальный талант, невольно вызывающий не то уважение, не то восхищение. Сразу и не разберёшь. Но зёрнышко как бы брошено в подготовленную почву. И одному Богу известно, чем проращёт.

Обычно далее следователям по особо важным делам и вспомнить-то особо не о чем. А тут... Таких, как Мадуев, культурных гангстеров, Воронцова даже в западных фильмах не видела.

Не знала она, что одну, невидимую для окружающих часть тела, Мадуев всё же украсил татуировкой, почти афоризмом: «Полюбишь меня — погубишь себя».

ОБЪЯТИЯ ПЕРЕД СКРЫТОЙ КАМЕРОЙ

А может, и знала. Но подумала, что это не про неё. Она, что называется, в упор не видела в Мадуеве то, что он и не скрывал, что буквально выпирало из материалов следствия.

Он не садист — это точно. Но все его налёты начинались с диких криков и выстрелов. Однажды, говорят, он даже приставил нож к горлу мальчика. «Надо жуть нагнать, иначе ничего не отдадут, такова технология преступления», — объяснял Мадуев. Случалось, жуть заканчивалась стрельбой на поражение. Когда потерпевшие оказывали сопротивление. В такие моменты Мадуев не разбирал, кто перед ним: мужчина, женщина — всё едино.

Это обвинение не доказано, но предьявлялось ему. Однажды потерпевший, защищаясь, тяжело ранил его друга. Тащить на себе, очевидно, не было возможности. Можно предположить, что всё же именно Мадуев добил друга. Потому что это в его стиле — действовать так, как диктует обстановка.

Готовясь к побегу из Бутырки, он приготовил удавку. Значит, чувствовал в себе способность не только застрелить, но и задушить человека.

После неудавшейся попытки побега из «Крестов», распятый на батареях внутреннего отопления и избиваемый взбешёнными сотрудниками тюрьмы, он кричал, вращая красными от побоев белками глаз: «Если будете так бить, забуду, кто дал мне «пушку».

Похоже, он выдал Воронцову именно тогда, когда ничего другого не оставалось. Когда ему пообещали, что наградой за признание будет вполне реальная надежда, что суд учтёт это обстоятельство и не вынесет смертный приговор.

Но признание подследственного — ещё не улика, ещё не доказательство. Мадуеву сказали, что могут устроить ему последнюю встречу с Воронцовой. Он должен был догадаться, что тут что-то не так. Он почти наверняка понял, что именно затевается. А может, ему прямо об этом сказали, кто знает. Но так или иначе,

он согласился на эту встречу. Потому как опять-таки требовала обстановка. Нужно было дать следствию улику более весомую, чем его признание. И когда он целовал и ласкал Воронцову во время этой подстроенной встречи, он почти наверняка догадывался, что создаёт вещественное доказательство, которое заставит признаться и Воронцову.

— Недооценил я вас, ребята, — будто бы сказал Мадиев кэгебистам, когда они показали ему плёнку.

Ну, так он не раз проявлял своё криминальное лицедейство.

КАПЛЯ ЖУЛЬНИЧЕСКОЙ КРОВИ

Не буду гадать, что двигало Воронцовой. Истинное чувство, корыстный расчёт или то и другое. В любом случае её, вероятно, подвело то, что Варлам Шаламов называл каплей жульнической крови, которая есть, по его мнению, едва ли не в любом работнике правоохраны, едва ли не в каждом из нас. Эта капля проявляется в сочувствии преступнику, в восхищении и любовании им, в стремлении оказать помощь. Вероятно, эта капля увеличивается в размерах, если, скажем, следователь испытывает к государству, к системе примерно те же чувства, что и преступник. И если следователя тоже начинают одолевать грёзы о другой, более обеспеченной, более красивой жизни.

И ещё было, вероятно, одно из двух. Либо Воронцовой настолько не удавалась личная жизнь, что она всю себя стала отдавать только работе. Либо поглощённость любимой работой не оставляла ей времени для устройства личной жизни.

Если так, то личную жизнь она могла обрести только в рамках жизни служебной. Только в виде служебного романа. Вероятнее всего, с кем-то из следователей. Но тут неожиданно возник Мадиев. Такой же умный. Такой же бесстрашный, как и её коллеги, но с целым набором таких ошеломляющих отличий, что закружилась голова.

И всё же я осуждаю Воронцову только по одному пункту. Как она могла не заметить, что жизнь и свободу Мадиев любит сильнее, чем любую из женщин. Что в случае неудачи побега она, Воронцова, обречена на позор и пожизненные муки сожаления о

порушенной карьере. И что к удаче Мадуев может прорваться только через трупы.

А если и это просчитала, значит... Значит можно предположить, что капля той самой крови у неё не одна.

Но кто из нас поручится, что у него только капля?

В МЫСЛЯХ О ПОБЕГЕ

Сегодня Воронцову возмущает интерес к её персоне. Словно то, что она совершила, — не сенсация без срока давности.

Сегодня Воронцова мечтает «стать простой эзчкой». Чтобы в зону не лезли журналисты. Неправду говорить надоело. Неправда снижает её шансы на досрочное освобождение. А правду она бережёт для собственных воспоминаний. Не всё же другим зарабатывать на её драме.

Сегодня Воронцова заявляет, что правду она скажет только тогда, когда расстреляют Мадуева. В том, что его расстреляют, она не сомневается. Из её слов вытекает, что его существование мешает ей открыть правду. И она ещё раз показывает, что так и не разобралась в Мадуеве до конца.

Это уникальный преступник хотя бы потому, что все 24 часа в сутки нацелен, заряжен на побег.

В тюрьме Волгограда он пытался взять заложников.

В Бутырке кто-то пронёс ему 30-метровую верёвку.

В «Крестах» он пытался разобрать стену, заделывая проём «кирпичом», слеplенным из хлеба.

В изоляторе КГБ кто-то передал ему пилку, и он успел перепилить решётку.

В том же изоляторе он слепил из хлеба точную копию пистолета чешского производства.

Прибавив сюда помощь Воронцовой двухлетней давности и совсем недавний случай, когда кто-то (говорят, надзиратель) принёс ему пистолет ТТ, можно предположить, что пособник (пособница) найдётся и впредь.

Голос жульнической крови — штука серьёзная. Даже если этой крови — одна капля.

1994 г.

СТРАДАЛКИ

УДАВОЧКА

В колонии для особо опасных рецидивисток поражало всё: лица, характеры, судьбы. Впечатления можно было вместить только в серию очерков. Но по какому принципу отобрать «героинь»? В конце концов решение созрело. Описать полные драматизма истории трёх женщин (которые заплатили за свои преступления сполна и чьё дальнейшее пребывание в неволе лишено всякого смысла) и выступить поручителем, помочь им освободиться раньше срока.

Почти все особо опасные рецидивистки начали преступную жизнь, будучи детьми. И первое пенитенциарное учреждение, которое наставляло их на путь истинный,— колония для несовершеннолетних. Женских «малолеток» у нас немного — всего четыре. Даже в самой худшей есть сотрудники, которых рецидивистки вспоминают с теплотой. И всё же самые негодные условия содержания — там. Самая вредная система перевоспитания — там. Самые безобразные взаимоотношения между заключёнными — там.

К моменту нашей встречи Ире Галушкиной исполнился 21 год. Но язык не поворачивался назвать её молодой женщиной. Симпатичная, маленькая (рост 150 сантиметров!), хрупкая девочка.

В колонию она попала 15-летней. Вместе с уличными подружками что-то стащила с прилавка магазина. В подобных случаях суды обычно ограничиваются отсрочкой исполнения приговора. Пощадили бы и Иру. Но она страшно перепугалась и, вопреки подписке о невыезде, сбежала из города. Потом одумалась,

вернулась, но судьи увидели в этом бегстве не страх, а испорченность. Подельницы отделились условными судимостями. А Ира получила полтора года.

Какой-то из русских царей (кажется, Александр II) велел запереть себя в одиночной камере Петропавловской крепости и провёл там около часа. Хотел почувствовать, что испытывают те, кого он туда отправлял. Нам бы последовать этому примеру. Включить бы в практику студентов юридических факультетов хотя бы суточное сидение за решёткой. Это не убавило бы у них непримиримости по отношению к преступникам. Но, наверное, повлияло бы на чувство меры, особенно при вынесении приговоров.

Для того чтобы проучить ребёнка-преступника (в других странах давно поняли), достаточно посадить его под замок на несколько недель. Этого вполне достаточно, чтобы вызвать отвращение к тюрьме, панический страх перед неволей. Единица измерения срока наказания несовершеннолетних во всех цивилизованных странах — неделя. У нас, как и применительно к взрослым, — год. Так что с Ирой обошлись почти гуманно, дав ей полтора года.

Но и этот срок показался ей вечностью. Представляю, что на это скажет читатель. А воровать ей не казалось стыдным? Согласен: стыдно. Но давайте примем во внимание особую психологию подростков из поволжских городов. Предприятия там в основном оборонной промышленности или с вредным производством. Надеюсь, понятно, что я имею в виду. «Что толку от того, что вы живёте честно, если не можете одеть меня как следует?!» — говорят родителям тысячи подростков. Они остро переживают свою второсортность. Желание хорошо выглядеть оказывается сильнее нравственных правил. Если бы общество давало им работу, возможность самим удовлетворять хотя бы часть своих потребностей!

Подростки-преступники сознают, что стали виновниками чьей-то беды. Но они сознают также, что являются жертвами дурного воспитания и тех условий жизни, в которые их поставило общество. Вот почему они переступают порог неволи с лицами, на которых не написано раскаяние.

Подросток не просто подавлен, он буквально раздавлен неволей. (Он вообще привык знать только родительский дом.) Но кто в этом возрасте покажет свои

слабости? Чем больше подавленности, тем больше бравады, развязности, стремления и здесь, в тюрьме, быть не хуже других. Страшная неуверенность в себе. И страшная (показная) самоуверенность.

«Что вы чувствовали в первые дни пребывания в неволе?» Этим вопросом социологи начинают свои беседы с заключёнными. Ответ иногда длится часами. Если бы подростки были так же откровенны, как взрослые. Если бы так же умели объяснить, что с ними происходит.

Во втором приговоре Иры Галушкиной я прочёл: «Отбывая наказание в... воспитательно-трудовой колонии, с целью добиться перевода в другое воспитательно-трудовое учреждение, совместно с другой воспитанницей, Воропаевой, по предварительному сговору, накинули на шею воспитаннице Казанцевой ремень от швейной машины и за концы затянули его. Казанцева стала кричать, однако Галушкина и Воропаева продолжали затягивать ремень. После потери Казанцевой сознания, полагая, что она мертва, оставили её одну в комнате. Однако свой преступный умысел до конца не довели, так как Казанцевой была оказана медицинская помощь...»

Совершённое в колонии преступление называют раскруткой. Бывают раскрутки непреднамеренные, когда одна заключённая ранит или убьёт другую во внезапно вспыхнувшей драке. Или когда наберёт в кружку мочу и плеснёт её в лицо надзирателю. Или когда что-нибудь украдёт.

Но нередки и раскрутки умышленные. «С целью добиться перевода в другое учреждение». В таких случаях решают, какое преступление лучше совершить, чтобы отправили наверняка? Кража или хулиганская выходка не годятся. Осудят и оставят в этой же колонии. Что-нибудь поджечь? И на это шли. Но номер не проходил. Тоже оставляли. Вот и передаётся из уст в уста: самый верный способ добиться отправки — подобрать терпилу (потерпевшую) и убить. Либо совершить покушение на убийство.

Здесь возникает естественный вопрос. До какой же степени должно быть худо какой-нибудь девчонке, до какой степени отчаяния она должна дойти, чтобы на такое решиться?

Когда Иру привезли в колонию и переодели, она почувствовала себя огородным пугалом. Чёрная телогрейка, чёрные солдатские сапоги. Всё — на два-три размера больше. Окружающие покатывались со смеху. Это злило и унижало. Ну кому понравится быть посмешищем?

Как и остальные несколько сот девчонок, Ира должна была исправиться в процессе труда. Есть у нас такая теория: труд превратил обезьяну в человека, труд и только труд способен исправить преступника. Как и в большинстве других женских колоний, работа была одна — шитьё. Шили полосатые робы для особо опасных рецидивистов...

А после работы... Ну, прежде всего учёба в школе. Может быть, единственно светлые часы. Но не дай Бог получить двойку или замечание учителя. По специально разработанной системе, со всего отряда (или отделения) снимались баллы. За провинность одной девчонки наказывались все. (Прежде всего лишением кино.) Негодовали все, а воспитатели (дабы было неповадно другим) закрывали глаза на то, как протекало негодование. Плевали в лицо, избивали, давали презрительные прозвища.

Хотелось хоть минуту побыть в одиночестве. Но каждый день будто специально планировался так, чтобы не оставалось ни секунды личного времени. Основным занятием на досуге была двухчасовая строевая подготовка. На специальном плацу. Под песню «Дан приказ ему на запад». После строевой Ира едва волочила ноги...

Навалилась так называемая зоновская болезнь. Когда не хочется жить и хочется хоть немного забыться.

Ловили момент, когда в зону въезжала грузовая машина, обмакивали в бензин тряпку и нюхали, нюхали до одурения. Иногда удавалось достать ацетоновую краску... Но воспитатели смотрели в оба. Когда не было никакого доступа к бензину и краске, выход был один — играть в удавочку. По очереди душили друг дружку полотенцем, зажимали сонную артерию, отключались, называлось, «кайфовали».

Воспитатели не могли уследить за подобными развлечениями. И в качестве надсмотрщиков использовали активисток. Активистки тоже курили, тоже нюхали, тоже играли в удавочку. Заслужив досрочное освобождение,

тоже совершали повторные преступления. Единственное, что отличало их от других,— способность пойти и доложить.

Галушкина и Воропаева выбрали своей терпилой активистку, которая неоднократно их «сдавала». Они как бы расквитались с ней. Таким было их моральное самооправдание. Они ненавидели её, потому что хорошо знали: Казанцева строит своё благополучие, навлекая наказания на других. Она вовсе не встала на путь исправления, как об этом говорят воспитатели. Как показало время, в этом они были правы. Освобождённая по амнистии, Казанцева снова совершила кражу и попала в колонию.

Ходатайствуя за Галушкину, я исходил из того, что сама мысль совершить покушение на убийство и избранный способ пришли девчонкам в голову только потому, что они попали именно в эту колонию, под влиянием царивших там порядков и «игрищ».

Преступление, совершённое мужчиной, в большинстве случаев существенно отличается от преступления, совершённого женщиной. Мужчина обдумывает замысел. Женщина действует импульсивно. Мне казалось, что эту простую истину хорошо знают высокие судьи.

Я должен был убедиться, что Ира не подведёт. Время от времени я звонил в колонию и мне отвечали: замечаний нет. Только через год я опубликовал очерк о судьбе Ирины и ходатайствовал перед Верховным Судом РСФСР о том, чтобы к ней было проявлено милосердие. Ответ пришёл спустя шесть месяцев. За это время Ирина также не имела никаких замечаний.

Ходатайство было отклонено. Цитирую выдержки из ответа заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации. «По месту отбывания наказания Галушкина характеризуется как не вставшая на путь исправления». Откуда такой вывод? Следующая строка как бы вносит ясность. «За четыре года имела 20 взысканий за нарушения режима». (Какие нарушения — не указывается. А это важно. Это очень важно. Разбирая тюремную судьбу другой женщины, мы поймём, какая мелкость часто держит человека в заключении, подобно капкану.) Но далее... «За последние два года не имеет ни взысканий, ни поощрений».

Преступный образ жизни осуждает, но глубоко не раскаивается». Вы что-нибудь поняли, читатель?

Галушкина и Воропаева хотели убить такую же, в сущности, жертву нашей исправительной системы. (Но они её всё же не убили. По некоторым свидетельствам, их колотила дрожь от того, что они сделали, и они сами заявили о содеянном, что, в частности, и позволило вернуть к жизни Казанцеву.) Это страшно. Но за это они были адекватно страшно наказаны. Даже взрослым крайне редко дают за покушение на убийство восемь с половиной лет. Теперь приговор медленно, но верно убивал их. Не только морально, но и физически. Галушкина который год больна туберкулёзом. Но и это обстоятельство, указанное в ходатайстве, не смягчило сердца высоких судей.

Перед работником Верховного Суда предстало дело. Журналист, прежде чем обратиться с ходатайством, общался с живым человеком, перепроверял свои впечатления, беседовал с работниками колонии. Журналист наверняка уступает работнику Верховного Суда в юридической квалификации. Но он делает выводы на основании куда более широкого и полного материала. Журналист отдаёт себе отчёт в том, что ошибка крепко ударит по его имени. Но он может позволить себе смелость, потому что изучал не дело, а живого человека. Работник Верховного Суда просто вынужден проявлять осторожность. Но какова цена этой самостраховки?!

Ирина Галушкина сегодня на воле. Все, кто причастен к этому наказанию, могут быть довольны: наказание исполнилось полной мерой, срок отбыт от звонка до звонка. Ну а Галушкина?

Понятно, что с преступником нужно бороться. Но только в двух случаях. (Высказываю своё личное мнение.) До тех пор, пока он не обезврежен. И когда он противодействует администрации колонии. Во всех других случаях нужно бороться за преступника. Нужно его спасать. Тем более, если это несовершеннолетний. Всякая другая установка только преумножает зло.

Говорят, тюрьма — это слепок общества. Если так, то почему там ничего не меняется, исключая разве что какие-то послабления в условиях содержания? Почему девочки по-прежнему шьют полосатые робы для

особо опасных рецидивистов? Неужели кто-то до сих пор считает, что в таком труде подросток становится лучше? Почему до сих пор не отменено деление воспитанников на «чистых» (сотрудничающих с администрацией активистов) и «нечистых» (тех, кто не идёт на это сотрудничество)? Неужели не ясно, что использование одних подростков против других порождает приспособленцев и доносчиков, приводит к драмам, вроде той, которую мы обсудили? Почему до сих пор колонии для несовершеннолетних представляют собой муравейники, где вроде бы уделяется внимание всем, но никому в отдельности? До каких пор мы будем рассматривать эти колонии (как и колонии для взрослых) как фабрики и заводы с дешёвой рабочей силой? У нас находится за решёткой всего-навсего 1500 девочек-преступниц. Что мешает начать подлинную реформу пенитенциара? Почему девочек, совершившую кражу, увозят за сотни и тысячи километров от дома? Почему её перевоспитанием не занимаются власти того города, где она созрела как преступница?

Кто мне ответит?

1990 г.

ЗАПАДНЯ

Раскрыть фамилию осведомителя можно только по специальному приказу министра внутренних дел. Журналисты этому правилу не подчинены. Но я всё же заменю фамилию второй женщины, которую просил освободить. У неё есть родственники. Есть мать. С матери и начались все несчастья Зои Адзяновой.

Человек без образования и специальности, после смерти мужа мать осталась с четырьмя малыми детьми без всяких средств к существованию. Предложила свои услуги тем, кто вяжет. Стала продавать на рынке платки, другие вещи. Её задержали (не положено торговать без патента), побеседовали, поняли, что женщина хоть и без образования, но не глупая, и предложили стать агентом уголовного розыска. Так Адзянова стала «Сафиной»,

В руки милиции попадают крепкие орешки. Не только мужчины, но и женщины. Хоть убей, не признаются в совершённом преступлении. Когда возникали подобные трудности, Адзяновой выписывали командировку,

давали билет на поезд, суточные, она ехала в другой город, её встречали «люди в синих шинелях», хорошенько инструктировали, придумывали для неё легенду и подсаживали к подследственной, не желающей давать чистосердечное признание.

«Сафина» говорила мне, что делала так, как лучше и для угрозыска, и для подследственных. Одни меньше трепали нервы. Другие получали за «чистосердечное признание» небольшую скидку. Это был стиль «Сафиной»: не просто что-то выведать и потом передать своим хозяевам, а внушить сокамернице мысль, что лучше снять с души камень (работала она в основном с убийцами и крупными воровками) и во всём покаяться.

Командировка сменялась командировкой. Год проходил за годом. Менялись города (в своей родной Перми «Сафиной» находили задания, не связанные с посадкой в тюремные камеры). Менялись и начальники. Но всех их, как и многие годы, проведённые в увлекательной, хотя и трудной работе, она вспоминает сегодня почти с теплотой. Однажды только вырвалось у неё, что согласие сотрудничать она дала после того, как все они (и она, и дети) лежали в больнице с острой формой дистрофии... Когда Адзянова подписала «контракт», в ней (по её словам) было веса не более 40 килограммов...

«Сафина» не скрывала, что свободное от командировок время проводила на центральном рынке Перми, где занималась не только продажей изделия народного промысла, но и прямой спекуляцией. То есть совершала то преступление, которое особенно рьяно осуждалось нашей правовой пропагандой и особенно сурово каралось законом. «Надо же на что-то существовать нашему человеку». Так считали в милиции и закрывали глаза на проделки своего тайного агента. Было и другое, более важное оправдание. Невозможно проникнуть в недра спекулянтской братии, разноухать, кто есть кто, не участвуя в махинациях, не став своим человеком.

Я спрашивал «Сафину», сколько опасных преступлений она помогла раскрыть. «Не могу сказать,— отвечала она — Не считала». Тогда мы попробовали посчитать вместе. Даже если она выезжала в командировку хотя бы раз в месяц, то за год набегает двенадцать преступлений. Работала она что-то около 20 лет, если

не больше. Умножаем 12 на 20. Получается потрясающая цифра.

Оказывая обществу поистине неоценимую услугу, она вправе была рассчитывать на адекватное вознаграждение. Но когда я вошёл в квартиру «Сафиной», то был просто потрясён убожеством и нищетой. «Сколько же платили вам?» — спрашивал я. «До денежной реформы 60-х — три рубля в день — суточные, а за неделю работы в «командировке» рублей 35–40...»

Если есть на свете высшая справедливость, то небо должно было покарать тех, кто, выплачивая эти гроши, получал за успехи Адзяновой новые звёздочки. Но наказана была она, агент по кличке «Сафина»...

Во время её командировок дети были предоставлены самим себе. А в промежутках между командировками, когда она торговала и выполняла «секретные задания» на центральном рынке, дети часто бывали там и не могли не познакомиться с теми, с кем постоянно общалась их мать,— лучшими представителями местного уголовного мира, и только чудом могли не поддаться их влиянию. Чуда не произошло...

Дети не знали о тайном занятии матери. Но чувствовали, что за её частыми отлучками что-то кроется. Можно предположить, что мать тоже догадывалась, что её дочь Зоя не просто так водится с компанией карманников. Видела и милиция. Но даже не пыталась уберечь девчонку. У милиции были свои расчёты.

Борьба с карманниками — чистое наказание. Схватить с поличным невероятно трудно. Кто из «ментов» не мечтает иметь среди «щипачей» своего агента, который бы сообщал, кто, когда и где будет завтра «работать». Вот Зою и готовили к этой роли. Тем, что не мешали ей проходить «стажировку», совершенствоваться в «ремесле», становиться среди карманников своей в доску.

Нужно учесть и «человеческий фактор». Зоя была прелестной наружности. А все (или почти все) агентки готовятся обычно к двойному использованию... Вербовка Зои стала для некоторых голубой мечтой.

Получив предложение, Зоя обратилась к маме за советом. И мама сказала: «Соглашайся». «Зачем? Почему?» — допытывался я у неё. «Сафина» молча плакала. Не могла же она сказать, что знала: любимая дочь стала карманницей. А коли уж втянулась в грязное

ремесло, то сотрудничество с милицией — хорошее прикрытие. Попадётся — выручат. Вербовщики гарантировали это напрямую. Это был соблазн. Дочь соблазнилась. А мать благословила.

Многие оперработники утверждают, что у них «на связи» находятся даже «воры в законе». Не все, но очень многие. Даже к ним нашли подход. Из этого утверждения следует, что паутина осведомительства опутывает, по сути дела, весь преступный мир.

Представляете, что может быть, если в качестве платы за информацию давать возможность каждому безнаказанно воровать? Кто же тогда за решёткой сидеть будет? Вот почему практика использования доносчиков предусматривает их периодическую посадку. В первый раз это воспринимается болезненно. Агенты обижаются, обвиняют своих хозяев в нарушении условий договора, но очень быстро свыкаются с неизбежным. Этому способствует налаженная система передачи агента от одной оперативной службы к другой. Агенту не приходится скучать ни в следственном изоляторе, ни в колонии. Там его (её) встречают «кумы», выражают своё искреннее сочувствие и предлагают существенную прибавку к тюремному рациону в виде посылок и передач (якобы из дома). «Кумы» собственноручно выдают сигареты, чай для заваривания чифирия, поднимающие тонус таблетки, а иногда и наркотики. Жить можно.

Первый Зоин срок пролетел, как один день. Исчез естественный страх перед неволей. Появился навык извлекать из осведомительской профессии личные выгоды.

На свободе Зою однажды пытались изнасиловать свои же уголовнички. Вне себя от страха, она выбросилась из окна четвёртого этажа. Переломы зажили, но отвращение к мужчинам осталось. Это не нравилось уголовникам, привыкшим видеть в женщине вещь. Но это не нравилось и «ментам», которые также привыкли видеть в женщине тот же предмет.

Но у неё была ещё и тщательно скрываемая ненависть к «ментам», которую испытывает (не может не испытывать) любой уголовник.

Этим уникальным взаимоотношениям трудно дать название. Это было что-то вроде брака по расчёту, когда ненависть нарастает с каждым годом. И в конце

концов страдающая сторона решается пойти на разрыв.

В агенты вербуют не только тех, кого можно склонить к этой работе, но также тех, кто просто хитёр и умён. Просчитав развитие событий своей жизни намного вперёд, Зоя поняла, что это невозможно — порвать со своими хозяевами и продолжать воровать. Даже если она уедет из Перми в любой другой город, рано или поздно её найдут, снова начнут принуждать к сотрудничеству и, если она откажется, накажут. Очень больно накажут. И она пришла к мысли, что нужно остаться в родном городе, с мамой, но порвать не только с осведомительской работой, но и с профессией карманницы.

Она покупает (в колонии, где отбывала последний срок) швейную машину, оверлок. Шьёт женские платья, продаёт их на рынке, подсчитывает выручку и с восторгом убеждается, что имеет ничуть не меньше денег, чем раньше.

«Это талантливый человек, — говорила мне о Зое её воспитательница. — У неё золотые руки». Если так, то вполне понятно, почему талант криминальный уступил место таланту красивой, честной работы. Но мы уже знаем, что Зоя была также талантливой осведомительницей. Она могла обойтись без своей преступной работы. Но в угрозыске не могли обойтись без неё...

Чем больше осведомителей сумел завербовать оперативный работник, тем он выше в глазах коллег и начальства. Это аксиома. Но чем талантливей сыщик тем меньше он зависим от негласной информации своих агентов. Это тоже аксиома. Но горе тем, кто попал в услужение к серости.

Без Зои были как без рук. Иначе зачем было приходиться прямо к ней домой и уговаривать, угрожать и снова уговаривать? Зоя наотрез отказывалась. Её трясло от одного вида визитёров. И в самом деле, сколько же нужно низости, чтобы превратить и без того грязную работу к тому же в принудительную?!

«Пожалеешь, но будет поздно»,— сказали ей. И через какое-то время Зоя была схвачена на рынке по подозрению в краже кошелька из большой хозяйственной сумки.

При задержании Зою спросили, сколько денег в её кошельке. «Рублей двадцать пять. Пятирублёвыми

купюрами», — ответила она. В кошельке оказалось 30 рублей. Кто из нас назвал бы с точностью до рубля — после совершения покупок — сколько у него наличности? Этот просчёт обошёлся ей дорого.

У Зои изъяли кошелёк, унесли в другую комнату и там (в её отсутствие, но в присутствии понятых и потерпевшей) выяснилось, что две или три купюры далеко не новых денег поразительным образом имеют очень близкие порядковые номера. Это был второй факт, как бы подтверждающий вину Адзяновой.

Третьим живым фактом стали свидетели кражи. Правда, ими были те, на кого раньше работала Зоя и кому она отказала в сотрудничестве, но суд не усмотрел в этом ничего странного.

Пять лет лишения свободы в колонии строгого режима!

Почему я поверил Зое? Прежде всего потому, что она по своей воле пошла на раскрытие своей тайной многолетней работы на «органы». Причём пошла, будучи не на воле, а в колонии. Она отлично сознавала, что её ждёт. Самое меньшее — всеобщее презрение, всеобщий бойкот. Самое большее — смерть от руки тех (или по их поручению), кого она сдала.

Зое верили даже те, кто, из-за одной только корпоративной солидарности, должны были отвернуться от неё — начальница отряда, в котором Зоя отбывала свой последний срок, и сотрудница оперативной части, с которой она была «на связи». Если они, изучавшие Зою годами, верили ей, почему не должен был поверить я?

Ходатайство перед Верховным Судом Российской Федерации, честное слово, хотелось написать совсем не официальным языком. Мол, будем мужчинами, подчинимся логике, а не тому, в чём пытаются убедить материалы дела. Ведь невооружённым глазом видно, что стопроцентной веры «ментам» (ну как можно считать таких солидными свидетелями?!) быть не может. А коли так, то чего ради Зоя должна отбывать весь срок?

Заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации сообщил, что оснований для пересмотра дела в порядке надзора не имеется...

1990 г.

ДВОЙНАЯ «РАСКРУТКА»

Начальник спецчасти симпатичная женщина, оглядев меня с ног до головы, процедила: «Одеть бы вас попроще. Не говорить, кто вы. Оформить кем-нибудь. Тогда бы вы всё поняли до тонкостей». С этими словами меня впустили в Березниковскую женскую колонию строгого режима.

Догорал сентябрь. Гражданки в телогрейках и белых косынках грелись возле барачков под последними тёплыми лучами солнца. Почти каждая — либо с сигаретой, либо с самокруткой.

Меня водили по зоне, как по зоопарку (всюду клетки-локалки), и рассказывали жуткие истории, которые рисуют вроде бы типический образ способной на всё зэчки-рецидивистки.

«Представляете, освобождается, берёт из детдома дочь и продолжает вести распутный образ жизни. За ночь принимает по семь мужиков. Дочь начинает возмущаться. Однажды утром мать подводит дочь к окну и говорит: «Посмотри на трамвай в последний раз». И сносит ей топором полчереп...»

«Они же, когда освобождаются, если и выходят снова замуж, то только за судимых. И вот она ему говорит: «Я твоих ублюдков кормить не буду». Одному ребёнку два года, другому — десять месяцев. Забывает их палкой, закапывает в подполье и продолжает спокойно жить в э т о м д о м е».

«Дети отцу говорят: «Не хочу, чтобы ты с этой тётёй жил. Она злая». «Тётя» это слышит. И сталкивает девочку с пятого этажа».

«А другая залила в рот ребёнку соляную кислоту».

По моей просьбе сопровождавшие иногда стояли в сторонке, и тогда я слышал от зэчек совсем другие истории.

«Впервые я украла, когда училась в третьем классе. Вытащила из сумки учительницы восемь рублей. Хотелось жвачки купить. Мать на жвачку денег не давала: говорила, что это вредно. Отчим меня колотил. Однажды я побежала на девятый этаж скидываться. Но меня соседи удержали. Я — к подруге. Босиком по снегу! Подруга говорит: «У меня есть знакомые проводники. Поехали куда-нибудь». Её тоже дома били, унижали... Вот и доездились...»

«Я впервые зашла в зону, когда мне было 13 лет. Это было спецпрофтехучилище. За что? В школе мы алюминиевыми пульками стреляли. И я покалечила глаз одному пацану. Отсидела четыре года, ну а дальше пошло-поехало».

«Первый раз я украла в десять лет. Украла игрушку. Не было у меня игрушек, понимаете! Мать лишили материнства. Я сутками ходила голодная. Познакомилась с блатными. С ними было веселей. С ними, думала, не пропаду!..»

«Меня мать стала подкладывать под мужчин, когда мне было 12 лет...»

Подавляющее большинство сидящих здесь женщин остались без родительского присмотра и прошли детские дома, спецшколы, спецпрофтехучилища, колонии для несовершеннолетних. И если внимательно проследить, от чего к чему шла та или иная рецидивистка, то в самом начале этого пути всегда можно найти тень мужчины. То ли это отчим. То ли какой-нибудь блатной покровитель. Цыганок (а их тут немало) мужчины открыто принуждают воровать.

«Ищи мужчину!» — говорил я себе, листая то или иное дело или беседа с женщиной в белой косынке. И не было случая, чтобы не находил.

— Что было до посадки? — переспросила Люда Носачёва. — Господи, ну что там могло быть интересного? Не хотела учиться. Родители надеялись, что одумаюсь. А если нет, то за счёт спорта поступлю куда-нибудь. Занималась лёгкой атлетикой, часто ездила на соревнования (объездила всю Среднюю Азию), прыгала в высоту. Уже выполнила норму кандидата в мастера спорта. Поездки по городам, без мамы и папы, гостиницы... И вот однажды встречаю одного человека. Ему 36 лет.

Почти вдвое старше меня. Первое время я его сторонилась. Слышала, что он вор. А потом стало льстить, что его боятся, что он имеет какой-то вес...

В этой колонии 1090 женщин, и только пятьдесят из них в возрасте до 30 лет. Не удивительно. Ведь женская колония строгого режима приравнивается к особорежимной мужской колонии. Здесь, как и там, содержатся только особо опасные рецидивисты. Многие из них (с перерывами) сидят по 15–20 и даже 40 лет. Среди пятидесяти молодых Люда Носачёва — самая

молодая. Особо опасная рецидивистка в 23 года. Рекорд!

— Мой друг и его компания... они казались мне сильными людьми, — продолжала Люда. — Для них всё было возможно. Не хамы, воспитанные, культурные. Не знаю, как сейчас, а тогда наша молодёжная среда стремилась жить в своё удовольствие. Ну а у «авторитетов» было самое главное для такой жизни — деньги, много денег. Подарки дорогие, прогулки на машине по вечернему Ташкенту, рестораны. Там моего друга знали и уважали. Он предлагал мне выйти за него замуж, но я боялась родителей. Они бы меня не поняли.

Потом я устала от его любви, развлечений и ничего больше не хотела. Он это почувствовал и предложил уколиться. Я согласилась. Ну и пошло-поехало. Когда он понял, что натворил, было уже поздно.

Потом его посадили за кражу...

Однажды у меня началась «ломка». Меня всю выкручивало. Родители не знали, что со мной делать. Куда они только не возили меня в ту ночь! Даже в роддом — заподозрили! Я кричала, плакала, просила отца помочь мне, но чем, я так и не могла сказать. Помню, отец спросил: «Может, ты сама знаешь, что тебе нужно?» Я так и не решилась сказать.

Денег дома я не брала, чувствовала, что все поймут. Торговать собой не могла, потому что очень противная в этом отношении. Решилась украсть, и вот результат!

Понимаете, без ханки я уже не могла жить. Один грамм стоил от тридцати до шестидесяти рублей. Кололась я ежедневно. Вот и считайте, сколько нужно было денег. Родители у меня зарабатывали неплохо. Отец — геолог, мать — бухгалтер. В основном брала деньги у них. Потом возникло привыкание к одной дозе. Нужно было увеличивать. Нет, я ни на кого не хочу сваливать. Я шла ко всему, что случилось, сама. И свою роль играла власть. Роль девахи, которой море по колено.

Я ещё не попала в колонию, но из рассказов «авторитетов» и женщин, которые там бывали, уже знала правила поведения в неволе. И самое главное правило: нельзя спускать никому! Ни другой ээчке, ни начальнику. Если унижают, нужно ответить. Мне внушали: если попадёшь туда, живи по законам, по которым

живут эски, а не по тем законам, которые диктует администрация. Только тогда тебя будут уважать...

— А говорят, что забота о сохранении своего престижа, своего статуса свойственна только осуждённым мужчинам.

— Не знаю, кто вам это сказал. Но это не так. Любому человеку далеко не всё равно, что о нём думают другие.

Итак, её посадили за кражу, которую она совершила из-за пристрастия к наркотикам, и отправили в женскую колонию в Ташауз (Туркменская ССР), где та же самая ханка открыто продавалась в зоне барыгами — лагерными спекулянтами.

«Там, на зоне, ханку можно было купить гораздо проще, чем на воле. Там всё продавалось и покупалось. За деньги в эту колонию можно было завести слона...»

В этой обстановке Люда Носачёва должна была исправиться. На это суд дал ей четыре года.

Вскоре в колонию прибыл из Иркутска большой этап. 300 новеньких готовились к тому, что местные будут гнуть их в дугу. Местные готовились к тому, чтобы не дать большой партии вновь прибывших установить свою власть. Не знаю, хотела ли Носачёва отличиться или это произошло случайно, только она первая подралась с иркутянкой Люсей. А потом женщины пошли друг на друга стенка на стенку. Администрация отлично знала, что может, произойти после прибытия крупного этапа, но ничего не сделала, чтобы предотвратить столкновение. Работники Ташаузской колонии предпочли обвинить во всём заключённых. Носачёва, её подруга Таня Самойлова и ещё несколько женщин были отданы под суд. Всем им добавили разные сроки, Носачёвой — три с половиной года, хотя драка обошлась без жертв. Судья вынес приговор и удалился из колонии. А осуждённые переносили всю свою обиду, ненависть, отчаяние на тех, кто вёз их в другую колонию, ко всем «ментам».

— Мне и Самойловой, — продолжала Носачёва, — и поставили на деле красную полосу. Ну, якобы мы опасные рецидивистки. И повезли на Ташкентскую пересылку. А во время этапа знаете, что происходит? То, что конвой материт ни за что ни про что, — это ладно. Могут под зад сапогом дать. В туалет идёшь — солдат

с тобой. Дверь рвёт на себя — заглядывает, что ты там делаешь. Предложения всякие... Начинаешь грубить — в ответ... Могут на оправку сутки не выводить!..

В Ташкентской пересыльной тюрьме их поместили в камеру, где вместо положенных шести заключённых было шестьдесят! Все курили. Нечем было дышать. Носачёва и Самойлова начали стучать в двери и требовать, чтобы открыли наглухо задренное окно. Им прыснули «черёмухой» прямо в лицо.

— Я никогда ничего подобного не испытывала. «Черёмуха» — это ужасно. Слезы текут ручьём. Глаза ломит. Кажется, что слепнешь и никогда больше не будешь видеть. Но надзоркам этого было мало. Они придумали самое страшное.

Всех других вывели на прогулку. А меня — якобы на шмон, на обыск — в штрафной изолятор. Там меня решили подстричь наголо. Сначала надзорки велели сделать это зку из хозобслуги, но тот отказался. И тогда они решили сделать это сами.

Я буквально обезумела, когда увидела, что они всерьёз хотят это сделать. Я бросилась к решке — к окну, которое выходило в прогулочный дворик, и закричала. Таня Самойлова меня поддержала. В знак протеста вскрыла себе вены. Но этим она себе только сделала хуже. Меня-то постригли полностью, наголо. А ей оставили полосы волос. Потом нас били связками ключей. Старались попасть по почкам. Снова применили «черёмуху»...

В Коксунскую колонию (это в Карагандинской области) Носачёва и Самойлова прибыли истерзанные морально и физически, полные ненависти к любому человеку, носящему погоны работника МВД. Пока они ехали в «зэк-вагоне», над ними всю дорогу насмехались осуждённые мужчины. Кричали им: «Коблухи!» Мужики знали по той, зоновской жизни, что так стрижется одна только категория женщин. Те, которые в условиях длительной половой изоляции приняли на себя роль мужчин. Но ещё невыносимей было, когда их обзывали «крысятницами». По неписаному лагерному закону наголо стригут (с молчаливого одобрения администрации) только тех, кто ворует из чужих тумбочек. Стригут показательно, перед всей колонией. Но не могли же Самойлова и Носачёва объяснять каждому

гогочущему болвану, что с ними произошло на самом деле. Они только огрызались и ещё больше ожесточались на весь белый свет.

Когда они прибыли в Коксун, на них ополчился отряд, куда их определили. Сто пятьдесят женщин окружили их, хотели избить: «Не надо нам крысятницы!» Девчонки отступили к окнам, разбили их, взяли в руки куски стёкол. Снова чуть не пролилась кровь. Снова чуть не раскрутились. Но толпа, видя такой, чисто зэковский дух новеньких, поверила, что они действительно не «крысятницы».

Напротив, ненависть сменилась уважением. Несколько молодых женщин составили компанию Носачёвой и Самойловой. И тоже сделали себе короткие стрижки.

А это уже не понравилось оперуполномоченным: «Коалицию создаёте! Панков изображаете! Вы у нас напанкуетесь!— зловеще говорите они подругам.— Долго не погуляете. Сломаем!» И велели ходить отмечаться на вахту каждые два часа. По ночам освещали Носачёву и Самойлову фонариками.

Листаю их лагерные дела.

«За нарушение формы одежды — была без косынки— лишить права приобретения продуктов питания сроком на один месяц». «Обнаружено нарушение формы одежды: ходит без косынки в расстёгнутой телогрейке». «Находясь на карцерном содержании, после отбоя хохотала во весь голос». «Отбывая меру наказания в ПКТ (помещение камерного типа, то есть тюрьма в колонии), лежала на полу».

Носачёву и Самойлову, что называется, пасли. Говоря нормальным языком, всячески придирались. Допускаемые ими нарушения формы одежды выдавались за проявления крайней испорченности и неисправимости. Особенным рвением по этой части отличались два офицера. Одного я назову так, как его звали женщины, — Рэкс. Другого — инициалом Л. Рэксу, дежурному помощнику начальника колонии (ДПНК), можно сказать, службой полагалось ходить со сдвинутыми бровями, крепко сжатыми челюстями и свирепым взглядом. Должны же эти нахальные зэчки хоть кого-нибудь бояться. И Рэкс добился своего. Его действительно боялись как огня. Боялись и ненавидели.

А другой — Л. — был простым начальником отряда, то есть воспитателем, которому полагалось находить к каждой заблудшей в социальных сумерках женской душе свой подход. Но у Л. было другое пристрастие. Он носил в кармане ножницы и отрезал у зэчек лишние карманы, чрезмерно большие или, наоборот, слишком короткие воротники. А укороченные или удлинённые юбки разрезал сверху донизу, и наказанным таким образом женщинам приходилось идти до своего барака под хохот граждан начальников, держа юбку двумя руками.

Однажды утром администрация начала так называемую «профилактическую работу». На территорию жилой зоны въехало несколько грузовых машин. Надзиратели вместе с солдатами стали потрошить тумбочки, бросая в машины всё недозванное. Вышитые пододеяльники (нельзя с вышивкой!), тёплые кофты, связанные из рейтузов (трудно без них на карагандинских пронизывающих ветрах, всё равно — не положено!), сверхнормативные гамаша (дозволена только одна пара на два года), лишние платья (ничего от вольных платьев в них не было, просто женщины, которые сидели годами, имели их больше, чем положено, — нельзя!).

Как явствует из приговора, основная вина Носачёвой заключалась в том, что она, возмущённая «профилактической работой», через пролом в заборе проникла в промышленную зону, рассказала женщинам, что делают с их вещами, и тем самым спровоцировала волнения.

Толпа женщин — числом около тысячи — собралась возле ворот и стала их раскачивать. Цепи не выдержали напора. И толпа растеклась по баракам. Каждая женщина хотела увидеть, что у неё изъяли. (Замечу попутно, что каких-либо недозванных предметов, вещей и прочего женщины не держали и не могли держать, зная, что обыск, то есть шмон, может начаться в любую минуту.) Каждая увидела, что изъяли даже то, что можно было не изымать. И тогда ручейки снова слились в клокочущую толпу.

Недавно назначенный начальник колонии вышел навстречу толпе. Это говорит о его личном мужестве. Но также и о том, что толпа не теряла над собой контроля.

Может быть, гражданин начальник выслушал не совсем ласковые речи, но его никто пальцем не тронул. И это понятно: никому неохота распрощаться с надеждами на условно-досрочное освобождение, получить новый срок и отсиживать его, как говорится, до звонка.

Начальник, надо думать, отлично это понимал.

И, судя по его последующим действиям, не только не видел ничего угрожающего, но и решил, что толпу можно обуздать. Не утихомирить, не убедить, а именно обуздать. И начал раздавать наказания штрафным изолятором (по 15 суток) тем женщинам, которые были в передних рядах.

Всё, наверное, обошлось бы обыкновенным бабьим ором, но Рэкс испугался толпы. Многие офицеры стояли перед толпой и никого не трогали. Но как только Рэкс побежал, сработал, видимо, инстинкт преследования. Гражданки в белых косынках бросились за ним.

Его не догнали. Он выскочил за зону. Но толпа уже была раскалена. Кто-то бросил клич пойти и освободить только что посаженных в штрафной изолятор. Нет, клич бросила не Носачёва и не Самойлова. Даже в тексте приговора нет прямых указаний на то, что именно они направили толпу осуждённых на штрафной изолятор, что именно они требовали у надзирателей ключи, что именно им были отданы ключи и что именно они освободили штрафников.

— Заключённых и администрацию столкнул взаимный страх,— объясняла мне Носачёва.— Администрация боялась, что сейчас начнётся погром. А мы боялись (и нам этим прямо пригрозили), что сейчас в зону въедут пожарные машины и войдут солдаты с дубинками.

Напрасно искал я в тексте приговора слова о том, что кого-то убили, покалечили, кому-то нанесли тяжкие телесные повреждения. Ничего такого не произошло, и это убедительно говорит о том, что толпа донельзя возмущённых женщин не проявила слепого насилия. Напротив, когда группа женщин ограбила лагерный ларёк, другие осуждённые тут же это пресекли и передали (слыханное ли дело!) тех, кто ограбил ларёк, в руки администрации.

В приговоре говорится, что Носачёва вместе с Самойловой и другими пятью женщинами якобы сломали решётки ПКТ и ШИЗО. Любому человеку, даже ни разу не видевшему эти решётки, должно быть ясно, что их невозможно сломать и десятку тяжелоатлетов. Да, не исключено, что именно они, Носачёва и Самойлова, были среди тех, кто разбил окна в ШИЗО, кто порвал одежду на начальнике отряда Д., кто бросал в офицеров камни. Но кто был свидетелем на суде? Прежде всего те, чьи действия вызвали волнения!

Отметим — это важно. Ни Носачёва, ни её подруга Таня Самойлова не были самыми активными участницами беспорядков. Но было в них нечто такое, что существенно выделяло их среди активных. Если те просто не любили людей в погонах МВД, то Носачёва и Самойлова люто их ненавидели. И мы уже знаем, что у них было для такой ненависти достаточно оснований.

Разумеется, в приговоре суда ни о Рэксе, ни о любителе разрезать женские юбки не было ни слова.

А действия Носачёвой и Самойловой объяснялись однозначно — стремлением во что бы то ни стало уйти из этой колонии. С дополнительным лагерным сроком?! Какой же была для них жизнь в этой колонии, что они готовы были на такую «перемену судьбы»?

Но судьи не утруждали себя подобными размышлениями. В действиях подсудимых они видели то, что привыкли видеть, — злостное противодействие администрации. Недопустимое ни по каким причинам. Неоправданное ни при каких условиях. По давно установившейся логике, осуждённый обязан беспрекословно подчиняться любым требованиям администрации и не имеет права ни на какой протест. Ни на индивидуальный, ни тем более — на коллективный.

Я показал приговор заместителю начальника областного управления МВД по оперативно-режимной работе.

— По существу, осудили тех, кто пришёл из другой колонии, — сказал он, — Это бросается в глаза. И это можно понять. Ведь за подобные волнения с нас, работников МВД, тоже спрашивают. Поэтому легче оправдаться тем, что беспорядки спровоцировали новенькие, «не наши».

Я показал приговор генерал-майору МВД, начальнику одного из управлений. «Тут всё однозначно, — сказал он твёрдо, — это преступление породила сама администрация.

Иные считают, что осуждённые лишены всех человеческих прав. Что хочу, то и ворочу. Недовольство накапливалось. И вот — взрыв».

Я задал Люде вопрос, который не давал мне покоя.

— Почему ты заявила, что была активной участницей беспорядков?

— Меня и прокурор об этом спрашивал,— грустно улыбнулась Люда — Неужели, говорил, тебе не хочется освободиться? А мне было всё равно. Мне было плохо в Коксуне. Эти отметки на вахте через каждые два часа. Эти ножницы Л. Мат Рэкса. Мне казалось: пусть где-нибудь будет ещё хуже, но надо уйти. А уйти можно было, только получив ещё один срок. Дура была ужасная! Опомнилась, поняла, что произошло, только после суда. Этот семилетний срок просто раздавил меня. Помню, сидела в карцере следственного изолятора. А там прорвало канализацию. Запахи ужасные. Холод. Стояла зима. Я объявила голодовку. Помню, надзорка глянет в глазок, откроет кормушку и процедит: «Да подыхай ты тут, сука!» Я достала из гольфа кусочек зеркала, посмотрела ещё раз, во что превратилась, и вскрыла себе вены сразу на обеих руках. Я не хотела больше жить.

Люда закатала рукава рубашки и показала мне страшные шрамы.

— Сколько же было наложено швов?

— Шесть внешних и четыре внутренних — на одной руке. На другой — три внешних и пять внутренних. Дело в том, что, когда мне наложили швы, я снова сорвала их. Я говорю серьёзно — мне не хотелось жить,

Потом ей снова наложили швы и... оставили в том же вонючем, холодном, грязном карцере. Даже привыкшие, казалось бы, ко всему тюремные врачи настаивали «поднять девочку в тюремную больницу», но оперуполномоченные и надзирательницы были против. Люду оставили в карцере, исходя из обычного в подобных случаях соображения: пойдёшь на уступку одной — этим воспользуются другие. Нет, никаких послаблений!

Её руки опухли и почернели, но оперуполномоченные стояли на своём. Тогда Самойлова тоже объявила

голодовку. И все другие обитатели следственного изолятора начали барабанить в двери. По существу, назревал бунт. Только тогда оперуполномоченные были вынуждены дать разрешение на перевод Носачёвой в общую камеру. Там она, прочту я в одном из документов, подшитых в её лагерном деле, выпила 40—50 граммов медного купороса. Спасти её удалось только чудом...

— Послушай, Люда, — сказал я. — А есть ли у тебя инстинкт самосохранения?

— Я не знаю, что это такое. Я несколько раз пыталась покончить с собой. И я не понимаю здешнего, зоновского, смысла инстинкта самосохранения. Какой ценой я должна сохраниться и добиваться досрочного освобождения? Я знаю только одно: меня и в этой, Березниковской колонии могли бы судить за какую-нибудь драку. Бабы-зэчки дерутся чаще, чем мужики...

— Когда меня привезли сюда, в Березники, я попросила назначить мне лечение, так как чувствовала, что нервная система полностью расшатана. Врач посмотрел мою карточку, где были отмечены неоднократные попытки к самоубийству, пообещал назначить лечение, но... Через несколько месяцев я почувствовала себя совсем скверно. Всё раздражало, даже громко сказанные фразы, совсем не касающиеся меня. После срывов тянуло спать, тело становилось ватным. Я опять обратилась за помощью к врачам, но мне сказали, что моё состояние объясняется просто: наркоманка! Я сказала, что давно уже не колюсь, хотя имела такую возможность. Меня не слышали...

Куратор (сотрудница колонии, временно выполняющая функции воспитателя) Люды поставила ей после первой беседы свой «диагноз»: «Осуждённая внешне спокойная. Жизнь на свободе для неё в тягость. В местах лишения свободы чувствует себя вполне удовлетворительно и другой жизни для себя не представляет».

— Откуда этот дикий вывод? — спросил я Люду.

— Я решила проверить, как у куратора с чувством юмора. Она взяла и записала в тетрадку мои слова.

От себя куратор вывела: «Над самовоспитанием не работает. Рекомендовано воспитывать у себя честность».

Тетрадки с записями о проведённых беседах остаются в колониях вместе с личными делами освобождённых заключённых и хранятся пять лет. Будь моя воля, я хранил бы их вечно...

Обнаружена с нарушением формы одежды: без косынки, в гамахах. (Мужские кальсоны разрешались, гамаши — ни в коем случае.) Объявлен выговор.

За нарушение формы одежды — была без косынки — лишить права приобретения продуктов питания на один месяц.

Обнаружена контролёрами возле 5-го отряда с нарушением формы одежды: без косынки, в расстёгнутой телогрейке...

Систематически нарушает режим содержания. За июнь 1987 года семь (!) раз была наказана за нарушение формы одежды.

Шесть рапортов за косыночки, три за чулочки.

И можно было отправлять в пэкэтэ — помещение камерного типа. Система нарушений называлась. Сейчас эту систему, слава Богу, отменили.

Условия содержания в наших колониях (женские — не исключение) — это ежедневная, ежечасная, ежеминутная психологическая пытка, моральное истязание. Из-за косыночек, гамашей и чулочек Носачёва систематически лишалась права на приобретение продуктов в ларьке и вынуждена была поддерживать жизненные силы путём недозволенной связи с волей, требующей изворотливости и постоянного нервного напряжения. Ведь эту связь персонал пытается установить силами «наиболее сознательных осуждённых».

— В августе опять был срыв. Я кинулась на председателя совета коллектива Брусницыну. После второй смены я ужинала не в столовой, а в жилой секции. Она привязалась: не положено! В глазах у меня побелело, шум в голове. Что было потом, не помню. Но мне до сих пор стыдно, что я ударила женщину, которая была вдвое старше меня.

Дали мне для начала 15 суток штрафного изолятора и посадили в одиночку, в камеру, где повесилась молодая девчонка. Её подвергли унижительному обыску, даже, говорили, применили силу, когда она не позволила надзоркам осматривать её без гинеколога.

Мне было страшно. Я попросила, чтобы меня перевели

в общую камеру и сказала: что если не переведут, тоже повешусь. Перевели.

Потом меня решили посадить на шесть месяцев в пэкэтэ. Сама администрация права не имеет. Приехал суд. Начали задавать вопросы.

— Вы хоть понимаете, что вы конченный человек?

— Смотря для кого.

— Даём вам шесть месяцев пэкэтэ.

— Спасибо.

Бумаги были уже готовы. Оставалось только расписаться. Никто не сказал: шесть месяцев — не многовато ли? Об адвокате вообще не говорят в таких случаях. Суд есть, адвоката нет. Считается нормой.

Утром — ломтик хлеба, соль, кипяток. В обед — ломтик хлеба, соль, суп без картошки. Вечером — ломтик хлеба, соль, кипяток. Радио молчит. Одна книга на неделю. Во время обысков отбирали всё. Даже второй комплект нижнего белья. Даже газеты, так как ими можно было затыкать щели.

Однажды ДПНК (дежурный помощник начальника колонии) пришёл делать подъём. Надзорка не успела нас разбудить. Мы со Светкой Приходько (через месяц её ко мне посадили) вскочили, спросонок не успели понять, что к чему. За то, что не поздоровались с ним, получили по рапорту. Чуть ли не покушение на его личность.

Разве мог он понять, что можно сойти с ума от бессонных ночей, холода и голода. В камере 12—13 градусов, пар изо рта, по стенам — иней, к обеду на них вода выступает. А когда отключают отопление, что часто бывает, женщины плачут от холода. Постели к вечеру до того сырые, что все предпочитают уснуть на голых нарах, так как переодеться утром не во что. Ложась спать, отогреваешь тело дыханием и засыпаешь только под утро, впадая в беспамятство. ПКТ превращает людей в скотов. Стирка запрещена. Женщина теряет себя...

Камера маленькая. Ходить — разве что по столу. Ноги опухают. А сколько молодых девчонок болеют после ПКТ туберкулёзом, женскими болезнями!

Через шесть месяцев Брусницына встретила меня, привела в отряд, включила радио и заплакала. С её слов, ей стало жалко меня. Я долго слушала. Потом сказала, что я её не виню. Что сделаешь, если система такая — натравливают нас друг на друга.

А потом в колонию пришёл заседатель того суда.

— Вы Люда Носачёва? Я вас сразу узнал. Мне было вас так жалко. Шесть месяцев — это ужасно. Но что я мог? Я — пешка. Но я очень переживал за вас.

— Спасибо,— сказала я — Не стоило так переживать. Это могло отразиться на вашем здоровье. У меня всё прекрасно. Как видите, шесть месяцев пошли мне на пользу.

Работа в колонии — это участь, преодолеть которую дано не каждому. Все они там за одной решёткой — заключённые, и тюремщики тоже. Только одних туда направляет суд, а другие идут добровольно. Одни остаются ночевать, а другие спят дома. Сознаю, что отождествление грубое, но всё же в нём что-то есть. Недаром психологи установили, что после десяти лет работы речь, мышление и некоторые взгляды работников колонии необратимо обедняются, примитивизируются. А состояние психики приобретает характер хронического заболевания. После 10 лет работы нужно менять профессию. Как раз тогда, когда появились большие звёзды на погонах... Какая может быть отставка?! Что за блажь?!

После 10 лет работы только и приходит настоящий опыт. Но как уберечь от очерствления душу, чтобы опыт этот не был употреблён во зло? Пока что работники колоний каждодневно растлеваются инструкциями, обязывающими их запрещать, отбирать, не верить, не слышать, видеть в заключённом только худшее. А святую свою обязанность — услышать искреннее и наболеевшее, увидеть лучшее, спасти падшего — это исполнить дано только тем, кто игнорирует некоторые инструкции, вступая по этому поводу в постоянные конфликты с коллегами и начальством.

Люде Носачёвой повезло. После выхода из ПКТ она попала именно к такой воспитательнице — капитану Огурцовой Тамаре Алексеевне.

С июля 1988 года в тетрадке стали появляться совсем другие записи: «Не уверена, что может выйти на свободу раньше срока. Живёт одним днём, не имея в жизни никакой цели».

Этот простой и точный вывод относился не только к Носачёвой. Так живут все неоднократницы (судимые неоднократно) на строгом режиме. Больше того, так

живут многие первосудимки и на общем режиме. В отличие от мужчин, мало кто из них читает, занимается самообразованием и каким-нибудь рукоделием. Это дело психологов — объяснить, что испытывают женщины в неволе, что там с ними происходит. Ясно, что многое — иначе, чем у мужчин. Но условия-то содержания и меры воспитания одинаковые! Вот ведь в чём штука!

Залог досрочного освобождения заключён в самом осуждённом, в его поведении. В его надежде на то, что кто-то будет за него хлопотать, кто-то за него поручится. Эту веру в себя Тамара Алексеевна вызвала повседневным вниманием к Люде и некоторыми очень человеческими проявлениями. «Когда я увидела, что она плачет из-за моих нарушений,— говорила Люда,— я даже кирзовые сапоги перестала «терять». А до этого специально оставляла их где-нибудь, чтобы ходить в тапочках, не портить ноги».

Ещё одна запись Т. А. Огурцовой: «Встретила Носачёву по дороге из санчасти. Плачет. Говорит: мучают головные боли, до обеда простояла в очереди на приём к врачу, но его вызвали на партбюро. Призналась, что нет сил возмущаться. Что ей в трудную минуту нужно немного внимания и участия, чтобы прийти в себя. Беззащитная, беспомощная девочка. И вся её грубость — напускная...»

— Мне кажется, что я никогда не жила там, на свободе. Семь лет! Я забыла квартиру, лица родных. Я стараюсь вообще не думать о свободе,— говорила Люда, когда наша беседа подходила к концу.

В эти минуты я уже знал, что буду делать дальше. Просить судебные инстанции внимательно разобраться в её деле. Она достаточно заплатила за своё первое преступление. Она с лихвой ответила за второе. И ещё большим поплатилась за третье.

Почему же она должна продолжать сидеть под замком? Только потому, что судьи не жалели сроков неволи? Кому это сегодня нужно? Ей? Обществу? Нет, я в этом абсолютно убеждён, сегодня это не нужно никому. А если так, то дальнейшее пребывание Нессачевой в неволе — бессмысленная жестокость.

— Люда виновата — это бесспорно и для неё самой,— говорила мне Тамара Алексеевна Огурцова.— Но с неё довольно. Ещё четыре года — это гибель

И добавила слова, которые нечасто услышишь от работника МВД:

— Это, можно сказать, моя мечта,— чтобы Носачёва освободилась.

Спустя полгода президиум Карагандинского областного суда постановил удовлетворить протест в отношении Носачёвой, Ягудиной и Самойловой. Исключить из приговора указание о признании их особо опасными рецидивистками, перевести всех троих в колонии общего режима. Снизить всем троим меру наказания. Ягудиной и Самойловой, как более старшим, до 3 лет лишения свободы, Носачёвой, учитывая её молодость, до 2 лет 6 месяцев.

Этот срок истекал у Люды 27 марта 1990 года. Ей оставалось быть в заключении ещё три месяца и пройти ещё ряд испытаний.

«Начальница спецчасти (та самая, симпатичная.— В. Е.) вызывает, даёт расписаться в получении приговора и спрашивает: «Ну, как себя чувствуешь? С чистой душой уезжаешь?» Я сразу не поняла. А она говорит, что мне далеко до Маголы, у которой она куратор. Магола положительная, а я эгоистка. Что она заглянула в мою душонку. Так и сказала — в душонку! Я держусь, говорю: «В чём вы меня обвиняете?» Она: «Ведь это вы с Самойловой заварили кашу в Коксуне!»

«Беспорядки,— писала в редакцию бывшая осуждённая Елена В.,— были спровоцированы не только администрацией, но и долгосрочниками, недовольными ужесточением режима. Воспользовались горячностью, неопытностью Носачёвой и Самойловой, а сами остались в стороне».

Остались не все. Ну а те, кого привлекли к ответственности, в частности, осуждённая Наталья Магола, договорились «валить всю вину на Самойлову и Носачёву». Записка, подтверждающая этот сговор, попадает в руки следователя, о ней узнаёт Носачёва, но ей говорят: «Это не документ».

«За что вы решили всё свалить на нас? — спрашивала потом Маголу Люда.— Что мы вам плохого сделали?..»

Сейчас, спустя три с половиной года, она так объяснила мне действия Маголы.

«Это на свободе они — жены, матери, дочери, бабушки. Добрые, отзывчивые. А тут они хитрые, мстительные,

завистливые, готовые в любой момент толкнуть в пропасть... Я стараюсь их понять. Ведь кто-то когда-то разорил их гнёзда, отнял детей, даже грудных, предал чувства, лишил любви, влез в душу грязными руками. Отсюда и вытекает: пусть и другим будет плохо, пусть всем будет плохо — не мне одной!»

Я так ответила начальнице спецчасти: «Ну как мог кто-нибудь за нами, новенькими и молодыми, пойти? Это презрение ко мне — за что? Разве по моей вине Маголе и другим не сократили сроки? Разве я их дела разбирала? А может быть, всё-таки карагандинским судьям было виднее?» Начальница смотрит на меня ненавидящим взглядом и цедит: «Теперь всё понятно мне». Тут меня замкнуло. «Послушайте,— говорю,— может быть, мне отказаться от этого приговора? Давайте, я проявлю арестантскую солидарность и досижу до конца». Она: «Ты же знаешь, что это невозможно». Я: «А если бы было возможно, вы бы мне это устроили, правда? До чего же некрасиво себя ведёте, начальница, кошмар! Оставьте меня в покое. Никого не жалею и хочу думать только о себе. Я устала. Хочу к маме и папе. А вас ненавижу!»

Вечером лежу, плачу. Вдруг появляется Магола. Я испугалась. Начальница спецчасти столько наговорила, что я в самом деле начала испытывать что-то вроде вины. Хотя если вспомнить прошлое, то это мне надо было чувствовать себя жертвой. Я говорю Маголе: «Наташа, скажи прямо, держишь на меня обиду?» Она: «Ты что? Не расстраивайся! Мне обещали, что за меня администрация будет писать». Я говорю: «Пойми меня правильно. Я сказала, что мне все безразличны. Но это не так, начальница просто вывела меня из себя». Магола говорит: «Я тебя понимаю».

В другие времена, после столь резкого диалога с начальницей, Людю, как минимум, отправили бы в штрафной изолятор. Ныне — обошлось. И её повезли из Березников в Пермскую колонию общего режима. Здесь ей предстояло не только досидеть срок, но и показать, как не права была начальница в своих подозрениях.

Последняя воспитательница Людю майор Галина Алексеевна Березовская записала в известной нам тетрадке: «Проведена ознакомительная беседа. В колониях провела семь лет, но на речи и поведении это не сказалось. После освобождения Носачёвой предлагает

работу созданная в Москве служба помощи заключённым. По договорённости с администрацией колонии оставшиеся 40 дней Носачёва будет беседовать с женщинами, ранее отбывавшими наказание в подростковых колониях. Ей разрешено пользоваться диктофоном. К поручению относится добросовестно. Сначала была поставлена дневальной в лаборатории, где работают психологи. Отказалась от этой работы, просила направить её на швейную фабрику. Личность неординарная. Если ей получить образование, она вполне может стать специалистом по проблемам женской преступности».

Обычно освобождающиеся выходят утром. Люда Носачёва написала заявление, чтобы её выпустили в полночь 27 марта 1990 года. Она не могла находиться сверх назначенного законом срока ни одной минуты.

«Раньше я часто задавала себе вопрос,— писала мне из колонии Люда,— что ждёт меня там, на свободе? И всегда приходила к тому, что если когда-нибудь мне будет плохо, очень плохо и не найдётся хоть один человек, который понял бы меня, я не могу гарантировать, что я вновь не начну колотиться. «Стальная царица» опасна именно в такие моменты. Но я не хочу больше. Мне даже страшно подумать. Нет, нет! Не хочу!»

«Она вернётся!» — сказал начальник Березниковской колонии Парфёнов. «Выйдет в марте, вернётся в мае!» — ещё безапелляционнее заявил, полистав её дело, вышестоящий начальник Парфёнова.

Вот уже четыре года, как не возвращается Люда. Работает парикмахером. Вышла замуж. Иногда звоню ей и осторожно спрашиваю про «стальную царицу». «С этим всё нормально»,— говорит Люда.

Ну и слава Богу.

1990 г.

ПАНЕЛЬ

Из письма в редакцию: «Я — артистка. Объездила полмира. И могу сравнивать, как с этим у них и как — у нас. Мы заходили ради интереса в специальные магазины. И поразились не ассортименту, а особому вниманию к особым нуждам людей. Сколько в каждой стране безруких, безногих, горбатых, косоглазых,

которых никто не любит. Но самый страшный урод остаётся человеком со всеми его потребностями. Когда он лишён этого, он не просто ещё больше несчастен. Он зол на весь мир. И способен причинить на этой почве зло.

Ещё больше в любой стране импотентов. А они не менее несчастны и не менее злы. В страхе, что у них ничего не получится в добровольном контакте, они нападают на тех, кто не даст им отпора. На девочек и мальчиков. Но и с ними у них ничего не получается. И тогда они принуждают их к самому извращённому непотребству.

Продукты утоляют голод. Товары из таких магазинов помогают удовлетворить ещё более сильный голод — сексуальный. В бывшей ГДР после концертов для нас обычно устраивали банкеты. И подвыпившие генералы прямо говорили, что все конфликты среди солдат (дедовщина, межнациональная рознь) — на почве острейшего сексуального голода. Почему они делали такой вывод? Да потому, что ничего подобного не видели в «братских армиях», в той же восточногерманской, где солдатам разрешалось посещать публичные дома.

Вы можете думать обо мне всё, что угодно, но лично я считаю, что большую часть насильственных преступлений наша молодёжь совершает на почве не находящей выхода сексуальной энергии. Мы разрешили продавать среди бела дня то, что во всём цивилизованном мире продаётся только ночью — порнографию. Мы организовали свободный от всякой регламентации показ порнографических видеофильмов. Я сужу по себе. У меня дочь восемнадцати лет. Но когда мне случается посмотреть такой фильм, я какое-то время не нахожу себе места. Что же испытывают подростки?! Когда дочь идёт куда-нибудь вечером, я схожу с ума. Господи, сколько ребят в таком возбуждении бродят по Москве!

При Сталине считалось, что Запад разлагается, почти смердит, а наша страна — образец морального здоровья. Но как это делалось! Из жизни было убрано всё, что возбуждало. Над всем (и над этим тоже) существовал тоталитарный надзор. Даже в кинокартине артист целовал артистку куда-то в подбородок.

Да, и в те времена хватало блудников и блудниц. Берия, как известно, без женщин в баню не ходил. Но

основную часть общества нельзя было назвать сексуально озабоченной. А следовательно, не требовалось и клапана для выпуска известного напора. А сейчас? Дразнит всё: книги, фильмы, видео, порнография, поведение девчонок. А клапана нет!

18-летний мальчишка ещё не имеет ни законченного образования, ни специальности, позволяющей содержать семью. А он берёт и женится. Вроде бы по любви. А на самом деле только потому, что ему каждый день нужна женщина. Насладится, утолит голод, приобретёт сексуальный опыт, и молодая жена с большим животом ему больше не нужна. Потянуло к другим. Сколько у нас безобразно ранних браков! Сколько разводов! Сколько детей, оставшихся без отцов, которые стали отцами, будучи, в сущности, тоже почти детьми! А всё из-за чего? Из-за нашего ханжества!

Почему наши деды женились, когда им было минимум за тридцать? Потому что только к этому возрасту они созревали для женитьбы с серьёзными намерениями. А до этого мужикам надо было нагуляться. Такова уж их природа. Плохая ли, хорошая — не будем говорить. Женщина создана природой, чтобы вить гнездо и любить одного мужчину. Мужчину тянет то к одной женщине, то к другой. И в этом тоже знак природы: осеменить, чтобы племя человеческое росло, а не сокращалось.

Пусть же этот атавистический признак и применяется по отношению к тем женщинам, которым он нравится. Большинству нужна добродетельная жизнь. А кого-то сама природа создала блудницами. Осуждайте их сколько угодно. Но согласитесь, что в их поведении и образе жизни есть и польза.

Мой дед не скрывал, что посещал до женитьбы дома свиданий. Бывали там и многие наши писатели. В скольких произведениях отец сталкивается с сыном в публичном доме. Эти посещения не считались позорными ни для какого гражданина, каким бы ни было его общественное положение. Двойная мораль? Ну а что ж поделаешь...

Я знаю, что и меня одни (мужчины) поддерживают, а другие (женщины) осудят. Это ли важно? Важно, чтобы невинные девочки не становились жертвами ограничений в области секса. Важно, чтобы на этой почве не происходило дальнейшее вырождение нации...»

Ну, а теперь давайте разбираться. Тема древняя, трудная, а если учесть нравственное состояние общества, и правда архиактуальная. Надо всем миром решать, что делать. И прежде всего выбрать, какое из зол наименьшее: массовый разврат или регламентированная проституция.

Только однажды в истории человечества беспорядочное совокупление считалось нормальным явлением — в глубокой древности, когда жёны были общими, а дети принадлежали всему племени. Бесстыдное половое сожитие встречалось и в более поздние времена. «В любви, — говорила эскимоска русскому миссионеру, — мы поступаем так же, как морские выдры». У индейцев апачей до выхода замуж девушка могла отдаваться, кому хотела. В Никарагуа был ежегодный праздник: женщины имели право дарить себя всякому, кто им нравился.

А что царит сегодня во многих наших городах, посёлках и деревнях! Лет в 12—13 жизнь девочек превращается в кошмар. «Никто на свете не сможет нам доказать, что пацаны способны на что-то другое, кроме как трахаться, трахаться и трахаться», — пишут они в молодёжную газету. Бесконечные приставания часто заканчиваются групповым насилием. Сознывая эту неизбежность, наиболее симпатичные отдаются кому-то одному, способному защитить их от стадного секса. Остальные становятся общими.

Это тоже беспорядочное половое сожитие. Но более дикарское, чем в древности. Ибо это сожитие принудительное, насильственное. И, естественно, — разврат (прежде всего со стороны мальчишек и подростков) порождает понятный спрос. А когда такого рода спрос становится обыденным явлением, то таким же обыденным становится и предложение. Где-то я читал, что в словаре кафров вообще не было слова, выражающего понятия девственности. Кажется, нас ждёт то же самое.

Во все времена считалось аксиомой, что именно проституция возбуждает в обществе разврат. Но у нас-то сия профессия была поставлена в ряд преступлений. Что же развивало разврат? Лично я понял это, когда жил одно время за шестидесятой параллелью (в городе нефтяников и газовиков) и принял однажды приглашение дружинников совершить ночной рейд по

женскому общежитию. В каждой комнате было минимум четыре и максимум восемь коек и на каждой койке — по парочке. Кое-где менялись партнёрами. Кое-где даже не гасили света.

Попадались, конечно, комнаты, где какая-нибудь новенькая спала пока одна. Стойкость эта была, как правило, недолгой. От парней ещё можно было отбиться. Куда сильнее влияли соседки по койкам. «Да хватит тебе ломаться. Лучше нас хочешь быть?!»

Город был небольшой. Но в нём, как в миниатюрной модели, можно было видеть, что происходило на необъятных просторах Казахстана во время освоения целинных земель, что творилось на БАМе и других ударных комсомольских стройках... Система, создавая в интересах социального хозяйства скопления бессемейной молодёжи, как бы программировала распушенность, разврат и проституцию. Причём и то, и другое, и третье было вроде бы под запретом и в то же время — совершенно легальным...

Все советские исследователи буржуазной проституции указывали на особое влияние войн и экономических кризисов. Но теперь-то нам известно, что по этой части равных нам нет. И едва ли скоро мы уступим пальму первенства.

Года три назад мне пришло такое письмо! «Я учусь в одном из институтов Омска, мне 18 лет. Пусть меня назовут неблагодарной, но я предпочла бы высоким лозунгам нормальную человеческую жизнь. А то, что мы имеем, это не жизнь. Родители не в состоянии дать мне больше 50 рублей в месяц. А стипендия, сами знаете,— одни слёзы. Вот и приходится «подрабатывать». Называйте меня, как угодно: моральным уродом, проституткой, только задумайтесь, а кто виноват, что такие, как я, не могут свести концы с концами? Я имею полное право распоряжаться своим телом. А имеют ли право чинуши распоряжаться судьбами людей?!»

Статистика начала 20-го столетия показывает, что среди так называемых секретных проституток того времени были преподавательницы, продавщицы, учащиеся различных учебных заведений, вышедшие из беднейших классов населения. Но можно ли сравнивать тогдашние и сегодняшние масштабы обнищания страны. И это обнищание будет неизбежно и стремительно нарастать. А стало быть, будет расти и рекрутирование в проституцию.

При капитализме, известное дело, деньги не пахнут. В том числе и те, что заработаны телом. Как и в других странах (раньше это бывало в России) появятся женщины, которые станут зарабатывать (иногда по согласованию с женихом) средства для того, чтобы обеспечить себе безбедную семейную жизнь.

Если мы станем действительно свободным обществом, то неизбежно будем вынуждены разрешить и свободу проституции как разновидность свободы личности и такого же ремесла, как и все прочие. А поэтому не будет лишним поближе рассмотреть особенности женщин этой профессии.

«Прошу считать меня выбывшей из проституток в связи с тем, что я выхожу замуж». Это заявление на имя директора Астраханского публичного дома написано представительницей самой немногочисленной категории — одной из тех, кто не создан для порочной жизни, кто находит в себе силы выбраться из грязи. Остальные деградируют необратимо.

Специалисты утверждают, что нормально возбуждаемая женщина не смогла бы долго вести жизнь проститутки, была бы психически быстро сломлена. И потому жрицы любви якобы безразличны к ласкам своих партнёров и только изображают взаимную страсть. Если это так, то много ли радости от такой работы? А когда работа в тягость, то она вызывает желание забыться. В кутежах. В наркотиках.

Но к этой ненормальности добавляется другая. Едва ли испытывающие удовольствие от своего ремесла, проститутки всякий другой труд ненавидят ещё больше. И в этом смысле ничем не отличаются от преступниц.

Они так же тщеславны, постоянно соревнуясь в том, кто из них дороже стоит. Так же ненавидят друг друга. Так же истеричны, драчливы и жестоки.

Но самое опасное то, что работа проститутки требует организации: менеджера в лице бандерши или сутенёра, соучастников в лице барменов, официантов, метрдотелей, таксистов, владельцев квартир и домов. И потому проституцию можно считать разновидностью организованной преступности.

Говорят, что сутенёры — те немногие мужчины, к которым проститутки всё же испытывают какую-то страсть. Но известна также и особая жестокость сутенёров. Избавиться от своего деспота проститутка

может только одним способом — найти более сильного покровителя. Сталкивая двух мужчин, она провоцирует жестокую, с увечьями драку или даже убийство. С учётом всех этих особенностей проституция, повторяю, есть не что иное, как специфическая форма женской преступности.

Где труд, там эксплуатация труда. Но есть особый класс наиболее талантливых проституток, на которых это правило не распространялось никогда. Это те, кого в древности называли гетерами. Они знали языки, могли вести беседы на философские темы, недурно разбирались в политике. Никто не мог бросить им обвинение, что они завоевали таких-то (как правило, выдающихся) мужчин исключительно ради денег или тщеславия.

С гетерами во все времена было негусто. Но они были нужны для удовлетворения чьего-то мужского тщеславия. (Берия, говорят, появлялся на людях только с одной из своих любовниц — известной оперной певицей.) Они не давали профессии сделаться презренной до последней степени.

Историки называют имена гетер только после их смерти. Не будем и мы изменять этому правилу. Одну разновидность знают все — это интердевочки. Но были (и наверняка остаются) и другие. Это тайные агентки разведслужб (работающие с иностранцами) и тайные агентки контрразведки (как правило, жёны наших же офицеров), «работающие» с сослуживцами своих мужей. До недавнего времени существовала и особая категория супершлюх, которые поставляли девочек (в том числе несовершеннолетних девственниц) для высокопоставленных партийных боссов.

В истории каждой страны беспутные правители сменялись добродетельными. Одни поощряли проституцию (первые роскошно обставленные публичные дома появились у нас при императрице Елизавете Петровне). Другие принимались искоренять (Николай I запретил проституцию специальным указом). Какие только не придумывались наказания. Самым либеральным было расселение по пригородам и деревням. (Нечто подобное было и в нашей новейшей истории.) Брили волосы и намазывали головы дёгтем. Секли принародно розгами. Однажды утопили в Луаре аж восемьсот следовавших

за войском дешёвых солдатских шлях. Безрезультатно!

Тогда решили наказывать опозорением. Предписывали носить жёлтое платье и красную обувь. Но и эти меры приводили к противоположному результату. Проституция переходила на нелегальное положение. Дома терпимости создавались в местах публичного общения людей. В тавернах, ресторанах, гостиницах и даже булочных.

Любому государству приходится выбирать между проституцией, которая приводит к непредсказуемому распространению разврата (и венерических заболеваний), и регламентацией разврата путём организации специального полицейского надзора, создания публичных домов с обязательной регистрацией проститутток, регулярным (обычно два раза в неделю) медицинским осмотром.

Но и это решение не приносит полного успеха. Шлюхи и сутенёры не хотят делиться с государством своими доходами. Тайная проституция продолжает существовать, неизменно превосходя легальную, в некоторых странах почти десятикратно. Врачебный контроль не достигает цели. Легальные проститутки заражают клиентов в два раза чаще, чем тайные. Статистические исследования подвергаются беззастенчивой манипуляции — как противниками, так и сторонниками регулируемого разврата.

«Уничтожьте пролетариат,—писал профессор Тарковский,—распустите армии, сделайте образование доступным в более короткий срок, дайте возможность вступать в брак всем желающим, гарантируйте им спокойствие в семейной жизни и убедите всех жить нравственно, честно, по закону христианскому и тогда... и тогда — всё-таки будет существовать проституция». Так как, по мнению автора, причина её — врождённая порочность человека, с которой нужно бороться, но одержать полную победу — невозможно.

1992 г.

ТЮРЕМНАЯ ЛЮБОВЬ

К решётке штрафного изолятора подошла женщина по фамилии Берсеева. Рыдая, она умоляла повлиять на администрацию, чтобы её перевели в соседнюю камеру,

где находилась её мужеподобная подруга Фёдорова. Разумеется, я не мог взять на себя роль ходатая. Тогда Фёдорова вскрыла себе вены. Ей наложили швы, она сорвала их и пригоршнями бросала густеющую

кровь на стены камеры...

Чехов советовал: «Если хочешь писать о женщинах, то поневоле должен писать о любви». Вот и я тоже — поневоле должен. Только писать придётся о той любви от которой не бывает детей.

Персонал считает, что бисексуальные пары составляют примерно половину контингента. Арестантки признавались, что настоящая цифра намного выше.

— Если раньше ширмовались — завешивали койку одеялом, то теперь никто не скрывает своих отношений, — говорила старушка с 40-летним зэковским стажем — Раньше женщина, выполнявшая роль мужчины, относилась к своей половине с нежностью. Делала самую тяжёлую работу, была в семье добытчицей. И не дай Бог, бывало, если кто-нибудь обидит! А теперь — как на воле. «Он» не любит её, а только использует. Она «его» обстирывает, подкармливает. А «он» ведёт себя как барин. Раньше «мужчинами» становились те, кому сама природа велела. А теперь... В ларёк идут вместе. А потом «он» берёт и все продукты обменивает на теофедрин.

«Муж» заставляет «жену» доставать чай для приготовления чифиря. Если не достанет, колотит. Редко у какой пары складываются глубокие отношения. У «мужиков» всё сводится к своему «я». В большинстве своём это самые настоящие альфонсы. «Он» узнаёт, что какая-нибудь женщина скоро получит посылку, и идёт к ней. Посылка кончилась — уходит к другой, которая ожидает посылку.

Почему женщина добровольно идёт в это рабство?

А это лучше, чем быть одинокой, никому не нужной. На свободе разве не так? Ну и нужно учитывать что других взаимоотношений наши женщины на свободе не имели. Чего хорошего они видели от своих мужиков.

Примерно половина женщин начали однополое сожитительство в колонии для несовершеннолетних. Их сразу видно. У многих наколоты женские имена.

— Это имена страдалок-влюблешек, — объяснила мне Ира Г. — Девчоночью дружбу так и называют, влюблёшки, страдалки, половинки. Парочки ходят вместе

в кино, пишут друг другу любовные записки, целуются по углам. Пацаны (девчонки, которые исполняют роль парней) стараются изменить походку, делают мужскую стрижку. Пацаны носят красные гребешки, а девчонки бантики завязывают. Та, которая страдает, обязательно носит бирочку (нагрудная нашивка с фамилией) своей страдалки.

И потому сразу видно, кто с кем страдает.

Те, кто не поддался соблазну или насилию на малолетке (есть немало свидетельств, подтверждающих, что сожителство протекает там в некоторых случаях после физического принуждения), не выстаивают позже. В особенности, если впереди большой срок,

— Я ехала с малолетки на взрослую зону и понравилась одной женщине. Она была очень похожа на мужчину, красивая,— продолжала Ирина Г.— Она всячески пыталась меня завлечь. Я ночами не спала: и страшно было, и хотелось. Однажды чувствую: она лежит рядом и осыпает меня ласками. Она, конечно, добила своего. Я отдалась. Относилась она ко мне хорошо. Я была для неё, как ребёнок. Я была с ней долго, около четырёх месяцев. Потом очень тяжело было расставаться. Казалось, что без неё я уже не проживу. Может быть, это покажется диким, но я полюбила. Она так преподнесла постель, что мужчина, будь он хоть Алан Делон, мне был бы не нужен. После этого мне стала необходимой эта жизнь. Мы ведь здесь ограничены в ласке. Хочется какого-то расслабления.

— Я работаю в колонии больше десяти лет, — говорила мне одна воспитательница.— Умом смирилась с этим безобразием, а душой не принимаю. «Вам не понять — вы не любили»,— оправдываются женщины. Меня от таких шуточек мутит. С отвращением ожидаю какое-нибудь мероприятие. Показываем, например, фильм «Интердевочка», чтобы потом провести диспут. Вот, мол, как нехорошо заниматься проституцией. Но потом я должна отблагодарить их за то, что они провели дискуссию, устроить для них танцы. Иначе в следующий раз мероприятие будет сорвано. И вот они начинают шоркаться. Это их слово, не моё. Такие объятия, такие поцелуи, так тискают друг дружку — это надо видеть. Ну а потом — по углам. А руки-то не у всех чистые... У семидесяти процентов осуждённых женщин — грибковые заболевания...

«Гомосекс (так здесь называют лесбийскую любовь) — страшная вещь». Эти слова я слышал от многих старых арестанток. И это в самом деле так. Девчонка (молодая женщина) совершает пустячное или случайное, единственное в своей жизни преступление, но, втянутая в гомосекс, перерождается психологически, совершает на почве «любви» новые преступления.

Мне рассказывали десятки историй о «любовных треугольниках» и невероятно циничных и жестоких способах мести за «измену». В одном случае «он» использовал во время близости вьетнамский бальзам, от которого слабая половина осатанела от боли. В другом случае изменщица была насильственно пострижена и привязана к мусорному ящику.

Ради сохранения «любви» молодая и красивая женщина (она, а не «он» чаще всего проявляет верность) идёт на любые нарушения режима. Чтобы «ублажать мужа», ворует на лагерном производстве пошивочный материал, продаёт его, чтобы купить чай или теофедрин. Если партнёршу сажают в штрафной изолятор, другая половина готовится встретить её хорошим угощением и принятием какого-нибудь наркотика.

Если партнёрша попадает в помещение камерного типа (ПКТ) на шесть месяцев, половина не выдерживает длительной разлуки. И совершенно сознательно идёт на серьёзное нарушение режима, только бы тоже попасть в ПКТ. Её, естественно, сажают в другую камеру. И тогда партнёрши идут на всё, требуя, чтобы их соединили. Режут себя, глотают ложки, вскрывают Бены, покушаются на самоубийство.

К одной женщине приехал взрослый сын, которого она не видела с тех пор, как сдала в детский дом. Администрация не знала, что делать. Эта женщина уже использовала своё право на одно трёхсуточное свидание в год на сожительницу, которую ухитрилась вписать в личное дело под видом родственницы.

Некоторым парам, у которых сложились «глубокие отношения», жизнь в зоне становится невыносимой. Там они не имеют полной свободы для своей «любви». Их разводят по разным отрядам. С них не спускают глаз надзиратели и осведомительницы из числа арестанток. Если хотя бы у одной (у «него») впереди большой срок, они обе идут на то, чтобы провести эти годы в тюрьме: совершают хулиганское нападение на

персонал, поджигают общежитие, покушаются на убийство какой-нибудь арестантки.

Если то или иное преступление, совершённое несовершеннолетней девчонкой (молодой женщиной) было случайным эпизодом в её жизни, то заражение женским гомосексом делает её психику неисправимо преступной. Развивается половая психопатия, истеричность, патологическое сладострастие, жестокость, атрофия материнского инстинкта, ненависть к нормальным женщинам, вызванная мыслью, что им доступны здоровые наслаждения. Лесбиянка уже не испытывает потребности начать нормальную жизнь. Даже стремление к свободе уже не имеет для неё прежней остроты.

Заражённая женским гомосексом и на свободе живёт только с такой же женщиной. Перспектива снова попасть в колонию не очень пугает ни ту, ни другую. Поэтому они легко идут на новые преступления.

В некоторых колониях администрация, устав бороться, махнула рукой: делайте, что хотите, только выполняйте план. Давно подмечено: самые передовые бригады — те, где все разбились по стабильным парам.

Но сверху требуют бескомпромиссной борьбы, не отдавая отчёта, в том, что другим своим концом эта борьба бьёт по тем, кто её ведёт. Стремление захватить парочку во время «лямура» превращается в навязчивую страсть. Даже те, кто этой страсти не поддаётся, признают, что стали очень подозрительными, усматривая в обычных проявлениях нормального общения признаки сожительства. Постоянное муссирование темы лесбиянства вызывает у некоторых воспитательниц известный интерес, который немедленно подмечается опытными «сердцеедками», которые, подобно донжуанам, ведут счёт своим «победам». Едва ли не в каждой колонии могут припомнить как минимум один факт соращения какой-нибудь сотрудницы. Не застрахованы от подобных ЧП и колонии для несовершеннолетних. Там тоже в роли «соблазнителя» выступают девчонки с мужским типом лица.

Ни одно негативное явление жизни осуждённых нельзя ликвидировать по приказу, репрессиями. Его можно только видоизменить. Трудно застать парочку на месте любви. И потому ведётся борьба с внешними признаками, которыми стараются себя выделить женщины, выполняющие роль мужчин.

Они укорачивают юбки, чтобы ходить в одних рейтузах, которые без юбки выглядят как брюки. Пытаются — с помощью косметики — придать лицу чисто мужские черты. Причёска у них, как правило, одного фасона — чёлкой. Они страшно стыдятся своего бюста и крепко перетягивают его, добиваясь почти полного высыхания грудных желез.

В некоторых колониях нарушением режима считается обычное совместное чаепитие. Однохлёбки (две совместно питающиеся женщины) автоматически расцениваются как бисексуальная пара. Заикленный на «борьбе» персонал перестаёт сознавать, что есть и другие мотивы общения — потребность в дружбе, взаимной поддержке.

Мужчина довольно легко живёт в неволе в одиночку. Женщине это не по силам. Она обязательно найдёт для себя однохлёбку. А следовательно, обязательно попадает под подозрение. И поэтому рассуждает так: «Даже если я буду чистой, мне всё равно не поверят. Так лучше уж я буду иметь свои маленькие радости!»

Арестантки отличаются от арестантов и более развитой солидарностью. Мне приходилось выслушать немало историй, когда одна подруга (просто подруга) для того, чтобы поддержать другую, режет себя, вскрывает вены. Подобных примеров в мужских колониях почти нет. Но проявления тюремного товарищества опять-таки расценивается как свидетельство того, что «между ними что-то есть».

Преследование не столько самого лесбиянства, сколько его внешних признаков, которые часто бывают обманчивыми, привело к тому, что с каждым годом становится всё больше взаимщиц, выполняющих женские и мужские функции попеременно. Подобные связи не требуют каких-то внешних отличительных признаков. И потому непонятно, как будет вестись борьба с этим новым явлением.

Тем, кто пишет инструкции для работников женских колоний, не мешало бы знать, что они организуют борьбу, в которой невозможно одержать победу. В любом скучении существ одного пола неизбежно возникает явление однополого сожительства. Даже в больших птичниках, при недостатке в петухах, одна из куриц берёт на себя мужскую роль.

1990 г.

ПРЕСТУПНАЯ ЖЕНЩИНА

Если бы Ломброзо изучал наших сегодняшних заключённых, он никогда не разработал бы своей теории В особенности, если бы посетил женские колонии общего режима, где характерные признаки (сильно развитая нижняя челюсть, искривлённый или приплюснутый нос, лобные бугры, петлистые уши, косоглазие, западающий подбородок, выдающиеся скулы) можно наблюдать только в виде исключения.

Особенно обманчива внешность мошенниц. Им бы за учительским столом стоять. Или вести приём избирателей. «Депутатка, что ль?» — спросила старушка сына, деревенского мужика, разглядывая фотографию полученную из колонии.

Однажды мне показали С.— активную участницу изнасилования. «Пьяная была,— объясняла она, опустив глаза,— Ребята попросили помочь. Ну, я и помогла». «С. пыталась вводить половой член Л. во влагалище Щ. Закрывала ей рот руками, чтобы она не кричала»,— прочёл я в приговоре и вспомнил, кого напоминает насильница из сибирского села. Миловидную актрису, играющую положительных героинь.

Многие лица в этой колонии потрясают не только страшной печатью низких страстей и неженских лишений. Многие лица излучают такую волю, решимость и незаурядность внутреннего содержания, что буквально просятся на полотно. Вглядевшись в эти лица, укрепляешься в мысли, что многим из этих женщин природа назначала другую роль, другую судьбу.

В Березниковской колонии мне подарили кипу цветных фотографий. На них запечатлены участницы смотра художественной самодеятельности. Они поют танцуют, играют на баяне, на пианино... Кто ни разглядывает, никто не догадывается, что на снимках — особо опасные рецидивистки.

Представляю, что происходит после концертов. Смыв косметику, сняв красивые вольные платья и надев чёрные сарафаны, чёрные сапоги и чёрные ватники, женщины на глазах превращаются в тех, кем они являются по приговору суда. И теперь их уже ни с кем не спутаешь. Гаснут глаза, мрачнеют взгляды, перекашиваются лица. Ломброзо был бы доволен.

При нашем тюремном населении и том количестве людей, которое пропущено через колонии за последние три десятилетия (около 30 миллионов!), просто удивительно, что мы до сих пор не включили в официальную статистику среднюю продолжительность жизни заключённых. Восполнить этот пробел и я не берусь. Могу только сказать, что женщины с поразительной выносливостью переносят лишения неволи. Имея по десять и более судимостей, проводя в заключении до 40–45 лет, они, вероятно, занимают первое место в мире по продолжительности жизни за решёткой.

Есть несколько объяснений этой живучести. Криминологи начала века отмечали у преступных женщин слабо развитую чувствительность к физической боли. (По их наблюдениям, мужчины во время удаления зубов гораздо чаще падали в обморок, чем женщины.) И на этом основании приходили к мысли о такой же слабо развитой чувствительности женщины к нравственным страданиям.

Современные криминологи объясняют короткий арестантский век преступника-мужчины его стремлением показать своё «я», добиться признания своей личности в жестоких столкновениях с соперниками. Женщина, по их мнению, не так амбициозна и потому имеет больше шансов умереть своей смертью в отпущенные природой сроки.

Добавлю к этому, что преступная женщина проявляет больше безразличия не только к своему статусу в уголовной среде. Одна молодая арестантка, участница лагерного бунта, проспала всё судебное разбирательство и только в тюремной машине поинтересовалась, сколько же лет ей добавили.

Подмечено, что женщины меньше, чем мужчины, боятся водворения в штрафной изолятор, а некоторые даже стремятся туда попасть, только бы не работать. Легче перенося физическую боль, они точно так же легче переносят муки голода и холода.

В беседах то и дело приходилось слышать «я сделала нарушение» (режима содержания) или «я сделала преступление». В этом «сделала», прочно вошедшем в лагерный лексикон зэчек, выражается, как мне кажется, та лёгкость, с которой они переступают либо требования режима, либо норму закона. У старых арестанток эта лёгкость распространяется даже на перспективу освобождения. «Ваши планы на будущее?» — спрашивал я их.

«Немного задержаться на свободе»,— отвечали они.

Своеобразной валютой на чёрном колониальском рынке является теофедрин — сосудорасширяющее средство, предназначенное для астматиков. Определённая доза этого лекарства вызывает приятное возбуждение, ощущение довольства жизнью. Упаковка теофедрина стоит всего 17 копеек. Его проще пронести в зону. И никакой уголовной ответственности. Это же не наркотик, а обыкновенное лекарство.

Но бед от него едва ли меньше. Беременные женщины отдают за пачку теофедрина дневную порцию молока (один стакан). Женщины, поражённые туберкулёзом, отдают своё «диетпитание». Привыкшие к теофедрину, меняют на него продуктовые посылки. На теофедрине делают бизнес одни (те, кто его приносит в зону, и кто перепродаёт — лагерные спекулянты-барыги) и теряют здоровье другие.

В девчоночьей малолетке другая разменная монета — сигареты. 18-летняя барыга рассказывала мне: «Курс обмена такой. Шерстяные носки или тапочки стоят десять сигарет. Плавки, майки, простые носки (что-нибудь одно) — две сигареты. Посылка — пачка, а иногда и полпачки».

Женщина живёт за решёткой долго, но разрушается быстро. Особенно если часто сидит в следственных и штрафных изоляторах, в пересыльных тюрьмах, где роскошью является обыкновенный свежий воздух. В женских колониях упорно ходит легенда, что идея наглухо заделать и без того крохотные оконца в изоляторах и тюрьмах тоже принадлежит женщине (входившей в важную комиссию по изучению условий содержания), которая решила, что камеры можно вообще не проветривать. Почти все находящиеся в изоляторах курят, следовательно, все 24 часа в сутки дышат никотиновым смрадом.

Разрушение женщины начинается с зубов. Шамкают или же стыдливо прикрывают беззубый рот даже некоторые тридцатилетние. К одной совсем молодой девчонке, рассказывали мне, долго не приезжали родители. Когда она подошла к ним, они её не узнали.

Наших арестанток можно разделить на две основные категории. Сохранившие материнские инстинкты и

утратившие их. Первые, как правило, женственны, насколько это возможно в условиях наших колоний. Вторые антропологически очень похожи на мужчин. Если согласиться, что существует врождённая предрасположенность к совершению преступлений, то её можно распознать прежде всего по этому признаку.

Женская рецидивная преступность стала особенно заметно прирастать у нас в 70–80-х годах. Примерно на один процент в год. Неизбежное следствие кампании по ужесточению режима содержания. Доходило до того, что было запрещено женское нижнее бельё, включая бюстгалтеры, гамаши, ночные сорочки. Женщины просили родных прислать им то, что разрешено: мужские рубашки, кальсоны. Были запрещены также все косметические средства, завивка волос.

В лагерном доме ребёнка провели эксперимент. Предложили детям назвать ту или иную игрушку. И дети «называли». Петушка — зайчиком, зайчика — мишкой. Объясняется это не дебильностью, как считают многие, а прежде всего тем, что матери общаются с детьми не больше часа в сутки. В некоторых колониях матерей наказывают за ту или иную провинность штрафным изолятором, что также лишает их возможности регулярно общаться с детьми. Своими глазами видел, как молодая мать подошла к манежу, где вяло играли дети, и устало-равнодушно уставилась на свою дочь. А девочка исподлобья смотрела на свою мать...

В некоторых поступках испорченные неволей арестантки становятся больше мужчинами, чем сами мужчины. Драка в мужской колонии — редкость. Если один зэк пригрозит другому ножом, тот может спать спокойно. Угрозы, конечно, иногда приводятся в исполнение. Но это не правило, а исключение. Прежде чем пустить в ход нож, зэк прикинет, стоит ли получать за это дополнительный срок. Если же арестантка предупреждает, что у неё «нерв оголился», лучше оставить её в покое. Если она пригрозила, что наденет табуретку на голову, то будьте уверены, наденет. Работники колоний говорят, что и групповые драки между женщинами случаются гораздо чаще, чем между мужчинами. Причём арестантки помимо заточек пускают в ход, что попадает под руку: лезвия, стекло...

Неудивительно, что каждое десятое умышленное убийство совершается у нас теперь женщиной. Заметно выросла и женская насильственная преступность.

Во все времена преступления женщин считались более жестокими, чем мужские. И сейчас в каждой колонии вам обязательно расскажут несколько леденящих кровь историй. Внимательно выслушав, я шёл в спецчасть и просил сказать, сколько в колонии убийц. «Четыре», — сказали мне в колонии общего режима. «Чуть больше 6 процентов», — сказали в колонии строгого режима.

После этого я спокойнее выслушивал рассказы о том, что творят женщины в неволе. Как, затаив обиду, плескают (из кружки) мочу в лицо надзирателю, открывающему кормушку. Как нападают на такую же зэчку, только бы получить дополнительный срок и перевестись из колонии в тюрьму. Всё было верно в этих рассказах. Но они не убеждали в какой-то особенной жестокости арестанток. После полного уравнивания с мужчинами, стоит ли удивляться, что более тонкая нервная система женщины не выдерживает и импульсивно реагирует на малейшее раздражение.

Следователи, которые имеют дело с опытными преступниками, не перестают удивляться одной особенностью. Там, где мужчина, убедившись, что его запирательство бессмысленно, просит бумагу и ручку, женщина с поразительным упрямством продолжает мучить следователя новыми увёртками.

Такое поведение можно объяснить слабо развитой логикой мышления (которая, как известно, не терпит противоречий) и несомненным действием самовнушения. Эмоционально настаивая на своей версии, преступная женщина начинает, как в самогипнозе, видеть в своём вымысле действительную картину преступления.

Некоторые криминологи считают, что женщины лгут инстинктивно, будучи даже невиновными. Корни этого порока, считают они, следует искать в том, что природа, лишив женщину физической силы, компенсировала её хитростью, притворством, в чём в общем-то нет ничего страшного, но только до тех пор, пока женщина не переступает закон.

Разбираясь в этой особенности, я пришёл к неожиданной мысли. Ведь точно так же ведёт себя большинство несовершеннолетних преступников. С той лишь разницей, что их легче склонить к чистосердечному признанию или взятию на себя чужого преступления.

и это вполне объяснимо, если учесть, что настоящий мужской характер у них ещё не сформировался.

Но я иду дальше и вспоминаю, что примерно так же ведёт себя значительная часть мужчин, не избежавшая, как видно, пресловутой феминизации.

Около трети преступлений, совершаемых у нас женщинами, составляют карманные кражи. Причём квалификация карманниц чаще всего такова, что потерпевшие даже не замечают, что их обобрали. Процесс кражи видят только работники уголовного розыска, ведущие охоту за воровками, и их показаний, как правило, достаточно для того, чтобы суд признал схваченную виновницей. Но карманница требует очной ставки с потерпевшей и очень натурально возмущается: «А ты меня видела? Ах, нет! Так как же я могла украсть, если меня не было рядом?»

Похоже ведут себя квартирные воровки. Если им не удаётся унести краденое, они не считают себя виновными. Ни перед потерпевшими, ни перед правосудием. Женщина имеющая за плечами множество краж, жаловалась мне: «Выходит, взятое мной пальто дороже жизни, которую я здесь гроблю?»

Мошенницы (по численности они стоят на третьем месте после карманниц и воровок), напротив, поражают запутанностью своих преступлений. Что-то всегда остаётся невыясненным не только следствием, но и судом.

Самыми бесхитростными считаются женщины, осуждённые за убийства своих мужей и любовников на почве ревности. Чаще всего они категорически отказываются обсуждать, что с ними произошло, в то время как другие женщины на разные лады вспоминают свои преступления, словно их совершение доставляло им какое-то удовольствие, не обнаруживая даже намёка на раскаяние.

«Совесьь женщины,— читаем мы у Прудона,— тем слабее чем развит меньше её ум. Её нравственность представляет собой нечто особенное, и представление её о добре и зле настолько отличается от соответственного понимания их мужчиной, что в сравнении с ним она является как бы существом безнравственным».

Чистосердечное признание считается у нас показателем того что обвиняемый раскаивается в содеянном и потому является не потерянным для общества. Большинство совершаемых преступлений — групповые, стало

быть, обвиняемый не может проявить своё раскаяние, не выдав других участников преступления. С одной стороны, выдача подельников — положительный поступок. С другой стороны — проявление предательства, то есть безнравственности.

Женщины чаще мужчин выдают соучастниц своих преступлений (но не соучастников!) И делают это без особых мук совести. Чем это объяснить? Менее жестокими санкциями за предательство? Большой безнравственностью, о которой писал Прудон? Или, напротив, большей нравственностью? Кто знает. Но, вероятно, не случайно в древнекитайской письменности коварство изображалось тремя женскими фигурками.

Можно предположить, что собственный провал вызывает в душе преступницы лютую злобу на более удачливых соучастниц. Почему я одна должна мучиться — отвечать за то, что сделано вместе? Примерно такова логика мышления преступной женщины. И этого ей достаточно, чтобы отпустить себе грех предательства.

«У нас в основном сидят дочки генералов и министров. Ну, а интердевочек вообще пруд пруди, каждая вторая». Этот иронический вывод работников колоний говорит о том, что все преступницы мелкотщеславны. Как и преступники-мужчины, добавил бы я. С той лишь разницей, что одни хвастают несуществующими высокопоставленными родственниками, а другие — ещё и тем, как хитро водили за нос милицию, как шикарно жили, какими красотками обладали.

В повседневности мелкое тщеславие женщины проявляется, как известно, в стремлении хорошо одеться, украсить себя драгоценностями. Одежда играет для неё — в борьбе за мужчин — более важную роль, чем физическая красота, по той простой причине, что она рассматривает одежду как часть тела (женщина считает себя красивой, если она хорошо одета,—писал Стендаль) или, по крайней мере, как важнейшее дополнение к телу. Стоит ли удивляться, что многие девочки-подростки совершают первые кражи, бессильные противиться искушению надеть на себя то, что не по карману их родителям. Но как пытаются исправить их в колонии? Одевают во всё чёрное, старящее, уродующее. То есть ещё больше разжигают страсть к недоступной одежде.

Раньше меня удивляло, зачем начальниц отрядов обязывают приходить в колонию только в военной форме создающей, как мне казалось, непреодолимую преграду между отрядницей и её подопечными.

— Знаете — сказала мне Галина Березовская, — я тоже раньше так считала, пока не заметила, что, когда я приходила в каком-нибудь красивом платье, мои женщины начинали как-то неприязненно на меня поглядывать. Видимо, по их самолюбию бил контраст между тем как одета я и как — они. Всё встало на свои места, когда в 1983 году нам категорически запретили приходить в гражданском. Сделано это было совсем из других соображений. Но результат оказался положительным. Мои отношения с женщинами наладились. Когда мне присвоили звание майора, женщины сказали что одна большая звёздочка мне идёт больше, чем четыре маленьких «Но она выдаёт мой возраст», — сказала я. «Ничего, вы ещё хоть куда», — утешили меня женщины.

Если бы во всех колониях работали такие начальницы отрядов! Если бы их больше было среди работников следственных изоляторов, пересыльных тюрем! Зная, какое значение имеет для девочек внешность, там довольно часто применяют в качестве дополнительного наказания стрижку наголо. Уличить в этом очень трудно. Малолетки не имеют обыкновения жаловаться прокурорам по надзору. Но что с того, если даже пожалуются? Стрижку всегда можно объяснить как профилактику вшивости.

«Как повлияла на вас работа в женской колонии?» — спросил я одного гражданина начальника, человека для своей профессии почти интеллигентного.

Он грустно посмотрел на меня: «Женщинам не уступаю дорогу».

В тех колониях, где я побывал, половина начальниц отрядов — разведённые и оставшиеся незамужними. «Некогда заниматься личной жизнью». Важно уточнить, что и первый брак у них распался потому, что им приходилось буквально пропадать в колонии.

Мне говорили, что арестантки лучше относятся к тем начальницам, у которых не сложилась личная жизнь. Но взаимно ли это чувство?

«Можно удержаться на одном уровне добра, но никому ещё не удавалось удержаться на одном уровне зла». Так, кажется, говорил один из героев Честертона. Вот и работникам женских колоний тоже не удаётся. Воздействуя на своих подопечных, они не могут не испытывать обратного воздействия. Тем, кто уже не может удержаться на уровне добра, надо немедленно менять работу. Ибо, если верить Конфуцию, нет на свете ничего, что более портит других, чем женщина.

Есть психологи, которые считают, что женщинам вообще не следует доверять работу, связанную с воздействием на людей, по той причине, что главным недостатком женского характера является несправедливость.

Те же психологи отмечают органическое чувство произвольной неприязни, испытываемое женщинами друг к другу, основанное на постоянном соперничании в красоте, кокетстве, хитрости и т. п., что также может мешать установлению нормальных отношений.

Некоторые наши женские колонии похожи на экспериментальные (хотя таковыми не являются), поскольку в одних (среднеазиатских и украинских) начальниками отрядов являются в основном мужчины, а в российских, наоборот, почти исключительно женщины. Трудно сказать, где лучше идут дела. Вероятно, везде есть свои плюсы и свои минусы.

Арестантки болезненно и бурно реагируют на любые замечания, в особенности высказанные в резкой или оскорбительной форме. Первая реакция чисто женская — слёзы, истерический плач. Зрелище невыносимое для всякого нормального мужчины.

Мы уже говорили о способности арестанток верить в собственную, часто повторяемую ложь. К этому можно добавить, что в силу недостаточной образованности они вообще склонны верить во всё неправдоподобное и покоряться мужской магии. Нигде у нас нет столько поклонниц Кашпировского и Чумака, как в женских колониях.

«Рецидивистки — потрясающе наблюдательны, — говорил мне уже упоминавшийся мной начальник, — они, как хищные кошки, следят за каждым движением, словом, улавливают слабину и начинают на ней играть. Однажды я написал на одну женщину рапорт — наделала много брака. Она возьми и выпей стакан сильного раствора хлорки. Естественно, я после этого её за километр обходил». Пытаясь воздействовать на мужской

персонал таким образом, женщины порой жестоко расплачиваются за это. В особенности, если их протест против несправедливого обращения принимает форму членовредительства. Знаю случай, когда арестантка перерезала себе сухожилие и теперь живёт с трясушей головой.

Шарль Фурье описал 600 нормальных человеческих характеров. Если допустить, что криминальных примерно столько же, то можно представить, сколь непосильна была бы задача описать каждый в отдельности, но если кто-нибудь за это возьмётся, окажет сотрудникам колоний неоценимую услугу.

А в общем-то не всё так мрачно и грустно, как кажется на первый взгляд. Суть характера преступной женщины хорошо выразили сами арестантки: «Мы можем последнее украсть и последнее отдать».

Знаю случай. Женщина отдала французское бельё (которое носила тайком) подруге, чтобы та обменяла на леденцы для своего ребёнка. Она же, освобождаясь вырвала щипцами золотую коронку, чтобы купить у барыги чаю, заварить чифирь, угостить отряд, оставить о себе хорошую память.

Знаю случаи, когда женщины, выплачивающие большие иски, отдавали последние копейки на лечение смертельно больных детей за рубежом.

«Я хоть и подонок, но тоже советский человек!»,— сказала мне зечка с тридцатилетним лагерным стажем. В этой фразе выразилось ещё одно отличие заключённых-женщин от заключённых-мужчин. Женщины не такие враги системы. И всё же...

«Никто у нас не живёт честно. Просто на воле живут те, кто не попался. Не верю я в ваш свободный мир, верю в преступный мир!» Эти слова старой зечки вспомнились мне, когда я наблюдал посещение одной колонии православным священником. Батюшка кое-как прочитал свою проповедь. Видимо, волновался. Потом подал руку для целования. -Выстроилась очередь И, к своему изумлению, я увидел в веренице женщин два восточных лица. Не знаю, что сказали бы про своих единоверок мусульмане-мужчины. Мне же вспомнились чьи-то слова: «Женщина может любить Бога, в то время как мужчина способен только бояться его!»

Эта сценка сказала ещё раз о сострадательности женщин и их интернационализме, которого там, в зонах, кажется, больше, чем по нашу сторону колючей проволоки.

Эта сцена сказала и о том, что самой испорченной рецидивистке необходимо духовное руководство, возможность открыть свою преступную душу, получить отпущение грехов, которого ей не дожидаться от общества.

Можно предположить, что самой падшей требуется обыкновенное мужское сочувствие, поддержка, а может быть, и более сильное чувство. Преступные женщины составляют в общей массе заключённых не такую уж большую долю. Их так немного, что можно было бы всех до единой раздать на поруки. Но кто их отдаст? И кто их возьмёт?

Если листая уголовное дело, узнаёшь, сколько зла и несчастий принёс людям преступник, а познакомившись с ним, обнаруживаешь, что он умён, начитан, рассудителен, то поневоле задаёшь себе вопрос: «А что же побудило его пойти на это?»

Да, большинство осуждённых совершило то, в чём их обвиняли. Но при этом не следует забывать, что они не виновны ни в чём, кроме того, что родились от таких-то родителей, в такое-то время, в таком-то обществе.

Если на то пошло, то вместе с сумасбродной девчонкой нужно сажать в колонию её беспутную мать. Её неизвестного или самодурственного отца. Сажать в колонию кризисы, в которых почти непрерывно пребывает наше общество и которые лишают людей полноценной, здоровой жизни. Нужно сажать вместе с этой девчонкой тех, кто не прописал её по месту прежнего жительства. Кто не принял на работу. Кто в колонии беспочвенно подозревает её в порочных наклонностях, провоцирует на грубость, подводит к «раскрутке». И, наконец, сажать тех, кто на воле вопит о «беспределе гуманности», поощряя репрессивные методы перевоспитания.

О том, что «мы разводим слишком много гуманности», кричали ещё во времена сахалинской каторги, когда порка кнутом была заменена поркой розгами. «В ужасе каторгу надо держать. В ужасе!» — говаривали царские тюремщики. Что с тех пор изменилось?

Ничего, кроме того, что преступников стало в десятки раз больше.

«Я тебе царь и Бог!» — орали когда-то смотрители тюрем. «Я здесь советская власть!» — орали в колониях современные да- вильщики.

«Арестант, — писал Достоевский, — сам знает, что он арестант, отверженец, и знает своё место перед начальником, но никакими клеймами, никакими кандалами не заставишь забыть его, что он человек. А так как он действительно человек, то, следовательно, и надо с ним обращаться по-человечески. Боже мой! Да ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ обращение может очеловечить даже такого, на котором давно уже потускнел образ божий».

Заключённому требуется сознание законности осуждения и справедливости обращения с ним. В противном случае он считает, что он ничем не хуже тех, кто взялся его наказывать и перевоспитывать. И это в самом деле так, потому что жёсткие правила содержания превращают в преступников самих тюремщиков, потому что дают им массу возможностей попира́ть достоинство людей, не способных за себя постоять, извлекать удовольствие из наложения взысканий. Чем бесчеловечнее правила содержания, тем больше поведение заключённых и тюремщиков становится взаимно преступным.

Нам кажется, что одного лишения свободы преступнику мало. Одно только лишение свободы не заставит его ни страдать, ни испытывать угрызения совести, ни стремиться стать лучше. Такая точка зрения вполне понятна, потому что принадлежит нам, гражданам страны, не знающим толком, что такое настоящая личная свобода. Не уважая и не ценя свою свободу, мы, естественно, не можем понимать, что испытывает преступник, лишённый этой нашей свободы. Ведя жизнь, полную всевозможных унижений даже для честного, законопослушного гражданина, мы, естественно, не в состоянии понять, какому унижению подвергается достоинство осуждённого.

1991 г.

ЦВЕТЫ НАСИЛИЯ

ЧУДОВИЩА

Кто знает... Если бы не смелость парня, видевшего, как Наумов и Пронский уводили мальчиков, и если бы не активность родителей, Женя и Роман до сих пор числились бы в списке без вести пропавших...

Первое, что бросилось в глаза тем, кто задержал Пронского, это его кулаки. Они были чёрными. Особенно костяшки пальцев. Представляю, как балдели над этими кулаками в камере следственного изолятора, где Пронский, не жалея красок, расписывал, как они с «Наумом» «поработали» в последний месяц своей свободной жизни.

«Работа» называлась «трясти крестов». Они подходили к своим сверстникам, у которых, по их мнению, были деньги. Это были в основном, приезжие, сельские ребята, из крестьян — «кресты». Не случайно «работа» велась на территории железнодорожного вокзала. Для того чтобы заманить свои жертвы в укромное место, применялось несколько способов, невероятно примитивных, но поразительно безотказных. Либо они просили, чтобы им помогли «позвать одного парня», либо «позвать одну девушку».

Свидетель видел, как они шли, обняв Женю и Рому за плечи. Вели их в сторону железнодорожной станции, на окраину Белгорода. Наверняка мальчики чувствовали, что ничего хорошего впереди их не ждёт. И тем не менее шли! Такова страшная, почти гипнотическая власть старших подростков. Такова психология младших: не протестуй, не сопротивляйся, дорожи тем, что с тобой обращаются по-хорошему, иначе будет хуже.

Отец Романа Антонова не понимал, как могли проявить хоть малейшее насилие над его сыном. У мальчика было обострённое чувство собственного достоинства. Не понимал этого и отец Жени Лунина, потому что его сын тоже не был хилым.

Сидя на скамье подсудимых, Наумов и Пронский выслушивали отцов с кривыми ухмылками, а потом с заметным смаком объяснили, чем они брали тех, кого решали «потрясти». Они обрушивали на свои жертвы три серии сильных, отработанных ударов. И, видя полную растерянность, выбивали из них остатки всякой воли к сопротивлению. «Встань прямо! — цедили они. — Подними подбородок!» И били в приподнятый подбородок. А потом спрашивали, кто из них бьёт сильнее. Если недогадливая жертва указывала, предположим, на Наумова, Наумов кулаком доказывал обратное. Если кто-то догадывался сказать, что оба сильно бьют, — били за то, что жертва хитрит: «Не может быть такого, чтобы удары были одинаковыми».

Потом они требовали сказать, сколько в карманах денег. Предупреждали: «Соврёшь, будем бить ещё сильнее». Один из потерпевших утаил рубль. За это его подвергли издевательствам, названным в судебном протоколе «особо циничным действием»...

Женя и Роман отдали всё, что у них было — 30 копеек. На большую добычу рассчитывать не приходилось. Наумов и Пронский знали это по опыту «тряски» в школе и СПТУ. Много ли карманных денег у 12-летних мальчиков? Поэтому технология «тряски» была ими заметно усовершенствована. Они пытались «вытрясти» не столько то, что было в наличии, сколько то, что жертва могла бы принести на следующий день.

Кроме «особо циничных действий» Наумов и Пронский совершали насильственные акты мужеложства. Расчёт был точен. Разве кто-нибудь решится рассказать об этом родителям? Разве каждые родители, даже если они узнают об этом, заявят в милицию? И разве не захочет подросток заплатить за то, чтобы никто не узнал о его невольном позоре?

Роман Антонов сказал учителям, что у него дома готовятся к свадьбе сестры. Родители сняли со сберкнижки большую сумму. Он знает, где лежат деньги. И если его и Женю отпустят, он принесёт тысячу рублей.

К тому времени Наумов и Пронский уже совершили 6 грабежей личного имущества, 4 кражи личного и государственного имущества, 3 изнасилования, 2 разбойных нападения, 15 хулиганских действий, 3 насильственных акта мужеложства (перечисляю только те преступления, которые были раскрыты. — В. Е.). Несколько раз их задерживала милиция. Они понимали, что оставаться в городе становится опасно. И решили уехать. Но на дорогу нужны были деньги. И вот такая удача!

Но прежде чем отпустить мальчиков за выкупом, они решили убедиться в искренности их обещаний. Для этого придумали ещё один способ пыток — имитацию удушения.

— Когда они оба сказали, что принесут все деньги, — говорил Наумов, — мы сразу поняли, что они нас обманывают.

В руках у бандитов был ключ от квартиры Антоновых. Идти за деньгами решили утром. Но куда девать мальчиков? Пронский сходил куда-то и вернулся с 8-килограммовой трубой с большим набалдашником. Пока он ходил, мальчики, изнасилованные во всех извращённых формах и до полусмерти избитые, стояли на коленях. А Наумов возвышался над ними, держа в руке большую палку.

Сентябрьский ветер шевелил кроны деревьев. Где-то рядом, в реке Везелке, плескалась рыба. Было около часа ночи. Страдания мальчиков длились уже больше трёх часов. И я не знаю, понимали ли они, что их ждёт после возвращения второго мучителя. Надеялись ли они на помощь родителей, милиции? Скорее всего надеялись. Ведь их дом был в нескольких сотнях метров от того места, где им учинили пытки и медленную казнь.

Товарищи родители! Если ваш ребёнок не вернулся домой в то время, в какое он всегда возвращается, не звоните в милицию, как это сделали Антоновы и Лунины, бегите туда сами. Бегите со всех ног, берите милиционеров за грудки, пробивайтесь к самому высокому начальству. Требуйте принятия самых срочных мер. Обзванивайте соседей, друзей, знакомых, и сами, не дожидаясь милиции, прочёсывайте окрестные подвалы, чердаки, заброшенные строения, скверы,

лесопосадки. Вас будут упрекать в паникёрстве — не обращайтесь внимания. Вас будут уверять, что ваши дети никуда не денутся — вернуться, — не слушайте! Помните, что дорога каждая минута, а может и каждая секунда. Помните, что дети рассчитывают прежде всего на то, что вы вовремя спохватитесь и забудёте тревогу.

Дважды звонили в Свердловский РОВД Антоновы и Лунины. К ним приходили и спрашивали, кто, где, когда родился.

— Какое это имеет значение?! — спрашивали матери.

— А может быть, ваши дети уехали туда, где вы жили раньше, к вашим родственникам? Может быть, они в бегах?

— Наши дети не такие! — в слезах кричали матери.

— Всё обойдётся, — успокаивали их.

Примерно в 12 ночи родителям стало ясно: произошло что-то ужасное, но их детей никто не собирается искать. Они позвонили снова. И услышали в ответ:

— Не смотрите за детьми, вот и ищите сами.

— Сделайте объявление по радио! — требовали родители.

Ах, если бы в самом деле срочно объявили о пропаже детей по радио и телевидению! Всегда, почти всегда есть человек, который что-то видел. Был такой человек и в этом случае. Жил неподалёку. Знал мальчиков, знал и Наумова и Пронского. Своими глазами видел, как они увели мальчиков. Только «не думал, что они могут так поступить с ними». Потом, на другой день, он навёл родителей на след убийц. Но мог бы и раньше, в ту страшную ночь. Если бы услышал объявление.

— Объявление даём только после трёх суток со дня исчезновения детей, — сказали родителям в Свердловском РОВД.

Иные руководящие работники ведут подсчёт публикаций, где милиция показана в неприглядном виде. Будто журналисты сговорились и решили дискредитировать привычное понятие «наша милиция нас бережёт». Будто это понятие давным-давно не дискредитировано и не продолжает дискредитироваться самой

милицией. Листаю тома этого дела, выписываю случаи, подтверждающие не только вину работников Свердловского РОВД, дежуривших в ту ночь, но и тех, кто давно знал, какую общественную опасность представляют Наумов и Пронский.

За месяц до убийства они были уличены в краже имущества, принадлежащего пионервожатой и шефствующему над пионерским лагерем предприятию. Оперуполномоченный С. И. Сурженко сказал им, что «ничего не будет, если они помогут раскрыть кражу на базе отдыха КГБ».

— И вы пообещали? — спросил судья у Наумова.

— Конечно.

— И сдержали слово?

— Зачем?

Особая примета Пронского — короткая, почти под ноль стрижка — была зафиксирована в Свердловском РОВД. Известна была и фамилия.

14 сентября Пронский и другой его дружок, Богатырёв, пытались совершить разбойное нападение на двух девушек. Им помешал гражданин Л. Он сообщил сотрудникам Свердловского РОВД. Будучи задержан, Пронский назвал себя чужим именем и был... отпущен.

28 сентября Наумовым и Пронским был ограблен, избит и изнасилован 17-летний Ж. Он обратился в линейный отдел милиции, описал приметы преступников, сказал, что дал им расписку — завтра пообещал принести на то место, где был ограблен, 250 рублей.

У него уточнили место и сказали:

— Это территория Свердловского РОВД. Туда и обращайся.

Ж. обратился. Вместо того чтобы устроить засаду, начальник наложил резолюцию «разобраться» и адресовал её тому подчинённому, который мог приступить к выполнению задания только спустя сутки!

29 сентября, между 14 и 15 часами, на том же месте был избит, ограблен и изнасилован 16-летний П. В тяжёлом состоянии он попал в больницу. Сообщение о совершённом против П. преступлении направили в Свердловский РОВД. Но и после этого никаких мер принято не было!

— Трое работников отделения уволены, а его начальник Ефимов предупреждён о неполном служебном

соответствии. Это наказание, предшествующее увольнению из органов, — сказали мне в политотделе УВД Белгородского облисполкома. Сказали таким тоном, будто виновные понесли справедливое и достаточно строгое наказание.

«Наше место». Так преступники называли небольшую поляну, куда они приводили со станции свои жертвы.

«Наше место». Так Наумов и Пронский называли подвал, в котором ночевали, где изнасиловали девочку. Это второе «их место» буквально в двух шагах от опорного пункта охраны общественного порядка. Жильцы неоднократно заявляли в Свердловский РОВД и в опорный пункт. Но на эти сигналы никто не отреагировал.

Поразительное дело! Преступники объявляют «своими» целые участки города, уверенные в том, что ни одна общественная сила не в состоянии оспорить это присвоение.

— Двести пятьдесят факторов влияют на рост преступности, — просвещали меня в политотделе Белгородского УВД.

И это подсчитали. Только неизвестно, на какое место поставили самые постоянные факторы: ротозейство, равнодушие, нерасторопность, сделки с преступниками, подобно той, которую совершил Сурженко.

Наумова и Пронского тщательно обследовали психиатры. Из анамнеза Пронского: «Наследственность неотягощённая. Роды были стремительные, закричал сразу. Грудь взял активно. Рос и развивался соответственно возрасту». Спиртные напитки употребляет с 13 лет. Перенёс черепно-мозговую травму. Однако интеллект достаточный. В момент совершения преступления-убийства «сильно пьяным себя не чувствовал».

Из школьной характеристики: «Мучил животных, устраивал жестокие истязания детей младше себя. Неоднократно уличён в воровстве. Дружил только со старшими. Отбирал деньги у младших. В 4-м классе поставлен на учёт в инспекции по делам несовершеннолетних».

Судья просил подсудимых дать показания в таком речевом темпе, чтобы секретарь успевала записывать слово в слово. «Я сбил Лунина с ног, — медленно диктовал Пронский, — сел ему на грудь, отвёл подбородок вверх и нанёс несколько ударов кулаком в область кадыка. Женя затих...»

Из школьной характеристики Наумова. «С 1-го по 4-й класс имел хорошие знания при примерном поведении. Увлекался чтением художественной литературы. Был горнистом отряда».

Из характеристики, выданной в СПТУ-120: «Вежлив, тактичен. Среди учащихся пользуется авторитетом. На производственной практике (как раз перед совершением целой серии тяжких преступлений. — В. Е.) работал образцово».

Из характеристики, выданной комитетом комсомола СПТУ: «Как комсорг группы, регулярно проводил комсомольские собрания, своевременно собирал взносы, пользовался авторитетом».

— У потерпевшего пошла изо рта кровь, — ещё медленнее, чем Пронский, диктовал секретарю Наумов. — С тем, чтобы он прополоскал рот, я с Пронским заставил его открыть рот, куда мы оправились. Парень мочу не глотал, сплёвывал...

На суде Пронский дёргался, кривил рот, судорожно сцеплял руки. У Наумова не дрогнул ни один мускул. Он только изредка делал глубокие выдохи. Отдувался.

В самые невыносимые моменты судебного разбирательства, я бросал взгляды на отца Пронского, на мать Наумова. Ни тени мучки. Ни слезинки. Ни одного тяжёлого вдоха. Никакой реакции, которая выдавала бы внутренние переживания. Говорят, однажды мать Наумова обронила, глядя на сына: «Чудовище!» Может быть. Но я своими ушами слышал, как отец Пронского бросал гневные реплики в адрес родителей убитых мальчиков.

Итак, один учился плохо, другой хорошо. Один вёл себя безобразно, другой — примерно. Один пользовался авторитетом у сверстников, другой был постоянно озабочен тем, как он выглядит в глазах окружающих. Один активно участвовал в общественной жизни, другой был «активистом» в уличной среде. И тем не менее,

эти, казалось бы, полные антиподы орудовали с одинаковым цинизмом и жестокостью, понимая друг друга с одного слова. Значит, было у них что-то общее. Общими были, как минимум, четыре свойства: цинизм, злобность, сексуальная распушенность, стремление наводить страх.

— Как ты считаешь,— спрашивал я Пронского,— легко запугать человека?

— Да,— отвечал он.— Особенно силой.

— Кого проще? Сверстника? Взрослого?

— Любого. Люди одинаковы. У всех есть чувство страха.

— Тебя можно было бы запугать?

— А почему нет? Мы хотели так себя поставить, чтобы о нас ходила слава. Чтобы нас боялись.

— Вы занимались тем, что ходили и «трясли» сверстников. Насколько это распространено?— спросил я Наумова.

— Это в порядке вещей. Что-то вроде «дедовщины» в армии.

Меня, как и других присутствовавших на суде, мучил вопрос: а как бы вели себя убийцы, зная, что получат по закону совсем другой максимум наказания? Предположим, не 10 лет лишения свободы, а, как взрослые, расстрел?

— Мы не знали, какое наказание нам грозит,— говорил Наумов.

Лично я понял его слова так: они орудовали бы с тем же цинизмом и жестокостью, даже если бы знали, что будут поставлены к стенке. Все нормы и законы человеческого поведения как бы написаны для других, нормальных людей, а не для них, достигших страшной стадии морального одичания.

Злобности в них было столько, что они не могли её сдерживать ни на следствии, ни во время суда.

Их моральное одичание достигло такой стадии, что они не были способны правильно оценивать мотивы поведения своих жертв. Им не могло прийти в голову, что Роман Антонов в самом деле может оценить свою и друга жизнь в тысячу рублей. Эта цена казалась им непомерно высокой. И уж тем более для них не представляло никакой цены чьё-то достоинство.

Не одного меня мучил вопрос, осталось ли в Наумове и Пронском хоть что-то человеческое.

— Есть ли у вас девушка? Любили ли вы её? — спросила женщина, общественный обвинитель от училища, в котором учился Наумов.

— Да,— громко сказал он. И неожиданно процитировал: «Люби! Любовь необходима. Любовь, ты знаешь, красота. А кто не любит, тот скотина иль просто мёртвая душа».

Все оцепенели: судья, заседатели, прокурор, адвокаты, родители потерпевших. Ведь только что Наумов рассказывал, как добивали они уже убитых, дёргавшихся в последних конвульсиях мальчиков восьмикилограммовой трубой, забрызгивая кровью свои брюки. Как ходили добывать лопаты, для чего сорвали замки с нескольких сараев, не опасаясь, что жильцы, услышав шум, позвонят в милицию. Как пили и ели найденные в сараях солония и варенья. Как утром отправились к Антоновым — обворовывать и, застав их дома, спокойно смотрели им в глаза. И как потом, когда заметили за собой слежку, не торопились скрыться. Разгуливали по микрорайону в окровавленных штанах. Суд только что выслушал показания о том, как милиционеры, откопавшие тела мальчиков, не находили себе места, а из камер Наумова и Пронского доносился храп. И вот — после всего этого — такая декламация, почти патетика...

Они не просто зверски избивали свои жертвы, они, по их собственным показаниям, отрабатывали удары. Они не просто издевались, а заставляли пить мочу, лизать испражнения. Откуда в них это?

Третьим компаньоном в грязных похождениях был некий Богатырёв. На процессе он сидел между Наумовым и Пронским, насторожённо вслушивался в каждое их слово, бросая им, не разжимая зубов, тихие реплики. Нет оснований считать его главарём, но то, что Богатырёв по кличке «Бог» имел в подростковой среде более высокое положение, чем Наумов и Пронский, говорит хотя бы тот факт, что он несколько лет провёл в спецшколе.

Это заведение не уступает своими жестокими законами подростковым зонам. Десятки лет там отрабатывались самые изощрённые и циничные способы морального и физического подавления личности. Теперь эти нормы — через выпускников спецшкол, спец-ПТУ

и зон-малолеток — всё шире распространяются среди подростков.

Во множестве «эпизодов» только однажды Наумов и Пронский встретили ожесточённое сопротивление. И то его оказала девочка. Иногда подсудимые совершали по нескольку насилий в день. И не получали отпора!

Все, кто участвовал в процессе, с удивлением смотрели на потерпевших, позволивших в отношении себя циничные действия и надругательства. Это были в основном парни, не уступавшие Наумову и Пронскому ни в росте, ни в силе.

Наш воспитательный корпус, кажется, не подозревает, что, благодаря его работе, в её сегодняшнем виде, подростки делятся на тех, кто может совершить любую низость, и тех, кто может позволить совершить над собой любое насилие.

Насильственное мужеложство распространяется у нас со скоростью эпидемии не только в городах, но и в сельской местности, где есть профтехучилища. И этот процесс нарастает. А что будет завтра, если в «зоны» и криминогенную подростковую среду на воле проникнет СПИД?

Я не раз употребил слово «жертва» и сделал это не случайно. Наумов и Пронский вели самую настоящую охоту, превратив целый район Белгорода в «социальные джунгли».

Наверное, мы не скоро сделаем жизнь наших детей безопасной. Перемены к лучшему произойдут не раньше, чем начнёт уменьшаться наше всеобщее недовольство тем, как мы живём, питающее злобность юнцов, прежде чем ценность человеческого достоинства не вырастет вместе с уважением к той жизни, которую мы ведём.

Не надо запугивать детей «социальными джунглями». Но надо прививать им элементарную осторожность. Не просто так здесь приведена технология совершения подобных преступлений. Пусть и дети знают в деталях, как это делается. И пусть будут трижды осторожны. А если всё же попали в западню, пусть бьются до конца.

— Если вытерпишь, пуцу, — сказала отцу Жени Лунина работница морга. Даже ей, казалось бы, привыкшей ко всему, было не по себе.

Потом он при мне говорил Антонову: «Ты-то видел их уже вымытыми, чистыми. А я захожу, смотрю, они все в саже. Волосы опалённые. Их, наверное, пытались сжечь. Повернул голову одного. Не могу узнать, кто это. Это был не Женя. Это был твой Роман. А Женю изуродовали ещё больше...»

Тысячи белгородцев пришли на похороны. Для поддержания порядка были направлены десятки милиционеров. Возле дома, где живут Антоновы и Лунины, несколько дней дежурила машина «Скорой помощи». Из цветущих женщин матери мальчиков на глазах превращались в старух.

— Ваше место работы? — спрашивал судья Антонову.

— Домохозяйка, — отвечала она.

После гибели сына она не могла больше работать. И удивлялась, как ещё живёт. До гибели сына Антонов руководил строительной организацией.

— Ваше место работы? — спрашивал его судья.

— Я работаю сторожем вневедомственной охраны, — сказал Антонов.

Он не мог больше выполнять свою прежнюю работу. У него то и дело непроизвольно катились из глаз слёзы.

Камера, в которой я разговаривал сначала с Пронским, потом с Наумовым, была без лампочек, без электрических проводов. Таков порядок. Мало ли что взбредёт в голову обвиняемому в тяжком преступлении. Мера эта в отношении Наумова и Пронского была совершенно излишней. Они не мучились угрызениями совести.

Они совершили убийство в сентябре прошлого года. Суд состоялся спустя семь месяцев. Попав в следственный изолятор, они узнали, что ожидается утверждение новых Основ уголовного законодательства, по которым лицу, совершившему преступление в возрасте до восемнадцати лет (статья 68-я), срок лишения свободы за тяжкое преступление не может превышать семи лет (вместо нынешних десяти). Они поверили, что можно протянуть время, дожидаться принятия новых Основ и сократить себе наказание минимум на три года. Вот и «выдавали» следователям прокуратуры по преступлению в месяц, откровенно тянули время.

С требованием восстановить смертную казнь за особо жестокие и опасные преступления выступил недавно во французском сенате бывший министр внутренних дел. Он не уверен, что его законопроект пройдёт через Национальное собрание, и поэтому намерен обратиться к народу. Во многих газетах промелькнуло сообщение о том, что в США были приговорены к смертной казни подростки 15–16 лет, совершившие особо тяжкие преступления.

Во Франции и США с законом обращаются так, как с ним и надо обращаться, видя в нём инструмент борьбы с преступностью, а не мёртвую букву, которую нельзя переписать заново. На Западе ужесточают ответственность несовершеннолетних за особо тяжкие преступления, исходя из того, что современный 15–17-летний подросток вполне зрелая личность. Наши же законодатели, ударяясь в крайность, понижают потолок уголовной ответственности с десяти до семи лет.

Двадцати семи потерпевшим судья говорил одну и ту же фразу. «За дачу ложных показаний вам грозит уголовная ответственность до семи лет лишения свободы». Примерно такая же кара грозила несовершеннолетним Пронскому и Наумову. Это ли не абсурд?

Работники правоохранительных органов справедливо предупреждают, что подобное ослабление уголовной ответственности приведёт к увеличению числа наёмных убийц среди несовершеннолетних. Не исключено также, что сами потерпевшие будут прибегать к услугам наёмных убийц, чтобы отомстить. Выслушав это предложение, Антонов сказал мне: «И я бы нанял!»

Ещё раз перечитываю сообщения пресс-группы УВД Белгородского облисполкома: «Максим Викторович Шарчнев (1973 г. р.) ушёл из дома и не вернулся». «15 апреля ушёл из дома и не вернулся Галицких Владимир Афанасьевич, 70 г. р.»... Хорошие лица у этих ребят. Где они? Что с ними случилось? — Всего за один год в Белгороде пропало без вести 236 человек. Сколько таких, бесследно исчезнувших, по всей стране? Десятки тысяч детей пропадают без вести, словно вокруг идёт война...

1989 г.

ТАТУИРОВАННЫЙ ПЕРСТЕНЬ

Воспитанник Икшанской воспитательно-трудовой колонии 20-летний Трушин — парень хоть куда: рост под метр девяносто, смазлив, неглуп, радостно возбуждён, как-никак послезавтра на свободу. Залобуешься, если не прочтёшь, что у него в приговоре...

«12 ноября примерно в 20 часов 30 минут Комраков и Трушин (эти и другие фамилии изменены), находясь в состоянии алкогольного опьянения, познакомились возле универсама «Первомайский» города Москвы с несовершеннолетними Чешковой и Антиповой. Затем под предлогом прогулки привели их к дому №... по ул. ... где Комраков (являющийся лицом, ранее совершившим изнасилование) предложил присутствующим пройти в подвал для совершения половых актов. Девочки начали просить ребят отпустить их, говорили, что им ещё нет 16 лет, на что Комраков и Трушин заявили, что скоро придут ребята в количестве пятнадцати человек, так что лучше отдаться им двоим... Когда Трушин остался в подвальной комнате наедине с Антиповой, там была грязь, посередине комнаты стояла деревянная скамейка. Антипова продолжала просить отпустить её, на что Трушин заявил: «Не тьяни время, раздевайся!» Затем силой повалил её на скамейку и пытался совершить половой акт, но у него не получилось. «Раз так, давай по-другому», — потребовал Трушин. Антипова ответила категорическим отказом. Тогда Трушин взял её голову, с силой пригнул её к половому члену, сказал «Быстрее!» и совершил половой акт в указанной форме...»

Диктофон был уже включён. Нужно было начинать разговор. А я сидел, разглядывал Трушина. И вспоминал рассказ одного посетителя редакции.

Если бы к его дочери привязался не молокосос Хаба, а этот верзила, всё было бы по-другому. Гораздо страшнее. И для дочери. И для него...

«Когда моей дочери Тане было 13 лет, — рассказывал мне посетитель, — она спросила: «Папа, интересно, что ты будешь делать, если меня изнасилуют?»

Мы сидели на кухне вдвоём, ужинали. Я посмотрел Тане в глаза и понял, что она специально выбрала время, когда мы остались наедине.

— Почему ты об этом спрашиваешь? Тебе кто-то угрожает?

— Нет, — сказала Таня. — Но сейчас это делается запросто. Только многие родители этого не знают.

— Если бы это, не дай Бог, произошло, я бы отправил подонков на тот свет, а потом будь что будет, — сказал я.

Таня тяжело вздохнула. Но мне всё же показалось, что это был вздох облегчения.

А 7 ноября я пришёл из гостей, заглянул в Танину комнату и увидел дочь зарёванную, с синяком под левым глазом.

— Что случилось?

Рыдания.

У меня внутри всё оборвалось.

— Доченька, что случилось?

Истерика...

Хорошо, что вскоре пришла подруга дочери Инна и рассказала, что произошло. «Мы поехали в кинотеатр «Слава», взяли билеты на фильм «Заклятие долины Змей». И тут к нам подошли ребята. Двоим лет по 17, одного звали Чеком, другого — Хабой. И двое лет по 14: Бычок и Голова. Когда мы познакомились, они, конечно, назвали не клички, а имена. Сначала они предложили: «Продайте билеты. Пойдёмте лучше погуляем». Но мы отказались. Одолжили им 40 копеек, хотели от них отвязаться. Они взяли билеты. Мы вместе посмотрели фильм. А потом они нам снова предложили прогуляться и по пути посмотреть их «качалку». Ни слова мата. Культурные вроде бы ребята.

Нас завели в подвал. Но гимнастических снарядов там почему-то не было. А в дальней, очень маленькой комнатке с железной дверью стояла старая софа. Таню ввели туда, а Чек остановил меня и говорит: «Инна, понимаешь, тут такое дело. Вас сюда привели для другого дела».

Я Хабе говорю: «Вы что, с ума посходили?» А Хаба в ответ: «Но мы всё этого хотим. Ты не бойся, тебя мы не тронем. А вот Таню... Не мы, так другие её испортят, или по дружбе кто-нибудь».

Я рвалась в ту комнату, кричала: «Не трогайте её! Она мне как сестра!..»

Дочь немного успокоилась и продолжала рассказ Инны.

— Меня усадили на диван. Слева сел Бычок, справа Голова. Хаба встал напротив и говорит: «Кто тебе из нас больше нравится?» Я поняла, что тут что-то не то,

а сказать ничего не могу... А Хаба: «Ну, короче, ты мне нравишься. Давай!» Я говорю: «Вы что, в своём уме?» А он: «Давай, я хочу!» А Бычок шепчет: «Давай лучше со мной!» А Голова, щенок сопливый, уже лезет под пальто. Я — сопротивляться. А он мне: «Убери руки! По-хорошему говорю!»

У меня всё помутилось. Плачу, умоляю: «Не ломайте мне жизнь!» А Хаба своё: «От нас ещё никто просто так не уходил!» Я говорю: «Меня родители домой не пустят!» Он: «Откуда они узнают? Попробуй только сказать! Даже если скажешь, всё равно бесполезно. Нас уже искали но, как видишь, ещё не нашли!» Я снова реву, умоляю. Тогда Хаба говорит: «Ладно, можно по-другому. Я тебя оставлю такой какая ты есть, но ты... Поняла?» Я закричала: «Нет!!!» «Тогда, — говорит Хаба, — будем делать силой и то, и другое. Считаю до трёх. Ну!» Я снова его умолять. А он: «Ну ты меня вывела!» И как даст мне кулаком в лицо, потом ногой...

Дочь спас случай. Кто-то из жильцов спустился в подвал и врезал этому Хабе. Когда я понял, что всё обошлось, конечно, стало легче дышать. Но видели бы вы, в каком состоянии была дочь. Надругаться над ней не удалось. Но какие унижения пришлось вынести. Какого страху натерпеться. Я смотрел на неё, и меня всего трясло.

Надо было срочно что-то предпринимать, Но девчонки боялись назвать приметы этих негодяев. Так их запугали.

— Не мы, а они должны бояться! — убеждал я девчонок. А они смотрели на меня глазами, полными ужаса: «Тебе легко говорить,— плакала Таня. — Это сейчас всё обошлось, а что будет потом? Они способны на всё».

— Но есть же человеческое достоинство, — говорил я дочери. — Сохранить это достоинство иногда важнее, чем сохранить себе жизнь. Надо смыть с себя унижение. И здесь только один способ. Надо найти и наказать этих гадов.

Я набрал телефон инспекции по делам несовершеннолетних 39-го отделения милиции Перовского района.

— В каком подвале это произошло? — спросила инспектор.

— Девочки дорогу не запомнили. Их вели дворами.

— Ну знаем мы этот подвал.

— А почему же не контролируете? — вырвалось у меня.

— Мы же не можем поставить там пост.

Я думал, у меня начнут выспрашивать, как выглядели насильники. Но услышал совсем другие вопросы.

— А как девочки там оказались? Как фамилия потерпевшей?

В голосе инспектора отчётливо зазвучала обвиняющая нотка. Я представил, что так же, если не более бестактно, будут разговаривать с моей дочерью, когда начнётся следствие...

Я сказал инспектору, что называть фамилию пока повременю. Главное, чтобы моё устное заявление было зафиксировано в 39-м отделении милиции.

— Вы как всё вуалируете, — сказала инспектор.

— Приходится. Девочке угрожали.

— Ну и что? Нам каждый день угрожают.

Я сцепил крепче зубы, попрощался и положил трубку.

Складывалось впечатление, что едва ли кто-то будет искать насильников, если была только попытка. Надо было полагаться только на себя.

В то время я испытывал элементарное чувство мести. Думаю, найду этого Хабу и... Ну, если он не будет отдан под суд, то должно же осуществиться хоть какое-то возмездие. Ночь с 7 на 8 ноября я не спал. Но чем дольше прокручивал ситуацию мести, тем больше приходил к мысли, что, как бы низко ни поступил с моей дочерью этот подонок, негоже мне, взрослому мужчине, сводить с ним счёты физически. Разве это заставит его прекратить свои «развлечения»? Разве вызовет у него хоть какие-то угрызения совести? Самое большее, чего я мог добиться кулаком, — дать выход злости и обиде. А в этом было что-то недостойное.

В том подвале побывали дочери других родителей. И если мне удастся обезвредить Хабу и его шайку (разве остановлю я его кулаком?), этот подвал так и останется западнёй для легкомысленных молоденьких дурёх. Нет, надо было подавить личные чувства, как бы они ни рвали душу, и строить план дальнейших действий совсем с других позиций.

Я уже примерно знал, в каком профтехучилище учится Хаба. Знал, сколько ему лет — 17. Это означало, что искать его надо среди третьекурсников. Вероятнее всего, кличка была производной от фамилии. То есть найти его не составляло труда.

8 ноября я свозил Таню в травмопункт. Следы побоев были засвидетельствованы и могли теперь служить уликой. Потом Инне позвонил Чек и начал осторожно выяснять обстановку. Мы просчитали вероятность такого хода, и Инна сказала, как мы условились, что на этот раз Хаба и его шайка не на тех напали. Никто их не боится. И они за всё ответят.

Чек сказал, что надо поговорить. Но он не предполагал, что вместо девчонок ему придётся говорить со мной. Ну а уж я постарался вытянуть из него достаточно дополнительных сведений и записал разговор на диктофон. Чек очень внятно просил меня не сажать его друга Хабубу. Сам факт этой просьбы был теперь второй уликой.

А на другой день Хаба приехал вместе с Чеком и просил извинить его, словно он нечаянно наступил дочери на ногу в вагоне метро.

— От меня уже ничего не зависит, — сказала Таня.

Прямо угрожать он уже не смел. И потому пытался оказать давление намёками, многозначительным тоном.

Известно, какова цена извинениям, принесённым только ради того, чтобы не получить срок. Но мне лично онигодились. Они навели на мысль, как устроить Хабе ловушку.

Я сел и написал в двух экземплярах письменное извинение за нанесение побоев и покушение на изнасилование. Теперь оставалось выбрать ситуацию, при которой Хаба подписал бы это извинение в присутствии минимум двух свидетелей.

Особо раздумывать не пришлось. Ни улица, ни квартира Хабы, ни инспекция по делам несовершеннолетних 39-го отделения милиции не годились. Самым подходящим местом был кабинет директора профтехучилища.

Я попросил пригласить в кабинет замдиректора по воспитательной работе, мастера группы, где учатся Хаба и его друг Чек. Сказал, что все мои объяснения

они получат потом, а пока попросил вызвать Хабу и включил диктофон на запись.

Когда Хаба вошёл, я протянул ему текст его письменного извинения и предложил подписать.

Это была тяжёлая минута. Теперь я мог разглядеть того, кто едва не надругался над моей дочерью. Конечно, это был не тот Хаба, что тогда, вечером 7 ноября. От того Хабы было только одно — грязные и, наверное, липкие руки с грязными ногтями. Куда девался тон, которым он командовал: «Считаю до трёх», когда бил кулаком и ногой, заставляя девчонку умирать от страха.

Жаль, что в эту минуту рядом не было Тани. Может быть, ей стало бы чуть легче вспоминать о пережитом, если бы она увидела, как физиономию Хабы сводила судорога, как сглатывал он слюну, как стискивал пальцами ручку, как дрожал его голос, когда он спросил: «Где подписать?». Впрочем, она могла услышать его тяжёлое дыхание и этот вопрос, если бы захотела прослушать плёнку. Не захотела.

Это была тяжёлая минута для насильника. Представляю, как лихорадочно шевелил он извилинами. Подписывать? Не подписывать? Но он правильно всё понял. Лучше подписать, другого выхода нет. Иначе — возбуждение уголовного дела, суд, срок.

Он подписал оба экземпляра своего «извинения».

А примерно через два часа я уже знал, в каких школах учатся Бычок и Голова. Стал известен и адрес подвала: дом номер 3 по улице Металлургов».

Но вернёмся в Икшанскую колонию, к другому насильнику, по фамилии Трушин.

Из пяти лет, назначенных судом, Трушин отбыл три года семь месяцев. Это примерно 1 300 дней. Если каждый день хоть самую малость думать о том, что произошло, то можно (либо самостоятельно, либо под влиянием воспитателей, они ведь за это деньги получают) накопить немало мыслей, переживаний, выводов.

Два вывода Трушин мне назвал. У него была подружка. Они были близки. Но он с ней поссорился за неделю до случившегося... Если говорить мужским языком, сильно голодным он не был. Но в его возрасте человек всегда голодный. Особенно, если выпьет... Ну и, конечно, эта пьянка. На следствии он «со скрипом»

припоминал, что делал и что говорил. «В пьяном виде человек агрессивен, туп, жесток,— возразил я.— А ты подавлял волю девчонки очень осмысленно, давил на психику». «Я только сказал, что надо поторопиться, потому что сейчас могут прийти много ребят»,— заученно процедил Трушин, словно перед ним был следователь, которого нужно поводить за нос.

Итак, он был навеселе. Ему очень хотелось. Ему, а не девчонке, которая видела его не больше часа. И вот он решил её поторопить, чтобы она поскорее доставила ему удовольствие. Он, можно сказать, выручил её, «спас» от тех пятнадцати, которые, как можно догадаться, существовали только воображаемо, для того, чтобы нагнать страху. Но девчонка, которую всю колотило («Ну что ты дрожишь?» — весело спрашивал её Трушин), знала, что это может быть не пустая угроза. Что нужно как-то спастись свою честь. Спасаться от группового изнасилования. И она спаслась. В приговоре указано, что её девственность не была нарушена. Но какой ценой? Хотя бы это понял Трушин? Нет, об этом он за 1 300 дней ни разу даже не подумал. И никто не подсказал ему подумать.

У меня вообще сложилось мнение, что три с лишним года он занимался только тем, что искал себе оправдания. «Это ненормальные люди!» — говорил он о тех сидящих вместе с ним импотентах, которые насиловали малолетних девочек, лишая их девственности... пальцами. «А шестнадцатилетних насилюют нормальные?» Трушин хмыкнул. «А совершеннолетних, выходит, можно?» «А кто виноват? — неожиданно бросил он мне в лицо.— Ваше поколение виновато! Вот вы лично что сделали, чтобы этого не было?»

Итак, оказывается, всему виной подруга, пьянка и старшее поколение. Свою личную вину я отрицать не стал. Спросил только, что такое, по мнению Трушина, душа. «Хотите, чтобы я о возвышенных материях заговорил? — ухмыльнулся Трушин. «Ну, всё-таки?» — настаивал я. «Душа — это часть тела»,— отвечал Трушин.

Он не только не чувствовал своей вины. Не переживал раскаяния, жалости к жертве. Он не мог ничего подобного чувствовать. Хотя запальчиво заявлял, что и у него, и у тех четырёх сотен парней, что сидели вместе с ним, с душой всё в порядке, имеется.

У многих из них я заметил одинаковую татуировку

(в виде перстня) на среднем пальце руки. «Это означает погубленную молодость»,— объяснил Трушин.

На другой день я наблюдал трогательную сцену. Не дожидаясь выхода на свободу, родители приехали к Трушину на свидание. Кормили фруктами, конфетами, шоколадом. Счастливо смеялись. Мама смотрела на сына влажными глазами и поглаживала его по голове.

В комнате свиданий было немало других насильников. Каждый третий в этой колонии (и не только в этой) осуждены по 117-й статье. И всех их мамочки кормили сладким, гладили, целовали. Ну как при таком отношении можно жалеть жертву больше, чем себя?

— Почему администрация считает, что ты искупил свою вину? — спросил я прямо.

— Нормально работаю. Нормально учусь. Отрицаловку не поддерживаю, — объяснил Трушин. Глаза его смеялись.

Чего только не делают на Западе, чтобы заставить преступника думать над совершённым. Насильникам устраивают даже встречи с их жертвами. У нас же... «Тебе хоть кто-нибудь посоветовал написать письмо той девчонке, попросить у неё прощения?» «С нами вообще не говорят о том, что мы совершили»,— ответил Трушин.

В эту минуту я подумал о том, какими тонкими знатоками человеческой психологии были священнослужители, придумавшие религиозные нравственные проповеди. За прошедшие десятилетия отстранения церкви от воспитания людей ничего равного по силе воздействия так и не придумано.

Я попросил администрацию свозить группу освобождающихся в церковь. Батюшка говорил доходчиво, красиво и взволнованно. Он напомнил о том, что в каждом из нас живёт бес, которому нельзя давать воли. Парни слушали с самыми серьёзными лицами. Офицер-воспитатель, улыбаясь в усы, вышел из храма, закурил хорошую сигарету и смачно сплюнул.

Антипова живёт неподалёку от Трушина. Отец у неё – участковый инспектор. «А что, если он ещё до конца не остыл?» – спросил я Трушина. «Мести я не боюсь». «Ну, а если бы такие, как ты, знали наперёд, что будут отвечать не только перед законом, но и перед отцами, старшими братьями?» – «Думаю, что кое-кого это останавливало бы», – мысленно примерив на себя, сказал Трушин.

Как только учащаются те или иные виды преступлений, раздаются призывы ужесточить наказания. Но это даёт, как правило, лишь временный эффект. Возмездие, связанное с увеличением срока лишения свободы, мало кого пугает. Намного сильнее сдерживают бесов народные обычаи.

Грузин может изнаsilовать грузинку. Но в большинстве случаев он расплачивается потом не только перед правосудием. Родственники жертвы заставляют насильника платить по отдельному, куда более страшному счёту. Возьмите статистику в тех республиках и регионах, где действуют подобные обычаи, и вы убедитесь, что число сексуальных посягательств представителей коренной нации на своих девушек и женщин гораздо ниже, чем у нас, славян.

Я не призываю к насаждению у нас таких же обычаев. Я хочу сказать только о том, что родственники изнаsilованной (а во множестве случаев и убитой) девочки имеют полное право на мщение в состоянии аффекта. И прежде всего потому, что наша система так называемого перевоспитания не подводит насильника даже к шевелению вины и раскаяния. Как правило, насильник обвиняет не себя, а жертву. В чём же тогда нравственный смысл назначаемого судом наказания? Насильник освобождается с той же психологией насильника. Безусловно, напуганный колонией он уже не решается на явное посягательство. Но даже если никогда ничего подобного не совершит, разве можно будет считать его нормальным отцом? Нормальным гражданином? Нормальным человеком?

Дело даже не в том, что остаётся неудовлетворённым чувство растоптанного человеческого достоинства, а в том, что остаётся безнаказанным порок.

Я видел, как рыдал Антонов – отец изнаsilованного, убитого и закопанного мальчика. «Я бы убил подонка, но не могу. В нас буквально вбито, что самосуд – это жестоко и безнравственно. Что суд и только суд может наказать по всей справедливости. Но какая же это справедливость, если эти нелюди, получив десять лет (больше им не дадут – несовершеннолетние!)

имеют право через семь-восемь лет выйти на свободу? А мой мальчик? Ведь он уже никогда не вернётся! Самосуд — безнравственно. А такое наказание — нравственно? Самосуд — жестоко. А нам, родителям, сознавать, что подонки гуляют на свободе — не жестоко?»

Убитый горем отец непрерывно рыдал. Слезы текли у него непроизвольно. А насильники-убийцы посматривали в его сторону и улыбались. Они знали, что он ничего им не сделает. Ни сейчас, eo время суда, ни тогда, когда они выйдут на свободу. И тогда я окончательно убедился, что людей с такой психологией (а таких, особенно среди молодёжи, признаем, немало) может останавливать только страх. И только перед одним возмездием: жизнь за жизнь.

Изнасилование — особый вид преступления. Как и убийца, насильник наносит невосполнимый ущерб. (Скандально знаменитый Матиас Руст за попытку изнасилования заплатил 23 тысячи долларов. Нам бы перенять такой способ возмездия). Последствия в определённом смысле бывают ещё более пагубны, чем последствия убийства. Жертва продолжает жить, но с травмированной душой и изуродованной психикой. Постоянное беспокойство, незащищённость, беспомощность, отвращение ко всем мужчинам — далеко не полный перечень чувств, которые терзают женщину годами, десятилетиями, всю жизнь.

Уверен, если бы наши суды назначали минимальные наказания родителям, родственникам изнасилованных девочек и девушек, свершившим в состоянии горя, отчаяния и аффекта свой собственный суд, это остановило бы многих потенциальных насильников.

Когда я сказал об этом Трушину, его глаза беспокойно заматались, голос завибрировал и он начал почти умолять, чтобы я не называл его настоящей фамилией.

К краже человек идёт через ряд падений, как бы ступает с одной ступеньки на другую — вниз. Убийству и изнасилованию такая подготовка не предшествует. Спуска нет, есть моментальное падение. Такую теорию развивал передо мной старый работник колонии.

Не согласен! Способность к изнасилованию начинается прежде всего с отношения к женщине. Трушин признал: в той среде, где он вращался, отношение было известное: девочки, девушки, женщины — все они тёлки!

Он, правда, сделал исключение: «Подружка брата, конечно, не тёлка!» Но это он так считает. А другие, такие же, как он, для кого подружка его брата — никто? «Для них она тоже тёлка», — согласился Трушин. Я мог бы, следуя этой логике, взять для примера его мать. Её ведь тоже какой-нибудь подонок может назвать тёлкой. Но не стал. Трушин и без того, кажется, понял простую вещь: если женщины — тёлки, то кто же родившиеся от них?

Потом он, правда, начал оговариваться, что тёлки — это прежде всего доступные девочки. Но и тут не всё сходится.

— Вы презираете их. Но они вам нужны. Они дают вам возможность сбросить сексуальное напряжение. И что же? Вы выше их?

— Да нет, в принципе, — пробормотал Трушин.

Пренебрежительное, презрительное, почти расистское отношение немалой части наших парней и мужчин к женщине... Откуда это? От низкой общей культуры? Безусловно. От бездуховности и безнравственности? Вне сомнения. Но есть, как мне кажется, ещё более важная причина. Это раздавленное чувство человеческого достоинства. Раздавленное настолько, что его и достоинством-то можно назвать только формально. А когда человек подсознательно чувствует свою низость, ему так же непроизвольно хочется унижать тех, кто это позволит.

117-я статья стала среди молодёжи такой распространённой, что половое насилие как бы перестало считаться насилием. Какой-то частью молодёжи (да и людей зрелого возраста) овладело некое нищешанство. Они сами себе разрешают наглое и грубое попрание половой свободы, считая, что если им хочется, то всё дозволено. Такое попрание есть не что иное, как крайнее, на грани инстинктов, следствие попраия в обществе всех других человеческих свобод.

Ежегодно наши суды отправляют за решётку более ста тысяч подростков. Более трети из них — за изнасилование.

Такого рода преступления в большинстве случаев — групповые. Но, как правило, сажают только инициаторов. Таким образом, число насильников можно смело удвоить. Хорошо известно, сколь огромное число таких преступлений остаётся неизвестным или же нераскрытым. Добавим сюда столь же непредсказуемое число девочек и женщин, изнасилованных взрослыми мужчинами, и мы получим совершенно ошеломляющую цифру. По мнению некоторых криминологов, каждая пятая женщина (будучи девочкой или взрослой) подверглась либо насилию, либо покушению на изнасилование.

1992 г.

В ШАЙКАХ ТОЛЬКО ДЕВОЧКИ

В министерстве внутренних дел Чувашии мне показали около десятка толстых папок с грифом «секретно». Там были письма, написанные мальчишками и девчонками своим друзьям, отбывающим наказание в колониях, а затем перехваченные цензорами.

...Федя, я извиняюсь за задержку с ответом. На это есть причина. Тут такое дело. Пацаны докопались до меня. Предложили остаться с ними на ночь, а я не согласилась. Вот, почки отбили, была в больнице...

...Ваньку избил, в больнице лежит. Из-за того, что на сборы не ходит. Он дома с девочкой был. Двое пришли. Начали бить. Он и пошёл звонить в милицию, а в это время его девчонку изнасиловали...

...Эдик, вчера сидели, пили с пацанами с дикого двора. Я была в дугу пьяная. Пошла провожать подругу. И тут попалась Светка, которую я давно искала. Я у «Ламы» нож взяла. Сначала била её. Она у меня по палисаднику кувыркалась. Потом попала ей ножом в ляжку. И тут её отец вылез. Жду повестку в ментовскую.

...Пока во дворе никаких изменений. Сейчас мы с Оксанкой гантели поднимаем, помаленьку качаемся...

...Я очень боюсь вечером выходить. Ладно бы только пацаны ходили толпами, а то и девчонки гуляют по 10—15 человек.

...Недавно меня поставили на учёт. Я сняла у девки из Пензы одно золотое кольцо и одно серебряное. А во втором

случае привела девку к пацанам. Ну, ты сам понял зачем. Вот такие пироги с котлетками.

...Мне ужасно не везёт. Вчера меня избили. Пьяные девчонки, лет по 15. Злые, жестокие. Разозлились, что снять с меня нечего. Стали требовать деньги. Я, естественно, стала сопротивляться. Они повалили в снег, стали бить. Представляешь, среди бела дня!

...Я устала, когда меня снимают мальчики без всякой любви в глазах. Я устала ежедневно «вмазывать». В душе я уже стала проституткой. С компашкой гуляем! Вечерами наезжаем на прохожих. Устала! Такая зелёная, а усталая стала. Иду на хату к знакомому другу. Через 2–3 минуты уже наваливается куча «желающих». Не хочу сама, силком лезут. Я-то одна, а их сколько. Моё туловище раздариваю всем.

Потом я решил полистать подшивки местных газет и сделал открытие. Оказалось, республиканская газета «Молодой коммунист» регулярно публикует письма 13–14-летних девчонок, которые рассказывают, как их изнасиловали.

...Ко мне в квартиру ввалились пятеро пацанов, я испугалась, начала сопротивляться, как могла, но... Они велели мне раздеться. Потом уложили меня на постель и начали фотографировать. Потом все, по-одному, начали насиловать меня. А всего-то мне 13 лет.

...Меня дико, бесчеловечно изнасиловали. Но после первого раза я не пала ещё. Поборов чувство отвращения, я старалась жить. Но вдруг опять несчастье: когда я пошла за хлебом в магазин, надо мной надругались два пацана. После чего избили так, что я еле добралась до дома.

В письмах — сотая, может быть, тысячная доля всей правды.

Скверы и парки в Чебоксарах — особенно летом — лучше обходить стороной. Стая пацанов может налететь в любое время суток.

Девчонку не просто насилуют, пропуская через длинную очередь. Её, девственницу, при этом, мягко говоря, называют шлюхой, немедленно распуская слух, что она была «нечестной».

Из разговоров между собой девчонки знают, что их ждёт. Такого рода психологическая подготовка помогает проще воспринимать сексуальное нападение.

Многие избегают насилия, вступая в половую связь добровольно — с тем парнем, который надёжно защитит. Из возможных зол выбирается наименьшее.

Можно сказать, секс вообще и сексуальное насилие, в частности, стали в уличной подростковой среде нормой взаимоотношений и формой проведения досуга. Те, кто в этом по каким-либо причинам не участвуют, сокрушённо пишут в газету: «Вот сижу и думаю: и зачем мне девичья честь?»

Вопрос: «честная» та или иная девчонка или «нечестная» постоянно обсуждают не только пацаны, но и сами девчонки. Для некоторых из них, ранее подвергшихся насилию, это что-то вроде морального удовлетворения — сделать так, чтобы с «честной» девчонкой поступили точно так же. Они подговаривают пацанов чтобы те изнасиловали ту или иную девчонку, сами участвуют в изнасиловании и даже требуют от насильников самых извращённых форм.

Уличные авторитеты (чаще всего парни, отсидевшие срок) взимают дань не только с пацанов, но и с девчонок. Разумеется, не деньгами, а натурой.

Сексуальный террор как норма молодёжной жизни начался в Чебоксарах, а затем перенёсся в посёлки и деревни республики. Но родители, пока «Молодой коммунист» не начал печатать письма, спали спокойно, пребывая в полнейшем неведении. Девчонки боялись сдавать своих мучителей. По установившимся законам уличной среды, им за это пришлось бы ответить. Прежде всего отомстили бы за посаженных пацанов уличные девчонки. Фантазия у них на этот счёт богатая...

Недавно газета опубликовала письмо группы девушек, обращённое к министерству внутренних дел республики. «Сколько мы должны терпеть насилие над нами? — писали они. — Сколько мы можем дрожать за свою честь? Им, насильникам, отсидеть — раз плюнуть. А нам они всю жизнь портят. — Неужели местные власти и милиция не в силах покончить с этим? Если не примете никаких мер, мы вынуждены будем создавать свои группы и мстить пацанам».

«Я работаю на заводе, — писал один парень в «Молодой коммунист», — в этот день я возвращался со второй смены. Вдруг две бабы встали передо мной и попросили закурить. Я ответил: «Не курю и вам не советую».

Меня тут же ударили кулаком в лицо, следом прилетела нога в кроссовке. Потом в дело вступила третья баба... Возился я с ними недолго. Но у меня здорово пошатнулась вера в то, что женщина — «гений чистой красоты...»

«Пацаны,— писал другой,— вам не кажется, что некоторые бабы оборзели. С меня посреди бела дня, посреди города сняла бейсболку баба лет восемнадцати (причём, я был непьяный). Пацаны всех районов! Я обращаюсь к вам, держите своих баб в кулаке, чтобы не наглели».

Запоздалый, смешной призыв. Организованные, вроде бы для самозащиты, девчоночьи группы превратились сначала в хулиганские, а затем грабительские шайки.

Мило улыбаясь, пятнадцатилетняя Ира Новокрещёнова охотно согласилась, чтобы я указал её фамилию. «Печатайте, мне всё равно». Ей ни капельки не было стыдно за то, что она натворила. Не смущало её и то, что наша беседа проходила в следственном изоляторе. Но я не спешил бы объяснять это отсутствием стыда...

Вместе с семнадцатилетней подругой Ира завела в подъезд живущую по соседству девчонку, велела ей снять демисезонные сапоги и вязаную шапочку.

— Ведь это, наверное, страшно: взять и потребовать, чтобы человек снял с себя одежду. Ведь для того, чтобы на это решиться, нужно, наверное, чтобы ни голос не дрожал, ни руки. И надо откуда-то взять злости, чтобы побить этого человека, попинать, обозвать последними словами,— спрашивал я.

В ответ Ира всё так же мило улыбалась, сладко затягивалась сигареткой, вздыхала, пожимала плечиками и молчала. Но как только разговорилась... Такой густой уголовный жаргон мне приходилось слышать разве что в колонии для особо опасных рецидивисток. Но я и здесь не спешил с выводами. И правильно сделал. Выяснилось, что знание жаргона — суровая необходимость. К любой уличной девчонке, в любом районе, в любое время суток может привязаться стая пацанов и потребовать, чтобы она немедленно пошла с ними в укромное место.

Единственное, что может её спасти — умение вести базар — разговор на жаргоне, способность

показать, что она близко знакома с уголовными «авторитетами», которые могут за неё отомстить.

Чтобы подстраховаться понадежней, многие делают себе *портачки*, или татуировки. У Иры, например, на мизинце выколот крест, означающий, что она неисправимая. Прежде девчонки начинали портачиться, попав в колонию для несовершеннолетних. Теперь, как видим, в некоторых криминогенных регионах это происходит на свободе, где уличная группировка по сути дела не отличается от колонийской среды.

Можно представить, какое впечатление Ира производила на учителей. Курит. Щеголяет наколкой. Сыплет жаргоном. Крутится в обществе пацанов и девчонок старше себя.

— Учителя начали про меня говорить: вот я такая-сякая, маленькая Вера. Мне только мужикам ширинку расстёгивать. Маме: ваша дочь таскается. Я справку от гинеколога принесла — не поверили...

Да, пацаны её домогались. Но у неё был принцип: «Одному разрешишь — по рукам пойдёшь». Но учителя не понимали, что можно водиться с нехорошими девчонками и совсем плохими пацанами и при этом оставаться «честной».

Полную ясность внесли тюремные врачи. Оказывается, можно быть такой, какой была Ира, и сохранять девичью честь. Стоит только поражаться, как ей это удалось при постоянных домогательствах пацанов.

Уличная среда ежедневно внушала Ире, что любой работник правоохраны — это «мусор», «мент», «козёл». Все сволочи, никому верить нельзя.

Когда Иру арестовали, она и тут стала соблюдать принципы. Чтобы не быть «козой», ни в чём не признавалась, за что прокурор отдал распоряжение взять её под стражу. Более опытная подельница Иры разыграла «чистосердечное раскаяние» и была оставлена на свободе.

Начали они свои похождения с поездок в Москву.

Квартиру снимали рядом с Казанским вокзалом. Сначала ездили просто так—«погулять и отдохнуть». Но деньги быстро заканчивались. Начинали соображать, где их раздобыть, чтобы погулять ещё. Мальчишки придумали (компания у них тогда была ещё смешанная) «продавать девчонок». Деньги брали вперёд,

потом — отвлекающий маневр, и покупатель оставался без «товара». Но этот номер удавался не всегда. И тогда шли на «гоп-стоп», на грабежи.

— У нас в следственном изоляторе почти все малолетки сидят по 145-й статье. Но мы-то хоть шапку сняли с потерпевшей, а некоторые сидят за лифчики, за колготки! — Ира задыхнулась от возмущения.

— Когда денег — ни копейки, а одеваться хочется, то очень хочется кого-нибудь раздеть, — сказала подельница Иры Оля Б.

— Года два назад пошла мода на обмены одежды. Носить одно и то же надоедает. А новая модная одежда дорогая. Вот и придумали. Сначала обменивались подруги. Потом обмен стал принудительным. Всё чаще звучало: «Поношу и отдам». Не дать — не поделиться — стрёмно, то есть стыдно, — объяснила мне Ира, — и первое время чужое возвращали. Потом перестали. А дальше совсем оборзели, начали просто требовать: «Снимай!»

Оставленные на свободе девчонки из другой шайки появились точно в назначенное время, заливаясь смехом. Надвинутые на глаза вязаные шапочки. Длинные, до пят юбки... «Метёлки». Так прозвали их в Чебоксарах.

— Ну, что там, в Москве, о нас говорят?

— Молодёжь волнуется, — отвечал я, — модные тряпки уже не носят. Вдруг нагрянете.

Пошутили и начали рассказывать.

Перед выходом на улицы одни «метёлки» обматывают ладони пластичными бинтами (чтобы не сбивать костяшки пальцев), другие вооружаются палками, штaketинами. На тот случай, если вдруг встретятся «метёлки» из враждебного района. Кровавые разборки — всё это скопировано у пацанов. Мародёрство, уличные кровавые схватки. С побеждённых снимают лучшие вещи. Со сверстников переключаются на взрослых. Однажды сорвали шапку с большого парня, который шёл с девушкой. «А что он сделает, если нас семнадцать человек?»

Их шайка — не самая многочисленная. В некоторых районах есть группировки по 50–60 девчонок. Чтобы выстоять, этим «метёлкам» пришлось заключить союз с «метёлками» из соседних районов.

Раздев очередную жертву, они не разбежались кто куда. Шли размеренным шагом. Иногда проходили

мимо милиционера, который мог видеть палки, обмотанные ладони. «А что он один сделает? Ха-ха-ха!» Трезвыми мотались по городу редко, отсюда и дерзость. «Выпивали после бани, а баня — каждый день. Ха-ха-ха!»

Их нападения видели прохожие. А они видели, что их видят. И — хладнокровно раздевали сверстниц. «Да всем всё равно! Все боятся, как бы и им не досталось! Однажды у монастыря рабочие, которые там что-то копали, заметили, чем мы занимаемся. Мужчины! Ну и что? Отвернулись! Сделали вид, что ничего не видят, ничего не слышат!»

Я сидел и ломал голову: почему они рассказывают о своих преступлениях как о чём-то им самим не слишком интересном? Некоторые не отрицали: да, знали, на что шли и что за это грозит. Некоторые утверждали: что им самим чьи-то вещи были не нужны, и они их себе не брали. Тогда зачем участвовали в грабежах? «Просто так, от нечего делать». Итак, преступление как времяпрепровождение? Лихо!

Я не стал спрашивать у них, что такое грех и что такое добро. И без того было ясно, что представлений о морали у них не больше, чем у трёхлетних детей. У них и логика самооправдания детская: «Почему кто-то может носить модные вещи, а я не могу!» Или: «А мы никого не заставляли раздеваться. Потерпевшие сами снимали с себя. Они могли бы не снимать». Получалось, что виновны не они, подавлявшие волю своих жертв палками и даже бритвенными лезвиями, устрашающим видом своей «толпы». А виноваты потерпевшие, психически раздавленные их «толпой».

И всё же... Когда «метёлки» сняли свои шапочки, оказалось, что у них не такие уж одинаково нагловатые, очень разные глаза, в которых сохранилось что-то детское. Как говорили старые, дореволюционные юристы, порок добавляет возраст. Смыть бы их вульгарную косметику, они стали бы выглядеть совсем иначе.

Из шестерых пришедших на встречу только две показались мне опасно испорченными. Другие четверо были нормальными девочками. Но это была какая-то особая нормальность, в которой ещё предстояло разобраться. Для этого требовалось время. Но девочки быстро устали и стали спрашивать, когда я поведу их в буфет.

Следственный изолятор в Чебоксарах.

— Я не главная, я простая как все,— сказала мне Таня и попросила разрешения закурить.

— Пусть так,— сказал я.— Но ты одна из самых старших. Тебе полных 16 лет. Ты, по крайней мере, можешь объяснить, почему пошла раздевать.

— Как это получилось? — с неопределённой интонацией произнесла Таня.— Училась в музыкальной школе по классу фортепиано. Да, да! Не удивляйтесь! Восьмой класс закончила всего с двумя тройками. И поехала поступать в педучилище в Канаш. Это в ста километрах от Чебоксар. Решила стать учительницей музыки. Но была ещё одна причина. Надоели пацаны. Они у нас особенные. Нет ни одной девчонки, про которую бы не распускали слетни. Она, мол, такая-сякая. Мою подругу, когда ей было 13 лет, изнасиловал один парень, а потом разболтал. И она боялась из дома выйти. К ней сразу же приставали. Давай, мы тоже хотим. Ну и возомнили, что если моя подруга уже не девочка, то я тоже... А меня дома воспитали строго. Я даже не представляла, как это можно замуж недевочкой выйти. И меня это страшно бесило — то, как пацаны к девчонкам относятся. Им ведь изнасиловать ничего не стоит. Это даже за преступление не считается. И попробуй пожалуйся. Тогда вообще житья не дадут. Одни девчонки становятся личнухами — их кто-то один лично использует. Другие становятся долбёжками. Они — общие. Лет в 10–11 пацану говорят: сейчас ты станешь мужчиной. Кладут под него девчонку. А потом идут «толпой» праздновать. Такой обряд. Ой, не могу, противно! Зло берёт, что девчонка всегда как бы сама во всём виновата. Если её используют «толпой» и кто-то один заразный, то все сразу заражаются. А девчонка — виновата. В больницу идти боится. Узнают соседи, учителя, родители. Триппер в «толпах» за простуду считается. Пацаны прямо при девчонках говорят, кто чем переболел. Я ругалась с ними из-за этого. Меня — били. Чаще всего — ногами.

Преступные действия на юридическом языке называются эпизодами. Каждый эпизод подробно, с участием потерпевших и свидетелей, разбирается в суде и получает соответствующую правовую оценку. Слушая дальнейший рассказ Тани о том, как она дошла до такой

жизни, я поймал себя на мысли, что это тоже эпизоды. Тоже преступные действия. Только против будущей преступницы, в данном случае против Тани. Но суд не будет разбираться в этих эпизодах. Во-первых, не обязан. Во-вторых, нечто подобное могла бы рассказать о себе каждая из участниц их шайки. Всех не выслушаешь. Отметим это и дослушаем Таню.

— Я уехала из Чебоксар, потому что просто боялась там жить. Думала, в Канаше потише, ребята сельские получше. Ох, и дура же была! Когда мы не пускали их в свою общежитскую комнату, они просто вышибали дверь. Вахтёрши тряслись от страха. Если бы вы только знали, сколько в училище было изнасиловано девчонок! Учителя, конечно, догадывались, но, как и все, боялись.

Меня тоже пытались... Я кое-как отбилась. Потом влюбилась в одного. Симпатичный. Но такой же, как все. Привёл меня к своим друзьям. Их было семь человек. Все пьяные.

Полезли... Я заехала одному бутылкой по голове, выбила стекло. Убежала.

Я не знала, что делать. Бросить учёбу? Возвратиться домой? К тому, от чего бежала? Смешно! И я поступила так, как поступают многие. Трое мужиков лет по тридцать решили меня изнасиловать. Я недолго сопротивлялась. Зато потом сопливые пацаны уже боялись ко мне лезть. Мужики (это были местные кооператоры и отсидевшие) дарили мне косметику, давали деньги. Собирались мы у одной студентки, которая снимала трёхкомнатную квартиру. Хозяйки не было. Первый раз я пришла и обалдела. В одной комнате колотятся, в другой шмантуются (клей «Момент» нюхают), в третьей — трахаются. Я два раза кольнула. Мне не понравилось. Шмантоваться любила.

Потом поняла, что пропадаю. Уехала в Цивильск, поступила в культпросветучилище. Но за мной уже шла слава. Бывали дни, когда пацаны пытались изнасиловать несколько раз. Били зверски. Ногами. По почкам. Грозилась, что убьют, если не соглашусь. Я вернулась в Чебоксары. Но я была уже другим человеком. Когда девчонки кого-нибудь били, мне уже не было жалко. Я думала: а меня кто-нибудь жалел?

Один раз, правда, пожалела. Девчонке, которую мы хотели раздеть, стало плохо. Оказывается, она была после операции. Я позвонила в «скорую». Возвращаюсь,

вижу: другая потерпевшая стоит, ревёт, всё лицо в крови. Она отказалась снять с себя что-то. И ей порезали бритвой лицо. Теперь те, кто резал, гуляют на свободе под подпиской о невыезде, а я сижу в вонючем изоляторе. От меня требуют фамилий, считают, что я всех объединяла. Но вы-то теперь понимаете, что это не так?

Говорят, первые «метёлки» появились в Чувашии лет двадцать назад. И сейчас мы имеем дело со вторым поколением, которое охватило своим влиянием сотни девчонок из вполне благополучных семей. Дочь одного милицейского начальника предъявила отцу ультиматум: или он уйдёт из органов, или она уйдёт из дома.

В тех же Чебоксарах женщина (бывшая «метёлка») бросила под колёса милицейской машины своего двухлетнего малыша, когда увозили её дружка, арестованного за кражу.

Всё чаще жертвами необузданного нрава «метёлок» становятся и родители. Шестнадцатилетняя Медведева, сильно сердитая на отца, недовольного её поздними возвращениями, в состоянии сильного опьянения взяла нож и убила спящего родителя.

Мы обсудили с Таней возможные варианты её дальнейшей судьбы и вот к чему пришли... Допустим, ей назначат отсрочку приговора, оставят на свободе. «Тогда, чтобы отвязаться от дружок-подружек, надо уезжать из Чебоксар. Но... Но ведь я же уезжала...»

«А если тебя посадят?» — «Освобожусь — отомщу тем, кто давал показания, что я якобы была главная». — «Боишься получить срок?» — «Боюсь, совсем здесь свихнусь. И резалась, и вешалась уже». Таня показала полоски шрамов на том месте, где вскрывала вены. «И ещё боюсь, что стану ещё большим ничтожеством. Стану, как все зэчки». — «Если понимаешь, что с тобой может произойти дальше, — будь сильной!» Таня усмехнулась: «Если на свободе не смогла, то здесь... Надзиратели просят полы помыть, а сами, как голодные звери, готовы схватить, помазать. Предлагали не раз... Можно было бы за жратву, за сигареты. Но мне «папа» помогает. Смертник, который рядом сидит. Открытки мне пишет. Поддерживает морально и материально».

Прошло полгода. Недавно я снова побывал в Чебоксарах. Узнал, что суд назначил Ире Новокрещёновой меру наказания, не связанную с лишением свободы. Приехал к ней домой и тихо ахнул. Совершенно голая квартира. Нищета ужасающая. Ира и её младшие сестрёнки и братья, с которыми она до сих пор возится, нигде не работая, одеты так, что сердце сжалось. Ира уже не улыбалась. Была какая-то поблёкшая.

Настроение можно было не выяснять. И всё же я спросил. «В тюрьме было веселее», — сказала Ира. И, наверное, сытнее, добавил я про себя. «Постоянно думаю о тюрьме, скучаю по ней», — добавила Ира.

Стал спрашивать в милиции о Тане. Мне сказали, что следствие ещё не закончено. Таня всё ещё там. Можно было бы и выпустить, взяв подписку о невыезде. Но ведь Таня грозилась отомстить тем, кто сваливал на неё всю вину... «Нет уж, пусть сидит».

Если есть Бог на небе, он, наверное, отвернулся от нас...

1992 г.

НА КОГО РАБОТАЕТЕ?

Сегодня преступников порождают не только условия жизни, но и сама преступность. В стране есть не только города, но и целые регионы, например Поволжье, где жизнь подростка на улице очень похожа на жизнь в колонии. С пацана или девчонки, которые приезжают вместе с родителями на жительство, берут до 30 рублей. Это называется прописка. Есть компании, где в чем-либо провинившихся мальчишек опускают, подвергая особой процедуре унижения. В это трудно поверить, но уже начали опускать даже девчонок, если они отказываются вступить с парнями в половую связь.

Подростки на воле начали портачиться, наносить себе татуировки. Пацан ещё не бывал в милиции, а уже выколол себе квадрат из четырёх точек с точкой посередине. Это означает, что он сидел. Никто ещё толком не занимался его исправлением, а он уже выколол крест, означающий: я неисправим.

Если раньше преступная среда в детском исправительном учреждении портила новичка, то сегодня он в

этом смысле приходит уже готовеньким. Сегодня совершенно другая, более высокая степень испорченности. Подросток гораздо больше склонен к насилию над другими и не так остро переживает насилие по отношению к себе. Он твёрдо убеждён, что все люди нечестны, злы и жестоки. Значит, и он тоже — чтобы выжить — должен быть таким. Исправлять сегодняшних несовершеннолетних правонарушителей гораздо труднее, чем хотя бы во времена Макаренко.

Несовершеннолетнего правонарушителя формирует не только чрезвычайно криминогенная уличная среда. Сказывается и то, что народ десятилетиями живёт беззаконием. В семье подростка, осуждённого за хулиганство, отец нещадно колотит мать, а мать, когда отец упьётся, берёт в руки что потяжелее и до изнеможения вымещает на супруге свою лютую обиду. В семье подростка, осуждённого за кражу, как минимум один из родителей постоянно что-то тащит с работы, что-то «химичит». Подросток-насильник никогда не видел уважительного отношения к женщине.

Иных родителей ни в чём подобном обвинить нельзя. Но их невольное соучастие в становлении сына как преступника заключается в том, что они не борются за него. Боятся выйти на улицу, подойти к компании и сказать главарям: оставьте моего сына в покое или я не знаю что сделаю! Сын хотел бы освободиться из-под власти уличных главарей. Но кто его защитит? Родители? Он видит, что отец сам боится. И пацан начинает сознавать, что преступное общество всесильно. А уличные главари видят, что родители боятся, и ведут себя ещё наглее.

Но вот — не уберегли родители пацана. Он осуждён, отправлен в колонию, отбыл срок, вернулся. Ему снова требуется родительская защита. Старые дружки могут снова потянуть за собой. А тут ещё и милиция поглядывает косо, какое преступление рядом ни случится, начинают подозревать. Тоже нужно уметь защитить. Ведь парень может нагубить, не так себя повести.

Часто подросток начинает совершать преступления, которые не выходят за рамки уличной подростковой среды. Кого-то «с т а в я т н а с ч е т ч и к» — мальчишка, избранный жертвой, обязан достать и принести такую-ту сумму денег. Занимаются «прикидкой» — открыто раздевают, даже в школьных туалетах. Снимают

модные предметы одежды, Те, кого ограбили, молчат. Знают, что если пожалуются родителям, учителям или милиции, на улице узнают и будет ещё хуже. Вовремя разоблачить и остановить подобные преступления могут только родители. Но... Они видят у сына чужие вещи, деньги и... молчат...

Нам нужны такие книги о подростках, которые были бы интересны и понятны им самим. Им так важно понять самих себя. Кто поможет? Родители? Им некогда. В свободную минуту они отчитывают. Объяснить сыну, что с ним происходит, им некогда.

На мой взгляд, самая главная черта подростка — неуверенность в себе. Постоянное, изнуряющее ощущение лёгкого или сильного страха перед более сильными сверстниками, перед старшими ребятами, перед родителями, если они чрезмерно строги, перед учителями, считающими, что для подростка всего важнее — усваивать то, что они преподают, а не то, каким он растёт человеком.

Когда человек боится, у него возникает совершенно естественное стремление либо найти себе защиту, либо как-то заглушить свой страх, либо стать сильным и на ком-то отыграться за свои былые страхи. Вот этот поиск состояния, альтернативного состоянию неуверенности и страха и ведёт подростка в дурную компанию, к употреблению спиртного, токсических веществ и наркотиков, насильственному преступлению, направленному на то, чтобы вызвать страх у другого человека и насладиться своим превосходством.

Бывая в колониях, я мысленно представлял, какие чувства испытывают воспитатели, глядя на своих подопечных. Всех вместе взятых — стриженных, лопоухих, тоскливоглазых — жалко. Очень жалко. А каждого в отдельности? Тоже жалко. Но только до тех пор, пока не прочитаешь приговор.

Кто-то, с лицом херувима, оказывается, девочку трёхлетнюю изнасиловал, задушил и закопал. Читаешь — трудно дышать. А начитавшись, ловишь себя на том, что жалости той, что была, уже нет. Ни ко всем вместе, ни к каждому в отдельности.

И вот я примериваю на себя. Каково было бы мне

в роли воспитателя? Спрашиваю себя: легко ли было бы мне относиться к таким мерзавцам, как учил Макаренко, с оптимистической гипотезой... Я отдаю себе отчёт в том, что он (малолетний преступник) негодяй и, может быть, негодяем и останется, но я обязан, профессиональный долг велит, верить в то, что он станет человеком. Трудная обязанность.

Пытался я представить себе и другое: как работал бы сегодня Макаренко? Не думаю, что он стал бы содержать вместе осуждённых за насильственные и корыстные преступления. Уж очень это разные люди.

Участие в изнасиловании требует целого набора специфических качеств. Насильник агрессивен, невероятно циничен, совершенно лишён способности к сочувствию и сопереживанию чужой боли. Он жесток. Вспомним: множество подобных преступлений заканчиваются убийствами. Воришка, в этом сравнении, существо почти безобидное. Я подчёркиваю: в этом сравнении! Для того чтобы сделать насильника другим человеком, требуется совершенно другая педагогическая инструментовка, чем при воспитании того, кто нечист на руку. Нужно работать над совершенно другими, как сказал бы Макаренко, отделами души. А мы держим их вместе, и это приводит, я уверен, к своеобразному заражению. Насилие заразительно!

Если среди сегодняшних колонистов так много насильников, то первый принцип воздействия на них напрашивается такой — в самой жизни колонистов должно быть как можно меньше насилия над личностью. Как со стороны администрации по отношению к ребятам, так и ребят по отношению друг к другу.

Давайте уточним очень важную вещь: какие действия воспитателей ребята воспринимают как насилие? Самое распространённое наказание — наложение запрета на просмотр телепередач. А что такое в этом возрасте телевизор? Глядя на экран, пацан мысленно находится на свободе. Он просыпается утром, и первое, о чём он думает: скорее бы вечер, когда можно посидеть у телевизора. Весь день он думает о других вещах, но эта мысль мелькает у него постоянно. Телевизор — это то, что Макаренко называл ближайшей перспективой. Обещая и гарантируя воспитанникам эту перспективу, он добивался того, что они стремились быть лучше.

Я перечитал Макаренко не один раз. И не помню, чтобы он кого-то наказывал лишением ближайшей перспективы.

Всеми фибрами души Макаренко отвергал любые формы насилия над личностью подростка. Потому и отчеканил свою формулу: «Как можно больше требования к воспитаннику, как можно больше уважения к нему».

Звучит дико. Кого уважать? Вора? Насильника? Убийцу? Но, может быть, у Макаренко были какие-то другие воспитанники, которых можно было уважать? Да нет, были и убийцы, и грабители с большой дороги, и блатные. Как же он додумался до такого — требовать от себя и от других воспитателей уважения к преступнику?

Вероятно, Макаренко понимал, что этим голодным, настрадавшимся, испорченным, ни во что не верящим детям требуется возвышающее душу потрясение. Но потрясение не разовое, не минутное, а постоянное, длительное.

Кто знает, может быть, уважение требуется человеку даже больше, чем любовь. И Макаренко своим острым чутьём психолога и педагога это почувствовал.

Он, как известно, начинал наказывать только тех, кто получал звание коммунара. Но для того чтобы это звание получить, нужно было довольно долго заслуживать уважение со стороны коллектива.

Представляете, какое причудливое построение. Я, беспризорник, который воровал, может быть, даже кого-то ограбил или убил, прихожу в колонию и начинаю куролесить: то побую кого-нибудь, то украду что-нибудь. А на меня смотрят, как на больного, с сочувствием и состраданием и... не наказывают. Говорят: «Рано ещё. Вот станешь человеком...».

Вы представляете, что творится у меня в душе? Я теряюсь. Я не знаю, как себя вести. Я одно только понимаю: мне надо вести себя так же, как все. Я начинаю перестраиваться. Не получаю замечаний и вижу, чувствую по отношению к себе такое уважение, которое просто страшно потерять. Не так страшно потерять обычное уважение. А вот когда тебя очень уважают, тогда — страшно.

Макаренко был большим мастером менять местами привычные понятия. Чисто внешне эта перестановка

выглядела парадоксально, почти нелепо. Но если вдуматься... Ну, например, он утверждал, что дисциплина есть не цель, не средство, а результат воспитания. Это то состояние детской личности или целого детского коллектива, которое надо создавать. А у нас до сих пор? Всё наоборот! У нас в большинстве колоний и даже обычных школ прочно укоренились антимакаренковские методы. Так будет правильной сказать. А воспитатели убеждены, что работают по Макаренко.

Макаренко заявлял, что до отдельной детской личности ему нет никакого дела. Что он не занимается так называемой парной вознёй. На самом деле для него, конечно же, не было ничего важнее конкретной детской судьбы. И это мог почувствовать всякий, кто внимательно читал «Педагогическую поэму». Какие там выписаны характеры! Какая любовь именно к личности!

Но Макаренко — в целях воспитания — утверждал, что до личности ему дела нет. Он работает с коллективом. А уж коллектив пусть разбирается с каждым по отдельности, влияет на каждого. Назывался такой приём педагогикой параллельного действия.

У нас ухватились именно за этот приём! Точнее, за его подобию. Потому что так удобнее работать. Воспитателям трудно, почти невозможно дойти до каждого. К тому же ребята чаще всего бывают без воспитателя. Вот и создали между ними такие отношения, чтобы старшие, назначенные на командные должности, всё делали для того, чтобы не было нарушений дисциплины, чтобы выполнялся план, чтобы ни у кого не было двоек в школе, ну и, конечно, чтобы не было никаких преступлений.

Вы посмотрите, как они сидят в колонийской столовой. Большие, огромные парни — отдельно. Те, кто поменьше, — отдельно. И самые меньшие — отдельно. Вы взгляните в больших! Внимательно взгляните. Им по 18–20 лет. А самым младшим — 14. Огромная разница! Давайте говорить прямо. В их возрасте — страшный напор сексуальной энергии. И чем меньше культуры и духовности, тем сильнее этот напор. А они получают из рук воспитателей почти необъятную власть. В их распоряжении мальчишки...

Ему приходится недоедать, этому маленькому пацану. Самая густая часть супа остаётся у мордovorотов. Ему присылают посылки или приносят передачи. Наиболее

калорийные продукты он добровольно несёт мордovorотам. Если не принесёт сам, они отберут силой и ещё отобьют всё внутри. На работе он вкалывает, а мордovorоты присматривают за ним.

Только недавно было отменено (езде ли?) самое распространённое воспитательное мероприятие — двухчасовая маршировка по кругу, после которой пацаны не чувствуют ног. От усталости пацан постоянно хочет спать. И он засыпает на каком-нибудь мероприятии под монотонный голос воспитателя, за что получает наказание — мыть полы. Как бы хорошо он ни вымыл, всегда можно придраться. И мордovorоты придерутся. Ведь он принёс отряду нарушение! С отряда сняты баллы....

У Макаренко тоже были разновозрастные отряды. Он тоже пользовался тем, что у подростков каждый старший — непре- каемый авторитет для каждого младшего. Он писал, что и у него «была тенденция выдвигать во главу первичного коллектива наиболее способного, наиболее бластного мальчика, способного держать всё в руках: командовать, нажимать». Но он тут же делает оговорку: «Ни один воспитанник, как бы он ни был мал и слабоси- лен или нов в коллективе, не должен чувствовать своего обособле- ния и незащищенности. В коллективе должно быть крепким законом, что никто не только не имеет права, но не имеет и возможности безнаказанно издеваться, куражиться или насильничать».

Что же происходит у нас? Насилие со стороны актива как бы не замечается, а нередко даже насаждается воспитателем. Прови- нился один — наказываются все. Стоят, пока разгильдяй не приве- дёт в порядок свой внешний вид. Лишаются просмотра телевизора или кино. Выбираются самые чувствительные наказания. Вполне возможно, что в следующий раз провинившийся уже ничего такого не допустит. Но какой ценой?

Вот письмо, полученное от взрослого мужчины. «Сегодня, — пишет он, — спустя много лет, при одной мысли о том, что проис- ходило со мной в стенах Бобровской ВТК, у меня начинают дро- жать руки. Я не был в отрицаловке. Я был членом библиотечной комиссии, а это почти актив. Но я не мог выдержать каждоднев- ных разборок. Каждый вечер наше отделение выстраивалось, и бугор надевал перчатки. За нарушение режима

виновный получал по морде или по почкам. Били за плохо пришитую пуговицу, за плохо начищенные сапоги, за дырку в одежде, за курение в неположенном месте. За более серьёзные нарушения виновника ждало нечто ужасное. Знаю паренька, которого пропустили через строй актива, а в руках у каждого активиста была табуретка. За слушание нас подвергали «телефону». Это когда из всех сил бьют ладонями сразу по обоим ушам. После этого часа два ничего не слышишь. Последствия этого «телефона» я испытываю до сих пор...»

Мы говорим: оступившийся человек должен держать ответ перед своей совестью. Но когда пацану заниматься самоанализом и самоосуждением, если он постоянно думает об одном: как сохранить своё достоинство?

Мы говорим: для того, чтобы осуждённый не совершил вновь преступление, у него нужно сформировать правосознание. Вдумаемся в это слово. Человек должен правильно сознавать свои и чужие человеческие права, уметь их учитывать, считаться с ними. А что происходит у нас? С одной стороны — по крайней мере до недавнего времени — все самые минимальные человеческие права у осуждённого отнимал исправительно-трудовой кодекс. Воспитанник не имел возможности получить хотя бы одно длительное свидание с родителями. Не мог в нормальной обстановке поговорить с ними. Не мог написать столько писем, сколько ему хочется. Не мог, не мог, не мог... Он был бесправнее, чем раб. А мы ожидали от него какой-то нравственности. Вспомним Ушинского: «Существо бесправное может быть добрым или злым, но нравственным быть не может».

С одной стороны, бесправие создавал исправительно-трудовой кодекс, с другой — актив. Актив, который отбирал даже то, что оставлял кодекс.

Леонид Габышев (автор известного романа «Одлян, или Воздух свободы») побывав в колонии, в которой отбывал когда-то срок, рассказывал мне, что его поразила одна вещь, которую он видел раньше только в колониях для взрослых. Пацаны делают из стальной проволоки крючок, прикрепляют к крючку нитку и заглаживают его. Нитка нужна для того, чтобы показать её

кому-нибудь из персонала. Иначе не поверят, не поведут к врачу. А если вовремя не сделать операцию, кишки наворачиваются на крючок и — конец.

«Зажрались», — объяснил замполит. Даже он не может (или не хочет?) понять, что от хорошей жизни не играют своей жизнью. Ведь врачи могут спасти, а могут и не спасти...

Я много думал: что же нам делать? Как изменить положение в колониях для несовершеннолетних? Ведь это ясно, как дважды два, что меры по гуманизации условий содержания сами по себе мало что дадут. Напротив, те, кто ничего не понял, ни в чём не раскаялся (а таких, мне кажется, большинство), просто будут жить ещё вольготней.

Как изменить? В общем-то вопрос несколько наивный. Мы каждый день без передыху говорим о перестройке, а ведь ничего не меняется. Напротив, жить становится всё труднее. Почему же должно что-то резко меняться к лучшему в наших местах лишения свободы?

И всё же надо что-то делать.

Некоторые говорят: нужно убрать из жизни колонии производственный план, чтобы заботы о плане не ставились впереди задачи воспитания. Но я сошлюсь на того же Макаренко. Он писал, что промфинплан — лучший воспитатель. Почему? Да потому, что воспитанники Макаренко участвовали в организации производства, совершенствовании технологии и т. д. Они были заинтересованы в конечных результатах труда, потому что этот труд хорошо оплачивался. Молодой человек готовил себя к самостоятельной жизни, он знал, что выйдет из колонии обеспеченным.

Давайте вспомним, какую продукцию выпускали воспитанники Макаренко. Фотоаппараты ФЭД! Это примерно всё равно, если бы сегодня выпускали видеоманитофоны. Одно дело, когда пацан целую смену крутит какие-то железки, получает за это копейки, ненавидит свою однообразную, грязную, низкооплачиваемую работу, которая никогда в жизни ему не пригодится. И совсем другое — если он научится делать престижное изделие. Это специальность на всю жизнь. Это уважение окружающих. Это самоуважение.

Перевоспитывать без труда невозможно. Без труда можно только держать в изоляции. Всё дело — в виде труда. Один вид труда работает на перевоспитание, другой — работает на ещё большую порчу.

Но вернёмся к вопросу: что же нам сделать, чтобы пацан выходил из ВТК и больше никогда туда не попадал?

Здесь нам не обойти вечный вопрос: что лучше? Когда воспитанники боятся воспитателя? Или когда они его уважают?

С каких-то пор в нашей исправительной системе возобладало убеждение, что современного несовершеннолетнего правонарушителя можно держать в руках только строгостью, только страхом.

Но вспомним Макаренко. Ведь он каким-то чудом обходился без карцера. И если бы он увидел, что из себя представляет дисциплинарный изолятор, боюсь, ему изменила бы выдержка.

Дело даже не в том, что все сегодняшние строгости негуманны, вредны для здоровья, а довольно часто и для самой жизни. Они ещё и бесполезны. Они никого ещё не сделали лучше. После отсидки в том же дисциплинарном изоляторе наказанный выходит героем, повышает свой преступный статус, получает сильнейший заряд ненависти к тому, кто его наказал, к нашей исправительной системе. Он становится не только врагом закона и права, но и врагом государства и общества.

Держать в страхе... Не понимаю, как люди, хорошо знающие уголовную среду, могут работать по такому принципу. Ведь те, кого они призваны переделать, перековать, тоже строят свои взаимоотношения на страхе и жестокости. Так кто же у кого находится под влиянием?

Подростки, может, так не рассуждают. Они просто чувствуют, что воспитатели строят свою работу как-то не так, не по-человечески, несправедливо, недостойно. И не уважают их. Более того — ненавидят. А разве может воспитатель, которого ненавидят, вернуть обществу нормального человека?

Если воспитатели всё это понимают, то почему они раздают наказания направо и налево? Это же непрофессионально. Если же они не понимают, что воспитание, построенное на страхе, даёт в результате только

зло, умножение зла, то это... тем более непрофессионально.

Если воспитатель знает, какими методами актив его отряда добивается высоких показателей в труде, учёбе и в быту, то его нужно немедленно отдавать под суд. Это преступник. Если же он этого не знает, то его, воспитателя, нужно немедленно увольнять за педагогическую слепоту, за непрофессиональное отношение к делу.

По-моему, воспитатели редко спрашивают себя: а на кого они, собственно, работают? Если на государство, то для них всего важнее должна быть цель — выпустить своих воспитанников нормальными людьми, которые никогда больше не совершат ничего противоправного.

Если же воспитатель работает иначе, не на государство, то... на кого же он работает?

1991 г.

ПУТЕШЕСТВИЕ ЗА
СНЕЖНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

Если это чудо, то достаточно будет свидетеля, если же факт — необходимы неопровержимые доказательства.

Марк Твен

До недавнего времени «снежного человека» искали в вечных снегах Гималаев и Тянь-Шаня, ущельях Памира и Кавказа, Десятки фанатиков-искателей, что называется, положили жизнь на раскрытие одной из жгучих тайн Земли. И вот выясняется, что существуют куда более перспективные места. Самые потрясающие сообщения поступают теперь из географически противоположного региона: из Мурманской и Архангельской областей.

КТО ЖЕ МЕНЯ СПАС?

Более сорока лет изучаю я целебные свойства лекарственных растений.

В конце лета этот интерес привёл меня с одним студентом на берега Мегры. Места там глухие, заповедные, манят обилием трав, грибов и ягод...

Подбросили нас на вертолёте. У озера отыскалось ровное место, там и поставили палатку.

Как-то я переправился на другой берег. Сразу очутился на полянке, за которой начинался густой ельник. После дождика всюду росли подосиновики. Ими стал наполнять прихваченный короб.

И тут из кустов подбежал ко мне медвежонок, забавно затыкал. В ответ на его зов раздался рёв медведицы. Стало слышно, как она ломилась через ельник к своему детёнышу.

У меня был нож, но им от медведя не оборонишься. Бросив короб, я кинулся к лодке. И тут меня заставил оглянуться невероятно страшный вопль. Увиденное может случиться разве что в бредовом сне. Огромное гориллообразное существо держало в своих толстых «руках» медведицу. Ростом оно было не меньше двух с половиной метров, голова с низкопокатым лбом, всё тело покрыто густой коричневой шерстью.

Оскалив громадные зубы, гоминоид издал такой рёв, что у меня чуть не лопнули барабанные перепонки, и разорвал медведицу пополам.

Я метнулся к лодке, плюхнулся в неё и стал лихорадочно грести. Грозное существо меня, однако, не преследовало. Вместе с Сашей мы вырубали дубинки, а напротив палатки наворотили кучу хвороста, чтобы в случае чего его поджечь. Ночью не спали, прислушивались к шорохам. Всё было тихо.

Каково же было наше удивление, когда на рассвете, выбравшись из палатки, увидели мой короб, наполненный грибами. Около него была огромная куча боровиков. Кто же их принёс? Никаких следов мы не нашли...

В полдень, как было условлено, за нами прилетел вертолёт. Нашему рассказу лётчик не поверил. О случившемся никому, даже родственникам, не сказали ни слова. Ещё подумают, что свихнулись.

Будущим летом я снова поеду на Мегру. Прихвачу с собой кинокамеру. Вдруг снова повстречается то существо. Разумное ли оно? Можно ли установить с ним контакт? Каков его образ жизни? Вопросы требуют ответа.

Н. АЛЕУТСКИЙ, профессор, заведующий
кафедрой фармакологии медицинского
института.

г. Архангельск.

1992 г.

ТРУДНО ПОВЕРИТЬ...

В четыре часа утра к дежурному Ловозерского райисполкома пришли встревоженные подростки: на них якобы напало неизвестное существо. Произошло это километрах в сорока от районного центра, на берегу озера, где ребята рыбачили целую неделю...

В один из вечеров подростки, сидевшие у костра, услышали чьи-то шаги. «Медведь», — решили они. Но неожиданно из темноты в них полетели камни. А потом между деревьями появилась фигура похожего на человека существа огромного роста. Подростки, испугавшись, спрятались в избу. Непрошенный гость обошёл её, забрался на крышу.

В следующий вечер всё повторилось. Афоня, так называли подростки «незнакомца», вёл себя миролюбиво, с любопытством заглянул в окошко избу.

Существо, как утверждают, было покрыто серой шерстью, ходило на двух ногах, хотя иногда по-обезьяньи прыгало с места на место. Рост Афони был примерно два с половиной метра, его голос напоминал мычание.

Страх перед необычным гостем у ребят оставался, но постепенно налаживался и своеобразный контакт. Афоня бегал по берегу озера наперегонки с моторной лодкой, порой сидел на четвереньках недалеко от костра.

О встречах с неизвестным существом узнали в райцентре, куда подростки приезжали на лодках за продуктами. У взрослых известие вызвало лишь иронические улыбки. Любопытство проявили только друзья тех мальчишек, которые первыми увидели Афоню. Они приезжали на лодках, чтобы посмотреть на него. Тринадцать подростков видели неизвестного.

Наконец, взрослые всё-таки заинтересовались. На место приехали два егеря и старший охотовед заказника И. Павлов. Вечером он увидел Афоню метрах в двадцати от себя.

— В первые секунды трудно было определить, кто стоит передо мной, — вспоминает Игорь Владимирович. — Но после того как я крикнул, существо повернулось боком и медленно пошло между деревьями...

Ночью Афоня снова появился около избу, чем-то сильно ударил в стену, взобрался на крышу. Был он и в ту ночь, когда в избе вместе с ребятами ночевали московские криптозоологи. А потом исчез. Выпал снег, грянули морозы, и поиски прекратились.

Подтверждают реальность того, что произошло на берегу озера, многочисленные следы Афони. Удалось также обнаружить его лёжку, образцы шерсти и помёт.

Московскими судебно-медицинскими экспертами были исследованы образцы. Заключение сделано следующее: ни одному из известных травоядных они не принадлежат.

Как только рассказ о событиях на Ловозере появился в местных газетах, нашлось немало других очевидцев, которые встречались с двуногим существом или видели его следы. В Мурманск поступают письма из других городов, в которых тоже приводятся интересные факты. Москвич Степанов строил на Кольском полуострове в 1951 году железную дорогу. Однажды всей бригадой, в которой было тридцать человек, они довольно долго наблюдали за двуногим волосатым существом, которое кормилось ягодами на склоне горы. Делятся впечатлениями о встречах с «диким человеком» и оленеводы. А ловозерская районная газета рассказала о любопытной истории, которая произошла в 1942 году. В одном из посёлков пропал мальчик. Несколько дней его искали в тайге, но тщетно. Решили, что ребёнок замёрз в лесу, ведь дело было зимой. Но, к счастью, он объявился через неделю и рассказал, что всё это время находился в пещере, куда его якобы отнёс какой-то «волосатый человек». В этой же пещере жили и другие, похожие на него существа. Питались они корешками каких-то растений, кормили ими и мальчика. Непривычный к такой еде, он вскоре заболел. Тогда его принесли обратно к посёлку...

Л. ЕРШОВ, криптозоолог.
г. Мурманск.

1992 г.

НАСТОЯЩИЙ КИНГ-КОНГ

Снежный человек, которого ищут экспедиции в Гималаях, объявился в семи километрах от Каргополя, на территории воинской части дорожных строителей. Произошло это в ночь с 24 на 25 января.

...Военные строители в местечке Соснино появились в апреле 88-го. Поставили палатки на огромной ровной поляне, окружённой лесом. Потом стали строить казармы. Местные жители головами качали: «Ой, ребятки,

не туда вас селят... Богом проклятая деревня на этом месте стояла. То вода пропадёт, то скот сгинет, а уж горела сколько раз... Так и ушли из неё люди. Нечистое место...»

Когда в декабре 90-го солдат-каракалпак рассказал, что видел возле автопарка «белого лохматого человека», над ним посмеялись. Но вот, ровно через год, 26 декабря 1991 года, новый случай.

Рассказывает рядовой Боходир Бабаджанов:

— Перед ужином, часов в шесть вечера, я зашёл в умывальник. Стою, мою руки. Вдруг кто-то положил мне руку на плечо. Я повернулся... Это был белый человек. Рост примерно два с половиной метра. Я ему был по грудь. Белые, длинные волосы, белые брови, серая, можно сказать, седая шерсть, глаза красные, большие, уши величиной с ладонь. Когда я повернулся к нему, он положил мне на другое плечо свою вторую руку. Я закричал, вырвался и побежал в спальное отделение...

Три недели после этого случая парень находился в состоянии глубокого стресса. Две недели не мог разговаривать, объяснялся только записками. Написал объяснительную. Но ему не поверили.

А в ночь с 24 на 25 января «снежного человека» видели уже несколько солдат.

Рассказывает рядовой Абдулмуталиб Аширов:

— В ту ночь я стоял дневальным. После полуночи из умывальника вышел огромный белый человек и как-то боком пошёл по направлению ко мне. Шаги были тихие, почти беззвучные. А рядом с ним шёл детёныш, примерно одного метра ростом. Я закричал и побежал в спальное помещение. Сказал дежурному по роте. Он поднял роту.

Мы все сбились в кучу. А белый человек несколько раз заходил в казарму и стоял возле печки. Иногда он издавал звук «у-у-у», а детёныш, будто маленький ребёнок, плакал. Примерно через полчаса они ушли.

Рассказывает рядовой Даврон Рахимов:

— Я спал, когда дежурный поднял нас: «Белый человек ходит!» Я не поверил. Одежда и побежал из спального помещения. Открыл дверь и с разбега упёрся головой во что-то мягкое. В нос ударил тошнотворный запах шерсти... Больше ничего не помню.

Я потерял сознание... Это было очень страшно. Вспоминать не хочется.

Рассказывает старший лейтенант Эдуард Логвинович:

— В ночь с 24 на 25 января я был дежурным по части. Часа в два ночи обошёл все посты, возвращаюсь назад и слышу крики во второй казарме. Захожу: не спят, сгрудились возле печки, возбуждённые: «Белый человек ходит»... Рахимов лежал на кровати с открытыми глазами, без сознания. С трудом привели его в чувство. А утром — ещё одна сенсация. Огромные следы уходили с территории части в лес и обрывались в карьере. Следы были и на крыше одной из казарм и чайной. С колючей проволоки на заборе сняли клочок шерсти. Несколько волосинок обнаружили на тумбочке, где сидел детёныш.

Рассказывает Александр Стуков, журналист газеты «Каргополь»:

— 27-го вечером нам позвонили: «У нас «снежный человек»!» Следы уже немного подзамело, но они были довольно отчётливы. Я измерил их рулеткой: длина — 55 сантиметров, ширина — 15... Серповидные, пятка уже, чем носок, пальцев не видно, видимо, потому, что «снежный человек» косолапил. Что странно: мы идём по целине — проваливаемся, а глубина следа гоминоида не более 20 см... Видели следы молодого волка, который так и не решился пересечь следы «снежного человека». Попалась на пути и молодая сосенка, сломанная на высоте 3,5 метра.

Начальник Каргопольского РОВД В. П. Корзун, оценивая приметы появления «снежного человека», сказал:

«На правду тянет...» И всё сокрушался, что не догадались военные вызвать милицию: «Мы бы провели квалифицированный осмотр места происшествия. И следы бы зафиксировали, и рост, и вес бы определили... Зря не позвали!»

Ольга ТАРАСОВА,
корреспондент газеты
«Северный комсомолец».
г. Архангельск.

1992 г.

Всякий здравомыслящий исследователь должен исходить из презумпции отсутствия чуда.

Самый банальный аргумент скептиков: кто его видел? Уязвлённые криптозоологи отвечают вопросом на вопрос: а кто видел лошадь Пржевальского? дикого верблюда? дикого яка? снежного барса? десятки других редких зверей? Неужели трудно понять: если обделённые разумом животные умеют оставаться невидимыми, то существо, близкое к человеку, наверное, тем более...

И неужели не ясно: наша страна невероятно огромна, глухих мест — просто тьма. Сколько было случаев, когда дезертиры скрывались в дебрях десятилетиями и были обнаружены только тогда, когда смертельно устали от одиночества и сами вернулись к людям.

Впрочем, нужны ли общие, абстрактные рассуждения в пользу существования реликтового гоминоида, когда есть поразительные своей достоверностью конкретные примеры.

ЗАМОРОЖЕННЫЙ ГОМИНОИД

Это было в 1968 году. Американцы только что высадились на Луне. Сбылась ещё одна великая мечта: стать и в космическом прорыве «впереди планеты всей». А в это время по скотоводческим ярмаркам США кочевал экспонат, который, по словам французского учёного, стоил Луны. Но тысячи посетителей (среди которых было немало биологов, медиков, учёных), загипнотизированные иными мирами, не хотели понимать, что перед ними, может быть, величайшее из чудес — иная форма человека, тайно существующая на Земле.

Американское правительство имело право приобрести (не смотря на сопротивление владельца) или конфисковать экспонат. Или, по крайней мере, помешать его исчезновению. Но государственные мужи не пошевелили даже пальцем.

Сотрудник израильской секретной службы предлагал высадить десант. Не такой уж фантастический проект, если учесть, что на счету этой службы похищение живого человека — известного нациста Эйхмана. Но на этот шаг не согласились французский учёный Эйвельманс и американский писатель Сандерсон.

Они первые определили, что экспонируется не мумия, не чучело, а натуральное двуногое существо. С человеческими ногами. С человеческими ногтями. С человеческим курносом. Обезьяньим (в виде бочонка) было только туловище, широко разрезанный безгубый рот, половой член и волосяной покров.

Потом эксперт установит, что существо было убито из 8-миллиметрового маузера выстрелом в правый глаз. Другой глаз был выбит ударной волной. Из разможжённой задней части черепа выпадал мозг...

«Это самая дьявольская штука, которую я когда-либо видел». Слова одного американского профессора мысленно произносил, вероятно, всякий знающий толк в биологии и антропологии, кто видел саркофаг с замороженным чудовищем.

Подделка исключалась. Невозможно укрепить под определённым углом около полумиллиона волосков, воспроизвести на каучуке или воске миллионы сплетений бугорков и пор на коже, складки над мышцами и суставами, вены, пигментные пятна, прыщики, шрамы, кровоподтёки, некрозы.

Но, может быть, это был, научно говоря, аномальный индивид? Учёные проанализировали и эту версию. И пришли к выводу: чучело можно было бы сконструировать только из нескольких уродов: взять человека, страдающего волосатостью, шимпанзе со светлой кожей (или гориллу-альбиноса) и человека с совершенно необычным лицом: короткий, широкий и невероятно вздёрнутый нос, низкий и скошенный лоб, отсутствующий подбородок.

Такого рода идея могла бы прийти в голову только антропологу, хорошо знакомому с внешним обликом палеантропов. (А владелец экспоната Фрэнк Хансен был человеком, далёким от науки. Лётчик, ветеран двух войн, в Корею и Вьетнаме, он только что вышел в отставку и искал своё место на «гражданке»).

Оставался один более-менее точный вывод... Ещё в 1923 году появилась непривычная версия внешнего облика неандертальца — крайне вздёрнутый нос, объяснимый чрезвычайно развитым обонянием, необходимым для существа, ведущего скрытный, ночной образ жизни. Другая черта классических неандертальцев, установленная по найденным черепам: большие орбиты а следовательно, большие глаза, что также указывало

на сумеречное зрение. Сделав замеры, Эйвельманс пришёл к выводу, что выбитые глаза подобны огромным глазам лемура...

Хансен брал с каждого посетителя по 35 центов, и зарабатывая в год не более пятидесяти тысяч долларов, и был, кажется, доволен своим бизнесом, не соображая, что сокровище можно продать, минимум за миллион долларов. Теперь же, узнав от учёных истинную цену своему «товару», он публикует в журнале «Сага» сенсационное признание: убийство этого существа — дело его рук!

Приведу только те детали его повествования, которые нам пригодятся для дальнейших размышлений. По словам Хансена, он охотился в штате Миннесота. Выстрелом из 8-миллиметрового ружья системы «маузер» ранил лань. Пошёл по кровавому следу и увидел ужасающее зрелище. Три волосатых двуногих создания, вытащив из лани внутренности, вычерпывали кровь из брюшной полости и жадно глотали её.

Ужас парализовал Хансена. Ему казалось, что он превратился в камень. Заметив охотника, самец подпрыгнул вверх и бросился на него. У Хансена хватило мужества преодолеть оторопь и нажать на курок...

Несмотря на то, что самец был сражён насмерть, а два других существа скрылись в лесу, Хансен бросился бежать с ощущением, что человекозвери гонятся за ним по пятам. Вернувшись к партнёрам по охоте, он не решается рассказать им о случившемся. Это могло привести к тому, что ему запретили бы летать и он был бы вынужден уволиться из армии, не дослужив до положенных двадцати лет, дающих право на приличную пенсию...

Опустим подробности, как Хансен всё же преодолел страх и вернулся к месту убийства, как осенила его идея заморозить свою жертву и показывать её за деньги. В этой истории интереснее другое.

Группа журналистов организовала экспедицию в болотистые леса Миннесоты и выяснила, что там никто ничего подобного не видел и не слышал.

Это, конечно, не такой уж бесспорный аргумент, чтобы безоговорочно согласиться с предложением, что Хансен всё выдумал. Сегодня двуногих чудовищ нет, завтра они забредут. Тем более что места безлюдные, болотистые, вокруг много водоёмов. Такой ландшафт — как раз их стихия.

Хансен, несомненно, кое-что изменил в своей исповеди. И прежде всего — место убийства. Остальные детали его рассказа полностью совпадали с аналогичными деталями рассказов других людей, наблюдавших живых неандертальцев. Это в самом деле их излюбленное занятие — питаться чужой добычей, выбрасывая внутренности. Это типичное впечатление очевидца — ему кажется, что человекозверь готов броситься на него.

Хансен не просто так сделал своё признание. Он предупредил, что ни одно его слово не может быть использовано против него, потому что свои показания он дал не под присягой и не взял с журнала никакого гонорара. Это во-первых. А во-вторых, он потребовал полной амнистии для себя и для тех, кто вместе с ним нарушил федеральные законы о ввозе в страну такого рода грузов. Только в этом случае он обещал передать свой экспонат для научных исследований.

Если бы существо было убито в США, Хансену не нужно было бы выдвигать второе требование. Если же он пошёл на это, значит, груз был переправлен (как и предполагалось) из Юго-Восточной Азии. Почти наверняка контрабандой, теми же каналами, что и партии наркотиков. Нет, не просто так он требовал амнистии для других...

Экземпляры статьи Хансена были разосланы самым большим чинам полиции, правосудия, исполнительной власти. Во всех этих инстанциях к подобным документам обычно относятся со всей серьёзностью и оперативностью. В этом случае произошло нечто непостижимое. Ни одного отклика!

Нельзя исключать, что в тиши кабинетов планировалась операция по конфискации экспоната. И поскольку Хансен был связан с дельцами наркобизнеса, а у этих дельцов, возможно, было надёжное прикрытие в самых высших сферах, то неудивительно, что Хансену сообщили, что замышляется против него, и он избавился от своей уникальной собственности так, как и угрожал,— утопил в океане.

1992 г.

СВЕРХЗАГАДКА XX ВЕКА

Это существо находится во всемирном розыске уже 103 года. Готовясь к экспедиции, я прочёл кое-какие публикации, книги, архивные материалы и сделал для

себя открытие: на протяжении только этого столетия, только в нашей стране троглодита убивали десятки раз. Туземные охотники отрубали кисть, чтобы предъявить потом в качестве трофея (видимо, принимали за беглого, одичавшего ээка — такого рода убийства поощрялись властью), бывало, сдирали шкуру.

Вся история волосатика — сплошная уголовщина со стороны гомо сапиенса — самого разумного, самого совершенного. Что вы хотите — царь природы!

Ещё я понял, что это, может быть, самая интересная загадка нашего столетия. Только её значение (то ли по недомыслию, то ли из-за недостаточной информированности, нежелания вникнуть в эту тему, сам этим грешен, считал чертовщиной, мистикой) систематически принижается и игнорируется.

В 1889 году известный русский зоолог К. А. Сатунин впервые опубликовал статью на эту тему. Никакой реакции. В 1914 году молодой русский зоолог Виталий Хахлов провёл первые отечественные исследования. Увы, большие учёные похоронили в архиве и это открытие. Ну а большевики не могли отнестись всерьёз, ибо считали, что это животное существует лишь в суеверном воображении, как персонаж фольклора. К тому же у них, как известно, всегда было особое чутьё на крамолу. Загадка-то только внешне антропологическая.

По гипотезе выдающегося русского учёного Б. Ф. Поршнева, это существо — одна из разновидностей неандертальца. Не того, от которого вроде бы пошли древнейшие люди, а другого, но эволюционно близкого. Более примитивного, чем наши предки, но достаточно смышлёного, чтобы уцелеть под натиском цивилизации, сумевшего найти для себя экологическую нишу в наиболее безлюдных и труднодоступных регионах, выработавшего потрясающую приспособленность к суровым климатическим условиям, умение оставаться невидимым.

Вникая в эту проблему, удивляешься не столько рекордам, которые побил это существо, сколько отношению к нему со стороны людей. К этому нужно добавить твердолобость. У человечества нет ни одного бесспорного доказательства, что люди, грубо говоря, произошли от обезьян. Но в эту гипотезу, ещё в прошлом веке считавшуюся сущей нелепицей, сегодня верят не только атеисты, но даже многие верующие в Бога.

Потом предположение Дарвина было подправлено

другой гипотезой: будто между обезьяной и человеком были австралопитек, неандерталец, кроманьонец. Убедительность возросла. Верить стало легче. И — верим. Но зачем же высокомерно отвергать, объявлять бредовой гипотезу Поршнева?

Да, существо, названное снежным человеком, не живёт стадами, не ведёт оседлого образа жизни, не умеет коллективно охотиться на животных и добывать огонь. То есть разительно отличается от того неандертальца, который предстаёт со страниц учебников по биологии. Ну и что? По другим-то признакам похож! По каким-то причинам он мог деградировать, утратить способности, которые ему приписывает наука. А это разве не интересно: разобраться в механизмах деградации? Может быть, здесь таится какой-то нравственный урок для современного человека? А с другой стороны, разве не интересно понять, как были разработаны защитные возможности этого человекоподобного, его потрясающая выживаемость?

Едва ли не самое серьёзное сомнение: как может это существо жить в наших климатических условиях, особенно в северных широтах? Будучи голыми, мы начинаем страдать от переохлаждения при температуре плюс пятнадцать градусов. Оказавшись на сорокаградусном морозе без одежды, человек погибает через пятнадцать минут. Эта же божья тварь разгуливает па сугробам, как мы — по тёплой квартире. Факт засвидетельствован солдатами и офицерами воинской части в местечке Соснино под Каргополом: рядовыми Бабаджановым, Ашировым, Рахимовым, сержантом Комаровым, старшими лейтенантами Килячихиным и Логвиновичем. Командир части вызывал каждого по отдельности, хотел проверить: вдруг групповая галлюцинация? Начальник медчасти Землянский подтвердил: все трезвы, все здоровы, все вменяемы.

Трудно не поверить стольким очевидцам сразу. Но вопрос остаётся: как это существо может жить круглый год голышом? Рассмотрим два объяснения, какими бы бредовыми они ни казались. Либо это существо, подобно другим северным животным, имеет толстый слой подкожного жира (ибо та шерсть, которую, по многочисленным показаниям, оно имеет — без подшёрстка, — не может служить достаточным теплоизолятором), либо эта шерсть — не что иное, как... одежда... Именно эта мысль пришла в голову мурманскому

охотоведу Игорю Павлову при виде чудовища с Ловозера, и он воскликнул: «Так ведь он в меховом комбинезоне!»

Самое невероятное предположение требует внимательного рассмотрения. Не будем отступать от этого правила и мы.

Все антропологические гипотезы подтверждаются или опровергаются археологами. Так вот, многочисленные раскопки показали, что древнейшие люди — кроманьонцы — 40 тысяч лет назад расселялись на севере Европы и даже достигли берегов Ледовитого океана. Ледник только что отступил, климат был, мягко говоря, прохладный. Как же одевались первые колонизаторы, чтобы не погибнуть от зимних морозов, которые наверняка были страшнее нынешних? Археологи установили, что основной одеждой кроманьонцев была... меховая куртка с капюшоном и меховые брюки-сапоги. Невероятно, но факт!

Древнейшие люди не просто осваивали север Европы. Они вытесняли аборигенов — одну из разновидностей неандертальцев, не владевших человеческой речью, видя в них диких зверей. Палеонтологи утверждают, что примерно 30—35 тысяч лет назад неандертальцы непостижимо быстро исчезли, уступив свои территории кроманьонцам, способным, по остроумному замечанию одного антрополога, окончить современный колледж.

Уступить свои территории... Это означало — уйти ещё дальше на север, забраться в дебри, перейти к ещё более дикому существованию. И всё же можно предположить, что, как ни уступали неандертальцы более развитым захватчикам, они вполне могли перенять у них то, что помогает выжить в борьбе с суровой природой, — умение одеваться в меховые шкуры.

Сотни очевидцев указывают одни и те же приметы «лесного человека»: низкий, покаты́й лоб, мощные челюсти, близко посаженные, налитые кровью глаза, приплюснутый нос и т. д. Одна только деталь внешности постоянно меняется — цвет шерсти: то она серая, то белая, то коричневая, то чёрная. Ничего странного. Шерсть в самом деле может быть разного цвета, если допустить, что одеждой «лесному человеку» служат шкуры разных зверей.

Во всяком расследовании детали играют решающую роль. Так и в нашем зоологическом поиске. Тунгусы и чукчи, чаще, чем кто-либо на земле, убивавшие мохнатых двуногих, указывали не только на то, что их жертвы

были одеты в «сплошные меховые костюмы», но также на то, что их тела были чёрными. Ни разу в жизни не мытое тело плюс шкура, натянутая шерстью наружу, — вот вам и вероятное объяснение ещё одной повторяющейся детали — невыносимого зловония, исходящего от ягморта — лесного человека. Так называют его на Печоре.

Заведующий кафедрой фармакологии Архангельского медицинского института профессор Н. Н. Алеутский, считающийся на сегодняшний день самым авторитетным наблюдателем, утверждает, что своими глазами видел гигантскую гориллообразную самку. Что ж, рассмотрим и эту версию. Предположим, что «лесной человек» — одна из неизвестных форм антропоида.

Целых три столетия человечество иронически улыбалось, слушая рассказы о том, что где-то в сердце Африки живёт огромная человекообразная обезьяна. Иногда поборникам существования гориллы советовали обратиться к психиатрам. Чем кончилась эта история, мы знаем. Так что не будем отмахиваться и от этого предположения.

«Лесной человек» — такой же великан (рост доходит до 270 сантиметров, вес — до 300 килограммов), как и горная горилла. Полностью совпадают и другие признаки. Оттопыренный большой палец ноги, обезьянья морда, лба — нет, надбровные дуги — козырьком, рот — как у верблюда, голова втянута в плечи. Руки, болтающиеся до самых колен. Мощная мускулатура. Вегетарианская пища. Манера привлекать публику неистовыми прыжками и вызывать на бой криками и ударами кулаков в грудь. Почти человеческий смех. Может пользоваться палками, носить и бросать камни. Становится злым, когда хочет есть.

Срок кормления грудью у гориллы — минимум три года. Не потому ли и у самок «лесных людей» такие длинные груди? В тех случаях, когда удавалось взять человекозверя в плен, он, как правило, часами сидел неподвижно, уставившись в одну, точку. Точно так же ведёт себя в зоопарке и горилла. Горилла не нападает на людей, вероятно, считая их существами, подобными себе, но может украсть человеческого детёныша или женщину. Подобные преступления молва упорно приписывает и «лесному человеку».

Высших обезьян — орангутангов и горилл — в естественной среде несколько тысяч. Их семьи всё чаще

распадаются на единичные особи. Среди них увеличивается доля старых, дряхлых самцов, живущих обособленно. Абсолютно те же тенденции прослеживаются на популяции животного, о котором идёт речь. Все последние встречи происходили именно со старыми самцами (и та, что состоялась прошлой зимой в солдатской казарме в Каргополе, и на Ловозере). Вероятно, это были не накопившие за лето подкожный жир шатуны, неспособные впасть в зимнюю спячку, ищущие спасения поблизости от человеческого жилья.

История древнейших людей показывает, что в борьбе за существование побеждали не только самые ловкие, смелые и смыслённые, но прежде всего те, кто берёт и охранял старых — живых хранителей информации о способах выживания. Не исключено, что это племя человекообезьян, не умея сдерживать разрушительные инстинкты, погубило в себе самую главную способность, свойственную всему живому, — способность строить жилище, жить семьями.

Но есть в поведении нашего антропоида и чисто человеческие черты. В отличие от зверей он не боится огня. Купаясь в реке или озере, моется, скребёт себя под мышками, кричит от удовольствия.

Слабости тоже человеческие. Воруют. Но это не kleптомания. Это непреодолимое желание подражать человеку, напяливая на себя его одежду. Именно из-за этого применяли оружие тунгусы и чукчи, органически не переваривающие воровства.

Очень осторожен, но и очень любопытен. Больше всего отмечено приставаний к человеку со стороны самок. Понятное дело. Мужики где-то бродят. Скучно женщинам. Результатом таких ухаживаний чаще всего бывает глубокий психический шок. Испытал это состояние, если верить историческим свидетельствам, и наш великий писатель Тургенев. Его можно понять. Красавицами лесных женщин не назовёшь. Впрочем, как и лесных мужчин.

И без того безобразные лица, как правило, искажены. По утверждению медиков,— от недостатка витамина Д. Глаза налиты кровью — вероятно, от хронического конъюнктивита. Многие дышат тяжело и часто, совсем как люди, страдающие астмой. Все встречающиеся особи очень истощены и выглядят больными туберкулёзом.

Как утверждают учёные, неандертальцы жили чуть больше

20 лет. Даже если допустить, что обсуждаемая нами разновидность (некоторым учёным больше нравится называть их троглодитами) обладала могучим здоровьем, едва ли за истекшие десятки тысяч лет продолжительность жизни осталась прежней. То есть старики-троглодиты, по нашим меркам, совсем молодые люди.

Если верить археологам, первые антропоиды жили по берегам больших рек и озёр, в гористой местности, чаще всего в пещерах. Настоящими охотниками троглодиты не стали, потому что достигли большого искусства в другом промысле — в вылавливании останков животных, утонувших или погибших в результате наводнения или схода снежных лавин или раненных охотниками-кроманьонцами. Теснимые завоевателями троглодиты отступили на мелкие реки и глухие озёра. Не так давно группа туристов-байдарочников, плывшая по одной из рек Архангельской области, заметила на песчаной отмели груды вскрытых раковин. Объяснение, кто именно подкрепился, последовало незамедлительно. Из зарослей, к которым осмелились приблизиться туристы, раздался пронзительный парализующий свист... А встреча Алеутского — на берегу озера?.. А общение с «Афоней» на Ловозере?.. Да и лучший из всей мировой серии след «снежного человека» также был обнаружен на берегу горного озера.

Животные предпочитают те реки и озёра, где много рыбы, птичьих гнёзд (чтобы питаться яйцами), раков, моллюсков, лягушек, змей, насекомых. Именно такие места особенно богаты ягодами, грибами, кореньями, лекарственными травами.

Именно по берегам рек и озёр, а не в дебрях тайги можно полакомиться золой на оставленных туристами кострищах, найти остатки соли и других продуктов, поживиться не добытой охотниками добычей, погреться у неостывших углей. Огонь заворачивает троглодита.

Криптозоологи, которые читали заметку профессора Алеутского, считают, что самка совершила страшную казнь из гуманных соображений, спасая человека. Но есть и другое мнение: где-то совсем рядом был детёныш (или несколько детёнышей), и она защищала их, своё потомство, свои владения, а не людей.

Одна из самых больших загадок «лесного человека» — то, что чаще всего встречаются самцы-одиночки.

Это может объясняться просто. Женщины по вполне понятным причинам рожают ежегодно, по несколько лет кормят детёнышей грудью. Вот и сидят в недоступных логовищах. Когда им странствовать?

Патриарх этой темы профессор Поршнев говорил, что самым большим успехом было бы обнаружение логовища, где находятся детёныши. Совсем не исключено, что другой профессор, Алеутский, стоял в двух шагах от сенсационного открытия.

За несколько дней до выезда в экспедицию меня приводят в лабораторию микролептонной технологии и говорят: «Здесь ты можешь получить почти фантастические приборы». (Подробнее об этом позже.) Я говорю: «Согласен. Но не могла бы лаборатория натравить в нашу экспедицию своего инженера?» «Хорошо, — говорят мне, — попробуем поискать добровольца». На другой день звонят: «С вами хочет ехать Вячеслав Пичугин».

Вячеслав приходит в редакцию, обсуждаем предстоящую работу. Я говорю, что в глубине души не могу поверить в существование лесного человека. «А я — верю, — спокойно говорит Вячеслав. — Потому что очень долго общался с ним...»

Привожу рассказ Вячеслава Пичугина, записанный почти дословно.

УНИКАЛЬНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

Инженер Вячеслав Пичугин:

«Было это не вчера, а около двенадцати лет назад. Служил я тогда на одной дальневосточной погранзаставе фельдшером. Привёз как-то из отрядной санчасти две бутылки. Одна — с эфиром, другая — со спиртом. На другой день смотрю — одной бутылки нет. Парни в латыни не разобрались и взяли, конечно, не ту. Беда! Бегаю по заставе, спрашиваю, кто спёр. Мне говорят: поздно, двое уже отравились. Хорошо ещё, что не сделали глотка, выплюнули. Отпоил их молоком. Спрашиваю: «А консервы зачем увели? На закуску, что ли?» Божатся: не брали. Ну, думаю, артисты, так я вам и поверил! А сомнение всё-таки взяло: если бы на закуску, то увели бы пару банок, не больше. А тут чуть ли не пол-ящика пропало.

Ещё через день или два спускаюсь с сопки, на которой стояла застава. Смотрю: дощечки от ящика, где тушёнка была. Огляделся. Мать честная! Все банки на месте, но искорёженные, вскрытые чьими-то огромными зубами. Неужели, думаю, мишка загулял? И тут что-то заставило меня поднять глаза. Глянул в кусты орешника и обомлел.

Стоит: шея как бы нет, плечи вместе с головой. Челюсть не выдвинутая, как у обезьяны, а плоская, безгубая. Лоб покатый, низкий. И весь покрыт рыжевато-чёрной шерстью. Даже лицо, то есть морда, полностью заросшая. Волосы с головы, как косы, свисают, расходятся треугольником. Но глаза видны хорошо. Желтовато-зелёного цвета и глупые до безобразия. Больше человеческих. Только посажены очень глубоко. Несмотря на то, что клыки были видны, рожа до невозможности потешная. Куда там Крамарову! Что меня особенно поразило — от пояса до пят — шерсть у него очень длинная. Сантиметров двадцать, не меньше. Такое впечатление, будто он в штанах. Ногти у него или когти — это я потом разглядел — просто какие-то треугольники. Больше, конечно, похожи на когти. Половых органов видно не было. Но мышцы у него, когда он двигался, буквально ходуном ходили. Да и грудь была всё же мужицкая.

Да, нос! Тоже треугольником — приплюснутый. А форма головы — грушеобразная. Там, где лоб — узко. Там, где челюсти — широко. Челюсти, у него, по сути дела, без работы не были. Сколько я его ни наблюдал, он постоянно что-нибудь жевал.

Роста он был около двух метров, но очень широкий.

Я в штаны не наделал, но перепугался крепко, что там говорить. Военная закалка всё же сказалась. Виду не подал, что коленки трясутся. Спрашиваю его: «Ну что, дурачок, из зоопарка сбежал, что ли?» А про себя думаю: леший его знает, может, есть и такая обезьянья порода? Снежным человеком я не интересовался. Да если бы даже что-то читал на эту тему, не вдруг-то догадаешься, кто перед тобой. Ну вылитая обезьяна! В общем, чтобы справиться с волнением, о чём-то его спрашиваю. А он «отвечает»: оскалится, что-то прошипел, вздохнул, охнул. Короче, издаёт что-то нечленораздельное. «Что, — говорю ему, — дружок, может, есть хочешь?» Пошёл в столовую, набрал ведро пищевых отходов. Принёс. На, говорю, похлебай, чем богаты,

бананов нету. Он, зараза, сообразил, выбрался на полусогнутых из орешника, одним глазом в ведро заглянул, другой — с меня не сводил. Ел и охал, почти стонал от удовольствия. А я сел на пригорок, курил и по сторонам посматривал. Как бы кто нечаянно не подошёл. Увидят — запросто застрелят. Застава у нас была самая дальняя, называлась ссыльной. Контингент был самый разный. Фазанчиков я прикормил. Нравилось мне за ними наблюдать. Уехал в санчасть за медикаментами — фазанчиков прямо из автоматов... Медведей шлёпали не раз. Так что и этого ухлопали бы в два счёта.

Встречались мы с ним не всегда на одном и том же месте. Видно, он за мной издали наблюдал. Подходил всегда с подветренной стороны. Двигался обычно на четвереньках. На ногах стоял, только когда озирался. Такой способ передвижения объяснялся просто. Если он что-то почуял или до его ушей что-то донеслось, он никогда не скрывался в зарослях. Он всегда бежал на сопку, опираясь на все четыре конечности. Несколько секунд — и он уже на вершине. Сидит на полусогнутых и башкой крутит. А сопки были высотой метров 100–150! С наклоном под 60 градусов. Сейчас, когда приходится читать про снежного человека, думаю: это что-то не то. Может быть, не та порода? У моего дурня, когда он ходил по глубокому — мне по пояс — снегу, никаких следов ног не оставалось. Он ведь ходил, не поднимая задних конечностей. И следы, которые оставались на снегу, были больше похожи на две колеи.

Несмотря на то что в нём было по меньшей мере килограммов двести, он всегда появлялся бесшумно, словно из-под земли вырастал. Даже по сушняку передвигался абсолютно беззвучно. Даже снег не хрустел под ним! Я поражался: при такой массе! Как так молёно?! Может быть, из-за того, что вес тела распределялся на четыре конечности?

Эта бесшумность удивляла ещё потому, что передвигался он — во все времена года, кроме зимы,— не шагами, а прыжками. Огромными прыжками! Ни одна веточка под ним не хрустела! Этим он всегда меня пугал. Но и меня он боялся. Ближе десяти метров не подпускал. Я однажды попробовал подобраться поближе. Смотрю, взгляд у него стал каким-то другим. Неприятным, опасным. Я всегда ставил ведро со жратвой и отходил на десять метров. Ну, в общем-то, чтобы как следует разглядеть, ближе и не надо. Что ещё меня

поражало. Был он весь какой-то гладкий, ухоженный. Шерсть так и блестела. Грязным он бывал, когда гнус свирепствовал. Специально в грязи вываливался. Но на спине мошка всё равно его доставала. И тогда он начинал о дерево чесаться. Какая-нибудь сосна диаметром сантиметров тридцать ходуном ходила!

Я познакомился с ним летом 1969 года. А расстались мы зимой 1971-го. Было время приглядеться. Думаю, мужик он был взрослый. Но глаза были молодые. А может, казались молодыми, потому что взгляд у него был глупый и мимика потешная, когда он начинал глаза свои скашивать то вправо, то влево. То, что он был глуповатый,— это однозначно. Простой пример. Ел он из ведра обычно рукой. Мухи ему на пятерню сядут — он пятерню сжимает и суёт мух в кашу. Считал, что так избавился от них. Они ему всё равно в рот попадали. И тогда он их выплёвывал. Я со смеху показывался.

Но ума хватало взять палку, чтобы достать из болота ветку черемши. Ног зря не намочит!

С китайской стороны к нам повадились бегать голодные собаки. А у моего дружка на нашу помойку были свои виды. Он подкарауливал псов на подступах к заставе, внизу под сопкой. Охотился он бесподобно. Сидел на корточках, расставив по сторонам свои длиннющие передние конечности. Сидел неподвижно, но без напряжения. Только глазами водил туда-сюда, следил за каждым движением собаки. Как только она приближалась, он хватал её и молниеносным движением одной лапы ломал ей шейные позвонки. Голова отделялась от туловища и держалась только на шкуре.

В общем-то ничего удивительного. Ведь у него передние конечности — не руки, а ноги. Потому они и сильные, как ноги.

Хоть он и был балбес, я всё время что-то ему говорил. Не мог же я общаться с ним, как немой. Даже он, безъязыкий, издавал самые разные звуки. (Он подражал даже птицам!) И это дало со временем кое-какой результат. Он начал произносить некоторые короткие слова. Точнее, пытался произнести. Голос у него был грудной, гортанный. Особенно сильно ему хотелось что-то сказать, когда я вставал и прощался. Он требовал, чтобы общение продолжалось.

Однажды он двинулся в тайгу и на ходу посмотрел на меня, как собака, которая следит, идёт за ней хозяин

или нет. Я понял, что он хочет что-то мне показать. Пришли к огромному поваленному дереву. Раньше в его трухлявом стволе медведь оборудовал себе берлогу. Мой дружок стал вытаскивать из отверстия лапник, сухую траву и всё пытался влезть вовнутрь. И так башку совал, и этак. Это у медведя — раз голова пролезла, то он и весь протиснется. А у этого плечи широченные. Не лезет никак. Совсем уморился. Зачем он это делал? А может, предлагал: мол, перебирайся сюда, смотри, как тут тепло, на фиг тебе застава?

Он всячески пытался хоть чем-нибудь мне угодить. Заметил, что я люблю орехи, и стал приносить целые охапки веток прямо с плодами. Для него самого это тоже было любимым лакомством. Только он ел иначе. Он садился или ложился под куст орешника, хватал ветки, наклонял их к своей морде и ел орехи прямо с ветки вместе со скорлупой. Челюсти у него работали, как кухонный комбайн. Только треск стоял.

О том, что он был в общем-то не такой уж дурак, можно судить и по такому примеру. Есть на границе так называемое МЗП — малозаметное препятствие. Какой только зверь не попадал, а он — ни разу!

При таком мышлении, я думаю, он делал на зиму запасы. Тем же орехами, черемшой, рябиной он мог набить полное логово. Меня самого это интересовало: как же он зиму-то перезимует? Приносил ему кашу с кусочками мяса. Набирайся калорий, дурень, говорю ему. А он это мясо, как тех мух, — выплёвывал!

Он страшный жмот: однажды бурундук попытался украсть у него орехи — он так на него зарычал, у меня внутри всё похолодело. Но он ещё и страшный трус. Только когда чего-то сильно боится, издаёт такой страшный крик, что пугает того, кто его напугал. Однажды я своими глазами видел в бинокль, как к нему подкрался тигр и как этот тигр убегал потом, после его крика, как котёнок, поджав хвост.

Расстались мы просто. Я демобилизовался и уехал с Дальнего Востока...»

Всякий поиск требует, чтобы была сформулирована поисковая задача. И вот я рассуждал про себя: ну, допустим, нам удастся то, что удалось другим — увидеть этого монстра. Что дальше? Поймать его мы не сможем. Смешно даже на это надеяться. Убить или

даже ранить — грех. Ничего не останется, как вернуться и объявить: МЫ ЕГО ВИДЕЛИ! Ну и что? Солдаты и офицеры в Каргополе тоже видели. Профессор Алеутский со студентом видели. И что изменилось? Что после этого произошло? Кто-то им осторожно поверил. А большинство только пожали плечами: дьявольщина, дребедень! Вот и на наше открытие будет точно такая же реакция, хоть мы и специально организовали экспедицию, чтобы нам как бы больше было веры. Тогда какой смысл забираться в места, «где леший бродит»?

Очень даже простой: надо побывать на месте тех, кто ЕГО видел. Пережить то, что пережили они. Но — будучи подготовленными к встрече психологически. И тогда многое станет гораздо яснее. Не исключено, что загадка не столько в этом страшном существе, сколько в нашей человеческой психике.

1992 г.

ЭТО БУДЕТ НЕ ПРОГУЛКА

Вспомним историю феномена. В 1889 году англичанин Уэддел впервые объявляет миру, что видел своими глазами в вечных снегах Гималаев цепочку следов босых ног. Сообщение позабавило человечество.

В 1925 году итальянец Томбози, побывавший в тех же краях, видит в 200 метрах полуобезьяну-получеловека и предъявляет газетам фотографию следов. Человечество продолжает иронически улыбаться.

В 1937 году альпинист Тильман идёт по следу более мили, слышит ночью утробное рычание возле палатки, а утром делает снимок следов.

В 1949 году целая толпа буддистов видит «снежного человека» (в Гималаях его называют йети) прямо возле монастыря.

В 1951 году йети наблюдает английский путешественник Шиптон. В 1953 году — альпинисты Хиллари и Тенсинг.

В 1954 году английская «Дейли-мейл» организует грандиозную экспедицию. Снаряжение несут около трёхсот шерпов.

Работали в вечных снегах пять месяцев. Исходили сотни километров. Опросили десятки аборигенов. Но

цель — либо подтвердить, либо опровергнуть существование «снежного человека» — достигнута не была.

Новая экспедиция (американо-швейцарская) взбирается на Гималаи в 1958 году. Безрезультатно. В 1960 году — очередная, самая грандиозная. В отряде — 600 человек! Результат тот же — нулевой.

Вспомним теперь, как развивались события у нас. В начале века известный исследователь Кавказа профессор Сатунин сталкивается с самкой существа, подобного тибетскому йети. В 1914 году зоолог Байков наблюдает получеловека-полуобезьяну в фанзе манчжура.

До второй мировой войны происходят ещё десятки встреч, некоторые заканчиваются трагически. Трупы йети рассматривал генерал Топильский и маршал Рыбалко. Военврачу Карапетьяну повезло больше, и он оставил подробнейшее описание внешности пленённого человекозверя.

После войны больше везёт на встречи геологам и гидрологам. Именно их сообщения вызвали поисковую лихорадку в нашей стране. В 1958 году организуются сразу две экспедиции — Академии наук и «Комсомольской правды».

К этому времени явлением серьёзно заинтересовался историк Б. Поршнев. Опубликовав несколько статей, он принял на себя лавину писем, в которых было самое ценное — сообщения очевидцев. Б. Поршнев написал на основе этих сообщений фундаментальную монографию, считающуюся с тех пор библией криптозоологов всего мира. Всякий прочитавший её начинает верить, что «в этом что-то есть». Прежде всего, убеждает число свидетелей, очевидцев.

Два сравнения. О чудовище озера Лох-Несс собрано всего 117 рассказов. Но масса людей упорно верит в существование «Несси». Р. Моуди написал свою знаменитую «Жизнь после смерти», опираясь на 150 свидетельств людей, переживших клиническую смерть. А сколько бывших атеистов верят теперь в загробную жизнь?! Работа Б. Поршнева основана более чем на тысяче свидетельств! Своими переживаниями делились люди, никогда друг друга не знавшие, жившие в разных концах страны, но они описывали поразительно повторяющиеся детали внешнего облика и поведения

«снежного человека». А после выхода монографии было получено ещё более двух тысяч свидетельств!..

Всякий, кто начинает заниматься этим феноменом, сталкивается с вопросом: как искать?! А затем и с массой противоречий.

Человекозверю приписывается, например, крайняя нелюдимость. На этом основании специалисты рекомендуют действовать группами численностью не более двух-трёх человек, а ещё лучше — в одиночку. Тогда, дескать, животное может пойти на контакт. Некоторые исследователи так и делают. Ходят по таёжным лесам и рекам в одиночку, отчаянно рискуют. Фанатик этого метода поиска Владимир Пушкарёв бесследно исчез...

Между тем в рассказах очевидцев угадывается совершенно другая психология. Во время встреч людей бывало много, иногда — целые компании. Однако существо почему-то не побоялось предстать перед homo sapiensами и даже проявило в этом инициативу.

Ещё рекомендуют жить среди дикой природы минимум две недели. Только после этого срока зверь якобы начинает привыкать к человеческому присутствию и может явить свой страшный лик. Но всё те же очевидцы (как правило, местные жители, выехавшие на рыбалку или охоту) встречаются с лешим (так они его между собой называют) в первый же вечер, в первую же ночь!

Говорят, во время поиска нужно вести себя в тайге тихо. И здесь местные жители ведут себя не по правилам: либо устраивают выпивку, либо палят из ружей по бутылкам, либо, часто перекликаясь, собирают на болотах клюкву. Но этот бедлам почему-то не мешает встрече.

Принято считать, что существо обитает в местностях безлюдных. Туда и устремляются новенькие зоосыщики. А тот, кого они ищут, словно в насмешку, появляется в самых обжитых местах, подходит к человеческому жилью, не робея, разгуливает даже в солдатской казарме.

Экспедиция обычно считается успешной, если удаётся привезти несколько загадочных волосков или сделать гипсовый слепок огромного следа. Привозят также образцы экскрементов. Их, правда, не превращают

в экспонат. Передают в лаборатории. Но эксперты, как и в случае с волосками, отказываются дать заключение, что кал принадлежит объекту поиска, а не какому-нибудь крупному экземпляру медведя.

В этом, может быть, заключено самое главное противоречие к чему эти поиски волосинок, следов, кала, лёжек зверя, погрызов? Для того, чтобы подтвердить версию о его реальном существовании? Но эта версия подтверждается десятками, сотнями очевидцев. Эту тварь видят то спящей, то купающейся, то собирающей еду, то бредущей по лесу или скалам. Чем же рассказы менее убедительны, чем следы или волосинки? Но сбор так называемых «опросных данных» (рассказов очевидцев) продолжает оставаться главным в работе криптозоологов.

Всякие серьёзные исследования требуют мысли и логики. Если же исследование строится на несообразностях, то достигается цель, обратная ожидаемой. Вместо веры в феномен у массового читателя возникает насмешливое недоверие.

Для того, кого ищут, численность экспедиции роли не играет. Но она имеет значение для тех, кто ищет.

С нами едут три профессиональных фотографа. Чтобы потом не было оснований сказать: вот, мол, видели, но сделать снимок не могли.

Экспедиция состоит из трёх групп, которые будут обследовать местность вокруг базового лагеря, поддерживая связь с помощью портативных радиостанций.

Соблюдаются сразу два принципа экспедиционной работы: терпеливое выжидание на одном месте и активный, динамичный поиск.

Среди криптозоологов немало тех, кто приписывает животному мощные экстрасенсорные данные, якобы выработанные вместо способности мыслить и говорить. Проверим и эту версию. В составе экспедиции экстрасенс, специалисты по аномальным явлениям. А в багаже — уникальные приборы так называемой «нетрадиционной техники». Работа с этими приборами будет вестись под руководством сотрудника микролептонной лаборатории.

Женщины-криптозоологи обычно достигают более впечатляющих результатов, чем их коллеги-мужчины.

Исследователям-мужчинам больше везло в тех случаях, когда они привлекали существо феромональными метками, взятыми у шимпанзе — обезьяны, чьё расположение аминокислот гемоглобина почти полностью совпадает с человеческим. Вероятно, Поршневу был и в этом прав, советуя направлять половой инстинкт «снежного человека» на эволюционно близкое существо. Мы выполнили и этот завет.

Повторюсь: наша экспедиция была рекогносцировочная. Настрой на успех выражался только в походном оснащении и технической вооружённости. В остальном — никаких честолюбивых планов и иллюзий.

ЭКСПЕРТИЗА ОДНОЙ СЕНСАЦИИ

Мы летели в верховья реки Мегры. Машина была перегружена. Не в силах оторваться от земли вертикально, МИ-8 поднимался в воздух, как самолёт. Однажды колёса отчётливо заделали верхушки пихт. Даже наши спутники — бывалые геологи выразительно переглянулись. Кажется обошлось.

Ладно, они летели на работу. В этих местах разведано огромное месторождение алмазов. Но нас-то зачем понесло в эту тьмутаракань, где одни болота, реки, озёра и клочки тайги?

Мы летели на экспертизу. Нужно было побывать там, где архангельский профессор медицины Алеутский видел гоминоида. Если кто-то поведал миру сенсацию, почему бы кому-то не подтвердить: да, это в самом деле было! Если кто-то решил заморочить голову миллионам читателей, почему бы кому-то не поставить мистификатора на место.

Теперь самое время сказать, как возникла идея экспедиции. Когда зимой телевидение показало сюжет из Каргополя, я подумал: ай да солдатики! ай да потешники! Но когда уважаемая газета опубликовала то, что якобы приключилось с архангельским профессором, эмоция была уже другая: ребята, ну надо же меру знать!

Вскоре я был в Архангельске. Профессор Алеутский производил впечатление человека, у которого с головой всё в порядке. Он сам указал наиболее фантастические места в своём рассказе. «Тазовые кости

медведя топором-то не вдруг разрубишь. А тут — раздрать надвое одним движением... Для меня самого всё увиденное — как дурной сон». Правда, настораживало, что «огромные белые груди, каждая размером с ведро» казались профессору как бы в порядке вещей.

Ничего невероятного не было для него и в том, что собранные гоминоидом грибы (и услужливо принесённые прямо к палатке), брошенные знакомой старушкой в печку (старушка признала их несъедобными), горели, по словам профессора, огнём электросварки. «Рассказываю всё, как было, — сказал он мне с подкупающей простотой. — Хотите — верьте, хотите — не верьте. Я сам — материалист до мозга костей. И, если бы это случилось не со мной, я бы тоже, наверное, иронически улыбался».

Уж коли такие чудеса приключились, то проще всего было бы свести нас с другим очевидцем — студентом Сашей. Или, наконец, с вертолётчиком Серёжей. «Не будут они с вами разговаривать, — сказал Алеутский. — После того случая Саша заболел гепатитом, Серёжа слёг со стенокардией, а у меня случился приступ астмы, затем — отёк лёгкого, хотя раньше я, человек некурящий, никакими болезнями не страдал».

Я не знал, что сказать. Передо мной сидел солидный человек, заведующий кафедрой фармакологии, профессор, очень известный в городе, очень уважаемый человек. Из головы не выходил вопрос: ну зачем ему так лихо фантазировать?

В общем-то, кое-какой смысл был. Профессор стал получать отклики читателей. Одна женщина (альпинистка) писала ему, что каждый год ездит на Памир, где встречается со своим гигантским волосатым другом и на этой почве разочаровалась в муже, развелась с ним. Другая (страдавшая бесплодием) делилась секретом, что родила от лесного мужчины девочку, но ребёнок получился страшно волосатым, не поможет ли профессор какими-нибудь травами. «Прошло уже несколько месяцев, а письма всё идут и идут», — с гордостью сообщил Алеутский. И тут я понял, что это для него значит. Он вступил в общение с теми, кто тоже прикоснулся к чуду. Или к тем, кто это чудо по какой-то непостижимой внутренней потребности выдумал.

Не знаю, хотел того профессор или нет, но его сенсационная заметка дала и другой, ещё более приятный

результат. Приезжали криптозоологи — искатели лесного человека, обхаживали, допытывались, где лее спасла профессора самка гоминоида. Вот и на меня Николай Николаевич посматривал с особым чувством. Он был владельцем жгучей тайны! Он мог показать на карте заветное место. А мог и не показать.

Потом я зашёл в редакцию областной газеты «Правда Севера». Там мне дали прочесть ещё одну заметку профессора, уже подготовленную к публикации. И я понял, что есть ещё и третий результат.

Один из местных жителей (Алеутский назвал его Иваном Петровичем) якобы пришёл к нему и рассказал, что четыре года назад, когда он ловил сёмгу на одном из притоков Пинегы, к его избушке пришёл огромный гоминоид. Иван Петрович оказал ему гуманитарную помощь — накормил перловой кашей. И благодарный гоминоид стал загонять сёмгу в сети. Почувствовав в профессоре родную душу, таёжный браконьер пообещал, что даст возможность сфотографировать своего волосатого сообщника. «Если это удастся, то я порадую читателей уникальным снимком», — с неизменным простодушием писал профессор.

Примерно раз в две недели я звонил Алеутскому и рассказывал ему, как идёт подготовка к экспедиции. В конце концов он понял, что наше стремление попасть на Мегру серьёзно. «Хорошо, я покажу вам то место», — согласился профессор.

Приезжаем в Архангельск. Достаём карту тех мест. Договариваемся с вертолётчиками. Приходим к Алеутскому: «У нас всё готово».

— А что вы там, собственно, хотите увидеть? — спрашивает Алеутский.

И я допускаю большую оплошность. Я говорю, что за прошедшие три года, конечно, всё исчезло. Но одна часть скелета медведицы должна остаться — череп! Некуда ему деться! Для зверя слишком тяжёл. Для человека — не нужен. «Едва ли я точно укажу то место. Столько озёр! Можно перепутать», — неожиданно говорит профессор, — «Хорошо, укажите хотя бы приблизительно». — «Нет, не смогу!»

Мы знали тип вертолёта, на котором летал Алеутский. МИ-2. В авиаотряде сказали: в 1989 году этот тип вертолёта не использовался...

По словам Алеутского, вертолётчик Серёжа уволился по причине болезни сердца. В отделе кадров авиаотряда сказали, что такого не припоминают...

Зачем же мы всё-таки летали на Мегру? Во-первых, профессор мог специально назвать другой тип вертолётки и изменить имя вертолётчика. Он мог водить нас за нос не потому, что всё выдумал, а затем, чтобы обезопасить гоминоида от всяких экспедиций, включая нашу. Во-вторых, мы должны были пройти свой путь до конца и побывать если не точно на том месте, то хотя бы где-то неподалёку. Для того, чтобы иметь представление о том, какие там условия обитания

Нас высадили на бывшем немецком аэродроме, тайно оборудованном среди болотных топей в годы войны. Отсюда вражеские самолёты совершали то ли разведывательные, то ли диверсионные рейды в глубь нашей территории. Место выбрано удачно. Настолько далеко от Архангельска, что нашим лётчикам, преследовавшим немецких пилотов, поначалу даже в голову не приходило, что противник мог проявить такую нахальную изобретательность. Те, кто оборудовал этот аэродром, и те, кто в конце концов разбомбил его, заслуживают, несомненно, куда большего внимания, чем предмет нашего поиска.

Река Мегра буквально в двух шагах. На берегу — охотничий домик. Я отмерил пятьдесят шагов и поставил маленькую однуместную палатку. «Чем больше я думаю о гоминоиде,— говорил мне Алеутский,— тем больше убеждаюсь в том, что он существует в каком-то другом измерении. Сам он остаётся невидимым, а нас чует за десятки километров». «Мы только собираемся к нему, а информация об этом телепатически давно уже им принята. Не стоит возлагать все надежды на встречу с ним в каком-то определённом месте. Он — вездесущ. Если он почувствует, что кто-то ищет (контакта с ним и не собирается причинить ему зла, он обязательно появится сам»,— почти в унисон с профессором говорил Саша Кривченко — ответственный за научно-техническую сторону экспедиции. Ну что ж, оставалось испытать на себе эту, по мне, бредовую вероятность.

— Не берите с собой ничего, — напутствовал нас Алеутский.
— Там всего полно: рыбы, боровой дичи, грибов, ягод.

Верно. В иные часы Мегра вся в кругах: играет хариус. Но сколько мы ни плавали на лодке то вверх, то вниз по течению, не видели ни малейших возможностей поймать эту быструю, сильную рыбу руками. А удочкой гоминоид, наверное, ещё не обзавёлся.

Грибов в самом деле полно. Моховики, подосиновики, грузди. Но питаться ими в сыром виде... Для этого требуется совсем другая кишечная система. Та, которой не может быть у антропоидного существа.

Ну а ягодами, как бы ни был усыпан ими белый мох в лесотундре, сыт не будешь.

Итак, первый вывод, который мы сделали, это убедились, что в северных наших районах гоминоид не может отъедаться, нагуливать жир, чтобы потом благополучно пережить зимнюю бескормицу. И потому нет у него никакой необходимости совершать сезонные миграции на север (весной) и обратные маршруты к югу (осенью). Увлекательная гипотеза, милая сердцу всех любителей лесного человека, оказалась полностью, стопроцентно несостоятельной.

Осмотрели мы и озеро Окулово. Оно больше многих других. И представляло интерес прежде всего тем, что растительность на берегах точно такая же, что и на других озёрах, помельче. Никаких густых зарослей, из-за которых может внезапно выскочить зверь. Каждая третья сосна или пихта лежит на боку: не за что держаться корням. Болотная топь — у самой поверхности земли.

После осмотра озера Окулова молодая лайка каждый вечер подолгу тьякала в ту сторону, откуда мы пришли. «Наверное, медведя за собой привели. Любопытная тварь. Будет теперь подбираться с разных сторон, чтобы из жратвы что-нибудь стянуть», — сказал егерь Миша Сухерин, что жил в охотничьей избушке. Вот после этих слов идти спать в палатку не очень-то хотелось. Мало ли что взбредёт в голову косолапому.

Не буду изображать из себя человека без нервов. Особенно неуютно бывало в палатке среди ночи, когда непромокаемая палатка «Зорька» вдруг оказывалась не такой уж непромокаемой, как написано в паспорте,

и нужно было выбираться из спальника, плавающего в луже воды. Но какое значение может иметь в такие минуты непроглядная темень тайги, если температура воздуха не больше пяти градусов, если не согревает ни второй свитер, ни глоток разведённого спирта. В такие минуты думаешь не о том, стоит ли за соседней пихтой гоминоид, а о том, как бы не заработать на этой «экспертизе» хронический бронхит или воспаление лёгких.

Я провёл в палатке пять ночей. Знаю, что скажут криптозоологи: мало! Лесной человек вначале присматривается и подходит только к исходу второй недели.

Виноват, но у нас на всю поездку по Архангельской области было отмерено две недели. Впереди был Каргополь, воинская часть. Ещё одна экспертиза.

С чем же мы возвращались с Мегры? Нет, мы не спешили сказать, что если гоминоид — выдумка Алеутского, то он вообще существует только в воображении любителей чудес. Просто мы заложили прецедент. Подвергать подобные рассказы серьёзной, всесторонней проверке.

Вполне допустимо существование необъяснимого феномена. И этот феномен нужно разгадать. Но, как это обычно бывает, находятся люди, пытающиеся осуществить на этом какие-то свои интересы, потешиться над легковёрными читателями. А это, в сущности, не что иное, как насмешка над непознанной истиной, которую заключает в себе феномен.

«БЕЛЫЙ ПРИЗРАК»

Каргопольская история окутана мраком в полном смысле слова. В ночь с 24 на 25 января 1992 года, когда в солдатскую казарму вошёл волосатый монстр с детёнышем, там не работала электропроводка. Как же разглядели стройбатовцы страшного гостя? «Жгли газеты», — отвечали офицеры. Пусть так. А как могли что-то видеть — до того, как стали жечь газеты? Оказывается, лампочки вокруг казармы всё-таки горели. Снаружи свет мог проникать и в помещение. Ну что ж, может быть... Хотя не лишним было бы проверить это зимой...

Другой сомнительный момент. Работники медицинской службы вспомнили, что за несколько недель до случившегося рядовой Бабаджанов начал говорить, что он американец, а потом «предпринял попытку нападения на офицера с угрозой, что он его зарежет и съест». Бабаджанова отправили в Вологодскую психбольницу. Там его проверили, признали здоровым. Коли так, должны были под суд отдать. Но почему-то вернули в часть, где в скором времени он первым столкнулся в умывальнике с «белым призраком».

Этим невероятное исчерпывается и начинается нечто очевидное. Вот что говорил и. о. начальника Каргопольского РОВД Н. П. Скороход: «Можно выдумать появление неведомого существа в казарме. Но невозможно выдумать следы. Они (длиной 55 сантиметров) были на самой кромке обледенелой крыши чайной. Один из офицеров попробовал там пройти и тут же сел, чтобы не свалиться вниз. Уверяю вас: там не прошёл бы и каскадёр! Но это не всё. Возникает вопрос: как появились следы на крыше чайной. Туда можно было забраться только невероятно высоким прыжком. И здесь каскадёр был бы бессилен. Но и это не всё. Для того, чтобы сигануть с крыши чайной через забор с колючей проволокой, нужно было совершить огромный прыжок с места, без разбега, негде там разогнаться. После места приземления цепочка тянулась на протяжении минимум ста пятидесяти метров, пока не вышла на открытую местность, где гуляла позёмка. Рядом со следами мы увидели высокую молодую сосну диаметром примерно 20 сантиметров, сломанную пополам на высоте примерно 3,5 метра. След излома был свежий! Но и это не всё. На чердаке казармы, на колючей проволоке были обнаружены волоски, которые не могут принадлежать человеку. На чердаке были обнаружены жестяные пробки от бутылок и кусок магнита. Всё это лежало кучкой, словно служило кому-то игрушками. Там же был найден помёт. Похожий на человеческий, детский. Но со всеми приметами употребления исключительно растительной пищи.

Если бы кто-то оставлял следы специально, снег сохранил бы и следы мистификатора. Но... там был один только след! Причём совершенно невероятной глубины. Мы, осматривавшие места происшествия, проваливались по колено. А следы были глубиной сантиметров двадцать, не больше!

— Итак, ваше заключение как криминалиста? — спросили мы.

— Знаете,— сказал Н. П. Скороход,— я так воспитан: пока руки не свяжут и не приведут — не поверю! Но тут... Было что-то такое, чему надо искать объяснение.

Мы не застали ни одного из солдат, столкнувшихся с «белым призраком». Все они демобилизовались и уехали в свою Среднюю Азию. Но поговорили с одним русским парнем, который был в ту ночь в казарме. «Это было,— сказал он,— ну какой мне смысл врать? Мы (те, кто вскочил по тревоге) скучились возле печи, и он со своим детёнышем стоял возле той, другой печи, что возле дверей». «Какого пола было это существо?» — спросили мы. «А кто его знает,— отвечал солдат. — Он весь в белой шерсти, разве разберёшь? Но грудей, точно, видно не было».

Момент истины во многом зависел от офицеров. Ни один из них своими глазами не видел ночного гостя. Но они видели солдат. Не нужно быть большим психологом, чтобы отличить наигранный страх от естественного. Особая надежда была на офицеров-медиков. Всё-таки они оказывали солдатам первую помощь.

Вывод после обстоятельного разговора с целой группой офицеров такой. Безусловно, солдаты испытали сильнейший испуг. Безусловно, это не было чьим-то розыгрышем. И, безусловно, это не было групповой галлюцинацией. Для этого потребовалось бы групповое употребление наркотиков. Ничего подобного специальная проверка не обнаружила.

Мы не стали скрывать своего отношения к событиям. По военному городку разгуливает огромный монстр, оставляет следы, прячет детёныша на чердаке, входит незамеченным прямо в казарму... Пусть это не боевая часть. И всё же — где глаза у часовых, дежурных офицеров?

Сейчас в батальоне другое начальство. Ответственности за чьё-то ротозейство оно не несёт. И потому придерживается той же точки зрения. Уж коли были сигналы о появлении жуткого существа, то надо было хотя бы на всякий случай отнестись к этому всерьёз и быть начеку. «Теперь-то мы разработаем специальную систему наблюдения и реагирования,— сказал нынешний

начальник штаба батальона А. И. Ващук.— Уж если он появлялся здесь раньше, то вполне может появиться и следующей зимой... Как только будет хоть что-нибудь замечено, сразу дадим вам телеграмму. Ну, а уж вы поднимайте на ноги всех столичных экспертов».

Десятки случаев явления «белого призрака» людям, опубликованные в районных архангельских газетах, собранные воедино производят серьёзное впечатление. И прежде всего (в отличие от истории Алеутского) не какими-то фантастическими способностями существа, а очень даже обыденными, почти бытовыми проявлениями. Нечто заглядывает в окна, ломает деревенские заборы, идёт по берегу озера, колотит огромным бревном по избушке, где ночуют охотники, подходит к стоянке рыболовов, ворует зерно.

Все рекорды по количеству случаев бьёт, конечно, Каргопольский район. Кажется, Каргополь может стать для нас тем, чем стал для Шотландии такой же небольшой городок Инвернесс.

Многие жители там давно уже стали специалистами по местному монстру. Похожий процесс начался и в Каргополе. «Белым призраком» увлеклись военные, милиционеры, экологи, охотники, пенсионеры, журналисты. И правильно делают. Это оживляет монотонность провинциальной жизни, И может помочь другим людям, желающим прикоснуться к чуду.

Газеты сообщали: в этом году Инвернесс за один только июль принял полмиллиона туристов, жаждущих попытать счастья и увидеть таинственного обитателя озера Лох-Несс. Говорят, в отелях свободных мест не было. У Каргополя пока что возможности скромнее. Гостиница, в которой мы разместились, была почти пустой. Но совершенно ясно, что долго это продолжаться не может. Найдётся немало желающих провести ночь в лесной охотничьей избушке, куда довольно часто приходит лесной человек. Найдутся проводники. Найдутся и деловые люди, построят комфортабельные гостиницы и мотели в стиле а ля рюс. Найдётся и драматург, который напишет сценарий о трагедии, случившейся с каргопольским «белым призраком». Снимают же фильмы о Несси.

Фабула фильма уже готова, написана самой жизнью. Жил е одной из каргопольских деревень хороший

таёжный охотник. Ставил капканы на волков, лисиц, барсуков. И был всегда с удачей. Но однажды пришёл из леса расстроенный и пожаловался жене, что видел страшного, невиданного зверя, который якобы вставляет в капканы палки, заставляет их срабатывать вхолостую. Был охотник хозяином в своём урочище. И вот объявился другой хозяин. И встал вопрос: кто кого выживет. Некоторые моменты этой борьбы вполне подошли бы для фильма ужасов. Дошло до того, что зверь стал забираться на крышу избы охотника, выживал его из собственного дома. По одной из версий, не стерпел охотник и убил... только не того, кто загнал его в угол, а самку... Потому и себя добровольно лишил жизни. Вот с тех пор, говорят, и мается по Каргополю огромный седой самец, не зная, как обогреть детёныша морозной зимой. Навыка-то нет, привык в одиночку по тайге шастать.

После безнадёжной поездки на Мегру возвращались мы из Каргополя приободрённые. «Белый призрак» — это всё же (с известной натяжкой) нечто более реальное, чем самка гоминоида, разрывающая пополам медведицу.

МЫ ВСТУПАЛИ В ЗОНУ...

Подготовка экспедиции была в какой-то степени драматичней самой экспедиции. Какие страсти кипели в секте криптозоологов! Оказывается, мы страшно провинились. И тем, что занялись этим феноменом. И тем, что избрали местом исследований Ловозеро, где седьмой год криптозоологи подкарауливали реликтового гоминоида, прозванного «Афоней».

Мы хотели, наряду с Мегрой и Каргополем, провести решающую экспертизу (потому и начался переполох!) — проверить, в какой ипостаси существует этот «Афоня»: в чьём-то больном воображении или в суровой природе Заполярья. В сущности, целью экспедиции и был поиск истины, а не какого-то конкретного гоминоида, то бишь лесного человека. И для решения этой задачи у нас были совсем другие возможности.

Участница одной из экспедиций криптозоологов на Ловозеро рассказывала нам: «Это было ранним утром. Я спала в своей палатке рядом с избушкой, где спали остальные. Проснулась от страшного рёва. Я мгновенно

покрылась холодным потом и не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой. Рёв быстро смолк, но у меня не было никаких сил хотя бы выглянуть из палатки и посмотреть в ту сторону, откуда он донёсся. Я была скована непередаваемым ужасом...»

Нам были известны также другие примеры угрожающего поведения «Афони». И факты группового страха, когда криптозоологи слышали его тяжёлые шаги, но не смели ни выйти из избушки, ни даже выглянуть в окошко. Страшное создание, из-за которого, собственно, они сюда приезжали, было рядом, за бревенчатой стеной. Оставалось только преодолеть оторопь, навести объектив фотоаппарата, нажать на спуск и предъявить наконец миру уникальное вещественное доказательство. Но — увы. Ужас перед «Афоней» всегда оказывался сильнее честолюбия.

У нашей экспедиции, повторяю, было в этом смысле большое преимущество. Лаборатория микролептонной технологии давала нам такое техническое оснащение, о котором можно было только мечтать. Прибор, улавливающий микролептонные излучения (микролептон — микрочастица, масса которой на несколько порядков меньше, чем у электрона; микролептоны, подобно газу, заполняют пространство между физическими телами, но гораздо больше их внутри самих тел. — В. Е.), способный сигнализировать о приближении к базовому лагерю любого живого существа, а также выдавать сведения о его размерах. Фотоаппарат со специальной оснасткой, позволяющий снимать живые объекты через любые плотные преграды: через тент палатки и даже через деревянные стены избы. Прибор, нейтрализующий как агрессию со стороны любого зверя, так и страх перед этой агрессией у членов экспедиции. Это оснащение избавляло нас от постоянного напряжённого ожидания (достигающего в иных группах криптозоологов самого настоящего психоза), от самовнушения и взаимовнушения. Да и где ещё молёно было убедиться в эффективности этих приборов, как не на Ловозере, где шесть сезонов подряд криптозоологи (если верить их рассказам) и видели, и слышали, и чувствовали «Афонию», но не могли привезти ни одного сколько-нибудь убедительного подтверждения его существования?

Конечно, далее рыбацкий этикет не позволяет садиться там, где кем-то уже заброшена удочка. Мы не

собирались именно туда, куда временами приходил «Афоня». Ловозеро огромно. Несколько километров в ширину, десятки километров в длину. На его берегах хватило бы места для сотни экспедиций. Но исследователи «Афони» принесли в редакцию такой пламенный протест, устроили такую истерику, словно купили лицензию на «Афонию» и взяли в аренду всё Ловозеро. Что ж, в общем-то нормальная для таких людей реакция. На Западе криптозоологи судятся друг с другом по поводу самых мелких спорных приоритетов.

До отъезда оставались считанные дни. И мы по ступили просто. Принесли в микролептонную лабораторию карту Кольского полуострова (масштаб 1 : 200 000) и попросили показать места обитания реликтовых гоминоидов, если они там вообще есть. Спустили буквально полчаса на карте появилось больше десятка кружочков. Но удивительнее всего было то, что кружочки стояли в тех точках, откуда приходили сообщения о встречах с огромными страшными существами. С точностью до миллиметра было помечено и место на Ловозере, куда седьмой год подряд должна была выехать группа криптозоологов.

Мы избрали своей целью место, что в ста километрах южнее Ловозера. Пошли, по сути дела, на риск полной неудачи. Из этих глухих мест (абсолютная ненаселёнка) не поступало никаких сообщений. Нельзя сказать, что выбор был продиктован русским «была не была». Просто теперь мы очень верили микролептонной лаборатории.

Восемьдесят километров к востоку от Апатит мы ехали целый день. Извилистая, вся в рытвинах, таёжная дорога не позволяла развивать скорость больше десяти километров в час. Если бы не масса снаряжения, рассчитанного на разные варианты поиска, многие из нас предпочли бы идти пешком. Через каждый час автобус останавливался перед сожжённым (либо разрушенным) мостом или речкой с каменистым дном. По бокам дороги виднелись истлевшие вышки и бараки (здесь когда-то стояли лагеря) и приметы последующего исторического периода: стоянки геологов и буровиков похожие на свалки ржавого металла. Мы въезжали действительно в «зону», где представитель «новой исторической общности» прошёл как хозяин и где всё живое

должно было ненавидеть двуногих преобразователей природы.

На пятидесятом километре нашим проводником стал водитель вездехода Володя Попов. Далее его машина сломалась на этой дороге, и он шёл пешком туда, куда направлялись мы,— к избе связиста Валентина. Вымотанный и голодный, Володя оживился, когда узнал о цели нашего путешествия. «Прошлой зимой,— сказал он,— на Урмавараке (каменистое плато посреди тундровых болот. — В. Е.) геофизики обнаружили цепочку огромных следов. Пробовали перекрыть сапогом сорок пятого размера, куда там! Если успею быстро починить вездеход, свожу вас туда».

В начале августа в этих местах темнеет около десяти вечера. Когда прибыли на место, уже смеркалось. Вокруг был типичный пейзаж Кольского полуострова. Озёра с чёрной гладью воды. Берега, покрытые ковром белого меха. Порожистые речки. Тайга, где грибы — хоть косой коси — растут прямо по краям лесной дороги. Красками природы играла погода, которая меняется здесь каждые полчаса. Улыбается скупое, хмурится с удовольствием.

Мы нарушили таёжный покой и были добросовестно (но беззлобно) облаяны. Лайки смолкли, когда из избы вышел связист Валентин. Он показал, где удобнее поставить палатки, и пришёл к ужину с местным деликатесом — рыбиной под названием сиг.

Те, кто настойчиво ищет контакта с «Афоней», говорили нам, что его приближение чувствуется по поведению лаек. Только что были рядом и вдруг все исчезли. Или лают, но беззвучно, только пасти раскрывают, голос у псов пропадает от страха.

«Далеко не все лайки такие,— Валентин говорил с улыбкой, не поднимая глаз.— На медведя идёт одна из тысячи. Шкура косолапого на заборе висит — и то хвосты поджимают».

Кто-то из нас вспомнил, что со стоянок (не только криптозоологов, но и туристов, альпинистов) пропадали консервы. Потом банки находили искорёженными, вскрытыми то ли когтями, то ли клыками. Криптозоологи стоят на своём: это проделки лесного человека!

Валентин снова улыбнулся, опустив глаза: «Мишка это шалит. Силищи у него хоть отбавляй. То ли банку сжимает, и она лопаётся. То ли клыками вскрывает».

Мы внимательно слушали. Это было то, что нам

требовалось,— взгляд на феномен с позиций здравого смысла. С точки зрения человека, живущего в одной природной среде с существом, которого ищут во всех уголках земного шара.

Мы не случайно выбрали именно это место. Если верить статистике случаев, лесной человек включает в ареал своего обитания именно такие таёжные избы, как у Валентина. Есть люди — напросится на общение. Нет людей — сам поселится в домике.

«Мы с женой живём здесь с 1985 года,— сказал Валентин. — Сам я подолгу бываю в тайге, неделями живу в своих охотничьих избышках. Ничего подобного не видел».

Вернёмся без ничего — тоже неплохо, говорил кто-то из нас. Отрицательный результат — тоже результат. При всей банальности эта фраза была точной. Седьмой сезон сидят на Ловозере поборники существования «Афони». Утверждают, что ощущали его отвратительный запах, слышали жуткий крик и парализующий свист и даже видели (издали) его самого. Но все эти признаки отмечаются всё лее редко. Где-то шастает вечный бродяга. Вот мы и думали: если его видят в ста километрах отсюда, почему бы ему не появляться (пусть так лее редко) и здесь?

Валентин усмехнулся: «Нет здесь таких». И мы могли сделать из его слов два вывода. Первый: если его нет здесь, значит, очень сомнительно, что он бывает и там, на Ловозере. И вывод второй: Валентин что-то знает, но скрывает. Ну, представьте себе: появился у вас необычный друг — лесной человек. Вы его подкармливаете, и он не остаётся в долгу, бывает чем-то полезен. Станете ли выдавать вы его какой-то экспедиции?

У каждого из нас было своё отношение к поиску и его вероятным результатам. Одним достаточно было просто укрепить веру людей в то, что лесной человек — не фантом, не плод воображения, а биологическая реальность. Другие говорили: это, конечно, приятно — приподнять завесу над тайной века, но если нам крупно повезёт, пойдёт ли это на пользу существу, которого мы ищем?

Мы поставили палатки на песчаной поляне. Грунт идеальный для контрольно-следовой полосы. У нас были маленькие грабли. Но полосу делать мы всё же не

стали. Потому что здесь (так мы понимали в момент приезда), в районе избы Валентина, *его* не было. Судя по отметке на карте, *он* обитал где-то километрах в пятнадцати, в районе озера Лебединого. Туда и должны были отправиться две группы.

Весь следующий день ушёл на приготовления. Группа из Санкт-Петербурга (Игорь Батулин, Лена Терехова и Миша Глико — эксперты журнала «Терминатор» по аномальным явлениям) осваивала большую десантную лодку. Другая группа (сотрудник микролептонной лаборатории Вячеслав Пичугин, студенты Илья Бестужев и Глеб Бузин, фотографы Юрий Луньков и Олег Ласточкин) готовила аппаратуру, устанавливала антенну для увеличения дальности радиосвязи, делала для слабеньких раций «Урал» более мощные блоки питания. Слава Пичугин готовил к работе ранее не знакомый ему электронный прибор «Магеллан» (позволяющий с помощью четырёх спутников определять местонахождение группы), моля Бога, чтобы не угораздило утопить эту дорогую (ценой триста тысяч рублей!) штуковину в болоте.

Я заметил, что Пичугин часто поглядывает в сторону избы Валентина. Оказывается, один из его приборов показал приближение к избе крупного живого существа. К вечеру мы узнали, что к Валентину пришёл знакомый парень из Апатит — любитель побродить в одиночестве по тайге. И ещё раз убедились, что изделиям микролептонной лаборатории можно верить...

ДЬЯВОЛЬСКИЕ МЕСТА

Володя Попов спешил вернуться к утру и гнал свой вездеход, как на ралли. Спустя два часа кончилась лесотундра и начались сплошные болота. Володя включил фары. Из выхлопной трубы летел сноп искр. Вездеход проваливался в топь то носом, то задом. Говорят, водители в этих местах принимают перед рейсом для храбрости, как перед боем. Не знаю... Володя был трезв как стёклышко. Просто он хорошо знал дорогу. А когда сомневался, то останавливался и высматривал среди болот видимый ему одному безопасный проезд. Что он мог видеть ночью — известно одному господу Богу.

Спустя три часа группа достигла Урмаварака. Уникальное гористое плато с пещерами, скальными навесами и нагромождением валунов. А вокруг, куда ни кинь взгляд, сплошные болота. Сюда не ходят охотники. Здесь бывали только гидрологи и геологи. Откуда же взялись те огромные следы, о которых говорил Володя? Может быть, действительно Урмаварак — место зимовки реликтовых гоминоидов?

Немногие разделяли эту версию. Но уговор был такой: проверить самые невероятные предположения. Увы, на кропотливый осмотр плато не было ни минуты. Водитель вездехода посматривал на часы. Он и без того сделал немало, помог нам разведать это дьявольское место. Теперь мы знали (в общих чертах), что такое Урмаварак и как следует изучать его в будущем. Мы всё чаще подумывали о том, что во все времена года (кроме зимы) очень трудно находить следы и проводить их экспертизу. Мшистая почва в этих местах почти не сохраняет отпечатков. Вот и Урмаварак хо-рошо бы осмотреть зимой, когда выпадет снег.

Путешествие по реке Цаге (впадающей в озеро Лебединое) тоже не было прогулкой. Трое петербуржцев гребли против течения. А впереди их ждали пороги, упавшие в воду деревья. Приходилось снимать обувь и идти чуть ли не по пояс в ледяной воде. Это удовольствие продолжалось шесть часов. Потом они сообщили по рации, что путь преградил разрушенный мост. А перенести лодку по берегу невозможно. Кругом болота.

В общем-то плыть дальше не имело смысла. Озеро Лебединое должно было быть где-то совсем рядом. Но карта Генштаба 1942 года врала почём зря. Цага, выведенная чуть ли не прямой линией, на самом деле вилась змейй. Озеро Лебединое тоже могло быть совсем не там...

Ребята нашли проход через болото и двинулись в сторону горы, откуда можно было осмотреть окрестности. Это был поступок. Несмотря на свой туристский опыт, они могли потерять обратную дорогу к лодке, и тогда им грозило опасное, может быть, гибельное блуждание по болотам. (То, с чем столкнулась потом вторая группа, полностью подтвердило эту вероятность.)

Ещё через несколько километров они наконец-то

вышли к озеру. Гора была на противоположном берегу. А в предгорье стояла избушка с неизменной свалкой ржавых железяк. Игорь и Лена оставили Мишу отдыхать (опытный гребец, он не давал другим работать вёслами), а сами полезли на вершину горы. Только оттуда можно было увидеть, есть ли поблизости другие водоёмы. Если нет, значит, они достигли цели.

Они взбирались на вершину часа два. Но жалеть было не о чем. Местность в радиусе десятков километров была теперь как на ладони. Но неподалёку виднелось ещё одно озеро! Какое же из двух Лебединое?

Теперь вся надежда была на Лену Терехову. Ей не раз устраивали проверки. Она называла места рождения совершенно неизвестных ей людей. И даже угадывала, к кому обращается в своих мыслях тот или иной человек. Но здесь требовались какие-то другие способности. Лена не могла сказать определённо, какое из озёр Лебединое. Впрочем, это уже не имело решающего значения. Цель, которую они ставили перед собой, была достигнута. Если волосатые создания действительно обитают в этих дьявольских местах, то они вошли в их владения...

Лес, по которому двигалась пешая группа, давил на психику. Обычная таёжная дорога почему-то стучала под ногами, словно на глубине была какая-то пустота. Стволы деревьев были выкручены какой-то адской силой. У края болота виднелась воронка идеально круглой формы. Слава Пичугин погрузил в трясину трёхметровый шест и не достал дна. Было очень тихо. Не шевелился ни один листочек. А на противоположном краю болота вдруг раздвинулись стволы молодых сосен и через несколько секунд сдвинулись снова. Прибор «Магеллан», с абсолютной точностью показывавший месторасположение базового лагеря, неожиданно отказал. А Цага в этих местах делала такую замысловатую петлю, что молёно было уйти по берегу совсем не в ту сторону.

Ребята присели, чтобы перевести дух. И в этот момент из кустов вылез человек. Обыкновенный человек. В штормовке. Со впалыми небритыми щёками и затравленным взглядом. Назвался Андреем. Вместе с двумя приятелями (тоже москвичами) путешествовал на байдарках по Цаге. На остановке пошёл осматривать

окрестности и... потерял обратную дорогу. Турист-водник с 15-летним стажем, он никогда не думал, что может заблудиться в двух соснах. Андрей бродил по тайге уже двое суток. Варил грибы в консервной банке. Слава Богу, в кармане оказался коробок спичек.

Эта встреча произошла под конец маршрута, после того, как группа всё же нашла второе озеро (которое петербуржцы видели с вершины горы) и повернула назад. Ребятам не терпелось вернуться в базовый лагерь, чтобы сказать, что произошло невероятное. Случилось то, на что никто не рассчитывал. Был обнаружен (первым его увидел Глеб Бузин) огромный след.

Последние дни почти непрерывно лили дожди. Края следа были, конечно, размыты. Но отпечатки двух больших пальцев читались очень чётко. И потому след производил ошеломляющее впечатление. Фотограф Юрий Луньков щёлкал сразу несколькими фотоаппаратами.

Он щёлкал, а мы делали замеры и оконтуровку следа спичками. Длина 43 сантиметра. Ширина передней части (там, где пальцы) 22 сантиметра. Ширина пятки 15 сантиметров. Глубина около двух сантиметров.

Особенно впечатляющим (после пальцев) было направление следа. Тот, кто его оставил, идя от болота на взгорье, был вынужден пересечь лесную дорогу. Ну кому из людей это было нужно? К тому же (мы это знали точно) в последние дни в этом месте никто не шастал.

Мы знали, что один след сам по себе является сомнительным доказательством. Нужна цепочка из пяти следов подряд. Но то и поражало, что эта цепочка угадывалась. Только все предыдущие и последующие следы были не такими чёткими. Но они и не могли быть другими. Перед дорогой — сплошной мох. После дороги — снова мох. Какая тут может быть чёткость? Ребята всё же замерили приблизительную ширину шага. Около 190 сантиметров. Какого же роста могло быть существо, оставившее след, если у человека длина шага в 75 сантиметров соответствует росту в 180 сантиметров?!

Ну а если это существо не ходит, как принято считать, а чаще всего, как рассказывал Слава Пичугин, передвигается большими прыжками?

Потом мы стали со всех сторон опровергать находку.

А что, если след — простая вмятина от камня? Осмотрели всё вокруг — ни одного валуна. Глеб сел на Илью Бестужева. Вместе они весили минимум 150 килограммов. След Ильи теперь впечатывался в почву... ну от силы на полсантиметра.

Если вес реликтового гоминоида (как утверждают криптозоологи) составляет около 200 килограммов, мог ли он погружать конечности в почву на глубину 2 сантиметра, даже если почва была влажной?

Мы выстроились цепочкой, прочесали окрестности и обнаружили массу вмятин от каких-то следов во мху, на болотных кочках. Теперь уже не оставалось сомнений: кто-то бродил здесь дня три назад. И на просто бродил — истоптал всё вокруг.

Нужно было установить за этим болотом и прилегающим лесом наблюдение. Ко мне подошёл Игорь Батулин. «Наша группа готова провести здесь ночку».

И без того мерзкая погода быстро ухудшалась. Резко холодало. Ночью в палатках было не больше восьми градусов. А каково сидеть на этом чёртовом болоте?! Правда, для таких случаев у нас был запасён спирт.

Но, как выяснилось, спирт не согревает, когда человека охватывает ужас...

НОЧЬ НА БОЛОТЕ

Лена Терехова готовила бутерброды и термос с горячим чаем. Миша Глико заряжал фотоаппарат высокочувствительной плёнкой. Игорь Батулин ещё раз проверял рации. Испытали «звёздочку» — пусковое устройство, выстреливающее, в случае беды, пузатенький патрон. Можно подать сигнал или отпугнуть зверя. Но не защититься. Игорь приладил к поясу кобуру с ракетницей.

Ребята понимали, что вступают в нешуточную игру. Тайга есть тайга. А ночь есть ночь. В памяти всплывали рассказы местных жителей. Бывало, находили мёртвых лопарей (аборигенов) и геологов. Вскрытие показывало, что смерть наступила от разрыва сердца. У троих или четверых сразу, одновременно!

Ребята решили стать в двух местах. Лена с Игорем — прямо на болоте. А Миша — там, где был обнаружен след. Вдвоём сидеть в засаде ещё куда ни шло, но одному...

Впрочем, если верить криптозоологам, которые утверждают, что реликтовый гоминоид за много километров чувствует женщину, то Лена рисковала всё же больше. Рисковал и Игорь: уж он не оставил бы Лену без защиты.

Если бы что-нибудь действительно произошло, в лучшем случае мы получили бы сигнал по рации. Как помочь на расстоянии примерно шести километров?

Да Бог с ним, с риском, рассуждал я про себя. Другие не пошли бы даже в том случае, если бы у них была стопроцентная страховка от любой угрозы. Из-за одного только холода не пошли бы.

Трое ребят из Санкт-Петербурга были в этом отношении сущей находкой. Казалось, им было всё нипочём: холод, голод, страхи. Именно такие люди и должны заниматься исследованием этого феномена.

Как признался один из криптозоологов, на обратном пути домой он испытывает большое облегчение, что нечто всё же не встретилось. Трое петербуржцев были другого склада. Их организм требовал испытать ужас полной мерой.

У Мопассана есть по этому поводу интересные строки.

Раз вечером сидел я с книгою в руках. Вдруг к полночи меня объял внезапный страх. Пред чем — не знаю сам. Но ужасом томимый, Дрожа и трепеща, я понял в этот миг, Что нечто грозное идёт неотвратно... Казалось, кто-то здесь неведомый возник И за плечами встал...

...Холодный смертный пот Всю душу леденил и сковывал мне члены. Один, один лишь звук я слышал неизменно,— То дробь выстукивал сведённый страхом рот...

Игорь Батулин: «Когда мы пришли на болото, было уже темно. В этих местах днём-то стоит гнетущая тишина А ночью... Хотелось останавливаться после каждого шага и прислушиваться, нет ли какой-то реакции на наши шаги. Не вымерло же всё вокруг.

Мы оставили Мишу на высоте, а сами спустились и встали на болоте, недалеко от того места, где в безветренную погоду шевелились сосны. Установили на рациях минимальную громкость приёма. Миша тихонько сказал, что у него всё в порядке.

Через какое-то время мы с Леной подумали, что у

нас начались слуховые галлюцинации. Мы вдруг услышали едва различимый шум идущего поезда. Невероятно. Ведь до железной дороги около ста километров. Мы связались с Мишей. Он сказал, что слышит, как очень далеко идёт поезд. Мы с облегчением вздохнули, но удивление осталось. Новая загадка только подтвердила, что мы находимся в загадочной местности.

Ещё спустя время звенящую тишину прервал хохот. Я инстинктивно схватился за ракетницу. И тут же сообразил, что это смеётся птица, которую мы не раз видели днём. Кажется, это был фазан. Во всяком случае, мне не хотелось думать, что этот смех издаёт какое-то другое существо. Я знал, что нечто, которое мы выслеживаем, может подражать любому зверю и любой птице. Но думать об этом не хотелось. Так можно было бы действительно довести себя до галлюцинаций.

Чтобы отвлечься, мы стали смотреть на небо. Оно было необычным. Ни одной тучи. Звёзды висели низко, и каждая была размером с Венеру. Звёздные ночи в Заполярье всегда очень холодные. А у Миши плохая привычка — одеваться легко. А всё согревающее — спирт, бутерброды, чай — было у нас. Лена сказала, чтобы я шёл без разговоров на высотку, ничего страшного с ней не случится. Она не бодрилась. Первоначальный страх у нас прошёл. Лена даже пошутила: «Если он здесь, то он — самый красивый на окрестных болотах».

Я отдал Лене ракетницу со взведённым курком. Чтобы чувствовала себя уверенней. Как мы ни освоились, оставаться одной... А сам пошёл к Мише».

Лена Терехова: «Своими шагами Игорь будто разбудил болото. Снова расхохотались фазаны. Потом послышался какой-то писк — будто звучала морзянка. У меня возникло ощущение, что болото — живое, а я его частица. Меня уже никто не боится. И потому мне тоже нечего бояться. Я — своя. Но через какое-то время все звуки разом оборвались. Тишина буквально парализовала меня. Если бы мне вдруг стало что-то угрожать, я не смогла бы выстрелить осветительную ракету. И всё-таки мне нужно было что-то делать. Иначе я просто умерла бы от страха. Кое-как я поднесла ко рту свисток, подула в него что было силы. Но получилась не трель, а слабый одиночный свист.

Я свистела ребятам, а отклик донёлся совсем с другой стороны. Оттуда, где качались сосны. Кто-то голосом огромного простуженного мужика ответил то ли «э-э», то ли «бэ-э».

Здесь со мной что-то произошло. Вместо того чтобы потерять сознание, я сделала два свистка. В ответ тот же сиплый голос дважды издал «э» или «бэ-э». Мне казалось, что я схожу с ума...»

Игорь Батурин: «Мы с Мишей всё отлично слышали. Я уже ориентировался в темноте и добежал до Лены очень быстро. Помоему, я подоспел вовремя...»

Лена Терехова: «После того, как я услышала голос второй раз, нервы были уже на пределе. И то, что произошло дальше, я уже не могла вынести. Я ощутила сильнейший отвратительный запах. Запах был как в зоопарке возле клетки какого-нибудь дикого зверя. Только гораздо острее. На меня будто ледяная волна обрушилась. А дальше — как в тумане. Очень громкое чавканье — это подбегал Игорь. И его слова: «Мы всё слышали!» Он дал мне глоток спирта. Я проглотила, как воду, и, кажется, пришла в себя».

Игорь Батурин: «Я сделал три свистка. Думал: если и на этот сигнал будет адекватный отзыв, тогда... Известно, что медведь может издавать почти человеческие звуки. Когда комары и мошки заедают, охает и стонет, как мужик. И от лося можно услышать что-нибудь похожее. Но не с такой же точностью подражания!

Я, повторяю, свистнул три раза, и в ответ донеслось троекратное «э-э». У меня волосы на голове зашевелились. Но я всё же дунул в свисток что было сил. Получилась трель, почти милицейская. Думаю со злорадством: что, слабо повторить? А в ответ... Нет, не слабо ему было! Конечно, это была не трель. Но то, что он издавал своим сиплым голосом... Это надо было слышать».

Через несколько минут к ним подбежал, тяжело дыша, Миша Глико. Он не мог больше стоять на высотке. Его тоже всего трясло. У него, как и у них, тоже всё смешалось: страх, восторг, не знаю, что ещё. Они ехали за удивительным и непознанным. И получили, как по заказу.

Ну в самом деле, не слишком ли много случайного соединилось в одном месте? Можно допустить, что запах,

который почувствовала Лена, шёл из болота. Выброс сероводорода или метана. Но голос, точные повторы! Это как объяснить?

ЭНЕРГИЯ ТАЙНЫ

Загадке «снежного человека», похоже, уготована та же судьба, что и НЛО. Пока что невозможно доказать как существование, так и отсутствие этих феноменов.

Маленькой тайной можно увлечься и скоро остыть. Но это — сверхтайна. Любители чудес вместе с любителями разоблачать выдумки никогда не останутся в попытках добраться до сути. И впереди всегда будет не тот, кто больше верит или не верит в чудо, а кто имеет больше информации и лучше её осмысливает.

Три вопроса мешают пессимистам согласиться с версией существования «снежного человека». Как он может существовать без одежды? Как он может прокормиться? И как он может оставаться неуязвимым и становиться невидимым?

Оптимисты отвечают примерами из реальной жизни. Легендарный Порфирий Иванов во все времена года ходил в одних шортах. И не надел ни рубахи, ни штанов даже памятной зимой 1979 года, когда Москва дрожала от 45-градусных морозов. Последователи Иванова, живущие в селе Ореховка Луганской области, также круглый год ходят в одних шортах (женщины надевают ещё и майки). А дети поражают родителей ещё большей морозоустойчивостью.

Порфирий Иванов постоянными упражнениями в голодании достиг невероятного совершенства. Его рекордный пост превысил пятьдесят дней. Последователи Иванова также едят очень мало. И исключительно растительную пищу: овощи, фрукты, травы, семечки. Мясо и рыбу не употребляют вообще.

За счёт чего же организм, постоянно пребывающий в условиях холода, вырабатывает энергию для самообогрева? Иванов объяснял это так. Человек может научиться брать энергию не через потребление пищи, а непосредственно из окружающей среды. Как какой-нибудь овощ, организм могут питать вода, земля, воздух и солнце. В процессе длительных тренировок и самосовершенствования такого рода человек может вообще отказаться от общепринятых продуктов.

Порфирий Иванов не занимался йогой, не проходил

обучения у буддийских монахов. Но не уступал им в их самой потрясающей способности: становиться на время невидимым или, превратившись в сгусток энергии, перемещаться в пространстве. И в этом смысле ему, возможно, принадлежит мировой рекорд. Американский космонавт Э. Митчел, увидев фотографию Иванова, потрясённо заявил, что этот человек спас их экипаж, когда он не мог взлететь с Луны.

А теперь небольшое отступление. Каждой экспедиции хочется пойти дальше предшественников, поднять исследования на одну ступеньку выше, с которой шагнут дальше другие экспедиции.

Что же получилось у нас? Перечислим сухо, как в инвентарной книге.

Место работы экспедиции было определено с помощью так называемой нетрадиционной техники, тогда как все предыдущие исследования велись в «проверенных» местах, откуда поступали сообщения очевидцев.

Впервые в истории отечественных исследований начато использование редчайших микролептонных приборов — тех самых, нетрадиционных.

Работа шла в режиме динамичного приключенческого поиска, несколькими группами, поддерживавшими с базовым лагерем достаточно устойчивую радиосвязь.

Сложилась московская группа, к которой присоединяются другие энтузиасты (как в столице, так и в других городах), что означает создание целой организации исследователей.

Есть и другие результаты. Они заключаются в осмыслении разных объяснений феномена и выборе наиболее убедительного, каким бы фантастическим оно ни казалось.

Предложил это объяснение заместитель руководителя экспедиции по научно-технической работе Александр Кривченко.

Окружающее нас пространство состоит как минимум из двух зон. В одной (видимой) обитают биологические существа: люди, животные, растения и т. п. В другой (невидимой) зоне — ещё до конца не познанные энергетические сущности, которые мы ощущаем, испытывая безотчётное внутреннее беспокойство, тревогу, а иногда и ужас.

Мощная энергетическая зона называется иначе

геопатогенной. Название говорит о том, как трудно там живётся всему биологическому. Деревья растут искривлёнными и падают раньше, чем в здоровых местах. Люди вымирают чуть ли не целыми деревнями. Такая зона обычно находится там, где земная кора имеет глубокие разломы, откуда происходят выбросы вредных газов.

Наши предки удивительным, не дошедшим до нас способом определяли, где находятся такие зоны, и, за редким исключением, никогда не строили там жилищ. Наоборот, подыскивали (в особенности для церквей) участки земли, наиболее благоприятные для всего живого.

Если люди отделяли себя от энергетического мира, то логично допустить, что и энергетические сущности точно так же стараются держаться обособленно от биологического мира.

И всё же у нас есть нечто общее. Возьмём, к примеру, еду. Что это такое? Это (благодаря химическим процессам) превращение одной энергии в другую. Почему нашему организму так полезны хлеб, овощи, фрукты? Потому что они развились благодаря энергии земли, воды и солнца.

Для чего человеку энергия, полученная через пищу? Для того, чтобы он шевелил извилинами. Чтобы работало сознание. А что такое сознание и мысль? Энергия.

Вся окружающая человека среда, включая энергетический мир, живёт для своего природного обмена.

Наше же человеческое предназначение заключается в том, чтобы выработать энергию высшего порядка—мыслительную. И, благодаря этой энергии, заниматься совершенствованием себя и своего биологического мира. А в перспективе (если самосовершенствование удастся) обрести способность существовать также и в энергетическом мире, переходя в него по собственному желанию на то или иное время

Это не фантастические бредни. Есть люди (и науке они хорошо известны), которые осуществляют передачу мыслей на огромные расстояния. И в этот нет ничего удивительного. Вся окружающая нас природа пронизана (примерно так же, как радиоволнами) телепатическими каналами. Между собой общается всё

живое: рыбы, птицы, животные. Обмен эмоциями происходит даже между растениями и животными. Был такой эксперимент. Учёные решили убить мышку. Но перед этим взяли и соединили мышку электродами с растением. И после смерти мышки растение увяло! Ощутило такой ужас, такую энергетическую боль, что дальше существовать уже не могло!

Но опять-таки логично предположить; если телепатические каналы — нормальный способ общения между животными и растениями, то почему бы этой способностью не овладеть людям?

Человеческая мысль — самая мощная энергия. Она мощнее лазерного луча. Луч, достигнув определённого расстояния, рассеивается. У мысли нет пределов концентрации. Нет границ для распространения. И потому человек всемогущ.

Если человечество не уничтожит себя морально и физически, оно достигнет фантастического могущества. Но прежде оно обречено пройти стадию технического развития путём разрушения матери-природы и (морального и психологического) себя.

К этому вынуждает забота о защите своего тела, которое нужно кормить, одевать. Человечество никак не может освободиться от навязанной изначально нормы существования, согласно которой одно существо живёт для того, чтобы им питалось другое существо.

Здесь мы подходим к самому главному. Существо, названное «снежным человеком», конечно же, никакой не неандерталец. По своей структуре это биоэнергетическое создание природы, пребывающее в том или другом состоянии только определённые отрезки времени. Вероятно, это зависит от испытываемой им энергетической (не путать с обычной!) температуры.

Простое сравнение. Есть вода и есть лёд. Структура одна, а состояния разные, зависящие от температуры. Только другой, неэнергетической. Лёд может плавать в воде. Но стоит температуре подняться, лёд тает, превратившись в воду, становится невидимым.

Каждое существо живёт тот или иной отрезок времени. Бабочка-однодневка — 22 часа. Черепаха — несколько сотен лет. Какова же продолжительность жизни «смежного человека»? Это предстоит понять.

Случайных встреч с людьми у «снежного человека» не бывает. Он чувствует приближение любого живого

существа по телепатическим каналам. Мы только начали думать, как бы организовать экспедицию, а популяция «снежных людей» уже приняла эту информацию. Поэтому встретить хоть одного не было и шанса. Но члены экспедиции видели его след. Лена Терехова ощутила его запах. Возможно, это он откликнулся, когда она издавала свист.

Он, безусловно, был где-то рядом. Но мы не могли его видеть. Причина всё та же. Он обладает энергетикой такой силы, что ему ничего не стоит как бы ослепить человека.

Все люди обладают той или иной энергетической силой. У одного она — от единицы до ста. У другого — от ста до трёхсот. И так далее. У «снежного человека», вероятно, неизмеримо выше. Это тоже предстоит измерить специальными приборами.

Предшествовавшие исследователи (включая зарубежных) не могли даже высказать такое предположение, поскольку в их распоряжении не было необходимой аппаратуры, позволяющей «увидеть» это существо, когда оно остаётся недоступным для зрения человека. Благодаря помощи лаборатории микрорептонной технологии мы можем провести такие исследования.

Для этого достаточно исследовать те фотографии, где члены экспедиции сняты на достаточно широком фоне. Там, где есть панорама местности.

Теперь мы знаем, что в экспедицию следует брать только тех, кто настроен на интенсивную, скрупулёзную работу со специальными приборами. Поиск в приключенческом ключе — это увлекательно. Но это эффективно постольку, поскольку собирается материал о геопатогенности зоны. Главной должна быть всё же работа с приборами каждого члена экспедиции, а затем — соединение воедино всего полученного материала.

Ещё важнее — моральное и психологическое состояние участников экспедиции. Мы уже говорили: это существо очень тонко воспринимает все наши человеческие проявления.

Нельзя отправляться в экспедицию с честолюбивыми, авантурными или тем более злонамеренными целями. Безупречно чистая в нравственном отношении энергетическая среда никогда не шла и никогда не пойдёт ни на какой контакт. Успех возможен только в том случае, если все без исключения члены экспедиции будут столь же безупречны.

Ещё одно условие успеха — определённый настрой на контакт. Судя по многочисленной информации, это существо не вызывает у встретивших его людей никаких других чувств, кроме ужаса и отвращения. Это объясняется просто.

Наша информация о «снежном человеке» напоминает... Как бы поточнее сравнить. Ну как если бы мы судили о слоне по микроскопическому кончику его хвоста. Такая скудость объясняется тем, что между биологическим и энергетическим мирами существует запретная зона информации. Что-то вроде табу. Это мы можем (нам разрешено) знать, а это — нельзя. Так вот: тот облик «снежного человека», о котором так много говорится, есть не что иное, как составная часть табу. Жуткий облик мешает людям вступать в контакт даже в тех редчайших случаях, когда существо позволяет себя видеть. Очевидец либо цепенеет, либо бежит, охваченный ужасом, не решаясь даже оглянуться.

Потому мы считаем: члены будущей экспедиции должны пройти психологическую адаптацию, чтобы при вероятной встрече ощущать не ужас, а спокойный интерес и любовь к этому созданию. Да, да! Именно любовь!

Но настраиваться нужно не на зрительный, а на телепатический контакт. Это существо, находясь рядом и оставаясь невидимым, будет мысленно разговаривать с членами экспедиции, потому что они, приблизившись к нему своей внутренней чистотой, обретут способность общаться по телепатическому каналу.

Здесь нам возразят: а как же экспедиция убедит мир, что это общение состоялось? Очень просто. Свидетельством будут служить показания микролептонных устройств, ещё более совершенных, чем существующие сегодня.

1992 г.

СУЩЕСТВО ИЗ СОСЕДНЕГО МИРА

Вернувшись из экспедиции, я получил письмо из Иркутска от Игоря Захаровича Павленко. «Будьте осторожны, — предостерегал он меня. — «Снежный человек» — это совсем не то, что принято думать. Никакой это не гоминоид. Более того, у меня есть основания считать, что это существо не из нашего материального мира. Сам я — профессиональный экстрасенс.

С моей помощью найдено несколько без вести пропавших людей. Это подтверждается официальными документами, выданными милицией. В числе моих способностей — умение настраиваться на мозговое радио «снежного человека». Иногда я не вижу его, но хорошо чувствую, что он мысленно, телепатически мне передаёт. Однажды видел его зрительно и даже касался рукой...»

«Расскажите подробнее о своих опытах», — написал я И. Павленко. И вот недавно пришёл объёмистый конверт, семьдесят страниц рукописного текста. Я прочёл и понял: это для «Не может быть», «Аномалии» и других изданий, погружающих читателей в мир чудес. И всё же выбрал семь страниц, хоть как-то объясняющих самое необъяснимое в феномене «снежного человека»:

— почему он обычно оставляет считанное количество следов,

— почему глубина этих следов даже на снегу не соответствует огромной массе существа,

— как может это существо обходиться без пищи,

— почему никто никогда не находил останков «снежного человека»,

— почему стрелявшие в него (даже в упор) никогда не убивали,

— почему никто до сих пор не мог сделать чёткой фотографии,

— почему это существо так не любит всё металлическое,

— почему человеком в лесу иногда овладевает беспричинный панический страх.

И. 3. Павленко: «Все описания встреч с этим созданием очень похожи: увидел, стоит огромное лохматое существо, шеи нет, руки длинные, меня охватил ужас, а существо спокойно ушло или скачками скрылось.

Но ужас охватывает и при встрече с медведем, а здесь волосы начинают вставать дыбом до встречи, до того как очевидец увидел лохмача. Сама физика этого страха говорит о способе самозащиты этого лесного существа, которое телепатически излучает информацию-предостережение: я здесь, рядом; или убегай, или соберись с духом, чтобы не умереть со страху.

Однажды я принимал участие в экзамене, который устроил опытный экстрасенс из Москвы своим провинциальным коллегам (их было около десятка).

Нужно было определить, чем больна одна особа, цветущая 30-летняя женщина.

Всего у неё «нашли» около 20 различных болезней.

Но ни один диагноз не был точным. На самом деле у неё был один-единственный дефект — зрение. Мои ответ был последним: на глазах — контактные линзы,

Всего-то и требовалось — принять информацию от биотоков организма, подслушать ту подсказку, которую, помимо своей воли, посылала пациентка. Импульсы её мозга молча кричали: да линзы же на глазах, линзы!

Кто знает, подумалось мне, может быть, и это существо, обладающая мощной системой биоэнергетической локации, умеет считывать биоэнергетические импульсы, посылаемые человеческим мозгом.

Вторая встреча произошла в Атамановке. Я работал в огороде. Семья вечером уехала домой, а я собрался ночевать в домике. Смеркалось. Укрепив столбик изгороди, я поднял голову и увидел его. Он стоял по другую сторону забора. Его левая рука, согнутая в запястье, держала длиннущее бревно. Я присмотрелся. Это бревно было восьмиметровым электрическим столбом, который валялся в двух километрах от дачи. Немного постояв, существо бросило столб и неторопливо ушло в темноту.

Лохмач появился снова ночью, когда я уже спал, и несколько раз постучал ладонью по стене на уровне карниза. И я решился. Я вышел на кухню и открыл окно. Его глаза при лунном свете фосфоресцировали, переливаясь в тонах от бледно-жёлтого до красно-оранжевого цвета. Я протянул руку ладонью вверх. Как будто поразмыслив, лохмач коснулся моей ладони пальцами огромной руки. Кожа была мягкая, как замша. От его руки исходило тепло, как будто из неё струился поток горящих пузырьков...

Несколько лет назад моего младшего семилетнего сына сбила машина. Близкие держали меня в неведении, но я очень остро чувствовал: с сыном случилось несчастье. По укоренившейся привычке постоянно проверять свои способности я решил получить информацию непосредственно от сына, используя так называемый резонансный контакт.

Шансов на успех было мало: слишком большое расстояние разделяло нас — 300 километров! Была одна

надежда — на то, что мне поможет существо, с которым у меня получился (и едва ли был утерян) контакт.

Через четыре часа я получил ответ: жизнь сына вне опасности.

Ответ ответом, но что испытывал сын? Была ночь. А информацию можно считать только с бодрствующего человека.

Потом сын рассказал мне: «Я спал рядом с мамой. Потом почему-то проснулся, будто кто-то разбудил меня. Посмотрел в окно (окно на втором этаже двухэтажного дома!) и увидел огромного, волосатого, страшного.

Светились два глаза, но они были добрые, поэтому мне не было страшно. Я стал будить маму, чтобы она тоже посмотрела. Она проснулась. Она тоже не боялась. Мы смотрели на него, а он на нас. Потом он пропал».

Линия резонансной связи проходила строго по прямой, передатчик (снежный человек) находился в Атамановке, где мы встречались раньше...»

«Есть в Аральском море остров Барсакельмес. В переводе с казахского «Пойдёшь — не вернёшься». В центре острова транзисторный телевизор перестаёт принимать передачи. На экране появляются непонятные вспышки. Замирают электронные часы или, наоборот, стрелка начинает вращаться с бешеной скоростью. В ушах появляется шум, похожий на шум эфира в приёмнике. Ночью становится заметно, как меж пальцев рук проскакивают искорки. В нескольких местах острова раздаётся иногда непонятный треск, как будто рвётся холст.

Небольшой группой мы высадились на этом острове и провели там ночь. Огромный диск луны поднялся почти к зениту. И тут произошло невероятное: из центра острова потянулся ввысь столб света, похожий на луч прожектора, но значительно плотнее. Нижняя часть луча была широкой, а верх был похож на световую иглу, пронзающую пространство и уходящую в космос. Луч менял свой цвет от белого до тёмно-красного, от голубого до жёлто-зелёного, по нему как бы бежали разноцветные цветочные волны. Через несколько минут нижний конец также стал тонким, как игла, и стал описывать над островом все увеличивающиеся круги. А затем над морем загорелись огни огромного висящего в пространстве города.

Эту голографическую картину мы наблюдали минут 20–30, потом она исчезла мгновенно, будто её выключили, по-прежнему только звёзды и безмолвная луна висели над нами.

А нам оставалось только жалеть, что нас слишком мало, чтобы нам поверили, и строить предположения, что бы это всё значило. Из всех догадок одна была наиболее точной, какой бы фантастической ни казалась на первый взгляд. Луна... Странная планета, повернутая к Земле всегда одной стороной, вопреки всем законам «небесной механики»...

Запускаем же мы спутники весом в тонну, две, пять, семь. Так можно ли отрицать, что высокоразвитая цивилизация установила Луну так, чтобы она вращалась вокруг Земли колоссальным принимающим и передающим устройством.

Не исключено, что высокоразвитая цивилизация использует голографию, и наши многочисленные земные наблюдатели часто видят не сами НЛО, а только их голографические изображения.

Это не так уж фантастично, если учесть, что подобные опыты проводились в нашей стране. Голографическое изображение предмета, воспроизведённого в пространстве, имело все внешние признаки предмета материального.

Если предположить, что наблюдатели неоднократно вступали в контакт не с самими инопланетянами, а с их голограммами, то почему это объяснение не применить к явлению «снежного человека?»

«...Сведения о нём идут из глубины веков. Он есть, потому что его видят в разных странах; он оставляет следы. Но в то же время его как бы и не существует.

Если бы это существо было земного происхождения, то в местах его обитания находили бы лёжки, пещеры, тропы. Увы, ничего этого нет, за исключением нескольких следов, обрывающихся неожиданно, будто тот, кто их оставил, взлетел в воздух.

Существует прибор интерферометр (им пользуются криминалисты), который воспроизводит отпечатки следов на ворсе паласа, на древесине, линолеуме, тканях, фиксируя вдавленность следов до сотых доле"!" микрона. Но я не думаю, что этот прибор поможет обнаружить «снежного человека», поскольку это существо вероятнее всего появляется из параллельного мира.

Не специально отыскивая энергетические проходы к нам, а случайно попадая в них, как человек, идущий по лесу, вдруг выходит на поляну, погуляет по ней и снова уходит в лес...»

Здесь я прерву Игоря Павленко. Боюсь, читатель всё равно не поверит ему, мало кому известному читинскому экстрасенсу, когда он начнёт приводить примеры того, как он не только ощущает, но и видит своими глазами существ из параллельного мира. Поясню в двух словах, что же представляет собой, по мнению некоторых специалистов, этот удивительный мир.

Ещё Аристотель считал, что в окружающем нас пространстве живут невидимые сущности, обладающие не материальными, а эфирными телами. Следом Кант готов был согласиться с вероятностью нематериальных существ. А Циолковский просто верил в «существа, устроенные не так, как мы, из несравненно более разреженной материи». «Их тела построены не на известном нам «молекулярном уровне», а на уровне элементарных частиц», — уточнил однажды академик В. И. Гинзбург.

Эту красивую сверхгипотезу взялись либо опровергнуть, либо подтвердить в своих лабораториях учёные А. Ф. Охатрин и А. В. Чернетский. Ими были сконструированы специальные датчики, которые улавливают в окружающем нас пространстве невидимые сгущения (состоящие, по предположению разных исследователей, либо из газа нейтрино, либо из микролептонов) и даже фиксируют их специальными электронными фотоаппаратами.

А. Ф. Охатрин пошёл дальше. По его просьбе в лаборатории мысленно воспроизводился образ какого-либо человека. К всеобщему изумлению, прибор немедленно зарегистрировал сгущение именно в том месте, где мысленно помещался человек, или, точнее, его мыслеформа. Ещё больший восторг вызвала вторая часть эксперимента, когда усилием мысли образ человека был отозван, и датчик тотчас показал его отсутствие.

Микролептонные датчики подтвердили слова известной прорицательницы Ванги, что она видит в окружающем пространстве прозрачные фигуры наподобие тех, какие видит человек, заглядывая в воду. А другая болгарская прорицательница, Севрюкова, заявляла, что

видимые ею мыслеформы очень напоминают огромных страшных чудовищ.

Теперь мы можем поставить законные вопросы. Если мыслеформы может вызвать обычный человек, то почему они не могут быть порождением какого-то другого разума? И если их видят экстрасенсы, то почему не могут видеть обычные люди, если допустить, что мыслеформы другого разума могут становиться видимыми обычному человеческому зрению?

Остаётся много неясного. Бесспорно только одно: едва ли человек — высшее творение матери-природы, а значит, едва ли он наделён способностью всё видеть, всё чувствовать, всё понимать.

1992 г.

ГДЕ ВЫРАЩЕН «СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК»?

После публикации очерков об экспедиции за «снежным человеком» первым приехал в редакцию профессиональный охотник Николай Прохоров. Крепкий, розовощёкий, с глазами, привыкшими смотреть сквозь прицел винчестера.

Наша группа, думал я, оглядывая его, провела в глухой тайге чуть больше двух недель, а он, Николай Прохоров, пропадает там месяцами. Нас была чёртова дюжина. Любой зверь, наверное, за километр стороной обходил. А Прохоров всегда в одиночку промышляет. Естественный вопрос прозвучал сам по себе: не был ли он сам в роли выслеживаемого? «Если бы даже мне что-то помешалось, — отвечал Николай, — я бы всё равно не сказал. Потому что все эти ощущения — не факт. Но вот один факт я всё же привёз. Был в марте в избушке на речке Малый Юган. Вижу, что моя лайка хвост поджала, к ногам жмётся. Прошёл ещё немного, огляделся, вижу, мать честная, следы 56-го размера! На замёрзшей зелени болота они как на шоколадном зефире отпечатались. Знаю всех, кто промышляет в этом районе. Ни у кого нет таких ножищ. И никто в том месте, кроме меня, не бывает. Манси говорят: «Этот дьявол каждый март там бывает, лучше держаться от него подальше».

Прохоров пришёл с советом. «Не надо никаких летне-осенних экспедиций. Всё равно никаких следов не увидите. А если где примятая трава, то попробуй разбери, медведь

это прошёл или тот, кого вы ищите». Предложил свои услуги. «Если достанете подходящее зимнее снаряжение и договоритесь с вертолётчиками, то могу быть вашим проводником. За результат дорого не возьму. Пятизарядная мелкашка, и мы в расчёте».

Прохоров оставил номер московского телефона своих друзей, записал мой (209-78-14), крепко пожал руку и отправился к себе в тайгу.

Следующим посетителем был Александр Сидоров из посёлка Батагай. Тоже заядлый охотник. Тоже бродит по якутской тайге в одиночку. Тоже видел огромные следы и слышал рассказы местных охотников о лесном чудовище. Тоже считает, что поиски вести лучше зимой с вертолёта. Тайга не очень густая. Сверху видно всё как на ладони. Но заключить договор с вертолётчиками ему не по карману. «Вот если ваша редакция найдёт спонсоров, без успеха не вернётесь. А гонорар мне не нужен».

Третий из тех, кто предложил сотрудничество, прислал письмо из Архангельской области. «Не мучайтесь с этими экспедициями. Приезжайте лучше один, и я вам такое покажу... Можете фотографировать, можете видеокамерой снимать. Но если получится фото или фильм, тут уж меня не забудьте. Нобелевской премии мне не надо, вы мне лучше помогите выгодно ваучер пристроить».

Все три предложения я оставил без ответа. Какие могут быть спонсоры?! У богатых людей сейчас одно на уме _ Как бы из денег сделать ещё деньги. Кто раскошелится на затею с негарантированным успехом?

Но однажды в редакции раздался ещё один звонок, и я включил на запись диктофон.

Человек на другом конце провода отрекомендовался кандидатом наук, но не назвал ни имени, ни фамилии. Сказал только, что много лет работал в «почтовых ящиках», где раньше разрабатывались такие проекты, о которых простые смертные никогда не слышали и почти наверняка никогда не услышат. «И не надо гадать, это за пределами вашей фантазии».

«Вы меня удивляете, — продолжал мой собеседник — устравиваете экспедиции, лезете к чёрту на рога. Хоть бы подумали, чем рискуете. Головой рискуете! Это, конечно, вам в плюс. Больше уважения среди читателей. Может быть, даже тираж растёт. Но дело даже не в риске. Где результат-то? Сколько было во всём

мире экспедиций? Десятки. А хоть одна увидела «снежного человека»? И увидеть, и поймать, убить — это просто не дано. Потому что он надёжно защищён. Но если бы у кого-нибудь появился вдруг реальный шанс, тут уж я бы вам не позавидовал. У кого больше возможностей нечаянно столкнуться со «снежным человеком»? У охотников, геологов, северных пастухов-оленеводов. Так вот, именно людей этих профессий находят с оторванными головами или умершими от внезапной остановки сердца. Съездите на тот же Кольский полуостров ещё раз. Только не в экспедицию. Просто поговорите с местными жителями. И вам расскажут не об одном таком случае.

Вас профессия обязывает осмысливать и сопоставлять факты, давать им правильную оценку. А вы что делаете? Только приводите факты. В десятках статей повторяется одно и то же: «снежный человек» имеет светящиеся в темноте глаза, которыми он парализует человека. А вы хоть раз подумали, могут ли быть такие глаза у чудом выжившего неандертальца?

Следующий факт — рост. Во всех отечественных исследованиях рост указывался примерно один — не больше 180 сантиметров. А североамериканский собрат нашего «снежного человека» почему-то в два с лишним раза выше. Это не навело вас ни на какие размышления? Но потом, после 50-х годов, и наш лесной дьявол почему-то начал расти. И к настоящему времени достигает уже 250—300 сантиметров. А это вам ни о чём не говорит?

Чуть ли не в каждой статье говорится, что это существо агрессивно реагирует на любой металлический предмет. А вы подумали, чего ради «неандерталец» пылает такой ненавистью к металлу?

Ну и ещё один факт. Мы его уже касались. Все, кто близко приближался к этому существу, либо сразу погибали, либо впоследствии. А те, кому каким-то чудом удалось выжить, до сих пор маются разными болезнями (в основном сердечными), которых до встречи и в помине не было. Насчёт этой закономерности вы поразмышляли?

И хоть попытались соединить эти три факта? Наверняка нет. Потому что если бы соединили, то догадались бы, с кем имеете дело...

Обратитесь через вашу газету к пожилым москвичам.

Пусть они вспомнят пятидесятые годы. Тогда в нашей прессе писали только о том «снежном человеке», который якобы обитает на Гималаях. А многие москвичи видели его своими глазами прямо в центре столицы, в пределах Садового кольца. И, надо полагать, шастала по ночному городу не одна такая тварь. С чего бы это существо вдруг перебралось с излюбленных гор в Москву? И не кажется ли вам, что это был совсем другой «снежный человек»?

Именно с тех пор, с 50-х годов, наши йети вдруг полюбили безлюдные пространства советского Севера, от Кольского полуострова до Якутии. Но почти каждый год один-другой нет-нет да и встретится в окрестностях Москвы. Это вам ни о чём не говорит?

Последнее время кое-кто из журналистов, надо признать, подошёл к разгадке совсем близко. Если не изменяет память, ваша «Неделя» опубликовала чью-то версию, будто появление «снежного человека» часто совпадает с появлением в том же районе НЛО. Намёк на то, что это биороботы, сконструированные внеземной цивилизацией. Правильно! Выращены специально! Но только не биороботы (нашим и американским учёным это ещё не по силам), а мутанты. И лаборатория, где их создавали, была не на другой планете, а в Москве. Ну, а другая, наверное, где-то в Америке. Американцы почти наверняка раньше начали. Не случайно их «снежные люди» в два раза выше.

Теперь вы меня спросите: с какой же целью выращивали монстров? А вы вспомните ещё. Сколько наших солдат и офицеров специально оставляли в самом эпицентре ядерных взрывов. Не щадили сотни человеческих жизней, только бы проверить, сколько времени они сохраняют боеспособность и сколько проживут потом. Власть жила идеей неизбежности ядерной войны. И, как всегда, находила оправдание самым чудовищным своим действиям. Пусть погибнут сотни, зато научимся сберечь сотни тысяч и миллионы.

И вспомните, как упорно ходили слухи, что приговорённых к смерти не казнят, а отправляют на урановые рудники, где заставляют работать безо всяких защитных средств. С помощью контрслухов власть опровергала: ничего подобного якобы и в помине нет. Нелогично получается. Военных не жалели, а эзков вдруг щадили? Кто этому поверит?

Но ядерные взрывы происходили не каждый день. А вот изучение воздействия радиации на организм человека требовало длительных, непрерывных, ежедневных опытов. Иначе не получишь серьёзных результатов. А без результатов не будет ясного представления, во что превращается поражённый противник в условиях затяжного ядерного конфликта. Вспомните, и наша, и американская военные доктрины учитывали и такой вариант.

Вот мы и подошли логически к самой вероятной версии. «Снежный человек» не что иное, как мутант, выведенный в наших «почтовых ящиках». Один мог быть в Москве, другой где-нибудь в Заполярье.

Конечно, мутанты были выращены из обыкновенных взрослых людей или детей, а не из обезьян. Почему такой гигантский рост? А какая земляника росла вокруг Семипалатинского ядерного полигона, вы знаете? Размером чуть ли не со сливу! А грибы вокруг печально известного закрытого Челябинска? Больше шляпы! И в районе чернобыльской аварии — точно такие же. Кто ж посмеет отрицать, что человеческое существо нельзя гипертрофировать таким же образом?

Почти наверняка длительное воздействие радиации (например, путём прикрепления к телу радиоактивных пластин) способствует восстановлению атавистических признаков: отрастает длинная шерсть, становится покатым лоб, расширяется по-обезьяньи рот, увеличиваются зубы. Вот почему подопытные становились похожи на гигантских обезьянолюдей.

Все члены изменялись до неузнаваемости. Только, вероятно, не мозг. Какая-то часть мозга продолжала работать нормально, по-человечески. И это было для экспериментаторов самым опасным. Несмотря на строжайшую охрану, какой-нибудь мутант мог сбежать и раскрыть страшную тайну. Тогда (хотя это вначале едва ли входило в программу опытов), вероятно, и было принято решение лишить подопытных членораздельной речи.

А потом, вполне возможно, кто-то предложил соединить достижения в области мутации с успехами в области разработки психотропного оружия. Превратить мутантов в живых носителей этого оружия.

Как же наступила развязка? Тут могут быть три варианта. Либо дала осечку система охраны, либо мутанты взбунтовались, вышли из-под контроля и

положили охрану, либо кто-то из работников лаборатории не мог наблюдать больше это безобразие и выпустил их сам.

Мутанты разбежались поодиночке в разные стороны. Не потому ли до сих пор встречаются, как правило, одинокие особи. Может быть, какие-то разнополюе пары и встретились потом. Как иначе объяснить, почему иногда встречаются и детёныши.

Но даже если допустить, что какие-то пары размножаются до сих пор, всё равно ничтожно малая генерация мутантов давно уже идёт на убыль. И можно предположить, что скоро вымрут последние.

На этом я закругляюсь. Но на прощание — два совета. Не надо проводить расследование, была ли такая лаборатория. Это совершенно бесполезно. Люди, на которых висит такой грех, не признаются никогда.

И не надо больше искать мутантов. По-моему, искра человеческого сознания в них сохранилась. И они сознают, что являются самыми страшными уродами, какие только существуют в человеческом обществе. Но им в этом обществе, которое так с ними обошлось, не место. Это они тоже понимают хорошо. Так что держитесь от греха подальше».

Положив трубку, я перебрал в памяти разговор и понял, почему десятки очевидцев никуда не пишут и никому не говорят о том, что видели «снежного человека». Кому охота, чтобы над ним смеялись? Но проходит время, и становится всё равно, как твоё сообщение будет воспринято. Главным становится стремление поделиться информацией, которая уже не кажется такой уж фантастической, как по первому впечатлению. К этому подводит сама наша жизнь: то, что ещё вчера казалось невысказанным и невероятным, вдруг возникает в реальности как нечто обыкновенное.

Мы можем не верить сообщениям шатающихся по лесам бомжей, выживших из ума стариков, мистически настроенных женщин и мужчин. Но когда информация поступает от умственно полноценных очевидцев: военнослужащих, милиционеров, учёных, профессоров, охотников, егерей, геологов, учителей... значит, нечто, оставляющее огромные следы, вполне может существовать. Но не как реликт, а как плод человеческого разума, пока ещё не отказавшегося породить чудовищ.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗРЯДЫ УБИЙЦ		Вся гангстерская рать .	151
Женщина и стая ...	7	Чёрная звезда	160
Мужеубийство	17	СТРАДАЛКИ	
Охота на детей	32	Удавочка	169
Раскоряка	40	Западня	175
ВОРОВСКОЙ ОРДЕН		Двойная «раскрутка» .	181
Письмо прошляка ...	49	Панель	198
Сходка под охраной прапорщика	54	Тюремная любовь . . .	205
Воровские ксивы ...	57	Преступная женщина .	211
«Воры в законе — колоссальная сила»	59	ЦВЕТЫ НАСИЛИЯ	
«Они становятся бан- кирами!»	61	Чудовища	225
Почему они правят в зонах	64	Татуированный перстень	237
Откуда они пошли? .	67	В шайках только девочки	248
«Гнуловка»	71	На кого работаете? . .	258
Секрет воровской идеи	74	ПУТЕШЕСТВИЕ ЗА СНЕЖНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ	
«Совместное пред- приятие»	75	Кто же меня спас? .	271
Воровские пионеры .	76	Трудно поверить . . .	272
Тюремные воры ...	79	Настоящий Кинг Конг .	274
Творцы зла	86	Замороженный гоминоид	277
Разложение	89	Сверхзагадка XX века .	280
ОКАЯННОЕ		Уникальное свидетельство	287
РЕМЕСЛО		Это будет не прогулка .	292
Штраф за убийство .	97	Экспертиза одной сенсации	296
«Я всажу в тебя всю обойму»	103	«Белый призрак» ...	301
Ловцы и беглецы ...	107	Мы вступали в зону .	305
Обещание следователя матери убитого . . .	112	Дьявольские места . .	310
Тюремщица	125	Ночь на болоте ...	314
Допрос под гипнозом .	132	Энергия тайны	318
Начальник тюрьмы .	135	Существо из соседнего мира	323
Преступления без наказания	144	Где выращен «снежный человек»? . . .	329

Виталий ЕРЕМИН
ВОРОВСКОЙ ОРДЕН

Редактор *В. Хелемендик*
Художественный редактор *Э. Канаева*
Технический редактор *В. Калачёва*
Корректор *Л. Егорова*

Оцифровано с разрешения автора в 2022–23 г.
Нумерация страниц и распределение текста по ним соответствует бумажному изданию с точностью до 1–2 слов на границах страниц.

ИБ № 1896

Сдано и набор 24.11.94. Подписано в печать 24.03.95.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага кн.-журн. Гарнитура «Балтика».
Печать высокая. Усл. печ. л 17,64. Уч.-изд. л. 17,19.
Усл. кр. отт., 18,48. Тираж 50.000 экз. Заказ 4042.
ЛР № 020361 от 04.01.92

Издательство «Известия».
103798, ГСП, Москва, К-6, Пушкинская пл., 5.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова
издательства «Известия».
Москва, Пушкинская пл., 5.

